

I-48172 од.

2 дбл. II 6218
Успенскі, Ф. С.

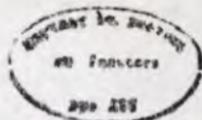
ВІЗАНТІЙСКІЙ ПИСАТЕЛЬ

НИКИТА АКОМИНАТЪ

ИЗЪ ХОНЪ.

Федора Успенскаго.

1503.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49-2).

1874.

8150 II

~~DF 505.7~~

~~A308~~

ОГЛАВЛЕНИЕ

Печатано по определению Историко-Филологического факультета.
С.-Петербургъ, 30-го мая 1874 г.

Деканъ факультета *И. Срезневский*

807

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР. V
Предисловіе.	
I. Обь изданіяхъ исторіи Никиты	1 — 9
II. Воспитаніе Никиты и нѣкоторыя черты изъ его жизни	10 — 35
III. Характеристика писателя	35 — 119
Взглядъ на Никиту первыхъ издателей 37 — 42. Вліаніе идеаловъ древности на отношеніе Никиты къ современной ему жизни 43—46. Общій отзывъ о современномъ обществѣ 46—49. Идеальныя и отрицательныя черты императора 49 — 56. Взглядъ на императорское правительство 56—62. Суевѣрія и предрасудки современнаго общества 62—65. Взглядъ на духовенство 65—67. Какъ заключается достоинство челоѣка 68—80. Преимущества римскаго міра передъ варварскимъ. Взглядъ на иностранцевъ 81—92. Взглядъ на столичное населеніе 92—103. Противорѣчія въ историческихъ воззрѣніяхъ Никиты 103—111. Мнимыя противорѣчія въ сужденіи объ историческихъ лицахъ и событіяхъ 112—119.	
IV. Историческій методъ Никиты	119—178
Цѣль и содержаніе исторіи 119 — 129. Цѣль и назначеніе труда 129—132. Время написанія исторіи 132—143. Способъ изложенія. Рѣчи 143—149. Источники Никиты 149—160. Хронологическія дѣянія въ исторіи. Переходы отъ одного предмета къ другому 160 — 175. Слабыя мѣста исторіи. Намекъ, фраза, двусмыслица 175—178.	
V. Мелкія сочиненія Никиты	178—219
Рѣчь къ Исааку Ангелу 181—184. Извѣстительное посланіе 184—193. Слово на возвращеніе Алексѣя Комнина изъ похода на востокъ 193—198. Слово на возвращеніе того же императора изъ похода на западъ 198—205. Силенціумъ 205—211. Слово къ Θ. Ласкарису 211—217. Слово къ тому же императору 217—219.	
Замѣченныя опечатки	221

MEMORANDUM

To: [Illegible]
From: [Illegible]
Subject: [Illegible]

[Illegible text block]

[Illegible text block]

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Писатель, составившій предметъ предлагаемаго изслѣдованія, мало извѣстенъ какъ въ русской, такъ и въ иностранной литературѣ. За границей вообще не охотно занимаются Византійской исторіей: ни одна историческая литература не представляетъ у себя отдѣльной монографіи объ Никитѣ. Когда западнымъ ученымъ приходится говорить о Византіи, они рѣдко обращаются къ византійскимъ писателямъ, довольствуясь извѣстіями своихъ соотечественниковъ. Невнимательность европейской исторической литературы къ свидѣтельствамъ византійскихъ писателей вообще и Никиты въ частности не можетъ оправдываться односторонностію и пристрастіемъ ихъ, а объясняется лишь ложнымъ самолюбіемъ и высокомѣрнымъ пренебреженіемъ, съ которымъ относятся ученые къ востоку. Никита уже по тому одному заслуживаетъ изученія, что въ своей исторіи занимается важнѣйшею эпохой среднихъ вѣковъ, когда враждебныя отношенія запада къ востоку достигли самой высокой степени напряженія, разразившись крестовыми походами и основаніемъ латинской имперіи въ Цареградѣ. Его воззрѣнія на западныхъ крестоносцевъ и на взаимныя отношенія востока къ западу отличаются глубокой правдой и тонкимъ историческимъ смысломъ, какового не представляютъ и лучшіе памятники западной средневѣковой литературы. Не смотря на то, или, лучше, вслѣдствіе подобныхъ преимуществъ, Никита издавна лишень былъ учеными по справедливости принадлежащаго ему главнѣйшаго мѣста въ ряду историческихъ писателей XII в.

Русскіе, поставленные въ иныя историческія отношенія въ Византіи, могли бы внимательнѣе и любовнѣе отнестись къ ея исторіи и литературнымъ памятникамъ, если бы тому не препятствовала подражательность западнымъ учителямъ, которая заставляеть ихъ держаться въ тѣсномъ кругу иностранной исторической науки. И у насъ охотнѣе берутся за обработку тѣхъ отдѣловъ исторіи, которые представляютъ уже значительно зрѣлую литературу на западѣ, проходя безъ вниманія тѣ періоды и отдѣлы, которые, мало возбуждая любопытство западныхъ ученыхъ, имѣютъ между тѣмъ важнѣйшій интересъ для насъ—русскихъ. Къ такимъ отдѣламъ первостепенной важности принадлежитъ и Византійская исторія. Описывая событія своего времени, Никита не опускаеть изъ виду и тѣхъ отношеній, въ которыхъ Византія стояла къ подчиненнымъ ей южно-славянскимъ народамъ. А какъ въ концѣ XII в. исторія сербовъ и болгаръ приобретаетъ общеславянское значеніе, то изученіе Никиты находитъ для себя оправданіе и съ этой стороны.

Для полной монографіи объ Никитѣ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, не достаетъ еще подготовительныхъ работъ, которыя требуютъ многихъ лѣтъ и не единичныхъ силъ. Мы и не считаемъ своего труда цѣльнымъ и законченнымъ: по многимъ частямъ мы должны были ограничиться лишь предположеніями, догадками и поставленными, но не рѣшенными вопросами. Можемъ считать себя вполне удовлетворенными, если успѣли показать значеніе извѣстій Никиты, разяснить методъ его исторіи и намѣтить путь, которымъ должно идти въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ и критикѣ его извѣстій.

Считаемъ долгомъ выразить признательность Г. С. Дестунису, В. Г. Васильевскому и В. И. Ламанскому за ихъ совѣты и указанія.

I.

Объ изданіяхъ исторіи Никиты.

Съ рукописями исторіи Никиты въ первый разъ ученые познакомились въ XVI вѣкѣ. Одинъ изъ высокопоставленныхъ и образованныхъ людей этого времени, Антонъ Фуггеръ, приобрѣтши въ Цареградѣ списокъ исторіи Никиты, поручилъ просмотрѣть его Иерониму Вольфу, извѣстному своимъ изданіями и критическими трудами по византійской исторіи. Вольфъ имѣлъ возможность сравнить эту рукопись съ двумя другими списками и посправедливости оцѣнилъ значеніе писателя ¹⁾. Понимая важность извѣстій Никиты и желая облегчить для современниковъ чтеніе его, Вольфъ приготовилъ переводъ греческаго подлинника на латинскій, составилъ указатель словъ и фразъ, присоединилъ къ тексту объясненія и различенія по бывшимъ у него подъ руками рукописямъ и издалъ исторію Никиты въ 1557 г. въ Базелѣ ²⁾. Въ петербургскихъ бібліотекахъ намъ не удалось отыскать базельскаго изданія; но такъ какъ оно въ скоромъ

¹⁾ Ad magnificum et generosum virum, D. A. Fuggerum, praefatio; въ послѣдующіе издатели Никиты вносили praefatio Вольфа въ свои изданія.

²⁾ Сочиненіе Никиты вышло подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Nicetae Acominati Choniatae, magni Logothetae secretorum, Inspectoris et Iudicis Veli, Praefecti sacri cubiculi, LXXXVI annorum historia, videlicet ab anno restitutae salutis circiter MСХVІІ, in quo Zonaras desinit, usque ad annum MССІІІ, libris XIX descripta, quorum hic ordo est (дальше идетъ перечисленіе книгъ; вмѣсто дѣйствительнаго числа XXI у Вольфа находимъ XIX книгъ, потому что онъ слилъ въ одну: 18, 19 и 20). Opus lectu jucundum et utile, nunc primum liberalitate magnifici et generosi viri D. A. Fuggeri graece et latine editum, cum indice copioso latino rerum et graeco verborum et phrasium aliquot una cum variis lectionibus et trium codicum laboriosa inter se collatione, H. W. Oetingensi interprete. Basil. 1557 fol.

времени было повторено со всѣми учеными приспособленіями Вольфа, и до послѣднихъ изданій нынѣшняго столѣтія главнымъ авторитетомъ по изученію Никиты остается все тотъ же первый издатель его, то, послѣ обзора послѣдующихъ изданій, намъ легко будетъ придти къ тѣмъ или другимъ заключеніямъ объ особенностяхъ *перваго* изданія Никиты.

Съ одной стороны потому, что въ первомъ изданіи рукопись Никиты была сличена только съ двумя списками, а ихъ съ теченіемъ времени оказалось довольно не мало, съ другой, что на сочиненіе нашего писателя стали смотрѣть какъ на весьма полезное и образовательное чтеніе,—по прошествіи десяти лѣтъ, почти одновременно предприняты были новыя изданія Никиты въ Парижѣ и во Франкфуртѣ-на-Майнѣ: первое изданіе появилось въ 1566, второе въ 1568 гг. Эти изданія вышли безъ греческаго текста, заключаая въ себѣ только переводъ Вольфа, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вновь сличенный съ подлинникомъ и исправленный ¹⁾. Франкфуртское изданіе Фабриція 1568 г. имѣетъ слѣдующія прибавки, отличающія его отъ перваго изданія:

1) отрывокъ изъ богословскаго сочиненія Никиты — *Orthodoxiae Thesaurus*, съ объясненіями Петра Морелла, сюда вошли: 1—5 и отрывки изъ 16, 23, 24 и другихъ книгъ;

2) матеріалы для біографіи Никиты: а) *Michaelis Choniatae Monodia in funere Nicetae fratris*. б) *Ad clariss. virum D. I. a S. Andrea P. Morelli epistola*. в) *Index verborum et rerum in N. Ch. annalibus graecisue memorabilium*.

На ряду съ двумя упомянутыми латинскими изданіями слѣдуетъ поставить и третье 1587 г., сдѣланное Фабриціемъ въ его *Historia rerum in Oriente gestarum*. Затѣмъ весьма важное изданіе сдѣлано было въ Женевѣ въ 1593 г. Женевское изданіе было повтореніемъ перваго изданія Вольфа съ значительными дополненіями, прибавками и научными приспособленіями. Отличія его отъ изданій Вольфа и Фабриція состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Посвященіе Adriano Iunio Tyongio Dordraceno, въ которомъ

¹⁾ Оглавленіе этихъ изданій тоже, что и перваго, за исключеніемъ прибавки на концѣ: *nunc autem de novo cum graeco diligentissime collatum, ac proinde pluribus in locis quam antea correctum et emendatum*. Такъ какъ парижское изданіе 1566 года ничего не прибавило къ базельскому, то и оставляемъ его въ сторонѣ; франкфуртское же заслуживаетъ вниманія по нѣкоторымъ трудамъ Фабриція.

неизвѣстный (S. G. S.) ¹⁾ испрашиваетъ позволенія издать, подъ защитою его имени, историческія и нравственныя примѣчанія къ исторіи Никиты. Примѣчанія эти весьма любопытны въ томъ отношеніи, что авторъ хочетъ возвести нѣкоторыя соображенія Никиты въ кодексъ нравственности и разумности для современниковъ.

2) Значительно облегченъ способъ пользованія Никитой трудами Фаброта: а) хронологіей къ Никитѣ и б) раздѣленіемъ книгъ на главы съ краткимъ перечнемъ ихъ содержанія.

3) Къ преимуществамъ же нужно отнести и весьма подробный указатель содержанія, пестрящій весь свободный край книги.

4) Что касается до *variae lectiones et annotationes* Вольфа, помѣщенныхъ въ этомъ изданіи, то, сравнивъ ихъ съ тѣми же примѣчаніями боннскаго изданія, мы замѣтили между ними значительныя отступленія и по содержанію и по объему.

5) *Gnomologia*, т. е. алфавитный указатель мыслей, заимствованныхъ изъ Никиты; наконецъ, 6) *Axiomatum et insignium quarundam sententiarum, quae in notis ad N. historiam occurrunt Index*.

Вообще замѣтно, что издатель взглянулъ на произведеніе Никиты не только съ научной, но и съ общественной точки зрѣнія, употребивъ всѣ средства къ упрощенію пользованія имъ, изданіе сдѣлано *in 4°*. Со времени женевского изданія, т. е. съ 1593 г. учебныя почти нисколько не подвинулись въ изученіи нашего писателя; незначительное исключеніе составляетъ парижское изданіе 1647 г.

Парижское изданіе вышло подъ редакціей того же Фаброта, который много сдѣлалъ для нашего писателя въ женевскомъ изданіи. Это роскошное изданіе, заключая въ себѣ всѣ достоинства предыдущаго, имѣетъ и свои особенныя:

1) посвященіе кардиналу Юлію Мазарини; 2) *glossarium graeco-barbarum*; 3) нѣсколько разночтеній по новымъ спискамъ (вѣнскій изъ императорской библ.), весьма, впрочемъ, въ маломъ количествѣ; 4) улучшенный указатель словъ и содержанія. Всѣ лучшія стороны изданія принадлежатъ Фаброту.

Венеціанское изданіе 1729 г. есть не что иное, какъ повтореніе изданія Фаброта.

¹⁾ Первый сдѣлалъ догадку объ имени его Hankius, *Byzant. rerum Scriptores. Lipsiae 1677*, въ отдѣлѣ о Никитѣ. Вотъ его слова: *easdem historias... additamentis illustraverunt... quidam anonymus, cuius nomen literis S. G. S. signatur, forte Simon Goulartius Silvanectensis.*

Въ 1835 г. вновь былъ изданъ Никита Абомиать Беккеромъ— въ боннскомъ изданіи Византійцевъ (*Corpus Scriptorum historiae Byzantinae*).

Послѣднее изданіе Никиты принадлежитъ Мию: Migne, *Patrologiae cursus completus*. T. 139. 140. Paris 1865 г.

Боннское изданіе Никиты не представляетъ почти ничего новаго по сравненію съ предыдущими. Напротивъ, оно имѣетъ даже нѣкоторые пропуски изъ ученаго аппарата, набравшагося въ теченіе вѣковъ и свято хранившагося предшествующими издателями. Беккеръ имѣлъ подъ руками два списка исторіи Никиты, какъ онъ объясняетъ это въ предисловіи къ изданію ¹⁾, но обоими этими списками пользовался и Вольфъ. Нѣсколько новыхъ разночтеній, извлеченныхъ изъ рукописей, въ концѣ отрывковъ о статуяхъ, въ первый разъ присоединенный къ изданію исторіи,—составляютъ особенности боннскаго изданія. Но какъ-бы въ замѣнъ этого, изъ примѣчаній Вольфа выброшены нѣкоторыя соображенія, *artis coniecturalis pueritiam referentes*, по выраженію издателя; далѣе пропущена *Gnomologia*, историческія и нравственныя примѣчанія, т. е. та часть, которая въ женевскомъ изданіи имѣла въ виду сблизить возрѣнія нашего писателя съ современными. Въ остальномъ Беккеръ остался вѣренъ преданію, сохранивъ при изданіи Никиты все, что создано было совокупными усиліями предшествовавшихъ издателей его. Къ преимуществамъ этого изданія относится и то, что оно выпущено in 8°.

Бросимъ взглядъ на ученія приспособленія, вошедшія въ боннское изданіе Никиты:

1) Маленькое предисловіе Беккера, гдѣ онъ объясняетъ, какія измѣненія сдѣлалъ въ своемъ изданіи противъ предыдущихъ; 2) посвященіе Фаброта кардиналу Ю. Мазарини, взятое изъ парижскаго изданія; 3) предисловіе Вольфа къ базельскому изданію. По поводу этихъ предисловій можно сдѣлать одно замѣчаніе. Находя возможнымъ въ новыхъ изданіяхъ давать мѣсто предисловіямъ и посвященіямъ прежнихъ издателей, ученые несомнѣнно руководятся тѣмъ соображеніемъ, что такія предисловія, рисуя современное положеніе науки и отношеніе къ ней общества, весьма любопытны со стороны исторіи просвѣщенія вообще и даннаго литературнаго явленія въ

¹⁾ Praefatio Immanuelis Bekkeri... praesto fuere codices duo e bibliotheca Regia Monacensi, quorum alter, A. (Mon. 93, stat. 7, num. 12) alter, B. (Mon. 450, olim Augustanus).

частности. Безспорно, важно имѣть въ виду, что Фабротъ посвящаетъ изданіе Никиты просвѣщенному кардиналу: въ свое время, говоря о литературномъ значеніи Никиты, мы не преминемъ воспользоваться этою стороною. Но мы не можемъ себѣ объяснить, почему Беккеръ не внесъ въ свое изданіе и всѣхъ подобныхъ матеріаловъ, за которыми поэтому необходимо обратиться къ парижскому или женеvскому изданію? Авторъ историческихъ и нравственныхъ замѣтокъ на Никиту также счелъ за нужное прикрыться чужимъ именемъ ¹⁾; и замѣтки его, и разсужденіе объ образовательномъ значеніи Никиты весьма важны въ историко-литературномъ отношеніи и не могутъ бытъ оставлены безъ вниманія. Съ этой же точки зрѣнія не менѣе любопытны и приспособленія, сдѣланныя въ женеvскомъ изданіи для назидательныхъ и философскихъ цѣлей ²⁾. 4) Тексту исторіи предшествуетъ *Breviarium*, въ первый разъ составленный Фабротомъ для женеvскаго изданія. Можно однако замѣтить, что женеvское имѣло болѣе подробный перечень содержанія и что Беккеръ значительно сократилъ его: достаточно для этого сравнить по тому и другому изданію *breviarium* введенія въ исторію. Составленный Фабротомъ указатель содержанія на поляхъ каждой страницы, весьма полезный при справкахъ и бѣглому чтенію, также оставленъ Беккеромъ. 5) Текстъ изданъ довольно исправно, провѣренъ рукописями (двумя) и снабженъ разнотченіями; на каждой страницѣ тексту сопутствуетъ латинскій переводъ Вольфа. Конецъ исторіи—царствованіе Балдуина и Генриха озаглавлено иначе, чѣмъ въ предшествовавшихъ изданіяхъ ³⁾. Въ заключеніи помѣщена особая книга, раздѣленная на 12 главъ: *De signis constantinopolitanis* ⁴⁾. 6) Затѣмъ идутъ—*Variae lectiones et annotationes* Вольфа, *Chronologia Nicetae* Фаброта, *Glossarium graeco-barbarum* его же, *Index verborum*, наконецъ *Index histo-*

¹⁾ Въ женеvскомъ и парижскомъ изданіи посвященіе Adriano Junio Tyongio Dordraceno.

²⁾ Въ тѣхъ же изданіяхъ—*Axiomatum et insignium quarundam sententiarum...* index.

³⁾ Все, что въ боннскомъ изданіи помѣщено подъ особыми заглавіями: *A. D. Murziflus, Urbs capta*—въ первыхъ изданіяхъ читалось подъ *Initia imperii Balduini et Herici fratrum*.

⁴⁾ Отдѣльныя изданія этого памятника, находящагося въ бодлейанской рукописи (ex codice Bodleiano), суть: *Bandurii, Imperium orientale* T. I.; Wilken, *Lipsiae* 1830 (*Nicetae Acominati Choniatae narratio de statu antiquis*); того же Вильвена переводъ въ 5 т. исторіи крестовыхъ походовъ; см. также *Fabricii, Bibliotheca Graeca* VII. p. 741—742.

gicus. Два послѣдніе индекса составлены изъ *Regum et verborum in annalibus N. Ch. memorabilium*, помѣщенныхъ въ базельскомъ изданіи.

Всматриваясь въ изданія Никиты, можно замѣтить, что почти всѣ онѣ, съ незначительными измѣненіями, повторяютъ собою нѣкоторыя основныя, первичныя изданія. Такими повторяемыми могутъ считаться: базельское, франкфуртское, женеvское и еще парижское; но и изъ перечисленныхъ — франкфуртское сдѣлано только на латинскомъ и ученыхъ достоинствъ для настоящаго времени не представляетъ, парижское мало отличается отъ женеvскаго. Такъ что собственно два изданія — базельское 1557 г. Вольфа и женеvское 1593 г. Фаброта представляютъ собою замѣтный успѣхъ въ изученіи нашего писателя. Слѣдовательно, вопросъ о достоинствѣ изданій и о степени разработки произведенія Никиты можно свести на другой, болѣе скромный: въ какой мѣрѣ трудами издателей и критиковъ облегченъ для настоящаго времени способъ пользованія исторіей Никиты Аюмпната изъ Хонъ?

Главнѣйшая заслуга Вольфа въ этомъ отношеніи состояла въ томъ, что онъ первый, указавъ мѣсто Никиты въ ряду другихъ византійскихъ историковъ, опредѣлилъ достоинство его произведенія и сдѣлалъ его достояніемъ науки и общества. Само собою разумѣется, что въ половинѣ XVI вѣка Вольфъ не могъ ни провѣрить купленный Фуггеромъ текстъ византійской рукописи, всѣми другими списками того же сочиненія, ни дать основательныхъ объясненій на темныя мѣста писателя, ни даже вполне издать его: доступныя ему рукописи, кромѣ разночтеній, страдали еще пропусками, утратою цѣлыхъ листовъ и по мѣстамъ порчею¹⁾. Нужно удивляться, сколько трудностей успѣлъ преодолѣть Вольфъ при изданіи Никиты. Кромѣ византійской рукописи у него были еще двѣ: *ex herili bibliotheca* и *Augustanae reipublicae*. Но первая изъ нихъ не только представляетъ

¹⁾ Wolfii, *variae lectiones et annotationes*, ed. Bonn. p. 871—872; тутъ описываются только тѣ рукописи, которыми пользовался при первомъ изданіи Вольфъ: *usus enim hic quoque sum duobus codicibus, quorum alterum D. A. Fuggeri, alterum herilis bibliotheca suppeditavit; accessit tandem tertius Augustanae reipublicae codex, vetustus admodum, principio et fine mutilus...* Съ теченіемъ времени въ разныхъ странахъ Европы отыскались и другія рукописи сочиненія Никиты, не бывшія извѣстными Вольфу. Болѣе полное описаніе ихъ имѣемъ у Фабриція, *Bibl. Graeca VII ed. Harles, Hamburg, 1801 г.* Гарлесъ насчитываетъ уже 14 рукописей (p. 739—741), неодинаковыхъ по полнотѣ и даже по содержанию: между по-

пропуски очень многих строкъ, но во многихъ мѣстахъ даже цѣ-
лыхъ листовъ, на концѣ таковыхъ не оказалось болѣе 15. Недостаю-
щее въ первой онъ пополнялъ изъ второй; рукопись Aug. geipublicae
слишкомъ ветха, попорчена въ началѣ и въ концѣ, да и въ серединѣ
сохранилась не вездѣ. Дѣлая вноска изъ рукописи bibl. herilis, онъ
однако самъ сознается, что многія мѣста въ ней отличаются по своему
складу отъ текста ветхой рукописи, которая казалась ему весьма
близкою къ оригиналу, спискомъ съ него, можетъ быть подлинникомъ
для всѣхъ другихъ списковъ ¹⁾. Ясно, что первое изданіе не могло
считать законченнымъ дѣло изученія рукописей Никиты: оно дѣлало
лишь запросъ и ожидало сотрудниковъ и пополненія матеріала. Са-
мый переводъ греческаго текста на латинскій не претендуетъ на
точность и составленъ лишь для того, чтобы передать мысль Никиты
простымъ и общепонятнымъ языкомъ, т. е. представляетъ собою не
болѣе какъ пересказъ ²⁾.

Понятно поэтому, что текстъ изданія и примѣчанія Вольфа имѣютъ
лишь временное значеніе: строгая критика была тогда невозможна ³⁾.
Мы говоримъ о недостаткахъ перваго изданія, вовсе не желая ума-
лить заслуги Вольфа: что трудъ его весьма важенъ, это показываетъ
и бѣглый взглядъ на боннское изданіе, которое въ сущности ни чѣмъ
не выше Вольфова.

Почти въ одно время съ Вольфомъ, частію слѣдуя его указа-
ніямъ, другіе ученые взялись за изученіе Никиты. Текстъ исторіи
оставался безъ перемѣны, филологическая и критическая работа не
была приложена къ нему. Относясь къ Никитѣ какъ къ литератору,
нѣкоторые лица изъ чтенія его вынесли глубокое убѣжденіе въ прав-
ственномъ, облагораживающемъ вліяніи его, въ необходимости рас-
пространять мысли Никиты. Таковъ взглядъ П. Морелла, высказы-

савшими особенно отличаются бодлейанская и флорентинская. Краткія замѣ-
чанія о спискахъ Никиты можно находить у Коллара, *Supplem. ad Lambec.*
comment. p. 669, 681—3 et passim; у Тафеля, *De Thessalonica*, p. 72, 519.

¹⁾ Колларъ *in Suppl. ad Lamb. comm.* говоритъ о рукописи, хранящейся въ
Вѣнѣ, въ императорской библіотекѣ, (cod. CXIV): *vel a Niceta ipso, vel ab eius*
librario esse exaratum et esse sui generis omnium facile principem; на стр. 681—3
продолжаетъ Колларъ объ рукописяхъ Никиты (cod. CXV и CXVI).

²⁾ *Ea libertate usurpata, ut sententias auctoris appendam, verba annumerare non*
necesse habeam, Nicet. p. 872.

³⁾ Вольфу же принадлежитъ *index verborum et rerum*, раздѣленный въ новыхъ
изданіяхъ на два: *index verborum* и *historicus*.

ваемый имъ въ письмѣ къ Иоанну, которое помѣщено во франкфуртскомъ изданіи; таковъ же характеръ примѣчаній неизвѣстнаго дѣятеля женеваго изданія (S. G. S.) Примѣчанія его, не имѣющія значенія для нашего времени, несомнѣнно, имѣли глубокой смыслъ для современниковъ: въ нихъ сближается время Никиты съ концемъ XVI вѣка и даются современному обществу наставленія и уроки, извлеченные изъ Никиты. Эти лица были глубоко убѣждены, что своимъ изданіемъ исторіи Никиты они исполняютъ патриотическій подвигъ.

Въ научномъ смыслѣ трудился надъ Никитой Фабротъ. Ему принадлежатъ: а) историческая хронологія, т. е. приуроченіе извѣстій Никиты къ опредѣленнымъ годамъ христіанской эры, б) составленіе словаря варваризмовъ, вошедшихъ въ исторію и в) раздѣленіе книгъ на главы. Не отрицая полезности трудовъ Фаброта, такъ какъ и въ послѣднемъ изданіи, вмѣстѣ съ примѣчаніями Вольфа, они составляютъ украшеніе и единственное пособіе для изученія писателя, мы должны, однако-жъ, замѣтить слѣдующее. Едва-ли въ настоящее время изслѣдователь рѣшится пользоваться трудами Фаброта къ восстановленію хронологіи Никиты. Фабротъ очень незамысловато отнесся къ смѣшаннымъ и перепутаннымъ извѣстіямъ нашего писателя: отправляясь изъ убѣжденія, будто Никита ведетъ рассказъ свой по порядку времени, онъ чисто формальнымъ образомъ размежевалъ содержаніе исторіи по годамъ и царствованіямъ (третья и четвертая стр. къ одному году, пятая и шестая къ другому). Между тѣмъ нерѣдко случается, что Никита вставляетъ въ повѣствованіе событія разныхъ годовъ и наоборотъ — событія одного времени рассказываетъ не за одинъ разъ¹⁾. Хронологія Фаброта можетъ быть полезной только при началѣ знакомства съ Никитой, давая возможность найдтись въ подавляющей массѣ разнообразныхъ извѣстій его. Когда же является нужда точно опредѣлить время какого-либо событія, то лучше обратиться къ тому же Никитѣ, чѣмъ къ Фаброту. Словарь варваризмовъ весьма удовлетворителенъ въ качественномъ,

¹⁾ Повторяемъ, отъ Фаброта и нельзя требовать больше. Даже въ настоящее время хронологія византійской исторіи, въ особенности тѣхъ сторонъ ея, которыхъ не касался Дюканжъ, мало опредѣлена и провѣрена, и больше основывается на вышней преемственности фактовъ, рассказываемыхъ писателями, чѣмъ на точной критикѣ. Доказательство тому представляетъ трудъ Муральта: Muralt, *Essai de chronographie Byzantine*, 1871 г.; въ хронологической разработкѣ извѣстій Никиты онъ почти не пошелъ дальше Фаброта.

но не въ количественномъ отношеніи; не знаешь, почему одни изъ словъ вошли въ словарь, а другія, не менѣе замѣчательныя, опущены. Раздѣленіе сочиненія на главы, предпринимаемое издателемъ, должно имѣть для своего оправданія точность и соотвѣтствіе содержанию; когда же оно сдѣлано внѣшнимъ образомъ, когда одна часть разсказа помѣщена въ одной главѣ, а другая отнесена къ послѣдующей, когда вообще не видно руководящаго основанія при раздѣленіи на главы, тогда подобный трудъ много теряетъ въ своей цѣнѣ. Напрасно не обращено вниманія на особенность изложенія Никиты: начало и конецъ разсказа у него часто обозначается особыми приемами—частичами и предложеніями. Для нашего писателя было бы желательно болѣе правильное раздѣленіе на главы.

Трудъ Беккера по изданію Никиты едва-ли можетъ быть поставленъ на ряду съ трудами Вольфа и Фаброта. Для критики и очистки текста Беккеръ пользовался тѣми же рукописями, что и Вольфъ; но мы знаемъ, какъ эти рукописи попорчены. Разночтенія, приводимыя Беккеромъ внизу каждой страницы текста, заставляютъ желать разъясненія того, какъ произошли такія рѣзкія особенности и различія, и кому онѣ принадлежатъ—Никитѣ или его читателямъ и переписчикамъ. Последнее изданіе доказало, что требуется провѣрить текстъ исторіи Никиты не по двумъ спискамъ, а по всѣмъ, какіе существуютъ въ разныхъ бібліотекахъ ¹⁾.

Послѣ трудовъ Вольфа и Фаброта изученіе Никиты не подвинулось ни на шагъ. Достаточно сказать, что не всѣ сочиненія его изданы и по настоящее время; филологу и историку предстоитъ мало воздѣланное поле, ждущее его усилій и трудовъ. Съ своей стороны мы поставили себѣ весьма ограниченную задачу—опредѣлить значеніе Никиты какъ писателя и общественнаго дѣятеля, и разъяснить методъ историческаго изложенія въ его трудѣ. Тамъ, гдѣ приходится касаться другихъ сторонъ его исторіи, мы предлагаемъ лишь попытки и домыслы, можетъ быть не всегда удачныя.

¹⁾ О рукописяхъ Никиты Fabricius, Bibliotheca Graeca, ed. Harles, Hamburg 1801, T. VII, p. 739—740.

II.

Воспитаніе Никиты и нѣкоторыя черты изъ его жизни.

Мы затрудняемся назвать біографіей тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя имѣемъ въ виду сообщить объ нашемъ писателѣ. Нельзя сказать, чтобы мало было извѣстій объ Никитѣ; его исторія могла бы представить довольно данныхъ для біографіи, равно рѣчь брата его Михаила, извѣстная подъ именемъ *Μονοβία*. Но эти источники — съ одной стороны самъ писатель, а съ другой, родной братъ его — во всякомъ случаѣ не свободны отъ пристрастія и односторонности, оставляютъ въ читателѣ желаніе провѣрить ихъ показаніями другихъ лицъ: извѣстные же намъ современники и ближайшіе потомки Никиты не оставили объ немъ никакихъ свидѣтельствъ. Какъ въ исторіи Никиты мы не имѣемъ опредѣленныхъ хронологическихъ указаній, такъ и относительно его жизни можемъ дать не много хронологически-точныхъ фактовъ¹⁾.

Полное имя его — Никита Акоминатъ изъ Хонъ, *Nicetas Acominatus Choniates*. Первоначальное воспитаніе Никита получилъ въ дождѣ отца своего, который жилъ во Фригіи, въ городѣ Хонахъ, ранѣ носившихъ названіе Колоссы²⁾. Можно догадываться, что отецъ его имѣлъ зна-

¹⁾ Со времени изданія исторіи Никиты объ немъ писали: P. Morellus, *Thesaurus orth. Fidei*. Lutet. 1589; M. Hankius, *Byzantinarum rerum Scriptores Graeci*, Lipsiae 1677; Fabricius, *Bibliotheca Graeca*, vol. VII, Hamb. 1801. Въ новое время Migne, *Patrologiae cursus completus*, T. 140, p. 302 squ... и Ellissen, *Michael Acominatos v. Chonä*, Göttingen 1846 собрали то, что можно было найти объ нашемъ писателѣ у средневѣковыхъ ученыхъ. Нѣкоторыя дополненія къ біографіи Никиты можно находить въ его рѣчахъ и словахъ, изданныхъ Саею: *Sathas*, *Bibl. Graeca medii aevi*. vol. 1. Venet. 1872.

²⁾ *Nicet*, p. 230, 19—22, ἀπάρως οὖν τῆς βασιλείδος τῶν πόλεων, Φρυγίαν τε καὶ Λαοδικεῖαν διελθὼν ἀφικνεῖται ἐς Χῶνας, πόλιν εὐδαίμονα καὶ μεγάλην, πάλαι τὰς Κολοσσάς, τὴν ἐμοῦ τοῦ συγγραφέως πατρίδα; примѣчаніе Вольфа на эти слова—*Nicet*. p. 883. Колоссы—это тотъ городъ, о которомъ говорить ап. Павелъ въ одномъ изъ посланій, на чтѣ есть указаніе у самого Никиты *Thesaurus orth. fidei* IV. 22; Ὁς ὁ Παῦλος ἐν τῇ πρὸς πατριῶτα, μου Κολοσσαεῖς ἐπιστολῇ θεολογεῖ; у Константина Порфиророднаго въ сочиненіи *De thematibus*, ap. Bandur. *Imper. orientale*, сказано, что старое названіе Колоссы измѣнилось въ Хоны: *Κολοσσαί: αἱ νῦν λεγόμεναι Χῶνας*.

чительное состояніе и обширныя связи казъ въ самомъ Цареградѣ, таеъ и въ разныхъ провинціяхъ имперіи¹⁾. У знатныхъ византійцевъ было въ обычаѣ давать дѣтямъ своимъ хорошее воспитаніе. И Никита девятилѣтнимъ мальчиномъ отправленъ былъ въ Цареградъ, чтобы начать здѣсь курсъ образованія подъ надзоромъ старшаго брата своего Михаила.

Не неуиѣстнымъ представляется здѣсь сказать о томъ, какими образовательными средствами обладала Византія и по преимуществу Цареградъ. Если византійскіе писатели и не даютъ точныхъ и обстоятельныхъ извѣстій о состояніи школъ въ Византіи, мало останавливаются на правительственныхъ мѣрахъ къ улучшенію общественнаго воспитанія; тѣмъ не менѣе, появленіе высоко образованныхъ людей въ IX—XII вв., развитіе литературныхъ дарованій и усиленіе ученыхъ работъ за этотъ періодъ—громко говорятъ въ пользу того, что Византія обладала достаточными средствами образованія: школами, преподавателями и библіотеками. Начиная съ половины IX вѣка, между правительственными лицами должно назвать по преимуществу трехъ, оказавшихъ болѣе или менѣе важныя услуги общественнымъ школамъ — Варду, Константина VII Порфиророднаго и Алексѣя I Комнина. Византійскіе писатели, согласно свидѣтельству о паденіи школъ и литературныхъ занятій въ періодъ иконоборцевъ, временемъ цесаря Варды отмѣчаютъ эпоху поднятія общественнаго воспитанія и поощренія научныхъ трудовъ²⁾. Варда учредилъ школы каеъ въ Цареградѣ, таеъ и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ, въ каждой подобной школѣ преподавалась одна извѣстная наука: грамматика, риторика или философія; философской школѣ отведено было мѣсто въ самомъ дворцѣ. Преподаватели пользовались большимъ почетомъ, получали отъ казны богатое содержаніе и нѣкоторые изъ нихъ стояли въ сношеніяхъ съ дворомъ. Сохранились даже имена извѣстнѣйшихъ ученыхъ и преподавателей того времени: таковъ философъ Левъ, ученикъ его Сергій, преподававшій геометрію, Θεодигій—

¹⁾ Отцемъ крестнымъ у Никиты былъ епископъ города Хонъ, Nicet, p. 284, 10: одинъ его родственникъ духовнаго сословія сопровождалъ императора Мануила въ походѣ противъ турокъ p. 257. Особенно много мѣстъ можно привести изъ рѣчи Михаила на смерть своего брата, доказывающихъ, что родъ Акомниатовъ былъ извѣстенъ въ Византіи.

²⁾ Главнѣйшія мѣста: Zonaras, ed. Basil. III. p. 129—130; Cedrenus ed. Paris. p. 547—548, Theoph. cont. IV. p. 185; G. Hamart. p. 634 ed. Petropol.

арифметику и астрономію. Цесарь Варда посѣщаль школы, поощряль воспитанниковъ и вообще много способствовалъ тому, что въ высшемъ обществѣ сдѣлалось настоящимъ стремленіе къ образованію и появилась дѣйствительная потребность въ школахъ. Несомнѣнно, дѣятельнаго сотрудника въ заботахъ о возстановленіи образованія Варда нашель въ своемъ другѣ Фотіи. Патриархъ Фотій обладавшій изумительною массою знаній и глубокою любовью къ просвѣщенію, своимъ личнымъ вліяніемъ въ качествѣ учителя философіи и богословія, высокимъ авторитетомъ патриарха и ученаго, продолжалъ дѣло Варды и укрѣпилъ въ византійскомъ обществѣ вкусъ къ образованію и чтенію писателей. Составленное имъ руководство по діалектикѣ было въ широкомъ употребленіи во всѣхъ школахъ; многіе молодые люди занимались подъ личнымъ его наблюденіемъ¹⁾. Любовь къ наукамъ и литературнымъ занятіямъ сдѣлалась наследственной въ домѣ македонской династіи. Вспомнимъ свидѣтельство К. Порфиророднаго, по которому на стѣнахъ одной залы во дворцѣ эта фамилія изображена была съ книгами въ рукахъ²⁾.

Тоже раздѣленіе школъ по главнымъ предметамъ преподаванія находимъ и при К. Порфирородномъ³⁾. Если онъ и не произвелъ существенной реформы въ школахъ, то, приписывая наукамъ, въ особенности риторикѣ и философіи, важное государственное значеніе, заботился о надѣленіи существовавшихъ учебныхъ заведеній способнѣйшими начальниками и преподавателями. Константинъ протоспатарій завѣдывалъ школою философіи, Александръ Нибейскій риторикѣ, патрицій Нибифоръ—геометріи, императорскій секретарь Никита—астрономіи. Можно думать, что знатнѣйшіе роды не инымъ путемъ могли доставлять своимъ дѣтямъ высокое положеніе въ государствѣ, какъ проведши ихъ черезъ общественную школу: судьями, сенаторами, намѣстниками провинцій назначались лица, получившія образованіе въ государственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Императоръ по словамъ его жизнеописателя, прилагаль особенную заботу объ ученикахъ, ежедневно приглашалъ ихъ къ себѣ дѣлить его столъ, поощряль наградами и дружескими увѣщаніями. Реформа школъ,

¹⁾ *Amphil. quaest. ap. Migne* CI. p. 496; *Photii epist. 2 ad Nic. patr. ibidem* CII. p. 597. Новое изданіе писемъ Фотія вышло въ Лондонѣ.

²⁾ *Vita Basil.* p. 205.

³⁾ *Theoph. contin.* p. 278; *Cedrenus ed. Par.* p. 635. Отмѣчаются четыре рода школъ: философіи, риторики, геометріи, астрономіи.

произведенная Вардою и улучшенная Константиномъ, продолжала обнаруживать доброе влияние на общество въ XI и XII вѣкахъ. Не трудно замѣтить, что при Комнинныхъ появляется на разныхъ общественныхъ должностяхъ болѣе образованныхъ людей, чѣмъ въ предыдущій періодъ.

То, что мы могли замѣтить у писателей о школахъ въ IX и X вв., подтверждается и частію дополняется извѣстіями XI и XII вв. Школы перешли и въ XII в. въ томъ же видѣ, какой имъ далъ Варда и Константинъ; императоръ Алексѣй Комнинъ, въ сущности оставивъ школы при прежнемъ устройствѣ, распространилъ число ихъ и открылъ воспитательныя заведенія для сиротъ. Цесаревна Анна, котрой мы обязаны въ извѣстной мѣрѣ достаточными фактическими данными по занимающему насъ вопросу, не скрываетъ, что заслуга ея отца состояла по отношенію къ школамъ не въ созданіи ихъ, а только въ оживленіи и лучшей организаціи¹⁾. И дѣйствительно, при Алексѣѣ, какъ и прежде, встрѣчаются школы философіи, риторики и грамматики. Преподаватели пользуются высокимъ почетомъ, важнѣйшія мѣста замѣщаются по назначенію императора: такъ, мѣсто начальника философскихъ школъ (Ἰππатов τῶν φιλοσόφων) послѣ М. Пселла младшаго императоръ передаетъ итальянцу Іоанну. Нужно только замѣтить, что со времени Алексѣя I при гражданской школѣ яснѣе выступаетъ церковная.

Говоря о средствахъ къ образованію въ Византіи, на ряду съ государственными школами, нельзя не упомянуть церковныхъ и монастырскихъ. Правда, мы имѣемъ свидѣтельство писателя XII вѣка²⁾, который вообще неблагоклонно отзываясь о византійскихъ монахахъ и не говоритъ о заслугахъ ихъ по сохраненію и разъясненію древнихъ авторовъ, чѣмъ извѣстны монастыри западные; но едва-ли можно отказать по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ изъ нихъ въ подобной заслугѣ, когда извѣстны монастыри съ такими богатыми сокровищами рукописей, какъ аеонскіе, патмосскіе, лесбосскіе, андроссіе. Какъ ни скудны наши свѣдѣнія по этому вопросу, тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться въ существованіи школъ монастырскихъ. Евстаѣій Солунскій

¹⁾ Anna Alexias V. p. 144—145. Καὶ γὰρ ἀπὸ τῆς αὐτοκρατορίας Βασιλείου τοῦ Πορφυρογεννήτου μέχρι αὐτῆς τῆς τοῦ Μονομάχου βασιλείας ὁ λόγος, εἰ καὶ τοῖς πλείοσιν ἐρραθύμητο, ἀλλ' οὖν γε καὶ πάλιν οὐ καταδεδικώς, ἀνέλαμψε καὶ ἀνέθορε, καὶ διὰ σπουδῆς τοῖς φιλολόγοις ἐγένετο ἐπὶ τῶν χρόνων Ἀλεξίου τοῦ αὐτοκράτορος и д. 146—148.

²⁾ Nicetas Acom. p. 270—271.

въ одномъ изъ писемъ упоминаетъ о школѣ при церкви св. Евфиміи¹⁾; жизнеописатель Θ. Студита называетъ монастыри прекрасными садами, въ которыхъ процвѣтали занятія науками и изъ которыхъ вышло много просвѣщенныхъ мужей; Кедринъ рассказываетъ о философѣ Львѣ, что онъ высшими знаніями обязанъ монастырскимъ бібліотекамъ²⁾. При Алексѣѣ I на церквѣ и монастыри возложена была обязанность открывать училища и обучать дѣтей. Лица духовнаго званія не рѣдко являлись учителями, таковы: Фотій, Евстаѣій, Якинѣъ и др.

Извѣстны огромныя книжныя сокровища, которыми могъ располагать императоръ Константинъ VII. Кромѣ императорской бібліотеки въ Цареградѣ существовали богатыя монастырскія бібліотеки, которыми могли пользоваться ученые византіяцы, нѣкоторые изъ образованныхъ и состоятельныхъ лицъ имѣли частныя собранія книгъ; такова бібліотека Фотія; нашъ писатель также имѣлъ собственную бібліотеку³⁾.

Оживленіе школъ и предшествующее научное движеніе могли подготовить въ XII вѣкѣ не мало замѣчательныхъ талантовъ. Между лицами царскаго рода и людьми, занимавшими разныя придворныя и общественныя должности, можно найдти не только ревностныхъ любителей просвѣщенія, но и ученыхъ, оставившихъ труды по разнымъ областямъ науки. Алексѣй Комнинъ, покровительствуя ученымъ, не рѣдко вступалъ съ ними въ состязаніе; супруга его Ирина выходила къ обѣду съ книгой философа Максима и поощряла поэта Тцетца къ занятіямъ надъ Гомеромъ. Севастократоръ Исаакъ публично обнаружилъ невѣжество современной знаменитости итальянца Іоанна; императоръ Мануилъ обладалъ краснорѣчіемъ, изучалъ Аристотеля; Андроникъ самъ писалъ о духовныхъ предметахъ; Никифоръ Вриенній и Анна оставили исторію своего времени⁴⁾. Изъ другихъ лицъ укажемъ на Киннама, Зонару, Евстаѣія, которые занимались исторіографіей, послѣдній комментировалъ Гомера. Пселлъ поражалъ современниковъ массою знаній, занимался поэзіей и философіей; присоединимъ

1) Tafel, Eustathii Opuscula s. 337.

2) Mich. Stud. Vita s. Theod. c. 29 Mai PP. nova Bibl. VI p. 323; Cedrenus p. 550.

3) Thesaurus orth. Fidei V. c. XLII.

4) Anna V p. 147; Fabricii Bibl. Graeca VI p. 393; Bernhardy, Grundriss der griechisch. Literat. 1, s. 610 squ...

еще Тецца, Продрома, Манассію и Евгениака. Большинство этихъ лицъ обязано своимъ образованіемъ византійской школѣ, нѣкоторые и сами сдѣлались учителями и въ свою очередь передали любовь къ наукѣ младшему поколѣнію. Въ одномъ изъ писемъ Евстаѳіа Солунскаго есть теплое упоминаніе о товарищахъ его дѣтства и школы ¹⁾; съ другой стороны Никита и Михаилъ Акоминаты, какъ почитатели его заслугъ, можетъ быть даже ученики, не одинъ разъ упоминаютъ объ немъ съ высокою похвалою и сердечнымъ чувствомъ ²⁾. О состояніи школъ и направленіи тогдашняго обученія главное и къ сожалѣнію почти единственное свидѣтельство представляетъ Анна Комнина. Основываясь на ея извѣстіяхъ и отрывочныхъ упоминаніяхъ другихъ писателей, можно заключать, что кругъ образованія въ XII в. обнималъ въ себѣ учебные предметы, еще завѣщанные древними школами. На западѣ совокупность учебныхъ предметовъ носила техническое названіе — *trivium et quadrivium*, въ Византіи тоже понятіе выражалось терминомъ — *μαθηματικὴ τετρακτὸς* или *ἐγκύκλιος παιδεία* — энциклопедическое образованіе ³⁾. Грамматика, риторика и философія; астрономія, геометрія, арифметика и музыка — были обыкновенными предметами образованія, хотя и не исчерпывали собою всей области тогдашнихъ знаній.

Чтобы судить о томъ, что могъ Никита вынести изъ школы, еще не достаточно знать, чему онъ учился; любопытно посмотрѣть, какъ велось обученіе. Въ этомъ отношеніи нельзя не указать на значительную ограниченность содержанія тогдашнихъ наукъ и искусственность постановки ихъ въ школѣ. Грамматическія упражненія начинались въ элементарномъ курсѣ; стилистика и метрика почти исчерпывали собою риторику; діалектика занимала весьма видное мѣсто въ философіи. При томъ послѣдняя, имѣя служебное значеніе, тѣсно граничила съ богословіемъ.

Говоря о заботахъ отца своего въ пользу сырыхъ дѣтей, Анна упоминаетъ, что онъ поручалъ ихъ нравственное воспитаніе и образованіе церквамъ и монастырямъ; нѣкоторыхъ же помѣщалъ въ воз-

¹⁾ Tafel, Eustathii Opuscula s. 337.

²⁾ Tafel, De Thessalonica, s. 373—4; въ одномъ изъ писемъ Михаилъ жалуется на молчаніе Евстаѳіа и дѣлаетъ ему легкій упрекъ: «Мнѣ прожужжали уши вопросами: не знаю ли я чего про Евстаѳіа»; Nicet. 282, 390.

³⁾ См. нѣсколько замѣчаній по этому вопросу у Hergenröther, Photius patriarch, Regensburg 1867. I, s. 322—335.

обновленный имъ спротскій пріютъ. устроивъ при немъ школу и назначивъ преподавателей по всѣмъ предметамъ образовательнаго курса. Это было огромное зданіе, равнявшееся по своимъ размѣрамъ пѣлому городу ¹⁾. Въ учебномъ заведеніи, открытомъ Алексѣемъ для дѣтей, собранныхъ изъ разныхъ мѣстъ, занимались частію грамматическими вопросами, частію такъ называемыми схедами. «Схеды—изобрѣтеніе новѣйшаго времени и, какъ предметъ первоначальнаго образованія, появились на моей памяти», замѣчаетъ Анна ²⁾. Схедеографія не пользуется уваженіемъ этой писательницы, потому что дѣтямъ, вообще воспитанникамъ, не давались въ руки ни поэты, ни отцы, не обращалось ни малѣйшаго вниманія на ἐγκύκλιος παιδείσις.

Въ чемъ состояли схедографическія упражненія? Основываясь на не многихъ объясненіяхъ, приводимыхъ Дюканжемъ ³⁾, можно вывести, что первоначальная школа вводила дѣтей въ кругъ грамматики и занималась изученіемъ частей рѣчи отъ простѣйшихъ элементовъ ея,

¹⁾ Anna Comnena, Alexias, p. 482 ed. Paris..... τινὰ δὲ καὶ εἰς ὄπερ αὐτὸς ἀνήγειρεν ὄρφανοτροφεῖον παιδευτήριον τοῦτο πλέον πεποιηκὼς τοῖς ἐθέλουσι, παραδίδου τοῖς προῖσταμένοις τὴν ἐγκύκλιον ἐκπαιδεύεσθαι παιδείαν. Du-Cange, въ примѣчаніи на это мѣсто Анны, свидѣтельствуетъ: Non de novo condidit Orphanotrophium, sed labefactum et neglectum instauravit Alexius, monachorum et monacharum cellulis auxit, scholas grammaticae, in quibus pupilli et pauperum liberi erudirentur, statuit. Denique Gerontocomiorum vel Xenodochiorum (домъ призрѣнія), quae hactenus deserta erant, reditus omnes, novosque insuper attribuit. Ita Zonaras et Glycas in Alexio.

²⁾ Anna, p. 485... παιδευτήριον ἔστηχε τῶν γραμματικῶν παισὶν ὄρφανοῖς ἐκ παντοδαποῦ γένους συνειλεγμένοις, ἐν ᾧ παιδευτὴς τις προκάθηται καὶ παῖδες περὶ αὐτὸν ἐστᾶσιν, οἱ μὲν περὶ ἐρωτήσεις ἐπτοημένοι γραμματικάς; οἱ δὲ συγγραφεῖς τῶν λεγομένων σχεδῶν...; τοῦ δὲ σχεδου ἡ τέχνη εὐρημα τῶν νεωτέρων ἐστὶ καὶ τῆς ἐφ' ἡμῶν γενεᾶς... πεττεία δὲ τὸ σπούδασμα, καὶ ἄλλα τὰ ἔργα ἀθέμιτα, ταῦτα δὲ λέγω ἀχθομένη διὰ τὴν παντελὴ τῆς ἐγκυκλίου παιδείσεως ἀμέλειαν. Самой ей удалось понять тѣс τὸу πολυπλόκου тῆς Σхедеоγραφίας πλοκῆς уже послѣ того, какъ она прошла риторикѣ, философίю и прочла поэтовъ и ораторовъ.

³⁾ Du-Cange, Glossarium Graecitatis II, p. 1503—5. Σχέδος... pars grammaticae, qua docentur pueri orationem per partes ac verba singula examinare... σχέδος οἰονεὶ τὸ διαχέον καὶ διαχωρίζον τὰς λέξεις ἀπ' ἀλλήλων, ἢ παρὰ τὸ σκεδάζω, σκεδάσω: σκεδαζόμεναι γὰρ αἱ λέξεις καὶ οἰονεὶ μεριζόμεναι εἰς γνῶσιν παραλαμβάνοντο. Σхедеоγραφεῖν—edere partes; σχεδογράφος—primorum graecae linguae elementorum graeceptor. Неизданный схолиастъ Гезіода въ одномъ мѣстѣ указываетъ части грамматики: кто хочетъ приобрѣсть грамматическія знанія... πρότερον ἐνδίδωσιν αὐτὸν τοῖς στοιχειώδεσι γράμμασιν; εἶτα ταῖς συλλαβαῖς καὶ τῇ λοιπῇ προτερείᾳ, ἔπειτα τῇ Διονυσίου βίβλῳ προσέχει καὶ τοῖς Θεοδοσίου κανόσι καὶ Ποιηταῖς; εἶτα σχεδογραφίας ἀπάρχεται, καὶ πολλοῖς μογήσας τοῖς χρόνοις, μόλις τὴν γραμματικὴν ἀρετὴν ἐπικτάτο.

словъ и словъ, до разбора частей рѣчи и предложенія. Останавливая вниманіе воспитанниковъ на этой сухой работѣ и не позволяя имъ читать писателей, эта школа была такимъ образомъ только вступленіемъ въ курсъ ἐγκυκλίου παιδείας, который долженъ былъ пройти вслѣдствіи византиецъ, желавшій получить образованіе. Не извѣстно, какъ долго останавливались на этой части преподаванія. Михаилъ, въ рѣчи на смерть брата, говоритъ: когда я достигъ отроческихъ лѣтъ, то сталъ слушать преподавателей свободныхъ наукъ, потому что было уже положено мною основаніе изученія грамматики и науки стихосложенія ¹⁾. Механизмъ стихосложенія, слѣдовательно, входилъ также въ кругъ элементарнаго образованія.

Собственно высшее образованіе начиналось съ ἐγκύκλιος παιδείας, объ отсутствіи котораго въ схедаграфическомъ заведеніи такъ сожалѣетъ Анна Комнина. Существеннымъ значеніемъ здѣсь пользовалась также грамматика, только въ обширномъ объемѣ. Она обнимала всю область литературнаго образованія (чтеніе отцевъ, древнихъ поэтовъ и ораторовъ) со включеніемъ толкованія авторовъ и ораторскихъ упражненій вообще (риторика). Плавная рѣчь и ораторскій талантъ ²⁾ составляли предметъ завѣтныхъ стремленій и служили мѣриломъ для оцѣнки образованія людей. Анна говоритъ объ итальянцѣ Иоаннѣ: „онъ хромалъ въ грамматикѣ, не отвѣдалъ риторическаго нектара; по этому и рѣчь его не была плавна и красива..., старался выразить жестама то, чего не могъ передать словами“ ³⁾. Съ чтеніемъ гомеровскаго эпоса связаны были поэтическія упражненія. Человѣкъ, прошедшій этотъ курсъ образованія, считался уже высокообразованнымъ. Граμματικόςъ есть не только знающій литературу, но и ученый.

¹⁾ Michaelis Acominati Choniatae Monodia in funere fratris, ed Migne. Эта рѣчь издана въ первый разъ Морелломъ въ 1566 году; у Мина помѣщена она въ латинскомъ переводѣ того же Морелла. См. р. 363: pater... quo tempore pubertatis annos attingebam, magistris artium liberalium et vivendi praeceptoribus (jam enim grammatices utilisque versuum componendorum methodi fundamenta jeceram) in disciplinam tradidit.

²⁾ Εὐροια τῆς γλώττης, facultas dicendi.

³⁾ Anna, р. 145. Это былъ начальникъ философовъ въ Византіи, Ὑπατος τῶν φιλοσόφων, см. объ этой придворной должности примѣчаніе Дюканжа на приведенную стр. Анны. Вотъ что говоритъ Анна объ этомъ философѣ: περί τε τὴν γραμματικὴν ἐχώλεσε τέχνην, καὶ τοῦ ῥητορικοῦ νέκταρος οὐκ ἐγεύσατο, οὐδὲ ἐκείθεν ὁ λόγος τοῦτου ἐφῆρμιστο καὶ εἰς κάλλος ἀπέβαστο... διελέγετο γὰρ καὶ ἔπειν καὶ χερσίν.

этомъ направленіи удивительныхъ успѣховъ и легко подчиняли императорской политикѣ многихъ властителей. Никита, подготавливая себя къ свѣтскому званію и политической дѣятельности, стремился къ развитію въ себѣ ораторскаго таланта, изучалъ гражданское право и политику ¹⁾. Двѣнадцатый вѣкъ представляетъ не мало именъ, ученость, усердіе и знанія которыхъ могли бы служить достаточнымъ признакомъ образованности и для болѣе благопріятнаго времени. Но почти на каждомъ писателѣ лежитъ общій отпечатокъ формальнаго направленія въ воспитаніи. Искусная замѣна недостатка содержанія гладкой формой сдѣлалась обычною въ жизни и дѣятельности образованныхъ людей этого времени. Грамматика и риторика вызывали недовольство, искали успокоенія въ философіи; но и эта послѣдняя питаясь діалектикой, не отдѣляла истины отъ вымысла и вдавалась въ чуждую ей богословскую область ²⁾.

Воспитываясь въ столицѣ подъ надзоромъ брата своего, Никита нашелъ въ немъ опытнаго руководителя и достойный подражаніи примѣръ. Чувство любви и высокаго уваженія къ своему воспитателю не покидало Никиту до конца жизни, въ исторіи его неоднократно упоминается о Михаилѣ: „Архіепископъ аѳинскій, Михаилъ Хонскій—мой родной братъ; я горжусь родствомъ съ такимъ человѣкомъ и радуюсь, что въ насъ течетъ одна кровь; но сознаюсь, я совсѣмъ не похожъ на него ни по добродѣтели, ни по краснорѣчію“. И далѣе: „чего не могъ сдѣлать для ослабленія враговъ этотъ человѣкъ, прошедшій черезъ всю мудрость и изучившій, какъ ни кто другой, всѣ науки свѣтскія и духовныя? Если бы захотѣлъ, онъ могъ бы и огонь свести на отступниковъ, или наслать ося на лагерь ихъ, или испросить у Бога какую-нибудь другую казнь. Ибо божество ни въ чемъ бы не отказало ему, если бы поднялись его руки и пошевелились губы для молитвенной просьбы“ ³⁾. Съ другой стороны Михаилъ въ рѣчи на смерть брата говоритъ о несравненномъ превосходствѣ Ни-

¹⁾ Monodia, p. 364, totum se in eo vitae statu et instituto collocavit utroque ad humanas actiones propensius, reipublicae studiosius, denique pluribus expositum curis est, quam ei qui serio philosophari velit, expediat... Itaque facultatem et copiam dicendi, jurisque civilis scientiam quanta potuit agendi et cogitandi solertia, tanquam perapposita percommoadaque ad rempublicam capessendam subsidia et instrumenta sibi comparavit.

²⁾ Важное свидѣтельство у Анны, р. 146, гдѣ идетъ рѣчь о дѣятельности итал. Іоанна.

³⁾ Nicet, p. 800, 803.

его дѣятеля и полезны для многихъ практическихъ цѣлей, но нежны для того, кто готовится быть философомъ¹⁾. Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ уже о занятіяхъ свободнаго человѣка, вышедшаго изъ юношескаго возраста, т. е. о спеціальныхъ занятіяхъ, каковыхъ было не мало и въ тогдашнее время²⁾. Но и для Никиты воспитательный періодъ обозначается изученіемъ общихъ наукъ и древнихъ писателей.

Занятіе философіей требовало значительной научной подготовки и начиналось уже въ зрѣломъ возрастѣ. Эта наука особенно цѣнилась при дворѣ: между придворными византійскими должностями встрѣчается и санъ ритора и ὑπάτου τῶν φιλοσόφων³⁾, обязанности которыхъ были частію придворныя, частію общественныя. Между лицами, занимавшими послѣднюю должность, намъ извѣстны: М. Пселль и итальянецъ Іоанць⁴⁾. И риторы и философы въ Византіи имѣли публичныя чтенія, на которыя приходили люди, жаждущіе научнаго образованія. Такъ, итальянецъ Іоанць первоначально посѣщаетъ школы риторовъ, а потомъ слушаетъ М. Пселла, публично читавшаго философію⁵⁾. Наука философія въ то время имѣла весьма обширный объемъ: подъ понятіе ея подходилъ цѣлый кругъ наукъ, которыя въ области нашихъ философскихъ знаній относятся къ вспомогательнымъ наукамъ философіи, какъ математика, астрономія, астрологія, физика; даже богословскія системы и символически-аллегорическія толкованія догматовъ относились византійцами къ области философіи⁶⁾. Любимымъ чтеніемъ Пселла былъ Платонъ, также Аристотель; итальянецъ Іоанць объяснялъ Прокла, Платона, Ямвлиха и Аристотеля. Филонъ и Плотинъ не менѣе нравились имъ по своимъ эстетическимъ воззрѣніямъ.

Но болѣе общимъ и необходимымъ для общественнаго дѣятеля считалось словесное и ораторское образованіе. Необходимость сношеній съ многочисленными сосѣдними народами въ Европѣ и Азій вызвала византійцевъ на такое образованіе. И они достигали въ

¹⁾ Monodia, p. 364.

²⁾ Напр., facultas et copia dicendi, juris civilis scientia, медицина и др.

³⁾ Du-Cange, Glossarium Graecitatis, p. 1296, 1636.

⁴⁾ Anna, p. 145... говорить объ Іоанць: φιλοσοφίας ἀπάσης προέστη, διδάσκαλος, ὑπάτος τῶν φιλοσόφων. Goar въ примѣчаніи къ Козину, p. 42: φιλοσόφων ὑπάτος, πρόφων πρώτος, δικαιοφύλαξ σὺν αὐτῷ, νομοφύλαξ...

⁵⁾ Anna, p. 144.

⁶⁾ Photii epist. 2 ad Nic. Patr. ap. Migne CII, p. 597; Anna, p. 482.

этомъ направленіи удивительныхъ успѣховъ и легко подчиня раторской политикѣ многихъ властителей. Никита, подготовитію въ себѣ ораторскаго таланта, изучалъ гражданское политикѣ¹⁾. Двѣнадцатый вѣкъ представляетъ не мало извѣстность, усердіе и знанія которыхъ могли бы служить достояніемъ признакомъ образованности и для болѣе благопріятнаго вѣдѣнія почти на каждомъ писателѣ лежитъ общій отпечатокъ этого направленія въ воспитаніи. Искусная замѣна недостатка (или) гладкой формой сдѣлалась обычною въ жизни и дѣятельности образованныхъ людей этого времени. Грамматика и риторика недовольство, искали успокоенія въ философіи; но и эта философія, питаясь діалектикой, не отдѣляла истины отъ вымысла и вѣдала въ чуждую ей богословскую область²⁾.

Воспитываясь въ столицѣ подъ надзоромъ брата своего, нашелъ въ немъ опытнаго руководителя и достойный примѣръ. Чувство любви и высокаго уваженія къ своему брату не покидало Никиту до конца жизни, въ исторіи его не упоминается о Михаилѣ: „Архіепископъ аѳонскій, Михаилъ мой родной братъ; я горжусь родствомъ съ такимъ человекомъ, радуюсь, что въ насъ течетъ одна кровь; но сознаюсь, что не похожъ на него ни по добродѣтели, ни по краснорѣчію, „чего не могъ сдѣлать для ослабленія враговъ этотъ чудный, шедшій черезъ всю мудрость и изучившій, какъ ни кто науки свѣтскія и духовныя? Если бы захотѣлъ, онъ могъ бы свести на отступниковъ, или наслатъ ося на лагерь ихъ, или свести у Бога какую-нибудь другую казнь. Ибо божество бы не отказало ему, если бы поднялись его руки и губы для молитвенной просьбы“³⁾. Съ другой стороны, рѣчи на смерть брата говорятъ о несравненномъ превосхожденіи

¹⁾ Monodia, p. 364, totum se in eo vitae statu et instituto collatum ad humanas actiones propensius, reipublicae studiosius, denique percuris est, quam ei qui serio philosophari velit, expediat.... Itaque peritiam dicendi, jurisque civilis scientiam quanta potuit agendi et scribendi tanquam perapposita percommodaque ad rempublicam capessendam sibi comparavit.

²⁾ Важное свидѣтельство у Анны, р. 146, гдѣ идетъ рѣчь о свѣтскомъ итал. Іоанна.

³⁾ Nicet, p. 800, 803.

бури, пріятною весной послѣ суровой зимы. „Водарившись, онъ обильно умастилъ елеемъ головы немущихъ; собравъ осужденныхъ на изгнаніе Андрониковъ, лишенныхъ имущества и потерпѣвшихъ увѣчье, онъ осыпалъ ихъ благодѣяніями, не только возвративъ имъ имущества, но и вознаградивъ на счетъ государственной казны“. „Тогда граждане, смотря на новое правленіе какъ на переходъ отъ зимы въ веснѣ, или отъ бури къ ясной погодѣ, отовсюду стали стекаться въ столицу“¹⁾; одни предлагали свои военныя знанія, другіе правительственную опытность, иныя же приходили просто изъ любопытства. Весьма вѣроятно, что и нашъ писатель тогда же возвратился въ Цареградъ и снова принялъ на себя должность императорскаго секретаря. Съ этого времени онъ принималъ непосредственное участіе во многихъ политическихъ событіяхъ, неоднократно сопутствовалъ императору въ походахъ: для исторіи Византіи послѣдней четверти XII вѣка можетъ служить поэтому важнѣйшимъ и единственнымъ источникомъ. Хотя Никита рѣдко упоминаетъ о себѣ въ исторіи, тѣмъ не менѣе, изъ способа передачи извѣстій можно видѣть, гдѣ онъ говоритъ по слуху, а гдѣ по личному наблюденію. Въ 1188 г. онъ сопутствовалъ Исааку въ походъ противъ болгаръ²⁾; въ слѣдующемъ году, когда императоръ Фридрихъ Барбаросса проходилъ черезъ византійскія области въ святую землю, Никитѣ поручено было наблюденіе за филиппопольскою темой. Онъ говоритъ объ этомъ времени: „и я, пишущій эти строки, поставленъ былъ тогда въ несносное положеніе... Получивъ отъ императора приказаніе укрѣпить Филиппополь стѣною и окружить ровомъ, я весь поглощенъ былъ этой тяжелой и спѣшной работой; но черезъ нѣсколько времени пришло другое приказаніе — разобрать стѣну и сравнять ровъ, чтобы не приготовить здѣсь для Фридриха убѣжища“³⁾.

Въ теченіе съ небольшимъ десяти лѣтъ Никита достигъ высшихъ государственныхъ должностей, такъ что, по картинному выраженію Михаила, каждый новый императоръ не только оставлялъ за Никитой то, чѣмъ онъ пользовался ранѣе, но какъ-будто желая рас-

¹⁾ Nicetas, p. 465—466; 481.

²⁾ Nicetas, p. 518, ἐπει δὲ εἰδομέν τε καὶ ἐθεάθημεν, συνειπάμεν γάρ καὶ αὐτὸς βασιλεῖ ὑπογραμματεῶν.

³⁾ Nicet, p. 526. «—16; καὶ ἡμεῖς οἱ ταῦτα γράφοντες πλείστοις ἀνιροῖς προσεπλάκημεν, τὴν τοῦ θεάματος Φιλιππουπόλεως ὑπεζωσμένοι τεχνικαῦτα καὶ ἀρχὴν καὶ ἀπογραφὴν.

жалось 11 лѣтъ (1175 г.), наконецъ пять лѣтъ прошло еще между временемъ удаленія Михаила въ Аѳины и поступленіемъ на службу Никиты¹⁾.

Служба Никиты началась либо въ послѣдній годъ царствованія Мануила Комнина, либо при новомъ правительствѣ сына его. За не совершеннолѣтняго Алексѣя II стала управлять государствомъ царица Марія, мать его. Во время женской опеки начались придворныя интриги: честолюбивые царедворцы стали заискивать расположенія императрицы, болѣе счастливые соперники возбудили къ себѣ зависть въ отвергнутыхъ; почували свободу жадные до наживы чиновники и начали черпать изъ государственной казны полною рукою; стали угнетать народъ и домогаться изъ него новыя подати; иностраннымъ купцамъ даны были новыя привилегіи. Вслѣдствіе этого открылось общее недовольство правительствомъ, составился заговоръ противъ Маріи и ея любимца, протосеваста Алексѣя. Тогда двоюродный братъ Мануила, Андроникъ, составивъ сильную партію въ свою пользу, устранилъ Марію и объявилъ себя опекуномъ Алексѣя II. Андроникъ преслѣдовалъ придворныхъ казнями и конфискаціей имущества, обуздаль разнузданность, круто повернулъ въ политикѣ и наконецъ, лишивъ жизни Алексѣя, въ 1183 г. объявилъ себя императоромъ. И Михаилъ и Никита весьма несочувственно смотрятъ на правительство Андроника. Жестокій тиранъ, заставлявшій каждаго опасаться за свою жизнь, сдѣлалъ невозможною и для Никиты придворную службу; вѣроятно, большая часть приверженцевъ прежняго правительства, съ прибытіемъ Андроника, должна была удалиться изъ столицы.

Ближайшее столкновеніе съ требованіями жизни должно было показать Никитѣ недостаточность теоретическаго образованія, почерпнутаго изъ ораторовъ и философовъ; для политическаго дѣятеля требовались еще спеціальныя знанія. Удалившись отъ двора, оставивъ можетъ быть и самую столицу, онъ принялся за изученіе гражданскаго права. Михаилъ говоритъ, что его братъ сдѣлался потомъ живымъ сводомъ законовъ, ходячимъ комментариемъ²⁾.

Императоръ Андроникъ не долго управлялъ имперіей; его низвергъ въ 1185 г. царедворецъ Исаакъ изъ рода Ангеловъ. Правительство Исаака на первыхъ порахъ казалось современникамъ затишьемъ послѣ

¹⁾ Мы не можемъ особенно настаивать на вѣрности числовыхъ данныхъ, выведенныхъ на основаніи только одного показанія Михаила.

²⁾ Monodia, p. 365.

ри, пріятною весной послѣ суровой зимы. „Водарившись, онъ обильно настилъ елеемъ головы немущихъ; собравъ осужденныхъ на изгнаніе Андроникомъ, лишенныхъ имущества и потерѣвшихъ увѣче, въ осмалъ ихъ благодѣянiami, не только возвративъ имъ имущества, но и вознаградивъ на счетъ государственной казны“. „Тогда празднате, смотря на новое правленіе какъ на переходъ отъ зимы къ веснѣ, или отъ бури къ ясной погодѣ, отовсюду стали стекаться въ столицу“¹⁾: одни предлагали свои военныя знанія, другіе правительственную опытность, иные же приходили просто изъ любопытства. Весьма вѣроятно, что и нашъ писатель тогда же возвратился въ Цареградъ и снова принялъ на себя должность императорскаго секретаря. Съ этого времени онъ принималъ непосредственное участіе во многихъ политическихъ событіяхъ, неоднократно сопутствовалъ императору въ походахъ: для исторіи Византіи послѣдней четверти XII вѣка можетъ служить поэтому важнѣйшимъ и единственнымъ источникомъ. Хотя Никита рѣдко упоминаетъ о себѣ въ исторіи, тѣмъ не менѣе, изъ способа передачи извѣстій можно видѣть, гдѣ онъ говоритъ по слуху, а гдѣ по личному наблюденію. Въ 1188 г. онъ сопутствовалъ Исааву въ походѣ противъ болгаръ²⁾; въ слѣдующемъ году, когда императоръ Фридрихъ Барбаросса проходилъ черезъ византійскія области въ святую землю, Никитѣ поручено было наблюденіе за филиппопольской темой. Онъ говоритъ объ этомъ времени: „и я, пишущій эти строки, поставленъ былъ тогда въ несносное положеніе.... Получивъ отъ императора приказаніе укрѣпить Филиппополь стѣною и окружить ровомъ, я весь поглощенъ былъ этою тяжелой и слѣшной работой; но черезъ нѣсколько времени пришло другое приказаніе — разобрать стѣну и сравнять ровъ, чтобы не приготовить здѣсь для Фридриха убѣжища“³⁾.

Въ теченіе съ небольшимъ десяти лѣтъ Никита достигъ высшихъ государственныхъ должностей, такъ что, по картинному выраженію Михаила, каждый новый императоръ не только оставлялъ за Никитой то, чѣмъ онъ пользовался ранѣе, но какъ-будто желая рас-

¹⁾ Nicetas, p. 465—466; 481.

²⁾ Nicetas, p. 518, ἐπεὶ δὲ εἶδομέν τε καὶ ἐθεάθημεν, συνειρόμεν γὰρ καὶ αὐτὸς βασιλεὶ ὑπογραμματοῶν.

³⁾ Nicet, p. 526. «—10; καὶ ἡμεῖς οἱ ταῦτα γράφοντες πλείστοις ἀνιροῖς προσεπλάχημεν, τὴν τοῦ θεμάτος Φιλιππουπόλεως ὑπεζωσμένοι τριηκᾶυτα καὶ ἀρχὴν καὶ ἀπογραφὴν.

положеніемъ къ нему превзойти своего предшественника, къ презнмъ его отличіямъ присоединялъ новыя. „Удивляясь доблести этого челоѣка, императоры думали, что настолько уменьшится блескъ ихъ царствованія, насколько они унизятъ санъ Никиты“¹⁾. Дѣйствительно, молодому челоѣку открылась блистательная дорога. Тридцати лѣтъ отъ роду онъ уже пользовался личнымъ довѣріемъ императора, имѣлъ смѣлость открыто высказывать ему правду²⁾. Не одобряя политики Исаака Ангела по отношенію къ крестоносцамъ, онъ употреблялъ всѣ средства, чтобы склонить его къ строгому соблюденію договора съ Фридрихомъ: „я лично передалъ всѣ подробности дѣла, присовокупивъ, что, по мнѣнію германцевъ, византійскій императоръ для того нарушилъ договоръ съ ними, чтобы дѣйствовать заодно съ сарацинами..., только тогда удалось мнѣ преодолѣть упорство императора“³⁾.

Само собою разумѣется, что Никитѣ открытъ былъ доступъ во всѣ знатныя дома; представители извѣстнѣйшихъ родовъ: Дуки, Кантакузины, Велиссариоты—были частію въ дружбѣ, частію въ родствѣ съ нимъ⁴⁾. Никитѣ дѣлаемы были выгодныя предложенія относительно женитьбы: „я затруднился бы перечислить, сколько благородныхъ дѣвицъ желало породниться съ нами; между ними были и чрезвычайно красивыя и очень богатыя. Но онъ не искалъ приданого, потому что щедрость императоровъ съ излишкомъ вознаграждала его и позволяла не только роскошно жить, но и дѣлать сбереженія“⁵⁾. Посовѣтовавшись съ старшимъ братомъ, онъ остановилъ свой выборъ и женился на дѣвицѣ изъ рода Велиссариотовъ, съ братьями которой былъ знакомъ еще съ дѣтства и теперь имѣлъ нерѣдкія сношенія по служебнымъ обязанностямъ. Родъ Велиссариотовъ былъ одинъ изъ древнѣйшихъ; члены этого рода, братья Михаилъ и Іоаннъ, занимали тогда высокія должности, пользовались довѣріемъ императора и щедро осыпаны были его милостями. Михаилъ Агоминатъ въ надгробной рѣчи почти не отдѣляетъ успѣхи по службѣ своего брата и Велиссариотовъ⁶⁾; по завоеваніи латинянами Цареграда, они вмѣстѣ дѣлили

¹⁾ Monodia, p. 367.

²⁾ Nicet, p. 526, 558—9.

³⁾ Nicet, p. 536.

⁴⁾ Nicet, p. 526, 4—5.

⁵⁾ Monodia, p. 368.

⁶⁾ Ibidem... rebus illos suis domi forisque praefecerunt, aerariorum illis thesaurorumque et cubiculorum suorum januas patefecerunt, charissima quaeque nou secus

а горькую долю изгнанія, поселившись въ Никеѣ, главномъ городѣ Визонтинн.

Никита очень скромнѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касается его собственныхъ отношеній. Такъ, мы не знаемъ, когда онъ получилъ высшія должности и какія исполнялъ порученія въ столицѣ и провинціяхъ. Изрѣдка и то случайно говоритъ онъ о себѣ; объ его званіи мы узнаемъ уже въ то время, когда, описывая бѣдствія столицы и низверженіе всякаго порядка, онъ указываетъ и на собственные потери. Такъ, описывая пожаръ въ столицѣ, воспоминаетъ и о своемъ роскошномъ домѣ и счастливой жизни.

Попробуемъ опредѣлить положеніе, въ которомъ находился нашъ писатель въ годъ завоеванія латинянами Цареграда. Онъ имѣлъ тогда около 50 лѣтъ отъ роду; въ теченіе двадцатипятилѣтней службы при дворѣ ему пришлось быть свидѣтелемъ, а частію и принимать участіе въ важнѣйшихъ событіяхъ. Многіе изъ его сослуживцевъ подвергались преслѣдованію, лишенію имущества, заточенію или постриженію въ монашество; измѣнчивое время у живыхъ еще императоровъ отнимало власть и, низвергая властителей, позволяло приближаться къ престолу новымъ честолюбцамъ. Никита сумѣлъ не только сохранить, но и приобрѣсть новыя назначенія и отличія. Мы не будемъ здѣсь входить въ оцѣнку нравственности его, хотя неволью рождается вопросъ: какъ, не сочувствуя политикѣ Ангеловъ, онъ оставался однако же довѣреннымъ лицомъ ихъ; скажемъ только, что обстоятельства должны были приучить его къ обращенію съ людьми, выработать гибкость характера, уклончивость и скрытность ¹⁾. Частію въ исторіи Никиты, частію въ надписаніяхъ на разныхъ его сочиненіяхъ можно найти упоминаніе слѣдующихъ званій и должностей, которыя проходилъ онъ:

1) *Императорскаго секретаря*, ὑπογραμματεὺς βασιλικός, Scriba Imperatorius ²⁾; 2) *секрето-логовета*, ὁ λογοθέτης τῶν секретῶν, Logotheta

atque familiarissimis concrediderunt; illos denique in aperta et propatula urbis administratione magnos logothetas, ephoros et polyarchas designaverunt.

¹⁾ Какъ вышнее поведеніе, такъ и слово Никиты чрезвычайно эластично: онъ и хвалитъ и порицаетъ, ласкаетъ и бичуетъ въ одно и тоже время, почти одними и тѣми же словами. Общихъ мѣстъ не мало въ его исторіи; выраженія: «а объ имени я умолчу», «назвать имя не могу», или «предпочитаю пропустить» (Nicet, p. 576.а, 601.а, 674.а) особенно часто встрѣчаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣло касается высокопоставленныхъ лицъ.

²⁾ Monod. p. 363; Nicet, p. 518.а.

secretorum ¹⁾); 3) *сенатора царградскаго*, ὁ ἐκ τοῦ συκλήτου βουλῆς ²⁾), это званіе получилъ Никита въ первые годы императора Алексѣя Комнина Ангела III т. е. около 1198 года ³⁾); 4) *великаго логовета*, ὁ μέγας λογοθέτης, magnus Logotheta ⁴⁾); 5) ὁ ἐπὶ τῶν κρίσεων, Iudicis praefectus ⁵⁾); 6) ὁ Γενικός, на современномъ языкѣ—главный директоръ податныхъ сборовъ (λογιστής τῶν φόρων); 7) ἔφορος καὶ κριτής τοῦ

¹⁾ Nicet. p. 749. в: ἡμᾶς τοῦ τοῖς σεκρέτοις λογοθετεῖν παραλέλυκεν т. е. Алексѣй Дука-Мурцуэль. Въ чемъ же состояла должность секретно-логовета? Въ одномъ мѣстѣ своей исторіи Никита (р. 262) сопоставляетъ значеніе логовета въ Византіи съ значеніемъ канцлера на западѣ: ὡς ἡ Λατίνων βούλεται φωνή, καρχελάριον, ὡς δ' Ἑλληνες εἶποιεν λογοθέτην. Но въ Византіи находимъ много разныхъ должностей, которыя давали лицу, исполнявшему ихъ, титулъ логовета. Обязанности, возлагавшіяся на логовета τῶν σεκρέτων, могутъ соответствовать, на современномъ языкѣ, обязанностямъ министра финансовъ. Du-Cange 1. p. 823 logoth. secretorum, cuius cognitio erat de re aegaria et vestigali, seu qui Σεκρέτω τῶν δημοσιακῶν праесгат. Эта должность, по замѣчанію Дюканжа, едва-ли не однозначуща съ другою—*логовѣтъς γενικός*, которая тоже приписывается Никитѣ и съ которою тоже соединяются финансовыя обязанности: καὶ τῶν δημοσίων φόρων λογιστήν, ἐν λογοθέτην γενικὸν οἶδε καλεῖν ἢ συνήθεια. Съ теченіемъ времени секретно-логоветы стали имѣть вліяніе и на другія отрасли государственнаго управленія. Du-Cange, 1. p. 821; 11. p. 1346.

²⁾ Nicet, p. 743.10; 850.18.

³⁾ Sathas, Bibl. Graeca. 1. p. 85. рѣчь Никиты къ Алексѣю III отъ лица сенаторскаго сословія.

⁴⁾ Мы видѣли, какъ трудно приурочить опредѣленные обязанности къ титулу логовета. Значеніе великаго логовета въ послѣднія времена имперіи было весьма обширно. На него перенесены были права напр. логовета дрома, который скрѣплялъ своей подписью императорскіе указы и хрисовулы и былъ хранителемъ государственной чернильницы (caliculus), почему и назывался еще ὁ ἐπὶ κληκτείου. Такимъ образомъ обязанности великаго логовета могли бы вполне соответствовать обязанностямъ государственнаго канцлера: ὁ τῶν δημοσίων πραγμάτων τὰς ὑπομνήσεις αὐτῷ (императору) διακομίζων. Кюдинъ такъ описываетъ обязанности этого сана: ὁ μέγας λογοθέτης διατάττει τὰ παρὰ τοῦ βασιλέως ἀποστελλόμενα προσταγμάτα, καὶ χρισόβουλα, πρὸς τε Ρῆγας, Σουλτάνους καὶ τοπάρχας καὶ τοῦτο μὲν ἴδιον τοῦ μεγάλου λογοθέτου ὑπηρετήμα. Объ этомъ титулѣ говоритъ Михаилъ, Monod. p. 368, но рукописи не вездѣ усваиваютъ его Никитѣ.

⁵⁾ Въ одной рукописи (cod. reg.) Никита титулуется μέγας λογοθέτης καὶ ἐπὶ κρίσεων γενικός, καὶ ἔφορος; въ другой, ἔφορος καὶ κριτής τοῦ βήλου, καὶ προκαθημένος τοῦ κοιτῶνος; Du-Cange, Glossarium p. 756 замѣчаетъ: unde videtur posse colligi eandem dignitatem fuisse τὸν ἐπὶ τῶν κρίσεων cum dignitate iudicis veli; ср. Notam ad Cinn. ad p. 157.

βήλου ¹⁾, Praeses et Iudex Beli; 8) ὁ προκαθήμενος τοῦ χοιτῶνος, Praefectus Cubiculo ²⁾).

Всѣ попытки подвести византийскіе придворныя и государственныя титулы подъ соотвѣтствующіе имъ чины современныхъ государствъ могутъ достигать только приблизительной точности. Наше время не дошло до такой изысканной тонкости въ названіяхъ и обозначеніяхъ чиновъ и отличій: современная высшая государственная или придворная должность въ Византіи обозначалась, по разнымъ свойствамъ ея, двумя, тремя и даже болѣе названіями. Разомъ-ли Никита проходилъ всѣ, указанныя выше, должности, или послѣдовательно оставлялъ одну и занималъ другую, — достоверно объ этомъ нельзя сказать; слѣдуетъ замѣтить, что самъ писатель приводитъ только три названія занимаемыхъ имъ должностей: секретаря, секретно-логовета и сенатора ³⁾; о другихъ же говорить Михаилъ въ надгробной рѣчи. Въ рукописяхъ исторіи приводятся то всѣ титулы, то нѣкоторые.

Высокое положеніе требовало значительныхъ средствъ для поддержанія его: высшіе чины должны были являться ко двору со всею пышностію, особенно въ торжественныхъ случаяхъ, когда напр. былъ приемъ иноземныхъ пословъ. Мы имѣемъ указанія на богатую жизнь и роскошь Никиты. Онъ имѣлъ въ столицѣ два дома: одинъ на Сфоракіѣ, огромный «несравненный по красотѣ и размѣрамъ постройки домъ», другой посромнѣе, соединявшійся съ храмомъ св. Софіи ⁴⁾. Была у него и домашняя церковь, въ которой ежедневно совершалось богослуженіе, для чего содержался священникъ съ причтомъ; во многихъ мѣстахъ созидалъ онъ на свой счетъ новые храмы и украшалъ ихъ иконами ⁵⁾. Его домъ былъ открытъ для родныхъ и дру-

¹⁾ Этотъ титулъ описывается такъ: ἐπίσκοπος, ἐπιστάτης, θεατής. У Дюканжа 1. p. 186 такъ объясняется βήλος: ὁ τῆς θύρας βαθμός, καὶ τὸ ἱστίον, παραπέτασμα, παρακλίωμα, παράλωμα; αὐτὸς γὰρ εἰστήκει πρὸ τοῦ βήλου. Изъ предыдущаго при- мѣчанія видно, что этотъ титулъ почти равнозначущъ помѣщенному подъ № 5. — прокуроръ или председатель судебной палаты на нашемъ языкѣ.

²⁾ Du-Cange, Glossarium Graecit. p. 1240. Προκαθήμενος—qui praest rei alicui; χοιτῶν—locus, ubi reponitur thesaurus principis, fiscus, camera; ср. ibidem p. 680. Этотъ титулъ на нашемъ языкѣ приблизительно обозначаетъ придворнаго кон- тролера или казначея.

³⁾ Nicet, p. 518.18; 749.8; 850.18.

⁴⁾ Nicet, p. 776.12—18.

⁵⁾ Monod., p. 376.

зей, между послѣдними находимъ и иностранцевъ ¹⁾. Венеціанскіе купцы считали его своимъ благодѣтелемъ и дали у себя пріютъ въ тяжкую годину—взятія латинянами Цареграда ²⁾. Какъ любитель просвѣщенія, онъ собиралъ рукописи и древности—и все это утратилъ онъ въ 1204 г. Находясь въ изгнаніи, онъ воспоминаетъ о своихъ потеряхъ и неблагодарности соотечественниковъ: „вмѣсто того, чтобы пожалѣть насъ, лишившихся мѣста жительства, домашняго очага нуждающихся въ необходимыхъ къ пропитанію средствахъ, они преслѣдуютъ насъ насмѣшками и презрѣніемъ; между тѣмъ еще не такъ давно мы пользовались могуществомъ и владѣли богатствами“ ³⁾. Въ другомъ сочиненіи, доказывая одну мысль, говоритъ: „въ книгѣ о лживыхъ астрологахъ и еще говорится объ этомъ; но я запомнилъ и не могу дословно передать ея содержаніе. Ибо погибли мои книги: вмѣстѣ съ богатствами и со всѣмъ моимъ достаткомъ ихъ поглотили ненасытные латиняне“ ⁴⁾.

Когда латиняне окружили Цареградъ, императоръ Алексѣй III отчаявшись въ благопріятномъ исходѣ борьбы съ ними, 18 іюля 1203 г. тайно убѣжалъ изъ города. Совмѣстное царствованіе Исаака Ангела вмѣстѣ съ сыномъ его Алексѣемъ, усиливъ общее недовольство и раздраженіе, не отвратило грозящей бѣды. Старый и слѣпой Исаакъ потерялъ всякое уваженіе въ глазахъ народа, когда онъ обратился къ гаданьямъ и окружилъ себя недостойными людьми. Сынъ его явно пренебрегалъ общественнымъ мнѣніемъ: посѣщалъ латинскія палатки, бражничалъ тамъ цѣлыя ночи, проигрывалъ въ дискъ цѣлыя дни. Всѣ заботы императоровъ ограничивались сборомъ денегъ и изобрѣтеніемъ новыхъ способовъ къ извлеченію доходовъ. Въ январѣ 1204 г. Исаакъ за болѣзнію, не оставлялъ уже дворца, а Алексѣй вступилъ въ новья, оскорбительныя для народнаго чувства, обязательства къ крестоносцамъ, за что его стали подозрѣвать въ предательствѣ и измѣнѣ. Тогда населеніе столицы, разжигаемое честолюбцами, которые желали къ своимъ выгодамъ воспользоваться общимъ недовольствомъ, стало собираться въ кружки и придумывать средства къ выходу изъ

¹⁾ Nicet, p. 777.

²⁾ Ibidem p. 778.

³⁾ Nicet, p. 851.

⁴⁾ Thesaurus orth. fidei V. c. XLII. и далѣе: multis quidem illis, nec luculentis illis opibus absimiles, quae imperialium officiorum fuerunt, quibus ordine graduque debito sum coonestatus.

затруднительнаго положенія. 25 января 1204 г. толпы народа собрались въ церковь св. Софїи; сенаторы, архіереи и духовенство также приглашены были принять участіе въ избраніи новаго императора. Никита, какъ членъ цареградскаго сената присутствовавшій на этомъ собраніи, сохранилъ намъ живое описаніе его. „Въ великой церкви было огромное стеченіе народа; принудили явиться на это сборище сенатъ, соборъ архіереевъ и почетное духовенство для общаго разсужденія объ избраніи новаго царя. Когда предложили мнѣ высказать свое мнѣніе о современныхъ обстоятельствахъ, я говорилъ противъ низверженія императоровъ и не соглашался на выборъ новаго лица. Ибо я былъ увѣренъ, что новоизбранный императоръ не только не можетъ быть единодушно признанъ всѣми партіями, но будетъ еще имѣть противъ себя латинскихъ вождей, которымъ выгодноѣ поддерживать Алексѣя, сына Исаака. Но подвижная и бурная масса народа, ставившая произволь выше всякаго убѣжденія, повторяла, что не хочетъ быть въ подчиненіи у царя изъ рода Ангеловъ, что не оставитъ собранія до тѣхъ поръ, пока не выбранъ будетъ угодный ей правитель. Я по опыту зналъ упорство этихъ людей и замолчалъ, оплакивая свою судьбу и проливая горькія слезы: я предвидѣлъ будущія бѣдствія¹⁾. На этомъ собраніи не былъ уваженъ ни голосъ Никиты, ни мнѣніе людей его партіи. Перевѣсъ оказался на сторонѣ Алексѣя Дуки, по прозванію Мурдуфла, который, склонивъ народъ на свою сторону, овладѣлъ особою Алексѣя Ангела, сына Исаака²⁾, и черезъ три дня послѣ того объявилъ себя императоромъ. Удаливъ съ высшихъ должностей приверженцевъ предыдущей династіи, Алексѣй Дука окружилъ престолъ родственниками и друзьями; и нашему писателю пришлось поплатиться за сочувствіе къ Ангеламъ лишеніемъ всѣхъ должностей³⁾. Достоинство секретаря-логогета перешло на тестя Мурдуфла, Филокалія.

Алексѣю Дуку не долго пришлось носить императорскій вѣнецъ: 12 апрѣля того же года крестоносное ополченіе овладѣло Цареградомъ и императоръ съ немногими изъ близкихъ къ нему людей долженъ былъ спастись послѣшнимъ бѣгствомъ. Тогда городъ подвергся ужасному пожару, неслыханному грабежу; жители, лишенные имущества, бѣжали куда могли. Не будемъ останавливаться на бо-

¹⁾ Nicet, p. 743—744.

²⁾ Исаакъ, пораженный этимъ извѣстіемъ, скоропостижно умеръ.

³⁾ Nicet, p. 749.4—7.

гатою красками картинѣ жестокаго насилія и ненасытнаго хищничества, внесеннаго крестоносцами въ христіанскую столицу; перейдемъ прямо къ судьбѣ нашего писателя, который также долженъ былъ подвергнуться бѣдствію наравнѣ съ другими. Потерявъ во время второго пожара богатый домъ свой на Сфоракиѣ, Никита укрылся въ другомъ, принадлежавшемъ ему, домикѣ, не столь видномъ, прикрытомъ галлереей и не легко доступномъ. Сюда собрались знакомые и друзья его и стали придумывать средства, какъ-бы избѣгнуть нечаяннаго нападенія враговъ. Отъ этого домика былъ весьма близкій переходъ къ церкви св. Софіи, но и священное мѣсто не обѣщало безопасности: отряды латинскаго войска, разсѣявшись по разнымъ улицамъ, не оставляли безъ поруганія и церквей. Одно случайное знакомство помогло Никитѣ защитить свой домъ отъ вторженія враговъ и собраться съ мыслями относительно плана дѣйствій на будущее время. Между венеціанскими купцами, во множествѣ проживавшими въ Царѣградѣ, были люди, облагодѣтельствованные имъ и считавшіе обязанностію помочь въ бѣдѣ своему покровителю. Одинъ изъ нихъ, принятый въ домъ Никиты и пользовавшійся его личнымъ расположеніемъ, прибѣгнулъ для этого къ весьма остроумному средству. Надѣвъ на себя латы и вооружившись какъ латинскій воинъ, онъ всталъ при входѣ въ домикъ Никиты и давалъ понять проходившимъ для грабежа иностранцамъ, что онъ первый завладѣлъ этимъ домомъ и безъ борьбы никому его не уступитъ. На нѣкоторое время дѣйствительно удалось ему обмануть враговъ; но стали подходить новыя толпы, которыя, не обращая вниманія на знаги и угрозы венеціанца, силою хотѣли пробраться ко входу. Венеціанецъ и тогда не потерялъ присутствія духа и сообразительности: онъ нашель возможнымъ защитить по крайней мѣрѣ личную безопасность своего патрона и его семейства. По совѣту его, семейство и друзья Никиты приперлись бѣдною одеждою и въ качествѣ плѣнниковъ пошли за своимъ защитникомъ въ другой, болѣе безопасный домъ, принадлежавшій венеціанцамъ. Скоро и это убѣжище сдѣлалось не безопаснымъ, когда франки овладѣли окрестными домами. Предстояло подумать о бѣгствѣ изъ Царѣграда. Какъ ни трудно было Никитѣ рѣшиться на это послѣднее средство, но другого выбора не представлялось. Жена его была въ послѣднемъ періодѣ беременности, дѣти—маль мала меньше ¹⁾). Такъ какъ слуги

¹⁾ Nicet, p. 778. 8—10. ἐπιμαρία φέρειν ἡμεῖς ἠναγκάσμεθα τὰ μῆτρα τῶν παιδαρίων πρὸς χάρισμα, στέγειν δὲ ὑπὸ μάλῃ καὶ ἄρρενα παῖδα ὑπομαστίδιον.

и рабы, напуганные вторженіемъ враговъ, разбѣжались и съ Никитой остались только его родственники и друзья, то онъ самъ долженъ былъ взять на руки дѣтей своихъ, и съ этою ношей въ бѣдной одеждѣ вышелъ изъ города вмѣстѣ съ другими бѣглецами. Это было 17 апрѣля; слѣдовательно, Никита оставался въ столицѣ, по взятіи ея крестоносцами, въ теченіе пяти дней. По улицамъ города разбѣжались отряды непріятельскихъ всадниковъ, собирая добычу и обыскивая попадавшихся имъ на встрѣчу гражданъ. Никитѣ и товарищамъ его нужно было употребить не мало невинной хитрости и изворотливости, чтобы не обратить на себя вниманія враговъ и незамѣтно добраться до конца города. Женщины и дѣвѣцы помѣщены были среди мужчанъ; чтобы скрыть свою красоту и молодость, нѣкоторыя изъ дѣвицъ перепачкали грязью лица и шеи и шли, склоняясь къ землѣ, какъ старухи. Бѣглецы направлялись къ золотымъ воротамъ, имѣя въ виду удалиться въ западныя провинціи имперіи. Почти передъ самымъ выходомъ изъ города съ ними, однако, случилось несчастье: непріатели отняли у нихъ одну дѣвушку, дочь судьи ¹⁾. Пораженные ужасомъ и сожалѣнїемъ объ несчастной жертвѣ, на первыхъ порахъ они не знали, что предпринять. Отецъ дѣвицы, престарѣлый и больной человекъ, не могъ устоять на ногахъ, упалъ на землю и, съ отчаяніемъ во взорахъ, жестами и словами умолялъ Никиту помочь его дитяти. Не время было раздумывать и соображать: подчиняясь непосредственному чувству, Никита побѣжалъ за похитителемъ. Ему удалось вымолить содѣйствіе у нѣкоторыхъ крестоносцевъ, бывшихъ свидѣтелями ни чѣмъ не вызваннаго насилія и съ ихъ помощію освободить дѣвицу, которую похититель уже успѣлъ скрыть въ занятъ имъ домѣ ²⁾. Послѣ этого приключенія Никита благополучно выбрался за черту города.

Но какая область была безопасна отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, куда было скрыться? Пленъ и опустошеніе постигло не только столицу, но и многіе другіе города византійской имперіи. Братъ Никиты, архіепископъ аонскій Михаилъ, не могъ подать ему

¹⁾ Nicet., p. 780. τινὸς τῶν ἐπὶ τῷ δικάσειν θυγάτριον.

²⁾ Monodia, p. 373. П. Морелломъ, въ предисловіи къ изданнымъ имъ первымъ книгамъ сочиненія Никиты Thesaurus orth. Fidei, Lutetiae 1561 высказано было предположеніе, что эта дѣвица была изъ рода Велисаріотовъ и что на ней потомъ женился Никита; но уже Ганкій, De Byzant. regum Scriptoribus, Lipsiae 1677 г., p. 531, доказалъ неосновательность этого предположенія.

ни помощи, ни утѣшенія; въ то время онъ находился въ весьма затруднительномъ положеніи, съ опасностію собственной жизни охраняя Аѳины. Западныя и восточныя провинціи имперіи подверглись дѣлежу и предоставлены были во владѣніе вліятельнѣйшимъ изъ крестоносцевъ; прежніе намѣстники и императорскіе правители областей въ свою очередь стремились къ тиранніи и объявляли себя независимыми. Такъ, владѣтель Навплія Левъ Сгуръ, подчинивъ себѣ многіе города на греческомъ полуостровѣ, подступилъ къ Аѳинамъ. Архіепископъ Михаилъ защитилъ свой городъ и принудилъ Сгура снять съ него осаду; но скоро появился подъ стѣнами Аѳинъ еще опаснѣйшій непріятель, Бонифаций, маркизъ монферратскій, которому Михаилъ и долженъ былъ сдать свой городъ ¹⁾. Аѳины подпали власти иноземныхъ завоевателей, которыми лишены были мѣстъ чиновники императорскаго правительства: Михаила Акомината постигла одинаковая съ другими участь ²⁾. Мѣстомъ убѣжища или правильнѣе ссылки его сдѣлался островъ Кеосъ ³⁾. Его жизнь съ того времени была такъ бѣдна и жалка, что онъ никакъ уже не могъ оказать пріюта своему брату.

Вотъ почему, оставивъ столицу, Никита направляется къ приморскому городу Селимврїи, куда стремились и другіе соотечественники его, не терявшіе надежды на благопріятный исходъ событий. Трудно съ достовѣрностію опредѣлить, долго-ли Никита оставался въ Селимврїи и какіе онъ имѣлъ тогда виды относительно устройства своей судьбы. Здѣсь онъ былъ свидѣтелемъ новыхъ ужасовъ и опустошенія, которое производили въ европейскіхъ провинціяхъ крестоносцы; можно думать, что здѣсь же онъ узналъ о пораженіи короля Балдуина болгарами 14 апрѣля 1205 года, т. е. черезъ годъ послѣ паденія Цареграда; около двухъ лѣтъ Никита не зналъ, куда ему приклонить голову ⁴⁾. Болгары, нанеся латинянамъ поражение при Адрианополѣ, дали средства оправиться и усилиться тѣмъ изъ визан-

¹⁾ Nicet, p. 800.

²⁾ Ellissen, Michael Akominatos s. 30 sq, 36. Въместо него архіепископомъ аѳинскимъ назначенъ былъ нѣкто Bernardus; см. Baluz. Innoc. epistolae, t. XI, ep. 256, p. 266.

³⁾ Какъ видно изъ надписанія послѣдняго письма его: τοῦ αὐτοῦ ἐπιστολαί, αἱ ἐγραψεν ἀπὸ τῆς Κέου, Michael Akominat. s. 39, anmerk. 36. Нынѣ это островъ Зел, какъ сообщилъ намъ Г. С. Дестунисъ.

⁴⁾ Nicet, p. 815, ἀλλὰ καὶ ἡμεῖς ἐτι παροικοῦντες τῇ Σηλοβρία τὰ τῶν κακῶν ἐσχάτα εἰκάζομεν παύσασθαι.

тійскихъ вельможъ, которые стремились основать въ нѣкоторыхъ городахъ независимыя отъ латинянъ деспотства. Такъ, на противоположномъ берегу Дарданелловъ, въ Вионніи, объявилъ себя сначала деспотомъ, а потомъ императоромъ, византійскій вельможа Ѳеодоръ Ласкарисъ ¹⁾).

Императоръ Ѳеодоръ Ласкарисъ всѣмъ истиннымъ патриотамъ казался прямымъ преемникомъ византійскихъ императоровъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ получилъ избраніе большинствомъ голосовъ еще въ 1204 г. ²⁾, передъ вступленіемъ латинянъ въ Цареградъ; въ 1206 г. принялъ императорскую корону изъ рукъ законно-избраннаго патриарха. Глаза многихъ обратились къ Никеѣ, столицѣ новаго императора. Ласкарисъ далъ у себя пріютъ оставшимся въ живыхъ сановникамъ времени Комниновъ и Ангеловъ. Никита не говоритъ въ своей исторіи, когда онъ переехалъ въ Вионнію, но даетъ знать въ одномъ мѣстѣ, что остатокъ жизни провелъ на востокѣ, въ Никеѣ. Въ концѣ труда онъ такъ высказываетъ жалобу на соотечественниковъ: „можно подивиться, какъ эти люди съ теченіемъ времени не съѣдятъ другъ друга: они всегда уступчивы и мягки по отношенію къ врагамъ, но наглы и дерзки со своими соплеменниками. Прedayъ насъ и столицу врагамъ, они не устыдились чрезмѣрной лжи и не побоялись кары всевидящаго ока, когда стали сваливать вину за плѣненіе Цареграда на насъ, сенаторовъ. Въмѣсто того, чтобы выразить сочувствіе къ людямъ, которые, подобно намъ, лишились убѣжища, домашняго очага и средствъ къ жизни, между тѣмъ какъ прежде были богаты, знамениты и всемогущи, они преслѣдуютъ насъ насмѣшками и презрѣніемъ. Если бы я могъ предполагать это, то, избѣгая общенія съ такими людьми, не переселился бы на востокъ, но, подобно древнему Веллерофонту, сталъ бы искать бесплодной равнины, или, какъ Іеремія — отдаленнѣйшаго уголка земли. Съ тѣхъ поръ, какъ я поселился... въ вионнской столицѣ Никеѣ, близъ Асканіева озера, соприкасаясь съ ними по мѣсту жительства и посѣщая одни и тѣ-же храмы, во всемъ другомъ я держу себя совершенно уединенно отъ нихъ“ ³⁾).

Въ Никеѣ снова наступила для Никиты счастливая пора. Ласка-

¹⁾ G. Acropolis, p. 12—13 (ed. Bonn.); Sathas, Bibl. Graeca 1. Venet. 1872; см. слова Никиты, относящіяся къ этому времени.

²⁾ Nicet, p. 756.

³⁾ Nicet, p. 850—852.

рись обласкалъ его и возвратилъ утраченныя имъ при Алексѣѣ Дугѣ почести и отличія; съ своей стороны Никита сдѣлался самымъ живымъ и краснорѣчивымъ истолкователемъ надеждъ византійскихъ патриотовъ на императора Ѡ. Ласкариса. Въ Никеѣ опять собрался тѣсный кружокъ друзей и родныхъ Никиты, между которыми видимъ и братьевъ Велиссариотовъ. Своими средствами и вліяніемъ при дворѣ они помогали несчастнымъ соотечественникамъ, переселявшимся въ никейскую имперію. Объ этомъ времени вспоминаетъ Михаилъ въ надгробной рѣчи: „находясь вдали отъ него, когда и получалъ извѣстіе, что онъ живъ и здоровъ, я оживалъ духомъ и освѣждался. Всякій разъ, какъ я особенно мучился и бѣдствовалъ, извѣстіе отъ брата доставляло удивительное утѣшеніе душѣ моей. А когда приходилось получать письмо, подписанное братомъ, тогда я припоминалъ и его милое лице, и пріятную рѣчь, и мнѣ казалось, что я обнимаю брата и цѣлую его: тогда облако, омрачавшее мою душу, разсѣивалось точно при появленіи ясной погоды и начиналъ сіять пріятный свѣтъ радости“¹⁾.

Михаила чрезвычайно поразило извѣстіе о смерти брата и его друзей Велиссариотовъ. Жизнь Никиты нужна была для многихъ: его высокая честность и неподкупность, извѣстная на обоихъ материкахъ—европейскомъ и азіатскомъ—доставила ему добрую славу и почетъ; обширный кругъ родственниковъ, возлагавшихъ на него много надеждъ и поддерживаемыхъ его знатностію и высокимъ положеніемъ, лишился въ немъ послѣдней опоры²⁾. Послѣ Никиты осталась вдова и нѣсколько дѣтей; есть упоминаніе о сестрѣ и старшемъ сынѣ, блуждавшемъ въ неизвѣстныхъ странахъ. Дѣлая обращеніе къ самому себѣ, Михаилъ находитъ, что его жизнь теперь стала въ тягость и ему и другимъ. „Много побужденій у меня плакать: и общественныя и мои собственныя бѣдствія. Знаменитый храмъ, алтарь котораго вѣренъ былъ моему попеченію, на моихъ глазахъ разграбленъ и опустошенъ святотатцами. И самъ я, проведенши при немъ 30 лѣтъ, какъ изсохшій пень, будучи выхваченъ изъ святилища и перенесенъ силою вѣтра черезъ моря и горы, едва могу влачить жалкую жизнь. Но потеря брата, присоединявшаяся къ моимъ несчастіямъ, какъ де-

¹⁾ Monodia, p. 375—376.

²⁾ Ibidem, p. 370, dici non potest quantos in luctus incidit Asia, quamque querulis lamentis queritanti moestior Europa responderit simul atque de communi omnium damno certior facta est.

сятая казнь египетская, собрала всё слезы, усилила рыданія и горести“¹⁾).

Годъ смерти Никиты можно указать только приблизительно. Архiepiscопъ вѣнскій Михаилъ, не многимъ пережившій его, и оставившій, въ формѣ надгробной рѣчи, подробныя извѣстія о жизни Никиты, умеръ въ 1216 г.²⁾ Въ недавно изданныхъ Саею словахъ нашего историка есть одно, указывающее на событія 1210 г., именно на войну Ласкариса съ иконійскимъ султаномъ, поражение и смерть послѣдняго³⁾. Смерть Никиты такимъ образомъ должна падать на періодъ между 1210 и 1215 г.; нѣкоторыя соображенія заставляютъ отодвинуть ее по возможности ближе къ послѣднему сроку. Никита оставилъ два большіе труда богословскаго и историческаго содержанія, которые если не составлены, то обработаны имъ главнымъ образомъ въ послѣдній періодъ жизни, т. е. въ Никеѣ. Эти труды должны были потребовать какъ значительнаго времени, такъ и извѣстной доли спокойствія и досуга, которыми нашъ писатель могъ наслаждаться не ранѣе какъ съ 1206 года.

III.

Характеристика писателя.

Въ настоящее время еще не возможна всесторонняя оцѣнка общественной и литературной дѣятельности Никиты: не всё его сочиненія изданы въ свѣтъ, нѣтъ предварительныхъ критическихъ работъ, которыя бы подготовили возможность появленія цѣльнаго очерка. Особенно приходится сожалѣть намъ о томъ, что замедлилось начатое въ Венеціи изданіе историческихъ словъ и писемъ Никиты. Ученый грекъ Саеа, напечатавшій въ 1 т. своей бібліотеки семь словъ нашего писателя, еще не успѣлъ выполнить своего обѣщанія—обна-

¹⁾ Monodia, p. 371.

²⁾ Онъ былъ въ живыхъ въ 1215 г., что доказываетъ письмо его къ патриарху Михайлу Харитопулу:—Le-Quion, Oriens christ. T. I. p. 278; Bandini № 171.

³⁾ Sathas, Bibl. Graeca medii aevi. vol. 1. Venetiis 1872, см. тутъ послѣднее слово Никиты на возвращеніе императора изъ восточнаго похода.

родовать, *немного спустя*, и другія рѣчи и письма Никиты ¹⁾). Существенная важность мелкихъ сочиненій Никиты обуславливается тѣмъ обстоятельствомъ, что они вызваны были событіями дня, назначались для живыхъ лицъ, между тѣмъ какъ исторія, обнимая собою минувшія дѣла, составлялась писателемъ при другихъ обстоятельствахъ, когда уже переставали дѣйствовать тѣ лица, о которыхъ онъ долженъ былъ говорить. Но измѣнившіяся обстоятельства повліяли и на отношеніе писателя къ описываемымъ лицамъ и событіямъ: въ мелкихъ сочиненіяхъ императоры Ангелы совсѣмъ не тѣ, какими они выводятся въ исторіи, и самыя событія историческія иными красками рисуются въ исторіи, чѣмъ въ мелкихъ сочиненіяхъ ²⁾). Такимъ образомъ изданіе обѣщанныхъ Сабою писемъ Никиты желательно и для оцѣнки характера писателя, и для объясненія если не противорѣчій, то различій въ его взглядахъ на лица и событія. Знакомясь съ исторіей Никиты, мы пришли къ убѣжденію, что разныя части его труда имѣютъ неодинаковое значеніе для историка: одніе представляютъ сокращеніе или распространеніе другихъ, впрочемъ, не названныхъ имъ источниковъ, или могутъ быть дополнены писателями той же эпохи, касающимися тѣхъ же событій, которыя описываетъ Никита; другія же, исключительно принадлежація нашему писателю, не могутъ быть дополнены изъ извѣстныхъ намъ источниковъ и составляютъ характеристическую сторону всего труда его. Разумѣется, эти послѣднія части труда Никиты по преимуществу остановили на себѣ наше вниманіе: въ нихъ мы видимъ все его достоинство, потому что ими выдѣляется онъ изъ среды какъ византійскихъ, такъ и западныхъ писателей. Но такъ какъ эта часть исторіи по преимуществу касается субъективной стороны нашего писателя (его міровоззрѣнія, политическихъ и нравственныхъ убѣжденій, патріотизма, отношеній къ современной ему правительственной системѣ и т. п.), то естественно, мы предпочли остановиться на ней, думая этимъ путемъ начать изученіе важнѣйшаго, почти единственнаго, источника византійской исторіи второй половины XII и начала XIII вѣковъ. Съ одной

¹⁾ Sathas, *Bibl. Graeca medii aevi*, vol. I, Venet. 1872; σελ. ιη. Περί... Νικήτα τοῦ Χωνιάτου ἐπιφολαττόμενος νὰ λαλήσω κατ' ἕκτασιν ἐν προλεγόμενοις τῶν μετ' οὐ πολὺ δημοσιευθησομένων καὶ ἄλλων ἀνεκδότων ἱστορικῶν λόγων καὶ ἐπιστολῶν αὐτοῦ...; см. также Fabricii *Bibl. Graeca* VII, p. 738 о большомъ количествѣ писемъ и рѣчей Никиты.

²⁾ О письмахъ Никиты предложена будетъ въ своемъ мѣстѣ особая глава.

стороны такія соображенія, вытекающія изъ свойствъ самого изучаемаго писателя, съ другой—недостаточная разработка византійской исторіи, заставляя насъ ограничивать свои задачи до возможно тѣсныхъ предѣловъ, побудили отказаться отъ критическаго разбора не только всѣхъ извѣстій Никиты, но даже какой-либо группы ихъ, — трудъ, который былъ бы подъ силу человѣку, болѣе насъ свѣдущему въ исторіи востока и болѣе опытному въ научныхъ занятіяхъ.

Взглядъ на Никиту первыхъ издателей.

Историческій трудъ Никиты давно уже извѣстенъ: первое изданіе его сочиненія относится къ 1557 году. Если уроки прошлаго должны имѣть значеніе въ жизни, то въ наукѣ они получаютъ громадное приложеніе. Любопытно посмотрѣть, какъ взглянули на нашего писателя первые его читатели и издатели XVI вѣка. Собственно фактическая сторона исторіи мало обратила на себя вниманія: не было даже и попытокъ снести его извѣстія съ тѣмъ, что сообщаютъ другіе писатели той же эпохи. Но изъ знакомства съ произведеніемъ Никиты нѣкоторые лица вынесли глубокое убѣжденіе въ томъ, что нашъ писатель производитъ нравственное, облагораживающее вліяніе, что по этому весьма полезно распространять въ обществѣ проводимыя имъ мысли, по возможности упростить и облегчить чтеніе его. Предпринимая новое изданіе Никиты, они смотрѣли на свое дѣло, какъ на подвигъ высокаго патріотизма, видѣли въ нашемъ писателѣ не только историка, но болѣе общественнаго дѣятеля, публициста. Такого мнѣнія о Никитѣ былъ Вольфъ, первый издатель, переводчикъ и, по справедливости, лучшій знатокъ его въ то время; такого же мнѣнія Петръ Морелль, первый издатель 5 книгъ его богословскаго сочиненія *Thesaurus orth. Fidei* ¹⁾). Предисловіе Вольфа къ 1 изданію Никиты отличается такими высокими достоинствами, что послѣдующіе издатели не могли не удѣлить ему мѣста въ новыхъ изданіяхъ ²⁾). «За Зонарой слѣдуетъ Хоніатъ, говоритъ Вольфъ въ этомъ предисловіи, человѣкъ, не только украшенный высокими достоинствами своего времени, но и отличный по таланту и многостороннему обра-

¹⁾ Ad clariss. Virum D. J. a S. Andrea P. Morelli epistola, предшествующее изданію 5 книгъ *Thesauri Lutetii* 1589 (очень рѣдкое); см. также франкфуртское изданіе Никиты р. 73.

²⁾ In Nicetae Acomnati Choniatae historiam H. Wolfii praefatio.

зованію; по моему убѣжденію, это писатель весьма справедливый, превосходный по изложенію и весьма полезный для читателей. Въ своемъ изложеніи онъ проводитъ строгую связь между событіями, наглядно развиваетъ дѣйствіе и создаетъ образованный кругъ читателей, возвышая ихъ міровоззрѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, есть много людей, и не занимающихся науками, которые по остроумію, краснорѣчію и опытности, превосходятъ и самыхъ ученыхъ мужей, вялыхъ и не рѣшительныхъ по природѣ и имѣвшихъ мало случаевъ обращаться въ обществѣ, хотя бы они провели всю жизнь въ запятіяхъ свободными наукамъ. Чего бы не достигли они, если бы къ ихъ счастливымъ природнымъ дарованіямъ присоединилось тщательное и методическое образование?» И далѣе, переходя къ нравственному элементу исторіи Никиты: «Подробный разсказъ его доставляетъ высокое наслажденіе, особенно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о крупныхъ событіяхъ и неожиданныхъ перемѣнахъ счастья. Эти событія громадной важности, совершившіяся въ незначительный періодъ времени, эти событія, достойныя удивленія или лучше сожалѣнія, при возрастающемъ со дня на день могуществѣ турокъ или персовъ, въ располхъ захватили грековъ. Никита съ такою горькою скорбію описываетъ нападенія варваровъ, праздность и развращенность (распущенность) христіанскихъ князей, что его сочиненіе было бы чрезвычайно полезно читать въ наше время всякому общественному дѣятелю: можетъ быть, оно въ состояніи будетъ возбудить умы нашихъ соотечественниковъ къ защитѣ своей страны, т. е. паннонскихъ провинцій, такъ какъ здѣсь выставляются блпстательные примѣры императоровъ Конрада и Фридриха и высокими похвалами превозносятся храбрость и самоотверженіе нѣмцевъ при завоеваніи Спрія и Св. земли. Кромѣ междоусобій, явившихся вслѣдствіе честолюбія, грековъ погубила страсть къ наслажденіямъ и бездѣятельное правительство; намъ (нѣмцамъ) тѣмъ же угрожаетъ безразсудная страсть къ войнамъ, непокойная поліархія... Никогда Германія не была богаче населеніемъ, военными силами, средствами къ жизни и просвѣщеніемъ: но всѣ эти богатства она употребляетъ не на погубель врага, а пользуется ими съ отвратительною жестокостію, чтобы не сказать безуміемъ, во вредъ себѣ самой. Подобныя мысли пришли мнѣ въ голову, когда я занимался этимъ историкомъ; я не сомнѣваюсь, что они поразятъ и другихъ читателей, не очерствѣвшихъ сердцемъ»....

Въ 1593 году вышло женеvское изданіе Никиты. Въ предисловіи къ

къ этому изданію ¹⁾, еще полнѣе выставляется нравственно-воспитательный элементъ исторіи Никиты ²⁾. Сказавъ нѣсколько словъ объ Вольфовомъ изданіи, авторъ продолжаетъ: Время, описанное Никитой, имѣетъ почти одинаковыя условія съ нашимъ временемъ. Горестная трагедія, разыгрывавшаяся въ теченіе 80 лѣтъ на обширномъ греческомъ театрѣ, трагедія, въ которой выводятся на сцену Комппы, Андронпп и различныя язвы придворныя, съ переменною именъ, можетъ быть легко приложена къ нашему времени. Я вдумывался въ эту трагедію со всѣмъ напряженіемъ и стремился довести читателей до сознанія того важнѣйшаго положенія, что нужно научиться уважать справедливость и не забывать божество. Въ разныхъ мѣстахъ этого сочиненія проводятся свободныя воззрѣнія честныхъ государственныхъ мужей, которые чужды ласкательства, притворства, но высказываютъ чудную, безпримѣсную правду. Не мало встрѣтишь здѣсь такого, что тебя и другихъ, облеченныхъ высокою властію, можетъ навести на правильныя и полезныя для государственнаго блага соображенія. И если нѣтъ для человѣка доблести, выше доблести политической (за исключеніемъ искренней вѣры), будь увѣренъ, что обильнѣйшій плодъ этой доблести ты получишь изъ чтенія Никиты. Къ примѣчаніямъ я присоединилъ оглавленіе книгъ и нѣкоторыя другія приспособленія, которыя могли бы сдѣлать болѣе свободнымъ и пріятнымъ чтеніе этой полезнѣйшей исторіи. Что касается до меня самого, то я испытывалъ высочайшее наслажденіе, изучая этого учителя жизни, который примприлъ меня съ самимъ собою (сдѣлалъ меня лучшимъ для меня). Я бы желалъ, чтобы и другіе могли почерпнуть изъ этого источника и сдѣлался лучшимъ.

Въ соотвѣтствіе съ указаннымъ взглядомъ на писателя, женеvскій издатель, дѣйствительно, употребилъ много усилій, чтобы нравственно-воспитательная, по его разумѣнію, часть сочиненія бросалась въ глаза и дѣйствовала на читателей. Главнѣйшимъ средствомъ для этого былъ выборъ всѣхъ нравственныхъ, гражданскихъ, наставительныхъ и обличительныхъ сужденій Никиты, сведеніе таковыхъ въ одно мѣсто и расположеніе ихъ въ азбучномъ порядкѣ, подъ оглавленіемъ

¹⁾ Оно принадлежитъ Sim. Goul. Silvanect., по предположенію Hankii.

²⁾ Nicetae Acominati Choniatae historia iterata ed. Graecolatina M.D.XCIII, посвященіе Adriano Junio Tuongio, къ сожалѣнію опущенное въ боннскомъ изданіи.

Gnomologia ¹⁾). Еще любопытнѣе въ этомъ отношеніи подборъ общихъ теоретическихъ правилъ и положеній, подкрѣпленныхъ мнѣніями Никиты ²⁾). Назидательная дѣла такихъ положеній весьма ясна, напр.: научивши слѣдуютъ за властителями, какъ тѣнь за тѣломъ; придворные доносчики губятъ самыхъ близкихъ къ нимъ людей. Таковы еще: юный вождь, возгордившись недавнею побѣдой, погибаетъ жертвою своей самонадѣянности; измѣнники—самые несчастные люди, за худыя дѣла они иногда выносятъ ужасныя мученія; заговорщики противъ своего отечества, нашедши пріютъ у иноземныхъ властителей, бываютъ принуждаемы исполнять неприятныя порученія и страдать, и др. ³⁾). Такъ какъ нашъ писатель обращалъ на себя вниманіе главнѣйше своей нравственной и назидательной стороной, то въ сохраненіи, разработкѣ и изданіяхъ его исторіи принимали участіе духовныя лица ⁴⁾).

Такимъ образомъ въ теченіе XVI и XVII вв. указаны были въ нашемъ писателѣ нѣкоторыя стороны, достойныя изученія. Дѣло изслѣдователя нашего вѣка, воспользовавшись трудомъ предшествующаго времени, указать пріемы, посредствомъ которыхъ можно идти въ дальнѣйшемъ изученіи предмета. Если мы будемъ держаться направленія, указаннаго издателями Никиты, то не выйдемъ изъ односторонняго представленія объ немъ, какъ о писателѣ нравственно-образовательномъ: помимо этой стороны, могутъ быть другія, не ме-

¹⁾ Таковы: *Adulatores, Alacritas, Amor cognatorum, Amor nostri, Calumnia, Consuetudo, Cupiditates etc....*

²⁾ *Axiomatum et insignium quarundam sententiarum, quae in Notis ad N. historiam occurrunt Index*. Ни указанные выше *Notae*, ни этотъ *Index* не вошли въ боннское изданіе, хотя очевидна важность ихъ для историческаго изученія писателя, и хотя изъ женеваго они внесены въ парижское изданіе 1647 года.

³⁾ *Delationes ut umbrae corpora principes viros sequuntur; delatores aulici sibi conjunctissimos evertunt; dux juvenis levi quodam recentis victoriae vento in aera sublatus, audacia sua perit: et de hostibus ex suo ingenio temere judicat; omnium miserrimi perduelles, qui male agendo horrenda fortiter perferunt; conjurati in patriam suam ad extremos principes dum confugiunt, indecora quaeque facere et pati coguntur*. Таковы же мысли, помѣщенные подъ: *Judicia Dei, Prudens dux, Anarchia, Bella quomodo gerenda, Cives sapientes*.

⁴⁾ *Νικήτου Χωνιάτου ἱστορία*. Parisiis M.DC.XLVII. Eminentissimo Principi Cardinali Julio Mazarino, epistola Fabroti: Editio Nicetae nova patronum sibi ex more quaerebat adversus malignos invidosque. См. также предисловія или посвященія при другихъ изданіяхъ.

нѣе важныя въ научномъ отношеніи, которыя въ немъ или не указаны, или не замѣчены. Никита прежде всего есть писатель извѣстнаго времени и народа. Наше вниманіе останавливается на немъ по столько, по сколько его сочиненіе служить къ разъясненію византийской исторіи. Само собою разумѣется, что съ вопросомъ о достоинствѣ произведенія связывается вопросъ объ умственномъ, нравственномъ и общественномъ значеніи писателя. Разъясненіе этихъ сторонъ, на сколько онѣ проявляются въ произведеніи, или характеристика писателя, приготовить насъ къ разбору и оцѣнкѣ его произведенія. Но это не конечная цѣль изученія писателя; за нею слѣдуетъ еще рядъ критическихъ работъ, оцѣнка въ частности нѣкоторыхъ его сужденій о томъ или другомъ предметѣ: хотѣлъ-ли, могъ-ли, умѣли-ли писатель сказать правду, не былъ-ли самъ введенъ въ обманъ другими?

Лучше можно понять характеръ извѣстнаго народа, когда имѣешь передъ глазами нравы и образъ дѣйствій одного изъ его представителей ¹⁾. Выходя изъ этого основанія, мы предполагаемъ здѣсь опредѣлить личныя черты Никиты, или представить его характеристику. При выполненіи этой задачи мы руководились слѣдующимъ соображеніемъ: словесное произведеніе, какой бы сферы жизни ни касалось оно, нося слѣды извѣстнаго времени и народности, несомнѣнно отпечатлѣваетъ на себѣ субъективныя черты. Писателю невозможно отрѣшиться отъ себя и сдѣлаться простымъ органомъ передачи чужихъ мыслей и голыхъ фактовъ. Его собственныя мысли, чувства и воззрѣнія, равнодушіе и пристрастіе, любовь и ненависть, не высказываемыя даже открыто, даютъ ту или иную окраску сообщаемымъ фактамъ; если же писатель обладаетъ живымъ характеромъ, подвижностію и любовью къ предмету, то онъ не уберется, чтобы не вложить часть своей души въ произведеніе. Выбрать тайныя и явныя черты изъ произведенія Никиты, въ которыхъ бы отпечатлѣвались его воззрѣнія, разсмотрѣть ихъ и дать имъ надлежащую оцѣнку — будетъ нашей задачей. Мы не совсѣмъ увѣрены, что начертанный нами образъ Никиты будетъ вполнѣ соответствовать дѣйствительности: большая или меньшая правильность его будетъ зависеть отъ того, искрененъ или нѣтъ Никита въ своемъ произведеніи,

¹⁾ Melius enim de populi alicuius indole ingenio judicabimus, ubi unius mores, agendi rationem ante oculos habemus. Migne, Patrologiae Cursus completus, t. 140, p. 301.

вѣренъ или нѣтъ въ жизни своимъ идеаламъ, признаваемымъ теоретически.

Историческое произведение Никиты задумано съ опредѣленною цѣлю, при твердомъ убѣжденіи въ полезности исторіи. Назначеніе ея не исчерпывается нравственнымъ вліяніемъ, но простирается дальше: исторія; по мысли Никиты,—неумитный судья, который безъ лицеизвѣнія судить о дѣлахъ человѣка и даже по смерти или казни его униженіемъ, или удостоиваетъ признательной памяти потомства; имѣя главною цѣлю истину, она противоположна, по своимъ свойствамъ, тому, что составляетъ существенный признакъ риторическихъ и поэтическихъ сочиненій. Никита назначалъ свой трудъ для читающей публики и подчинялся пзвѣстнымъ требованіямъ и ограниченіямъ, чтобы сдѣлать сочиненіе полезнымъ, легкимъ и пріятнымъ чтеніемъ ¹⁾: одно сокращалъ, о другомъ умалчивалъ, нѣкоторыя обстоятельства развивалъ во всѣхъ подробностяхъ. Задавшись цѣлю—написать исторію XII вѣка, отъ смерти Алексѣя I Комнина, онъ принималъ всю отвѣтственность, лежавшую на немъ, какъ на историкѣ, который принималъ на себя обязанность восполнить значительный пробѣлъ въ византійской исторіографіи ²⁾, и воспользовался для этого всѣмъ, что могли доставить ему любознательность и высокое положеніе. Если, съ одной стороны, сознаніе высокой цѣли исторіи должно было придать сочиненію Никиты необходимыя качества такого труда—истинность и искренность, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія его самаго и его современниковъ одинаковаго съ нимъ направленія; то обстоятельства, съ другой стороны, сдѣлали все, чтобы дать Никитѣ возможность говорить смѣло и безопасно. Несомнѣнно, что мы имѣли бы иную картину эпохи Комниновъ и Ангеловъ, если бы произведеніе Никиты появилось въ Цареградѣ, а не въ Никей, т. е. до 1204 г. Въ послѣднемъ случаѣ авторъ могъ независимѣе отнестись къ событіямъ: имперіи Ангеловъ уже не существовало, Цареградъ былъ подъ властію крестоносцевъ, смѣлая критика правительственной системы могла встрѣтить между читателями полное сочувствіе

¹⁾ Praefatio, p. 4—5, ed. Bonn.; pp. 145.14, 151, 164, 710.

²⁾ Praefatio, p. 7, —, ὃ δὲ λόγος εὐγνωμονῶν συγγνώμην αἰτεῖται παρ' οἷς εἰς χεῖρας πεσεῖται, εἰ μὴ φιλοτιμίως, δι' ἣ εἰρήται, καὶ ἄβρωσ ἐκπεπόνηται, ἐπαὶ καὶ ἄλλως νῦν πρῶτος ἡμεῖς τῆς ὑποθέσεως ἐπιβαίνομεν τῆσδε, οἷά τινα ἐρήμην καὶ ἀσπίθην διένειαι ἐχχαιροῦντες ὁδόν, ὅ καὶ δύσεργόν ἐστί καὶ πολλῶ ὑπερκαίμενον τοῦ ἔχουσιν ἐτάρων προσδουλότων ἐφομαρτεῖν....

Вліяніе идеаловъ древности на отношеніе Никиты къ современной ему жизни.

Мы уже видѣли, какое воспитаніе получали высшіе классы византійскаго общества IX—XII вв. и на какихъ по преимуществу предметахъ останавливалось вниманіе общественной школы. Изученіе древнихъ поэтовъ, ораторовъ и философовъ, чтеніе извѣстнѣйшихъ историческихъ писателей, каковы: Геродотъ, Фукидидъ, Ксенофонтъ, знакомя образованныхъ людей съ жизнью, нравами и воззрѣніями древнихъ, поселяло въ нихъ благоговѣйное уваженіе къ этому міру. Не требуется большой проникательности, чтобы замѣтить, что просвѣщеннѣйшіе византійскіе писатели слѣдуютъ въ способѣ изложенія какому-нибудь излюбленному образцу; при внимательномъ же разсмотрѣніи можетъ оказаться, что они позапметвовались не только слогомъ и способомъ изложенія, но и прониклись идеалами и міровоззрѣніемъ древнихъ писателей. Это любопытное въ исторіи культуры явленіе—живучесть греческаго міровоззрѣнія, обнаруживающаяся въ произведеніяхъ позднѣйшихъ византійскихъ писателей—можетъ объяснить и нѣкоторыя странницы произведенія Никиты.

Не достойно-ли удивленія то обстоятельство, что Никита, авторъ богословско-историческаго сочиненія, всѣмъ сердцемъ вѣрующей христіанинъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исторіи высказываетъ мысли, достойныя языческаго писателя? Нельзя заподозрить Никиту въ безвѣріе, безбожіе или ереси; языческія понятія о божествѣ пропикають въ его сочиненіе, вѣроятно, помимо его сознанія, въ силу увлеченія древними воззрѣніями. Въ самомъ дѣлѣ, въ большинствѣ случаевъ его богословскія понятія волюнѣ подчиняются господствующимъ и принятымъ церковію; при бѣгломъ чтеніи можно не замѣтить странныхъ уклоненій отъ церковной доктрины. Но если прослѣдимъ сужденія его объ одномъ и томъ же богословскомъ принципѣ по всему историческому труду, то не рѣдко можемъ встрѣтиться съ явными и рѣзкими уклоненіями отъ церковнаго ученія. Таково, напр., сужденіе о промислѣ. Никита глубоко убѣжденъ, что промисль управляетъ всѣмъ міромъ и человѣкомъ, направляя его дѣятельность къ неостижимымъ цѣлямъ. Божество наказываетъ порочныхъ людей еще въ настоящей жизни, насылая вѣдншихъ враговъ и поставляя жестокихъ правителей; но орудія гнѣва Божія, въ свою очередь, подвергаются новымъ бичамъ, если они превзойдутъ мѣру въ притѣсненіяхъ. если

слишком жестоко и продолжительно будут пользоваться поощрением его. Дѣла людей тогда только вѣнчаются успѣхомъ, когда на то будетъ соизволеніе Божіе. Богъ иногда помрачаетъ умъ человѣка, чтобы наказать его и не дать средствъ выйдти ему изъ затруднительнаго положенія. Предопредѣливъ человѣка къ блаженству или наказанію, промыслъ однако не стѣсняетъ его свободы и предоставляетъ на его выборъ два пути: порока и добродѣтели ¹⁾. Изъ этого убѣжденія въ справедливости промысла Никита вынесъ успокоительную увѣренность, что Богъ, наказавъ его соотечественниковъ, и помилуеъ ихъ. Заканчивая трудъ картиной грабежа, насилія и порабощенія византійцевъ крестоносцами, нашъ писатель облегчаетъ свою гражданскую скорбь отрадною надеждой, что не въ конецъ осуждены римляне на рабство и зависимость, что крестоносцы не могутъ же безчинствовать безнаказанно ²⁾.

На ряду съ подобными понятіями о промыслѣ, принятыми въ христіанской догматикѣ, у Никиты можно встрѣтить объ этомъ же предметѣ мысли и выраженія не только не согласныя съ общепринятыми въ церкви, но и совсѣмъ не христіанскія. Языческое представленіе о судьбѣ, играющей человѣческими дѣлами, о перемеѣнахъ счастья и несчастія, стоящихъ въ зависимости отъ прихоти боговъ, о зависти божества продолжительному благополучію человѣка (Поликратовъ перстенъ) могутъ иногда объяснять и сужденія Никиты о промыслѣ. Сюда относятся всѣ тѣ мѣста, гдѣ божество получаетъ необычныя названія и опредѣленія: θεία νέμεσις ³⁾, ὁ δαίμων ⁴⁾, ἡ τύχη ⁵⁾, καχοποιὸς δόναμις ⁶⁾ и др. При такомъ взглядѣ на промышляющую о человѣчествѣ дѣятельность божества становятся ничтожны всѣ успія человѣка, тщетны его предпріятія: злая сила неудержимо влечетъ его по своей прихоти ⁷⁾.

¹⁾ О судьбахъ промысла въ общественной и частной жизни человѣка: pp. 168. 9—10, 184. 22—23, 200. 11—12, 587. 10—15, 595. 7—8, 636. 1—2, 637. 18, 768. 11, 769. 5—14, 839. 4, 815. 24, 611. 21—22, 775. 2—5 и др.

²⁾ Nicet. p. 768—769, 782. 14—15.

³⁾ p. 595. 7.

⁴⁾ p. 840. 9.

⁵⁾ p. 78. 6, ἡ δὲ τύχη μηδὲ καθαρῶς τὴν τοῦτου μεταβάσιν ἀναμείνασα πρὸς τὸν Στοππειώτην μετασκευάσατο, καὶ προσπλακεῖσα, πῶς ἂν εἴποι τις, ἀσμένως καὶ χαριέστατα ταῖς καθ' ὥραν πάσαις ἐκλέιξεν ἀναβάσει..., см. также p. 834. 22.

⁶⁾ p. 677. 10, 568. 7.

⁷⁾ p. 807. 7, ἀλλοπρόβαλλος ἡ μάχη, πεπευτὰ τὰ ἀνθρώπινα, καὶ ἡ νίκη ἐπαμείβεται ἄνδρας; οὐδ' Ἀλεξάνδρῳ φασὶ τὰ ἐπὶ πᾶσιν ἀπρόσκοπα, οὐδ' ἀδιάπτωτος ἡ τύχη

Въ особенноти любопытно у Никиты олицетвореніе карающей силы божества: это не что иное, какъ ἡ δίκη—въ смыслѣ воздаянія, мщенія. Дίκη никогда не засыпаетъ, наслаждается продолжительными несчастіями людей, быстро и неожиданно, безъ шума появляется передъ преступникомъ ¹⁾; многоногая и многорукая, она тихою поступью приближается къ городу, дѣлается неумолимымъ мстителемъ ²⁾.

Есть у Никиты не мало лирическихъ мѣстъ, которыя подъ перомъ христіанскаго писателя представляются, по меньшей мѣрѣ, странными, таково заклинаніе рѣки Алфея ³⁾,—образовъ и картинъ, взятыхъ изъ древнихъ писателей и не совсѣмъ подходящихъ къ христіанскимъ воззрѣніямъ. Не странно-ли въ самомъ дѣлѣ, что Никита умершихъ отправляетъ въ адъ черезъ Ахеронъ, не забываетъ о перевозѣ душъ черезъ эту рѣку, о Стиксѣ? ⁴⁾ Трудно сказать, изъ одного-ли подражанія языку древнихъ создаетъ Никита картину разлученія души съ тѣломъ ⁵⁾, или и самъ при этомъ увлекался, представляя себѣ смерть также, какъ и древніе. Отмѣтимъ еще любопытное мѣсто: икона Богоматери, поставленная на богато-убранную колесницу, напоминаетъ ему Аонну, когда она садится въ колесницу, рядомъ съ Діомедомъ. Хотя Никита тутъ же отмѣчаетъ различіе между тою и другою, тѣмъ не менѣе мы считаемъ за нужное указать на это мѣсто, потому что оно рисуетъ кругъ воззрѣній писателя ⁶⁾.

Указывая на приведенные случаи, въ которыхъ нельзя не видѣть вліянія на Никиту древнихъ писателей и ихъ міровоззрѣнія, мы не думаемъ ограничивать этого вліянія лишь сферою вопросовъ вѣры. Такъ, Никита питаетъ высокую любовь къ памятникамъ древняго искусства: многія страницы его исторіи дышутъ сочувствіемъ къ покро-

παράπαν τοῦ καίσαρος; 677. 10—11 καταγοητεούσης; οἶμαι, κἀναυθα τῆς κοκοποιοῦ δυναμείως τῆς ἐπὶ τὸ κάταντες αἰε φερούσης τὰ Ῥωμαίων πράγματα.

¹⁾ p. 710. 15—18.

²⁾ 775. 11—14.

³⁾ 807. 10—12. βραχύ τι ἐπίμεινον... ναὶ πρὸς αὐτῆς τῆς Ἀρεθούσης τῶν ἀνεπάφων ἄλμης φιλοτήτων καὶ τοῦ ἐρωτόεντος νάματος.

⁴⁾ p. 383. 10, 747. 1—2, 825. 18, 219. 9, 4. 14.

⁵⁾ p. 4. 14. καὶ τοῦ μὲν ἐς ἄδου βέβηκεν ἡ ψυχὴ, πρὸς δὲ τὰ ἐξ ὧν ἠρμόσθη τὸ σῶμα ἐπαλινώρομησε; 747 διὰ στενῆς καὶ τεθλιμμένης τῆς δὲ πορείας τὴν ψυχὴν ἐκθλίβει καὶ πρὸς τὸ τοῦ ἄδου ἐκπορηγίζει πέταυρον.

⁶⁾ 205. 24. οὐ μέγα δ' ἔβραχεν ἄξων, ὅτι μῆδὲ θεᾶν ἴγχε δαινὴν τὴν ψευδοπαρθένον Ἀθηνᾶν, ἀλλὰ τὴν ὡς ἀληθῶς παρθένον καὶ ὑπὲρ λόγον διὰ λόγου τὸν λόγον λοχεύσαν. Πλας V, 838: μέγα δ' ἔβραχε φήγιнос ἄξων βριθισοῦνη; δαινὴν γὰρ ἄγεν θεόν...

вителямъ древнихъ статуй и презрѣніемъ къ тѣмъ, которые уничтожали ихъ. Онъ не падить, напр., рѣзкихъ выраженій противъ царицы Евфросиніи, жены Алексѣя III, которая приказала отсѣчь носъ у статуи калидонскаго венря и публично нанести удары статуѣ Пракла¹⁾; поражаетъ горькими упреками и презрѣніемъ варварство крестоноснаго ополченія, лишившее столицу украшеній древняго искусства²⁾; не пропускаетъ отмѣтить недостойный поступокъ императора Мануила, который, ради успѣха въ войнѣ съ уграми, приказалъ низвергнуть статую Венгерки³⁾. Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ останавливается на описаніи древнихъ статуй и зданій, съ знаніемъ дѣла говоритъ о значеніи и происхожденіи ихъ⁴⁾.

И въ сферѣ практической жизни Никита не могъ отрѣшиться отъ идеаловъ, навѣянныхъ на него изученіемъ древнихъ писателей. Подводя явленія современной ему жизни подъ эти идеалы, онъ долженъ былъ замѣтить громадное разстояніе между тѣми и другими. Оставшись вѣрнымъ разъ составленной и глубоко усвоенной теоріи, Никита не совсѣмъ правильно, скажемъ даже не спсходительно, отнесся къ своему обществу, ибо идеаль его лежалъ далеко за предѣлами того времени, въ которое онъ жилъ.

Общій отзывъ о современномъ обществѣ.

Въ современномъ ему обществѣ, въ правительствѣ и въ поступкахъ частныхъ лицъ Никита не находитъ достойнаго похвалы. Съ его точки зрѣнія родъ людской нравственно измелъчалъ, прошла золотая пора героевъ, патріотовъ, свободы и независимости; распущен-

¹⁾ p. 688. з.

²⁾ p. 856 squ...

³⁾ p. 196. 11—12. Никита говоритъ здѣсь о двухъ статуяхъ на площади Константиновой: одна называлась Римлячкой, другая Венгеркой. Скарлатъ Византій, при описаніи форума Константина, упоминаетъ и объ этихъ статуяхъ. По его словамъ, это были статуи Лидійской Аены и Иры или Амфитрипы. Вотъ его слова, въ объясненіе перемены названій этихъ памятниковъ: 'Αλλ' ἐπὶ τῶν τελευτήτων τῆς Αὐτοκρατορίας χρόνων τὰ ἀγάλματα ταῦτα ἐνομιεθήσαν τελέσματα, ἐκονίζοντα, τῆς μὲν τοῦ Γραικοῦ, ὄθεν καὶ τὴν ἀνόμαζον Ῥωμαίαν; τῆς δὲ Ἀθηναῖς, τοῦ Βουτικοῦ, ἧτοι Βούρβαίους, ὄθεν καὶ τὴν ἐλεγον Οὐγγρισσαν, καὶ τοὶ τῶν ὀμμάτων αὐτῆς πρὸς νότον, ὡς εἶδομεν, ἐστραμμένων. Σκαρλάτου τοῦ Βυζαντίου, ἢ Κωνσταντινοπόλεως... Τόμ. 1. Ἀθήνησιν 1851. σελ. 429.

⁴⁾ Подъ его перомъ древнія статуи оживають, дышать и готовы говорить съ читателемъ. Таково описаніе Аены p. 738—9, Елены p. 863 и др.

ность нравовъ, праздность, эгоизмъ и порочность сдѣлалась господствующими между людьми. По этому его отзывы о современникахъ весьма рѣзки: не много людей пользуется его сочувствіемъ, даже лучшіе изъ нихъ не свободны отъ упрековъ.

Никита называетъ своихъ соотечественниковъ римлянами, всѣ другіе народы посяетъ названіе варваровъ. Если въ сознаниі его римскій міръ имѣетъ несравненныя преимущества передъ варварскимъ, то не забудемъ, что эти преимущества унаслѣдованы отъ древняго Рима. Римляне же XII вѣка, т. е. современные Никитѣ, утративъ воинскую доблесть, справедливость, патриотизмъ и самопожертвованіе, кромѣ имени, не многими качествами отлпчаются отъ варваровъ. Правда, блескъ и роскошь двора, богатства государственной казны еще плѣняютъ воображеніе варваровъ и даютъ Никитѣ случай выставить въ яркомъ свѣтѣ щедрость императоровъ и бѣдность варварскихъ властителей ¹⁾, но патриотическое чувство его не могло удовлетвориться роскошью двора и богатствами императора. Никитѣ хотѣлось видѣть между соотечественниками поболѣе тѣхъ качествъ, которыя возвеличили древній Римъ. Онъ понималъ, что народы, угрожавшіе въ его время Византіи своимъ первоначальнымъ развитіемъ и усиленіемъ, въ болъшей или меньшей степени, обязаны римской имперіи. „Богъ попустилъ на тебя, говоритъ онъ, обращаясь къ своему городу, неразумные народы, или лучше неизвѣстныя и разсѣянныя племена, изъ которыхъ болъшую часть если не родилъ ты, то возрастилъ и вскормилъ питательной пищей“ ²⁾.

Рѣдко гдѣ встрѣтишь такую безотрадную картину общества, какую рисуетъ Никита. Не признавая за современниками высшихъ нравственныхъ качествъ, одушевлявшихъ на гражданскую доблесть прежнихъ людей, онъ не затрудняется указывать имъ образцы даже у варваровъ. Таково его обращеніе къ своему обществу по поводу

¹⁾ Имѣемъ въ виду пріемъ провіійскаго султана при дворѣ Мануила. Ослѣпленный богатствами царской кладовой, султанъ воскликнулъ: «если-бы я владѣлъ такими богатствами, давно бы подчинилъ себя окрестныхъ враговъ». — «Я дарю тебя этими богатствами, отвѣчалъ императоръ, чтобы ты зналъ, какими сокровищами обладаетъ тотъ, кто за одинъ разъ можетъ сдѣлать такой подарокъ!» Nicet, p. 158. 13—16.

²⁾ p. 761. 10—14 Παρεζηλωμένη θεοῖσιν ἐπὶ μὴ ἐγέρουσιν εἴθεσιν, ἢ οὐδ' εἴθεσιν ἀληθῶς εἶπεῖν, ἀλλ' ἀμύροισι καὶ σποραδικοῖς γένεσιν, ὧν τὰ πλεῖστα εἰ μὴ ἐγέννησας, ἀλλ' ὀψωσίς τε καὶ στέατος πόρος μετέδωκας. Въ объясненіе послѣднихъ словъ слышаемся на словарь Свигды. Στέαρ πόρος, ὁ κἀλλιστος σίτος καὶ ἄριστος, — pinguedo frumenti.

того, что латиняне не спѣшили короновать преемника Балдуину, пока точно не узнали объ его смерти. „Да узнають объ этомъ римляне, которые уже во время избранія императора намѣчаютъ въ своемъ умѣ того, кто въ скорости долженъ низвергнуть его; потому-то по справедливости у всѣхъ народовъ они извѣстны, какъ матерубійцы эхидны, какъ народъ потерявшій смыслъ, сыны беззаконія, возбуждающіе между нами раздоры“¹⁾. Пороки, свойственные византійскому обществу, изъ подражанія, распространяются у другихъ варварскихъ народовъ. Такъ, по поводу братоубійства, случившагося при немъ въ Болгаріи, Никита замѣчаетъ: „братоубійство, выходя и распространяясь изъ нашей столицы, дошло до самыхъ отдаленныхъ концевъ земли. Не только властители персовъ, тавро-скивовъ, далматинцевъ, паннонцевъ, но и вожди другихъ народовъ наполнили свое отечество смутами и убійствами, поднимая мечъ противъ соотчичей“²⁾. Латинянамъ легко было вести дѣло съ византійцами, потому что они издавна уже знали, что эти послѣдніе всего больше заняты пьянствомъ и похмѣльемъ³⁾, и напоминають, по жадности къ увеселеніямъ, жителей Сивариса. „Пьянство мѣшало римлянамъ обдумывать свои предпріятія. Этотъ порокъ осмѣивали и другіе, и въ особенности Менаандръ: Византія спиваетъ торговцевъ, пьютъ они по цѣлымъ ночамъ“⁴⁾. Оттого-то хорошій человекъ является исключеніемъ: недоумѣваешь, какъ наше общество, „злое и распутное, имѣетъ среди себя такое сокровище“⁵⁾. Современное ему поколѣніе производило лишь ядовитую цыкту, ни на что другое не годную, какъ заражать все соприкасающееся и устроить погибель городовъ, власти надъ которыми незаконно добивались люди⁶⁾. Добрый примѣръ не могъ найти подражанія и оставался единичнымъ⁷⁾, не много уже было людей опытныхъ въ военномъ дѣлѣ⁸⁾. „Что можно сдѣлать ради общественнаго блага въ наше время, когда императоры, воспитанные въ нѣгѣ, спятъ глубокимъ сномъ и съ утра объѣдаются яствами,

¹⁾ Nicet, p. 847. 10—16.

²⁾ Ibid. p. 705. 18—24.

³⁾ Ibid. p. 717. 12—15.

⁴⁾ Nicet, p. 514. 10—12. μαθήσοις τοὺς ἐμπόρους ποιεῖ τὸ Βυζάντιον... ἄλην ἐπίνον τῆν νόχτα.

⁵⁾ Ib. p. 284. 15—16.

⁶⁾ Ib. p. 378. 16—19.

⁷⁾ Ib. p. 638. 15.

⁸⁾ p. 667. 4—6.

и такъ незнакомы съ теченіемъ общественныхъ дѣлъ, что могутъ считаться помѣшанными: зимою ищутъ цвѣтовъ, а весною осеннихъ плодовъ; а наше продажное и развращенное правительство не поймешь съ постели ни звуками трубы, ни пѣснями птицъ: оно пріятно спитъ и отвыкло отъ военныхъ дѣлъ¹⁾). Въ такомъ обществѣ нечего ожидать появленія честныхъ и неподкупныхъ людей, напрасно высказывать благородную мысль: честное слово всегда покрыто себялюбивыми голосами²⁾).

Идеальная и отрицательная черты императора.

Императорское правительство, начиная съ главы его и кончая низшими органами, Никита преслѣдуетъ строгимъ порицаніемъ и безпощаднымъ обличеніемъ. Сочувствіе Никиты привлекаютъ къ себѣ тѣ качества императора, которыми обусловливается счастье и благоденствіе управляемаго имъ народа, могущество извнѣ и свобода внутри. Но такими качествами отличались императоры добраго стараго времени, которыхъ жизни нашъ писатель не касался; такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи онъ обращаетъ любовный взоръ по преимуществу къ древней имперіи. Завоевательные замыслы Іоанна, простиравшіеся на самую Палестину и ревность о славѣ римскаго оружія, картинно представленная въ предсмертной рѣчи императора, рисуютъ намъ идеальныя черты царя, какими Никита надѣлилъ бы лучшаго изъ нихъ³⁾. Лучшій императоръ, по мнѣнію Никиты, милостивъ, щедръ, доступенъ. Въ его сокровищницу, точно рой пчелъ, съ шумомъ входятъ царедворцы, получая всякій по своему желанію⁴⁾. При такомъ императорѣ люди переживали золотой вѣкъ, воспѣваемый у поэтовъ. Такому государю влагается мысль, что только воюющій наслаждается миромъ, что города крѣпки не стѣнами, а оружіемъ⁵⁾; если такой государь и не достигаетъ цѣли, то нуждается не только въ извиненіи, даже въ похвалѣ. Сказавъ объ огромныхъ затратахъ на бесплодную сицилійскую войну при Мануилѣ, Никита говоритъ: «но кто можетъ обвинить человѣка, такъ ревностно заботившагося о лучшемъ строѣ государства, хотя бы онъ и не достигъ

¹⁾ p. 772—773.

²⁾ Nicet, p. 746. 12—13.

³⁾ Ibid, p. 56, 63.

⁴⁾ Ib. p. 79. 2, 3, 10.

⁵⁾ Ib. p. 118, 10.

всего?»¹⁾ Относительно подданных желателенъ кроткій, незлобивый и не карающій безъ нужды царь²⁾. Справедливость и истина — его существенныя качества: царь Андроникъ, вообще не пользующійся расположеніемъ писателя, заслуживаетъ отъ него похвалы за отмѣненіе обычая — расхищать корабли, потерпѣвшіе крушеніе³⁾. Держать данное слово — преимущественная обязанность царей и полководцевъ⁴⁾. Хорошій императоръ имѣетъ опытныхъ и достойныхъ совѣтниковъ; для него всего чувствительнѣе неудачное сраженіе и потеря значительной части войска⁵⁾. Мы намѣренно указали эти немногія черты, какими характеризуетъ Никита царскую власть, чтобы дать понять, какъ далека была дѣйствительность отъ его идеала.

Дѣйствительность во многомъ не соотвѣтствовала запросамъ Никиты. Лучшій изъ царей его исторіи, Мануиль, рисуется не всегда привлекательными красками: онъ сталъ обращаться съ подданными, какъ съ рабами, пересталъ давать щедрые подарки⁶⁾, не заботился о поддержаніи морскихъ силъ въ государствѣ⁷⁾, утрачивалъ области, приобрѣтеныя прежними императорами⁸⁾. Отъ этого нашъ писатель непрерывно изливаетъ горькое негодованіе противъ лицъ правительственныхъ: на рѣдкой страницѣ не попадается прямого или косвеннаго намека на неспособность ихъ. Византійское правительство главнѣйшіе упреки заслуживаетъ за свою праздность, распущенность, неспособность; императоры — за довѣріе недостойнымъ людямъ: своимъ родственникамъ, монахамъ и безчестнымъ астрологамъ, сознательно обманывавшимъ ихъ.

Императоръ, верховный глава государства, несетъ на себѣ главнѣйшую отвѣтственность за бѣдствія, постигшія имперію. Никита не сочувствуетъ частой смѣнѣ императоровъ; не хвалитъ возстанія и заговоры царедворцевъ, и отъ своего лица, и черезъ другихъ не одобряетъ смуты и волненія⁹⁾. Но императоры, не соотвѣтствующіе

¹⁾ Nicet, p. 132. 3—5.

²⁾ Ibid. p. 60. 24.

³⁾ Ib. p. 423. 19—20.

⁴⁾ Ib. p. 686. 16—18.

⁵⁾ Ib. p. 236. 15.

⁶⁾ Ib. p. 79—80.

⁷⁾ Ib. p. 75. 18.

⁸⁾ Nicet, p. 96. 12.

⁹⁾ Nicet, p. 17. 11—16. Царикъ Привѣ приписываются такія слова, сказанныя

своему назначенію, каковы почти всѣ, вошедшіе въ исторію Никиты, приносятъ съ собою бѣдствія и несчастія странѣ. Обычное вступленіе ихъ на престолъ посредствомъ насилія и кровопролитія повело за собою то, что народъ сталъ относиться къ придворнымъ перемѣнамъ эгонстически и безучастно¹⁾, что истощалась государственная казна, возвышались изъ ничтожества жалкія орудія интригъ²⁾ и унизалось значеніе императорской власти.

Геройство, безстрашіе и отвага на войнѣ — лучшее качество императора. Но Никита находитъ и въ Мануилѣ недостатки этихъ качествъ — одна изъ весьма рѣзкихъ особенностей, отличающихъ трудъ Никиты, въ особенности, если смотрѣть на Мануила глазами Киннама. Разъ, говоритъ Никита, этотъ императоръ, во время войны съ турками, по неосторожности, попалъ въ засаду. Римляне провели всю ночь, блѣдые отъ страха и дрожащіе, какъ листья на деревьяхъ во время листопада; да и самъ императоръ питалъ въ душѣ самыя неблагоприятныя мысли. Когда онъ высказалъ своимъ приближеннымъ, что, по его мнѣнію, осталось спасеніе только въ тайномъ бѣгствѣ и что войско должно быть оставлено въ жертву плѣна и смерти, слова его поразили всѣхъ, кому довелось ихъ услышать... и не только созванные на совѣтъ весьма огорчились этимъ, но и одинъ простой воинъ, стоявшій внѣ палатки, услыхавъ мнѣніе царя, возвысилъ голосъ и, громко зарыдавъ, сказалъ: „увы, что за мысли приходятъ на умъ римскому императору!“ и, обращаясь лично къ царю, продолжалъ въ весьма рѣзкомъ и оскорбительномъ тонѣ тяжелыя укорины³⁾.

Дорого стоящія военныя предпріятія одобряются только тогда, когда съ ними соединено народное благо и государственныя выгоды. Съ этой точки зрѣнія, египетскій походъ Мануила предпринять былъ „просто изъ честолюбивой мечты, которая не обращаетъ вниманія на дѣла первой необходимости и подталкиваетъ царя на бесполезныя предпріятія. Онъ желалъ сравняться съ царями, слава которыхъ распространилась по многимъ землямъ и предѣлы владѣній отъ моря до моря и отъ востока до запада“⁴⁾. На ряду съ этимъ, по поводу

ею по поводу заговора Анны противъ императора Іоанна: ὡς δαὶ βασιλέα μὲν οὐχ' ὀπίοντα ζητεῖν, παρόντα δὲ μὴ μετακίνεῖν и д...; свеси р. 746. 12, 847. 7.

¹⁾ Ib. p. 321. 3.

²⁾ Ib. p. 602. 3—10, 598. 6, 603. 4—5, 604. 15.

³⁾ Nicet, p. 243. 5—22.

⁴⁾ Ibid. p. 208. 7—14.

честолюбія Мануила, высказывается такое мнѣніе о всѣхъ царяхъ: „многіе изъ императоровъ не удовлетворяются тѣмъ, что царствуютъ, обогащаются, пользуются общественными суммами, какъ своими собственными, раздавая ихъ по личному усмотрѣнію; мало того, что они относятся къ свободнымъ людямъ, какъ къ рабамъ, они одержимы еще суетнымъ желаніемъ считаться мудрецами, богоравными по виду и героями по силѣ, въ мудрости не уступающими Соломону, непогрѣшимыми богословами, стоящими выше самыхъ каноновъ, словомъ, лучшими знатоками божескихъ и человѣческихъ вещей“ ¹⁾. Между несочувственными сторонами Мануила отмѣтимъ еще: тяжелые поборы, заставлявшіе иногда предпочитать иноземное рабство римскому господству ²⁾, порученіе правительственныхъ должностей въ провинціяхъ незначительнымъ и недостойнымъ людямъ ³⁾, довѣрчивость императора къ своимъ родственникамъ и любимцамъ, которая повела за собою истощеніе государственной казны ⁴⁾, подозрительность къ способнымъ людямъ. „Люди съ высокими душевными и тѣлесными преимуществами внушаютъ опасеніе властителямъ, пугаютъ ихъ до глубины души и заставляютъ опасаться за свою власть“ ⁵⁾. „Многіе самодержцы бываютъ боязливы и подозрительны и чувствуютъ крайнее наслажденіе въ униженіи своихъ благородныхъ соотечественниковъ и въ низверженіи всего высокаго и превосходнаго. Они подобны соснамъ, высокорастущимъ и покрытымъ на вершинѣ зеленью. Какъ эти и при маломъ дуновеніи вѣтра качаютъ свои вѣтви и шелестятъ иглами, точно такъ же и они подозрѣваютъ богатаго, пугаются человѣка мужественнаго. Если найдется красавецъ, подобный статуѣ, или краснорѣчивый, какъ пѣвчая птица, ораторъ, или весельчакъ, — все это не даетъ спокойнаго сна и благорасположенія вѣнценосцу: такой человѣкъ бываетъ причиной перерыва пріятнаго сна, отравляетъ удовольствіе и нарушаетъ спокойствіе мыслей. Императоры поряпаютъ и жизнедательницу-природу за то, что она создала и другихъ достойными власти, а не ихъ однихъ самыми лучшими и единственными изъ людей. Такъ-то они истребляютъ лучшихъ изъ среды людей, чтобы самимъ спокойно безпутствовать. Получивъ власть, они теряютъ

¹⁾ Nicet, p. 274, 9—17.

²⁾ Ibid. p. 97. 9.

³⁾ Ibid. p. 78. 3.

⁴⁾ Ibid. p. 266. 11—12.

⁵⁾ Ibid. p. 135. 10.

здравый смысл и умышленно забываютъ, чѣмъ они были за нѣсколько времени¹⁾.

Еще болѣе упрековъ посылаетъ Никита современнымъ ему императорамъ. Вся исторія Комниновъ, послѣ Мануила, и Ангеловъ есть не что иное, какъ постепенное и неудержимое паденіе римскаго могущества; мысль эта и открыто высказывается писателемъ, и сквозить въ изложеніи фактовъ²⁾. Начало разложенія кроется въ томъ, что знаменитые роды и царскіе родственники стремятся къ независимости въ провинціяхъ³⁾, ищутъ себѣ союзниковъ между врагами-сосѣдями и вооружаютъ ихъ на отечество. Между тѣмъ царями являлись люди неспособные и изнѣженные. „Комнины были самыми главными виновниками ослабленія имперіи, потери странъ и городовъ, наконецъ гибели ея. Соединяясь съ народами, не дружественными римлянамъ, они стали несчастіемъ отечества; въ управленіи общественными дѣлами они были самыми неспособными, бесполезными и лѣнивыми людьми“⁴⁾. Ко времени Мануила относитъ устройство великолѣпныхъ зданій, которыя стоятъ на берегу Пропонтиды и въ которыхъ императоры искали отдохновенія, проводя здѣсь лѣто, какъ древніе персидскіе владетели въ Сузахъ и Екватанахъ⁵⁾. Правильный ходъ военныхъ дѣйствій обкновенно нарушался тѣмъ, что цари лѣнились лично участвовать въ войнахъ: „увеселенія Пропонтиды и прекрасныя дачи, расположенныя по морскому берегу, охота и конскія скачки привлекали къ себѣ нашихъ императоровъ и не позволяли имъ долго оставаться въ лагерѣ; они скоро бросали щитъ и сѣли къ удовольствіямъ“⁶⁾. Неудачная война не заставляетъ ихъ напрягать силы государства, а кончается скоро согласіемъ платить дань и уступить часть своихъ земель: „такъ-то современные намъ императоры привыкли вести дѣло съ иноземными врагами: они любятъ спокойную жизнь, подобно сѣннымъ дѣвушкамъ, которыя занимаются пряжей“⁷⁾. Когда страшные враги угрожаютъ цѣлости имперіи, «царь запирается.

¹⁾ Nicet, p. 186. 187; для объясненія 186. 18, сравни 688. 12.

²⁾ Ibid. p. 265. 20: καὶ τοῦτο σαφῶς ὑπέδειξε τὰ μετέπειτα, ἥνικα τὴν μὲν ἐνταῦθα ζωὴν αὐτὸς μετηλλάξει, τὰ δὲ γε πράγματα κυβερνήτην ἀποβαλόντα σοφὸν μικροῦ τῆς βασιλείας σκάφος ἐβάπτισε.

³⁾ Ibid. p. 318. 20, 349. 15, 292. 18—20.

⁴⁾ Ibid. p. 701. 7—13.

⁵⁾ Nicet, p. 269. 7—1.

⁶⁾ Ibid. p. 521. 12—16.

⁷⁾ Ibid. p. 481. 14—16.

во дворцѣ, какъ улитка въ раковинѣ¹⁾; полководцамъ не удается достигнуть полного соглашенія частей арміи, составленной изъ разнородныхъ элементовъ. Одну изъ такихъ картинъ рисуетъ Никита вслѣдъ за указанными выше словами. Полководецъ Мануэль Камница дошедши до горъ мизійскихъ, неожиданно долженъ былъ остановиться. Въ войскѣ начались волненія: «куда ведешь насъ; съ кѣмъ намъ нужно сразиться; мы не рѣдко проходили этимъ горнымъ путемъ никогда не успѣвали совершить великаго подвига: подобный поход почти всегда кончался нашей гибелью. Остановись же, возвратись и веди насъ въ отечество!»²⁾ Любя праздность и роскошь, императоры тратили на частныя нужды государственную казну, поручали провинціи своимъ родственникамъ, которые также спѣшили нажиться³⁾. Слабые нравственно, императоры тѣмъ не менѣ любили порисовать, устраивать триумфы, слыть за героевъ. Растративъ государственныя средства на подкупъ враговъ и на любимцевъ, они восполняли недостатки казны церковнымъ имуществомъ. Въ томъ и другомъ случаѣ Никита не скупится на упреки и обвиненія. Отправившись разъ противъ болгаръ, императоръ Исаакъ Ангелъ завелъ войска въ горныя тѣснины, гдѣ его подстерегли враги и перебили почти все его войско; разнеслась молва, будто самъ царь убитъ. Но Исаакъ, возвратившись въ столицу, отваживается увѣрять всѣхъ въ своей побѣдѣ. Это даетъ случай Никитѣ сравнить его съ кареагенцемъ Ганнономъ, который выучилъ птицъ такимъ словамъ — Ганнонъ есть богъ⁴⁾. Святотатственное оскорбленіе храмовъ и иконъ императоры оправдывали своимъ высокимъ положеніемъ⁵⁾. Исаакъ, продолжавшій употреблять священные предметы на частныя нужды, вооружилъ противъ себя населеніе и окончательно испортилъ дѣла римлянъ⁶⁾. Таеъ, чѣмъ далѣе идетъ Никита, тѣмъ мрачнѣе становится картина. Императоръ Алексѣй, братъ Исаака, обманываетъ ожиданія римлянъ, надѣявшихся имѣть въ немъ воинственнаго государя, страшнаго для враговъ и кроткаго для подчиненныхъ. На первыхъ порахъ онъ дѣйствительно сдѣлалъ распоряженіе, чтобы государственныя должности не были

¹⁾ Ibid. p. 621.

²⁾ Nicetas, p. 621. 6—10.

³⁾ Ibidem. p. 631. 15—29, 266. 12, 318. 20.

⁴⁾ Ibid. p. 564, 565.

⁵⁾ Ibid. p. 583, 584.

⁶⁾ Ibid. p. 729. 12.

предметомъ купли и продажи, но отдавались бы по заслугамъ и безъ вознагражденія. „Но императорскіе родственники, сребролюбивые и частими переѣздами властителей приученные расхищать государственные доходы и собирать огромныя массы денегъ, не допускали къ царю приходящихъ, прежде чѣмъ не получали взятки. Вслѣдствіе этого и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ разстроены были порядки, какъ ни при одномъ предшествовавшемъ государѣ: такъ рушились и всѣ отношенія государства, и должности еще безсовѣстибѣ стали продаваться съ торгу. Всякій желающій могъ облечься въ санъ правителя области и получить самое высшее достоинство у римлянъ. Не только пролетаріи, торговцы, мѣшочники и продавцы платья удостоивались почетныхъ отличій, но свирѣи и спрійцы за деньги приобрѣтали ранги. Виною этого была неспособность императора къ дѣламъ и корыстолюбіе его родственниковъ“¹⁾.

Домашняя жизнь царей ярко обрисовывается Ниептой во многихъ мѣстахъ. Мы приведемъ его извѣстіе объ Исаакѣ. Въ частной жизни этотъ императоръ любилъ роскошь и богатый столъ, накрытый для многихъ гостей, одѣвался въ пышныя одежды, каждый день принималъ ванны, душился и натирался благовоннымъ масломъ. Онъ любилъ остроумные рассказы, пѣсни, принималъ шутковъ, мимовъ, странниковъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ предавался вину и женщинамъ. Однажды онъ сказалъ во время обѣда: „подайте мнѣ соли“! Одинъ изъ любимѣйшихъ его шутковъ, по прозванью Халивуръ, осмотрѣвъ общество благородныхъ женщинъ, присутствовавшихъ за столомъ, замѣтилъ императору: „сначала попробуемъ этихъ, а потомъ и приказывай ввести другихъ“!²⁾. Онъ любилъ разъѣзжать по мѣстамъ, отличающимся красивымъ видомъ и здоровымъ климатомъ, и только временно появлялся въ столицѣ, какъ фениксь. Выше всего онъ ставилъ возведеніе огромныхъ зданій; во дворцахъ построены бани и увеселительныя заведенія, на Пропонтидѣ красовались его дачи и искусственные острова³⁾. Онъ кощунствовалъ и оскорблялъ святыню: священные сосуды употреблялъ за своимъ столомъ, пилъ изъ кубковъ, которые ставились надъ гробницами императоровъ; для умыванія рукъ пользовался священными кувшинами, употребляемыми при богослуженіи; приказывалъ снимать оклады у крестовъ и книгъ, дѣлалъ изъ

¹⁾ Nicet. p. 638, 639.

²⁾ Nicetas, p. 580. 2—7. Грубый каламбуръ, основывающійся на игрѣ словами: ελας и ἄλλας.

³⁾ Ibid. p. 578—581.

нихъ цѣпи и украшенія для своей одежды. Когда ему замѣчали, что это не прилично дѣлать императору, онъ сердился, называлъ такихъ ничего не понимающими, говорилъ, что у Бога съ императоромъ все нераздѣльно, и императору позволительно дѣлать все, что захочется. Въ доказательство ссылался на примѣръ императора Константина, употреблявшаго одинъ изъ гвоздей, которыми пригвожденъ былъ Христосъ, на уздѣ лошади, другой въ шлемѣ. Надѣлалъ фальшивой монеты ¹⁾ и выпускалъ ее вмѣсто высокопробной, старой чеканки, увеличилъ общественныя подати и тратилъ казну расточительно. Должности продавалъ, точно овощи на рынкѣ. Посылалъ за сборомъ податей безъ всякихъ формальностей, если зналъ о комъ, что онъ не все удержитъ у себя, а часть отдастъ и въ государственную казну ²⁾.

Взглядъ Никиты на императорское правительство.

Вмѣстѣ съ императорами обвиняется и ихъ правительство, родственники и любимцы. Близко знакомый съ дворомъ, придворными обычаями и интригами, Никита сообщаетъ въ этомъ отношеніи весьма любопытныя свѣдѣнія. Онъ не знаетъ границъ въ обличеніи взяточничества, низкопоклонничества и лести приближенныхъ къ царю лицъ; полнымъ его презрѣніемъ и ненавистію пользуются люди въ черныхъ одеждахъ, съ длинными волосами и толстымъ брюхомъ; равно астрологи и звѣздохеты, умышленно держащіе правительство въ постоянномъ слѣпомъ заблужденіи. „Царскіе чертоги всегда имѣютъ на содержаніи льстецевъ“ ³⁾; „что за негодные люди водятся при дворѣ? Они превозносятъ зло, не хотятъ знать добра“ ⁴⁾. Когда Мануиль торжественно вступалъ на конѣ во дворецъ, то конь его, при вѣздѣ въ ворота, не послушался сѣдока, заржалъ, билъ копытомъ землю и съ трудомъ перешагнулъ порогъ. Писатель прибавляетъ: „однако это сочли счастливымъ вступленіемъ бывшіе при этомъ хвастуны и изъ нихъ особенно тѣ, которые изслѣдуютъ небо и не распознаютъ земныхъ предметовъ: въ поступи коня и въ его прыжкахъ они нашли знаменіе долговѣчной счастливой жизни самодержца“ ⁵⁾.

¹⁾ Подобный же упрекъ посылается и императору Мануилу — р. 89. с.

²⁾ Nicet, p. 582—584.

³⁾ Nicet. p. 375. 14.

⁴⁾ Nicet. p. 403. 14.

⁵⁾ Ibidem. p. 69. 14—22.

У Никиты есть неподражаемая мѣста, въ которыхъ дѣлается характеристика государственнаго управленія. Такова, напримѣръ, превосходная характеристика правительственныхъ лицъ времени Мануэла ¹⁾. Императоръ назначилъ министромъ общественныхъ сборовъ и контролеромъ І. Пуцу, а І. Агіоѳеодорита сдѣлалъ ближайшимъ помощникомъ своимъ и исполнителемъ порученій. Послѣдній всегда былъ при особѣ императора, выслушивалъ его приказанія, какъ божественное откровеніе, и приводилъ ихъ въ исполненіе при помощи образованныхъ людей, которыхъ много было при царскомъ дворѣ; между ними особенно извѣстенъ Ѳ. Стиппіотъ. І. Пуца былъ неумолимъ въ дѣлѣ финансовомъ, выжималъ и вытрясалъ изъ народа подати, со строгостію взыскивая существующія и съ находчивостію изобрѣтая новыя. Трудно найти человѣка болѣе жестокаго: легче смягчить камень, чѣмъ его отклонить отъ задуманнаго плана. Слезами его не тронешь, жалобнымъ видомъ не умолишь, ни серебромъ, ни золотомъ не подкупишь, онъ былъ недоступенъ для человѣческихъ движеній. Онъ не входилъ въ длинныя объясненія съ просителями, не удостовнялъ ихъ привѣтствія и любилъ молчаніе. Но онъ облеченъ былъ отъ царя такою силою и могуществомъ, что могъ, по своему усмотрѣнію, одни изъ царскихъ указовъ лишать значенія и уничтожать, другіе вносить въ дѣйствующее законодательство. Онъ былъ въ большой силѣ еще при императорѣ Іоаннѣ; тогда по его предложенію корабельныя пошлины обращены были въ казну, доставка тріиръ островами почти прекратилась. Однако Іоаннъ Пуца оставался честнымъ и безкорыстнымъ министромъ общественныхъ сборовъ до тѣхъ только поръ, пока пользовался безраздѣльною властію. Когда же замѣтилъ, что въ довѣренность царя втираются другіе люди и значеніе его мало-по-малу падаетъ, то и онъ снѣшилъ воспользоваться случаемъ къ обогащенію себя. «Ну, давай-же и мы наживаться», сказалъ онъ одному изъ близкихъ людей... Мы пропускаемъ далѣе извѣстія о накопленныхъ имъ богатствахъ. Скупость и жадность такъ овладѣли имъ, что не рѣдко онъ отсылалъ для продажи принесенные ему подарки, состоящіе изъ съѣстныхъ припасовъ; случалось, что рѣдкіе экземпляры рыбъ, которые приносились ему, онъ до 3-хъ разъ продавалъ на рынкѣ и столько же разъ снова принималъ ихъ въ подарокъ отъ лицъ, имѣющихъ до него нужду. Эти

¹⁾ Ibid. p. 73 — 80.

рыбы дѣлались для него рыбаками, такъ какъ тучность и величина ихъ, точно удочка и приманка, привлекали къ себѣ приходящихъ.

Въ другомъ мѣстѣ, указавъ на умную политику Мануила въ сношеніяхъ съ западомъ ¹⁾, писатель такъ рисуетъ правительственную систему его. „Я не скрою, что онъ увеличилъ общественныя подати, я не пропушу и того, что высшія должности отдавались на откупъ, что онъ любилъ пахать новыя, прорѣзывая своимъ плугомъ борозды, изъ которыхъ выросталъ у него колосъ, величиною въ ростъ человѣка ²⁾“. Но собираемыя деньги царь разсыпалъ щедрою рукою: онъ обогащалъ монастыри, церкви и недостаточныхъ римлянъ; много также денегъ переходило въ руки иностранцевъ, въ особенности латинянъ, значительная часть шла на покрытіе издержекъ родственниковъ и любимцевъ. Племянница царя, Теодора, имѣла царскую свиту и роскошный дворецъ. На нее и рожденныхъ отъ нея дѣтей тратились цѣлыя рѣки золота. Постельничіе, внуки, слуги изъ иноземныхъ народовъ, варвары, „у которыхъ слюна брызжетъ изо-рту прежде, чѣмъ послышится слово“ ³⁾, всѣ эти люди легко склоняли царя на милость и испрашивали, чего хотѣли. Нѣкоторые изъ нихъ владѣли такимъ богатствомъ и собирали такія массы сокровищъ, какими владѣли развѣ вельможи у великихъ народовъ; при томъ это были люди, лишенные всякаго образованія, такъ дурно говорившіе по-еллински, какъ слабо воспроизводятъ звукъ пастушьей трубы горы и скалы. Полагаясь на нихъ, какъ на вѣрныхъ слугъ, императоръ не только поручалъ имъ высшія должности, но и ставилъ во главѣ судебныхъ учреждений, гдѣ не скоро осваиваются съ дѣломъ и люди, специально занимавшіеся законодательствомъ ⁴⁾. Въ особенно важныхъ порученіяхъ такіе люди предпочитались способнымъ и образованнымъ. Если иногда придавался имъ благородный римлянинъ, талантливый и образованный ⁵⁾, то его назначеніе было лишь обозначить, въ какихъ размѣрахъ и съ какихъ статей собирать подать; первенствующимъ же ли-

¹⁾ Nicet, p. 260—264.

²⁾ Nicet, p. 266. 1—3.

³⁾ Ibid. p. 266. 22. ὅταν ὁ στέλος τοῦ λόγου προηκοντίζετο.

⁴⁾ Nicet, p. 267.

⁵⁾ Ibid. p. 267. 14. βάρπτων ἔλος εἰς νοῦν καὶ γέμων φρονήσεως.

цель былъ варваръ, собиравшій дань и прикладывавшій печать къ сундукамъ, которые предполагалось отправить къ царю. Императоръ подозрѣвалъ римлянъ и удалялъ ихъ отъ себя; обогащая варваровъ, возбуждалъ противъ себя полезныхъ и вѣрныхъ слугъ. Римляне, понимая недоверіе императора и оскорбленные тѣмъ, что занимаютъ подчиненное положеніе относительно варваровъ, не радѣли объ общемъ благѣ и мало обращали вниманія на точный и вѣрный сборъ дани; вслѣдствіе чего къ императору доходила только часть или остатки общественнаго сбора; бѣольшая же часть приставала къ рукамъ сборщиковъ.

Если императоръ, дававшій преимущество иностранцамъ, возбуждаетъ нерасположеніе Никиты, можно бы подумать, что императоры, дававшіе перевѣсъ грекамъ, оставили по себѣ добрую память. Но и этого мы не находимъ. Никита отрицаетъ всю правительственную систему Комниновъ и Ангеловъ. Почти всякое несчастное дѣло, распоряженіе, мѣра, постановленіе ихъ и т. п. приписывается излишнему пристрастію къ мнѣнію царскихъ родственниковъ, „не слыжавшихъ еще трубнаго звука, людей съ свѣтлыми волосами и съ сіяющими лицами, носившихъ на шеяхъ золотыя цѣпи и блистательныя ожерелья, украшенныя блестящими камнями и драгоценными перлами“¹⁾. Въ противоположность легкомысленному мнѣнію подобныхъ лицъ выставляется опытность и разсудительность „людей искусныхъ въ военномъ дѣлѣ, пожилыхъ лѣтъ, которые не совѣтуютъ довѣряться жребію войны“²⁾. По смерти Мануила, въ малолѣтство сына его Алексѣя, особенно много зла принесли эти царскіе родственники. „Занятыя другими дѣлами, они оставили безъ призора воспитаніе и образъ жизни Алексѣя и небрегли объ общественныхъ дѣлахъ. Одни изъ нихъ были влюблены въ царицу и добивались взаимной любви, завивали себѣ волосы, умащались благовоніями, какъ женщины украшали себя богатыми цѣпями и ожерельями. Другіе, жадные до денегъ мірофды, обкрадывали казну: они безъ всякой бережливости тратили общественныя суммы и придумывали новые расходы, чтобы поправить свое промотанное состояніе. А иные принимали мѣры къ тому, чтобы овладѣть царскою властью. Когда такимъ образомъ царскими родственниками и тогдашними дѣятелями унижены были ра-

¹⁾ Nicet, p. 232. 14—20.

²⁾ Ibidem, p. 232. 5—6.

венство и свобода, тогда перестали заботиться объ общественных дѣлахъ, прекратились собранія и совѣщанія»¹⁾.

Указавъ, какіе недостойные люди пользовались расположеніемъ Исаака Ангела, Никита приводитъ далѣе, что милость царя перешла на „мальчишку, которому бы слѣдовало учиться грамматикѣ и писать на аспидной доскѣ“²⁾. А когда этотъ умеръ, управленіемъ государствомъ овладѣлъ ребенокъ, еще не выучившійся держать перо и писать. Отличаясь остроуміемъ, этотъ ребенокъ овладѣлъ всѣмъ довѣріемъ царя и вступывался въ политическія и военныя предпріятія. Широкія двери, которыми прежде входили къ царю, теперь были заперты, и желавшіе проникнуть черезъ нихъ уподоблялись юродивымъ дѣвамъ, потому что никто не открывалъ имъ этихъ дверей. Требовалось всегда идти съ задняго крыльца и не прежде можно было получить доступъ, какъ давъ приношеніе. Это „дитя-старецъ“³⁾ привлекло къ себѣ царя въ особенности тѣмъ, что дѣлалось съ нимъ взятками. Изобрѣтательность его въ поборахъ была такъ велика, что онъ не пренебрегалъ ничѣмъ: бралъ деньги, необходимыя вещи, не оставлялъ и мелочей, заваливалъ себя дьянями, овощами и фруктами всякаго рода⁴⁾. Военныя предпріятія не удаются отъ того, что императоры много довѣряютъ молодымъ людямъ, у которыхъ еще только пробивается борода; посылая начальниковъ на войну, стѣсняють ихъ инструкціями; полководцы въ своихъ дѣйствіяхъ ограничены также своеволіемъ войска, которое предпочитало претендента царствующему⁵⁾. Между людьми безчестными, но облеченными властію, чаще у Никиты упоминаются судьи, вило-судьи, придворныя чины⁶⁾. Говоря объ нѣкоторыхъ, онъ не рѣшается назвать ихъ имя—доказательство, что писатель могъ имѣть между ними товарищей, знакомыхъ, друзей. Придворныя дѣла, отношенія правительственныхъ лицъ, интриги и темныя дѣла правительства Никитѣ были извѣстны болѣе, чѣмъ можно

¹⁾ Nicet., p. 292—293. — „αἱ τε ὑπὲρ τῶν κοινῶν φροντίδες ἐξέλιπον καὶ αἱ συνδρομαὶ καὶ σύνοδοι ἤσαν τῶν θρανῶν.“

²⁾ Ibidem p. 576. — „διαδέχεται τὴν βασιλείας εὐνοίαν νεανισκίριόν τι γραμματιστοῦ καὶ πινακιδίου δεόμενον.“

³⁾ Παιδιογέρων, p. 578, ε.

⁴⁾ Nicetas, p. 576—578.

⁵⁾ Ibidem p. 213. 20, 551. 15.

⁶⁾ Ibidem p. 350. 17, 437. 3, 438. 13 и др.; 567. 2. τοὺς ἐς ἡμᾶς ματασιολόγους.

предполагать. На этой сторонѣ жизни авторъ останавливается весьма много ¹⁾.

Въ примѣръ безпорядочной правительственной системы можно еще сослаться на случай, рассказываемый Никитой въ исторіи царствованія Алексѣя, брата Исаака Ангела ²⁾. Въ Цареградѣ жилъ одинъ купецъ, по прозванію Каломодій. Предиринимая трудныя и продолжительныя путешествія по торговымъ дѣламъ, онъ скопилъ себѣ огромныя богатства, которымъ давно уже завидовали правительственныя лица. Такъ какъ его не удавалось обмануть хитростію, то царскіе назначен рѣшились употребить насиліе: захватили Каломодія и думали конфисковать его имущество. Только мятежь черни и заступничество патриарха спасли жизнь и имѣніе этого богача. Слѣдующій случай еще характернѣе. Нѣкто І. Лагосъ, получивъ начальство надъ преторіанской темницей, извлекалъ доходы по своей должности такимъ образомъ. Не довольствуясь тѣмъ, что присвоивалъ себѣ добровольныя подавнія въ пользу заключенныхъ, началъ онъ освобождать изъ темницы самыхъ ловкихъ воровъ. Принесенная ими добыча передавалась начальнику темницы, и онъ уже выдавалъ имъ нѣкоторую часть. Зная, откуда происходятъ ночныя грабежи, граждане жаловались императору; тотъ, общія принявъ мѣры къ исправленію зла, со дня на день отглаживалъ и не прекращалъ сумасбродныхъ дѣйствій Лагоса. Византійскій народъ началъ волноваться: народная толпа подступила къ преторіи съ намѣреніемъ овладѣть Лагосомъ, но онъ спасся бѣгствомъ. Тогда изъ темницы были выпущены заключенные, въ городѣ началось сильное движеніе противъ самого императора: только вооруженная сила подъ предводительствомъ Алексѣя Палеолога, зятя царя, разогнала толпу и прекратила мятежь. ³⁾.

Таковъ общій отзывъ нашего писателя о царяхъ изъ рода Ангеловъ. Ангелы какъ и въ другихъ отношеніяхъ дурно управляли имперіей, такъ особенно отличались корыстолюбіемъ и любостыжательностію. Они не удовлетворялись прямыми поборами, не берегли собраннаго, но расточали на роскошь и украшеніе тѣла, въ особенности же на женщинъ. Они не только обременяли римскій народъ

¹⁾ Nicet, p. 145—150. Характеристика Θ. Стиппіота.

²⁾ Ibidem p. 693—4.

³⁾ Nicet, p. 694—696; таковъ же рассказъ о томъ, какъ императоръ Алексѣй III поручилъ Константину Франкопулу грабить торговые корабли на Черномъ морѣ и присылать къ нему деньги p. 699—700; сссси p. 772.

налогами, но вѣзали дань и съ латинскихъ городовъ. Часто нарушая мирные договоры въ Венеціи, наносили ущербъ венеціанцамъ, облагали пошлиной корабли ихъ и подстрекали противъ нихъ пизанцевъ¹⁾. Въ то время, когда крестоносцы IV похода направлялись отъ Зары къ Византіи, здѣсь вырубали лѣсъ, годный для кораблей, на частныя нужды; дуксъ флота Стрифна распродалъ гвозди и якори, паруса и канаты, и промоталъ всѣ долги суда изъ византійскаго флота. Самъ императоръ, проводя время въ праздности, срывалъ холмы, заставлялъ рвы и смѣялся надъ латинскимъ флотомъ²⁾.

Суевѣрія и предрасудки въ современномъ Никитѣ обществѣ.

Никита питаетъ еще глубокое нерасположеніе къ правительству за крайнее суевѣріе его; отсюда вытекаетъ презрительный отзывъ о гадалателяхъ, астрологахъ, лжепророкахъ, которые пользовались общимъ довѣріемъ. Вѣра въ чудесную связь между звѣздами и судьбою человѣка, въ пророчества и предсказанія, была весьма распространена и проникала всѣ тогдашнія отношенія, частныя и общественныя. Жена Мануила мучится родами, а онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ, что скажутъ ороскопы³⁾; цвѣтъ одежды различался — счастливый и несчастный и т. п.⁴⁾. Никита старается показать, какія неблагоприятныя послѣдствія влечетъ за собою суевѣріе по преимуществу въ практической жизни. Приводимые имъ примѣры большею частію касаются или императоровъ, или высшихъ правительственныхъ лицъ. Во время сицилійской войны, Мануилъ назначилъ начальникомъ флота К. Ангела⁵⁾. Никита такъ рассказываетъ объ его походѣ: „такъ какъ, по мнѣнію почти всѣхъ древнихъ и нынѣшнихъ великихъ властителей, на судьбу и человѣческія предпріятія оказываетъ великое вліяніе восхождение и наклоненіе звѣздъ, ихъ положеніе и разные виды планетъ, приближеніе и удаленіе, и другое, что говорятъ предвѣщатели

¹⁾ Ibidem p. 712 — 713.

²⁾ Nicet., p. 717.

³⁾ Ibid. p. 290. 4.

⁴⁾ Nicet., p. 246. 10—15. Особенно рѣзкіе виды суевѣрія: Комнины вѣрятъ въ значеніе для ихъ рода слова αἴμα, p. 190. 45—20, 220. 45, 289. 4—5; йота — опасная буква: p. 379. 1, 442, 45; пророчественныя книги — p. 406; письмо Исаака къ Фридриху, въ которомъ предвѣщается близкая смерть послѣдняго, p. 536. 45.

⁵⁾ Ibidem, p. 126. 10.

по звѣздамъ, которые унижаютъ божественный промыслъ и вводятъ неизмѣнный и непреклонный рокъ; то и Мануиль старался, чтобы выступленіе Ангела въ походъ совершилось подъ всѣми благопріятными условіями. И чтоже? Еще не успѣло солнце склониться къ западу, какъ К. Ангелъ получилъ приказаніе возвратиться. Причиной этому была неблаговременность выступленія и то, что К. Ангелъ началъ походъ не такъ, какъ совѣтовало расположеніе звѣздъ и тщательное разсмотрѣніе законовъ звѣзднаго неба, но какъ сказали болтуны, обманывающіе легковѣрныхъ и ошибающіеся въ опредѣленіи счастливаго часа ¹⁾. Стали снова разбирать теченіе звѣздъ и, выбравъ самое лучшее расположеніе ихъ, послали снова К. Ангела²⁾. Писатель не скрываетъ злой насмѣшки въ слѣдующихъ затѣмъ словахъ: „но счастливая звѣзда столько принесла пользы римлянамъ, такъ вознаградила за пораженіе прежнихъ предводителей, и поправила все, что было неудачнаго, что сейчасъ же К. Ангелъ захваченъ былъ въ плѣнъ непріятелями“ ²⁾. На войну съ уграми назначенъ былъ главнымъ стратигомъ Андроникъ Контостефанъ. Когда онъ уже выступилъ въ походъ и распредѣлилъ войско между подчиненными начальниками отрядовъ, намѣреваясь начать сраженіе, къ нему приносятъ царскую грамоту, въ которой приказывалось ему въ этотъ день не вступать въ сраженіе, потому что онъ сулитъ несчастіе въ военномъ дѣлѣ, а отложить до другого дня, указаннаго въ той же граматѣ. Андроникъ скрылъ ее за пазухой и не далъ знать объ ея содержаніи начальникамъ частей. Потомъ сказалъ горячую рѣчь къ войску, воодушевилъ его и одержалъ побѣду надъ уграми. Ему устроенъ былъ въ Царградѣ блистательный триумфъ. Ясно изъ самаго сопоставленія фактовъ, что Никита не вѣритъ въ астрологію. О царской же граматѣ онъ говоритъ такимъ образомъ: „запрещалось сраженіе въ тотъ день, какъ неблагопріятный, потому что важнѣйшія и величайшія дѣла, получающія тотъ или другой исходъ отъ Бога, не знаю по какимъ соображеніямъ, императоръ ставилъ въ зависимость отъ звѣздъ, ихъ положенія и движенія, и такъ вѣрилъ предсказаніямъ астрологовъ,

¹⁾ И во многихъ другихъ мѣстахъ Никита выражаетъ недовѣріе къ волшебству. Такъ, говоря объ обвиненіи въ волшебствѣ протостратора Алексѣя: *καὶ ἑταίρητα βωρόλοχα καὶ ἀνοαῖς ὑγαίνοβας οὐκ ἐμπράβεχτα*. р. 188, а.

²⁾ Nicet., р. 126, 127. Мы увидимъ далѣе, что и здѣсь, и во многихъ другихъ случаяхъ Никита не вѣренъ себѣ; что онъ и промыслъ признаетъ, и въ тайную связь между событіями вѣруетъ.

какъ изреченіямъ божества¹⁾. Передъ смертію Мануилъ особенно довѣрился подобнымъ людямъ²⁾: „онъ былъ убѣжденъ ими, что проживетъ еще 14 лѣтъ, скоро пересиливши болѣзнь; что даже будетъ въ состояніи пользоваться любовными наслажденіями, сокрушить непопулярные города. А что всего страннѣе, они предсказывали сотрясеніе всего міра, столкновеніе величайшихъ тѣлъ небесныхъ, появленіе страшныхъ бурь и измѣненіе всей вселенной. Они высчитывали не только періоды, мѣсяцы и недѣли, но даже самыя дни и часы дня, когда случится это несчастіе, какъ бы ясно зная то, что отецъ положилъ въ своей власти³⁾. Императоръ искалъ пещеръ и углубленій, приготовляя себѣ безопасное помѣщеніе въ нихъ; царскіе слуги вынимали стекла во дворцѣ, чтобы предохранить ихъ отъ разрушительнаго дѣйствія вѣтровъ. Его родственники и приближенные, изъ угожденія, казались также озабоченными: одни рылись въ землѣ, подобно муравьямъ, другіе приготовляли палатки, связывали толстыми веревками вбитые въ землю кольца, чтобы они не могли покачнуться. Но болѣзнь царя продолжала усиливаться; принявъ ванну, онъ еще болѣе убѣдился, что его надежды на выздоровленіе пропадаютъ, какъ слова, начертанныя на водѣ“...

Никита не имѣетъ вѣры и къ дару пророчества, который предполагали его современники въ нѣкоторыхъ людяхъ. Мы приведемъ его сужденіе объ одномъ изъ такихъ предсказателей — Васильюшѣ⁴⁾. Это былъ человекъ страннаго образа жизни, пріобрѣтшій у всѣхъ славу прорицателя, вслѣдствіе чего къ нему приходили толпы народа. Но онъ не произносилъ ничего яснаго и истиннаго относительно будущаго: бормоталъ безсвязныя слова, нерѣдко позволялъ себѣ возбуждавшія смѣхъ выходки и привлекалъ простой народъ — пастуховъ, земледѣльцевъ, матросовъ. Онъ безцеремонно обращался съ женщинами, хваталъ ихъ за груди, заглядывалъ подъ платье, произнося при этомъ непонятныя изреченія; отмалчивался на всѣ дѣлаемые ему вопросы, ограничиваясь прыжками и ужимками. Всегда бывшія при немъ старыя женщины разясняли спрашивавшимъ, что обозначали эти дѣйствія Васильюшки и толковали его молчаніе,

¹⁾ Nicetas, p. 200. 1—14.

²⁾ Ibid. p. 286. 12. οἱ δὲ παντοδύλῃτοι ἀστροφάνακες... πρόχειροι τὴν γλῶτταν ὄντες καὶ τῷ ψεύδει ἐνεπισημένοι... ἐγγαστρίμωθοι πλέον ἢ ἀστεροσκοποὶ δεικνύμενοι.

³⁾ Ib. p. 287.

⁴⁾ Nicet., p. 590. 12. ἔνθα καὶ τῷ Βασιλικῷ συγγίνεται (Исаакъ Ангелъ).

какъ мудрую и многозначашую рѣчь. Однако многимъ этотъ человекъ казался надѣленнымъ даромъ пророчества, въ особенности безстыднымъ женщинамъ; люди же умные считали его не болѣе, какъ неприятнымъ, смѣшнымъ и глупымъ старикомъ. Иные, впрочемъ, къ которымъ я отношу и себя, считали его одержимымъ пионовымъ духомъ ¹⁾.

Императоръ Алексѣй III Ангель, желая перемѣститься изъ одного дворца въ другой, выжидаетъ счастливаго сочетанія звѣздъ. Никита замѣчаетъ: наши императоры не могутъ даже перемѣнить мѣста, не посоветовавшись съ положеніемъ звѣздъ. Противъ желанія онъ остается въ Великомъ дворцѣ ²⁾ первую недѣлю поста, такъ какъ это было неблагоприятное время; шестой день недѣли считался благоприятнымъ для перемѣны мѣста особенно тому, кто сдѣлаетъ это раннимъ утромъ; поэтому императоръ разсудилъ двинуться во Влахернскій дворецъ еще ночью, чтобы занять его до восхода солнца. Все было готово къ отплытію, но тутъ случилось обстоятельство, которое доказало, что одинъ Богъ есть владыка часовъ и времени и что отъ Его одного зависятъ успѣхъ или неуспѣхъ предпріятій нашихъ. Полъ, на которомъ стояло царское ложе, неожиданно опускается внизъ и образуетъ довольно широкій провалъ. Царь, сверхъ ожиданія, избѣгаетъ опасности, а одинъ зять его, Алексѣй Палеологъ, и нѣкоторые изъ приближенныхъ заплатились увѣчьями тѣла... „Я не могу сказать, на какія размышленія или раскаяніе навело императора это обстоятельство“ ³⁾.

Взглядъ на духовенство.

Говоря объ отношеніяхъ сына Исаака, Алексѣя IV, къ осаждавшимъ Цареградъ латинянамъ, Никита еще находитъ случай упрекнуть царя въ суевѣріи ⁴⁾. Если Алексѣй своимъ безразсуднымъ поведеніемъ возбуждалъ негодованіе въ благонамѣренныхъ изъ латинянъ и благо-

¹⁾ Nicet., p. 590. 1—15.

²⁾ Ibid., p. 702 — 703. Между многочисленными дворцами, украшавшими Цареградъ, Τὸ μέγα παλάτιον занималъ первое мѣсто. О положеніи его см. Σχαρλάτου Βοζαντίου, Κωνσταντινούπολις p. 188: ἐπέιχε ὅλην σχεδὸν τὴν ἀπὸ τῆς ἁγίας Σοφίας καὶ τοῦ Ἰπποδρόμου μέχρι τῆς παραλίας τῆς Προποντιδος ἑκτασίην. О положеніи Влахернскаго дворца у него же, p. 583.

³⁾ Ibid., p. 703. 16—17.

⁴⁾ Nicet., p. 737.

разумныхъ изъ римлянъ, то въ такой же мѣрѣ былъ невыносимъ и Исаакъ, отецъ его. Онъ потерялъ всякое уваженіе въ глазахъ народа, когда снова, какъ и прежде, обратился къ гаданіямъ и окружилъ себя недостойными людьми, длиннородыми монахами, которые, поглощая самую свѣжую и жирную рыбу за его столомъ и пивая цѣльное вино, сулили ему продолжительное царствованіе и прозрѣніе. Равнымъ образомъ, онъ былъ расположенъ къ астрологамъ, и часто руководился ихъ совѣтами въ своихъ распоряженіяхъ. Монахъ, записывающій расположенія свѣтской власти — тотъ же астрологъ и придворный льстецъ¹⁾: тотъ и другой имѣютъ въ виду лишь свои выгоды и не радятъ объ общественномъ благѣ. Полнѣе и безпристрастнѣе Никита высказывается о духовенствѣ тамъ, гдѣ говорить объ устройствѣ императоромъ Мануиломъ монастыря при устьѣ Понта, въ мѣстечкѣ Катаскепа²⁾. „Императоръ собралъ въ новый монастырь монаховъ, извѣстныхъ подвижничествомъ жизнью, и озаботился обезпеченіемъ монастыря. При этомъ, зная, что имущественныя владѣнія доставляютъ много хлопотъ и отнимаютъ средства къ богоугодной жизни у людей, избравшихъ по обѣту уединенную жизнь, онъ не приписалъ къ монастырю ни земель, ни виноградныхъ садовъ, но приказалъ всѣ нужды братіи удовлетворять непосредственно изъ государственныхъ суммъ. Это сдѣлалъ онъ, я думаю, чтобы пресѣчь весьма распространенный обычай созидать новые монастыри и дать примѣръ потомству, какъ должно устроить жизнь людей, обрѣкшихъ себя уединенію и отрѣшившихся отъ плоти. Такъ-то онъ далекъ былъ отъ того, чтобы одобрить нынѣшній обычай, когда посвятившіе себя монашеской жизни занимаются пріобрѣтѣніемъ и хлопотами о мірскихъ дѣлахъ болѣе, чѣмъ люди свѣтскіе. Въ виду этого Мануилъ возобновилъ потерявшій силу законъ императора Никифора Фоки, которымъ запрещалось увеличеніе монастырскихъ имуществъ. По этому же онъ не оправдываетъ отца и дѣда, и всѣхъ другихъ родственниковъ, которые, настроивъ монастырей, подписали подъ нихъ цѣлыя участки плодородной земли и роскошныхъ пастбищъ. Монастыри нужно было бы строить въ мѣстахъ уединенныхъ, областяхъ не населенныхъ, въ пещерахъ и на высокихъ горахъ, по возможности дальше отъ столицы и береговъ Еялеспонта. Между тѣмъ они изъ тщеславія строили обители на площадяхъ и перекресткахъ, и помѣщали въ нихъ не

¹⁾ Ibid. p. 737—738, 3—7.

²⁾ Ibid. p. 270. 4. εἰς τόπον Κατασκέπην λεγόμενον...

избранных подвижниковъ добродѣтели, но людей, которые перемѣнили себѣ одежду и отростили бороду“¹⁾). Когда Алексѣй Врана, вооружившись противъ императора Исаака Ангела, осадилъ Цареградъ, императоръ въ это время находился подъ вліяніемъ лицъ, которымъ не сочувствуетъ Никита²⁾). Цесарь Конрадъ монферратскій, женатый на сестрѣ царя Мануила, Θεοδορῆ, поддерживалъ Исаака добрыми совѣтами. „А онъ, окруживъ себя монахами, людьми съ обнаженными ногами, спавшими на голой землѣ и жившими на столпахъ“, съ помощію ихъ просилъ Бога отвратить угрожающую междоусобную войну, не передавать его власти другому, а объ военныхъ приготовленіяхъ и не думалъ, возлагая всѣ надежды на духовное всеоружіе. Духовенство упрекается въ недостатокъ патріотизма, въ равнодушіе къ общественнымъ бѣдствіямъ. При императорѣ Алексѣѣ III особенно много византійцы страдали отъ болгаръ. Никита говоритъ объ этомъ³⁾): „изъ нашихъ никто не рѣшился сразиться съ Петромъ, да и не могъ; когда непріатели, въ теченіе многихъ годовъ, одерживали столько важныхъ побѣдъ и когда это бѣдствіе постоянно возмущало византійскую имперію, ни разу ей не улыбнулось военное счастье, передъ ней не промелькнулъ даже образъ побѣды. И при всемъ томъ ни одинъ изъ высокотронныхъ архіереевъ и пользующихся высокими почестями, никто изъ длиннородыхъ монаховъ, нахлобучивающихъ на носъ шерстяное покрывало, не обратилъ вниманія на то, что Богъ оставилъ насъ и почти въ конецъ презрѣлъ, никто не предложилъ помощи въ этомъ трудномъ положеніи, не рѣшился смѣло указать царю спасительное средство“⁴⁾).

Быль-ли Никита патріотомъ, любилъ-ли онъ свое отечество, въ чемъ выразились его симпатіи и антипатіи въ этомъ отношеніи? Съ такими вопросами мы переходимъ къ разсмотрѣнію тѣхъ сторонъ исторіи Никиты, гдѣ главное значеніе имѣетъ византійскій народъ, и гдѣ сравнивается онъ съ иностранцами. Переходомъ послужить опредѣленіе того, въ чемъ, по взгляду Никиты, заключается достоинство человѣка.

¹⁾ Nicet, p. 270—271.

²⁾ Nicet., p. 498. 13... τοὺς ὑμνολοῦντας καὶ χαμαῖοντας... καὶ ὅσοι κίονε τῆς γῆς ὑπερῆρθησαν...

³⁾ Ibid, p. 622 sq...

⁴⁾ Признаться, затруднительно сказать, какое средство могли предложить монахи.

Въ чемъ заключается достоинство человека.

Мы имѣли случай замѣтить, что Никита не находитъ между своими современниками достойныхъ лицъ, которыя бы соотвѣтствовали его идеалу. Высокіе характеры создали величіе имперіи, изнѣженные современники ускорили ея паденіе. Тѣмъ не менѣе, въ одномъ государѣ изъ рода Комниновъ можно замѣтить любимыя черты монарха, объ отсутствіи которыхъ въ современномъ государѣ онъ сокрушается. Такія черты представляетъ І. Комнинъ, исторію котораго Никита писалъ на основаніи преданія. Въ уста этого государя влагается слѣдующая политическая программа¹⁾: „Не съ тѣмъ я занялъ Сирію, чтобы ограничиться только владѣніемъ ея; нѣтъ, я думалъ совершить дѣла, славнѣйшія прежнихъ, безстрашно выкупаться въ Евфратѣ и зачерпнуть полнымъ сосудомъ изъ струй его; желалъ посмотрѣть и на рѣку Тигръ и прогнать оружіемъ врага, который находится въ союзѣ съ киликійцами и съ сынами Агари, и, если можно, перелетѣть, подобно царю птицъ, въ самую Палестину. Тамъ Христосъ возстановилъ своею смертію нашу смертную природу, распростерши руки на крестѣ и немногими каплями крови приведши въ единенію весь міръ. Я думалъ даже взойти на гору Господню, встать на мѣстѣ святомъ Его и побѣдить войною окрестныхъ враговъ, которые часто брали на коньѣ гробъ Господень. Моимъ планамъ не суждено было осуществиться“... „Я родился отъ императора, получилъ отъ него власть по преемству и не утратилъ ничего изъ его владѣній; увеличилъ-ли я предоставленный мнѣ отъ Бога талантъ царства—предоставляю судить другимъ... востокъ и западъ видѣлъ меня подъ оружіемъ, я одержалъ побѣды надъ народами того и другого материка. Не много я жилъ спокойнымъ во дворцѣ: почти всю жизнь провелъ въ походной палаткѣ; проводить время подъ открытымъ небомъ составляло для меня наслажденіе. И эта земля, на которой теперь мы стоимъ лагеремъ, дважды видѣла меня, и это римское войско, котораго давно уже и въ глаза не видали персы и арабы, теперь подъ Божиимъ смотрѣніемъ и моимъ водительствомъ наводитъ на нихъ ужасъ: они поступились въ нашу пользу многими городами, которыми и доселѣ мы владѣемъ и которые управляются по нашимъ законамъ“. Выразивъ желаніе, чтобы и послѣ него уве-

¹⁾ Предсмертная рѣчь Іоанна въ лагерѣ, р. 56 squ...

личивался успѣхи римскаго оружія, продолжаетъ: „и это исполнится, если вамъ данъ будетъ Богомъ, правитель, не приписняющій народъ, соответствующій своему званію, одаренный хорошими нравственными качествами, а не такой, который, склонившись на столъ, держитъ въ рукахъ чашу и никогда не оставляетъ своихъ палатъ, подобно лѣпнымъ изображеніямъ и картинамъ на стѣнахъ. Ибо всегда устроятся государственныя дѣла соответственно съ качествами правителя: его предпріятія и планы вѣнчаются успѣхомъ, если онъ хорошъ; разрушаются, если онъ худъ“.

Приводя это мѣсто, мы имѣли въ виду указать, что всѣ отрицательныя стороны послѣдующихъ императоровъ, порицаемыхъ Никитой, составляютъ отступленіе или искаженіе идеальнаго типа государя. Прослѣдимъ еще дополнительныя черты характеристики Іоанна. „Онъ имѣлъ прекрасное правительство, жилъ богоугодно, былъ воздержнаго и цѣломудреннаго нрава, любилъ великолѣпіе въ наградахъ и издержкахъ, о чемъ свидѣтельствуютъ щедрыя раздачи золота жителямъ Цареграда, равно обширныя и прекрасныя храмы, воздвигнутыя имъ. Онъ особенно дорожилъ доброю славою и желалъ оставить свое имя не запятаннымъ для потомства: такъ слѣдилъ за благопріятіемъ и поведеніемъ своего семейства, что обращалъ вниманіе на стрижку волосъ, осматривалъ обувь, по мѣркѣ-ли она сдѣлана и по росту-ли. Изгналъ изъ дворца публичное пустословіе и срамословіе, неумѣренную роскошь въ одеждѣ и пищѣ, какъ зловредную заразу. Представляя собою образецъ строгаго воздержанія в желая дать достойный примѣръ для подражанія подданнымъ, онъ упражнялся во всѣхъ видахъ добродѣтели. При этомъ онъ не уклонялся отъ удовольствій, былъ доступенъ, откровененъ, веселъ и благодушенъ; выставляя себя образцемъ высшей добродѣтели при постороннихъ, въ своемъ семействѣ, освободившись отъ взоровъ и шума людской толпы, онъ допускалъ приличную шутку и остроумный разсказъ, не запрещалъ и смѣха. А такъ какъ онъ.... во все свое царствованіе никого не казнилъ и не подвергъ увѣчью, то до сихъ поръ всѣми считается достойнымъ хвалы и украшеніемъ императоровъ изъ рода Комниновъ“¹⁾.

Въ исторіи Нивиты не много лицъ, заслуживающихъ сочувствія: поэтому мы позволимъ себѣ привести еще одну характеристику. Въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Аксуховъ,

¹⁾ Nicet, p. 62—63.

отца и сына. I. Аксухъ, турецкій уроженецъ, прибылъ ко двору императора Алексѣя I Комнина, пользовался его расположеніемъ и былъ близкимъ товарищемъ сына его, Иоанна. Достигнувъ сана великаго доместика, онъ владѣлъ неограниченнымъ полномочіемъ при двухъ императорахъ, Иоаннѣ и Мануилѣ. Строгий судья, Никита не оставилъ ни одного темнаго пятна на памяти этого человѣка ¹⁾ — обстоятельство весьма любопытное въ виду крайняго нерасположенія писателя и къ правительственнымъ лицамъ вообще, и къ варварамъ въ особенности. Пользуясь высокимъ значеніемъ, I. Аксухъ доставилъ своему сыну Алексѣю блистательное образованіе и прочное положеніе при дворѣ Мануила. Императоръ давалъ послѣднему весьма трудныя порученія во время сицилійской войны: его дипломатическимъ талантамъ обязана была Византія миромъ съ сицилійцами. Получивъ санъ протостратора, Алексѣй женился на племянницѣ Мануила, дочери умершаго его брата, Алексѣя. Несчастная судьба Алексѣя Аксуха внушила Никитѣ одну изъ лучшихъ страницъ, на которую частію мы уже указывали ранѣе. „Алексѣй отличался неусыпною дѣятельностію, онъ въ совершенствѣ изучилъ ратное дѣло. Я не знаю, что въ немъ было выше, талантъ-ли ораторскій, или ясный умъ, физическая сила, или логическая послѣдовательность ума (исполнительность, или теоретическое соображеніе); своею внѣшностію онъ внушалъ къ себѣ уваженіе“. Царь сталъ питать нерасположеніе къ этому даровитому человѣку и искалъ средствъ удалить его. Не находя причинъ къ объясненію этого въ самомъ Алексѣѣ, Никита обращается къ испорченной человѣческой природѣ, къ распущенности современнаго правительства и въ немъ находитъ печальную причину паденія Алексѣя. Робость и подозрительность, говоритъ онъ, удѣлъ многихъ царей; какъ смерть, хаосъ и еребъ, они находятъ наслажденіе въ погибели благородныхъ и въ низверженіи всего возвышеннаго и великаго. Подобно высокимъ соснамъ, имѣющимъ густую верхушку, которыя и при легкомъ вѣтерѣ начинаютъ шелестѣть своими иглами, цари подозрѣваютъ человѣка богатаго, пугаются мужественнаго. Если бы кто оказался красавцемъ, обладающимъ высокимъ даромъ краснорѣчія, одареннымъ веселымъ характеромъ, такой не даетъ сна и спокойствія вѣнценосцу. Царь теряетъ сонъ, лишается удовольствій и наслажденій, перестаетъ разсуждать, негодуетъ на мать-природу, что

¹⁾ Nicet. p. 14. 6—21.

²⁾ Nicetas, p. 128. 10—14.

она создала и другихъ достойными власти, не истощивъ на нихъ однихъ своей творческой силы и не создавъ ихъ единственными изъ людей. Такъ, они вооружаются противъ промысла, вырываютъ лучшихъ членовъ человѣческаго общества, обрекая ихъ на погибель. Этимъ они готовятъ себѣ легкую возможность безотчетно распоряжаться общественными средствами, помпкать свободными людьми какъ рабами, и какъ невольниковъ унижать такихъ людей, которые болѣе ихъ достойны власти. Власть помрачаетъ ихъ разсудокъ и заставляетъ забывать, чѣмъ были они за нѣсколько времени ¹⁾. Такъ и императоръ Мануиль, не имѣя никакихъ причинъ къ неудовольствію на протостратора Алексѣя, сталъ однако подозрѣвать его, подчинившись клеветникамъ. Алексѣй былъ весьма любимъ стратигами и воинами, великодушенъ и щедръ ко всѣмъ, обладалъ значительнымъ состояніемъ—этихъ причинъ было достаточно, чтобы внушить подозрѣніе Мануилу. Онъ приказалъ неожиданно напасть на Алексѣя, взялъ въ казну имущество и заставилъ его постричься въ монахи. Клеветники и наушники помогли царю оправдаться въ общественномъ мнѣніи, такъ какъ противъ Алексѣя явились улики въ волхованіи. «Супруга Алексѣя, отличавшаяся горячею любовью къ мужу и цѣломудріемъ, служила украшеніемъ пола и была извѣстной красавицей; въ тоскѣ по мужѣ она погушалась на самоубійство. Во время удержанная отъ этого, она пала къ ногамъ своего дяди-царя, плакала, умоляла и испрашивала состраданія къ своему мужу, свидѣтельствуясь Богомъ, что онъ ни въ чемъ не виновенъ. Императоръ прослезился на ея мольбы и жалкій видъ, но не измѣнилъ своего опредѣленія. Съ тѣхъ поръ, проводя печальную жизнь, подобно цѣломудренной горлицѣ, она оглашала покои жалобнымъ воплемъ и лила горькія слезы въ своемъ одиночествѣ. Чрезмѣрная скорбь надомила ея силы: она сошла съ ума и, наконецъ, истаяла, оставивъ двухъ мальчиковъ“ ²⁾.

Если выдѣлнить изъ характеристики всѣхъ историческихъ лицъ произведенія Никиты нѣкоторыя одинаковыя качества, приписываемыя имъ, то получится извѣстнаго рода масштабъ, которымъ измѣряетъ Никита людей. Изъ предыдущаго уже можно видѣть, что одни

¹⁾ Nicetas, p. 186 — 187.

²⁾ Nicetas, p. 188 — 9. Никита останавливается и еще на судьбѣ протостратора Алексѣя: въ монастырь онъ скоро примирился со своей долей, привыкъ къ постной пищѣ и воздержанію.

лица пользуются расположением его, другія нѣтъ, т. е. въ однихъ онъ находитъ любимыя качества, въ другихъ не находитъ. Такъ, мы могли замѣтить, какія качества государя предпочитаетъ Никита, какимъ качествамъ сочувствуетъ онъ въ государственномъ лицѣ. Направляясь подобнымъ же путемъ, мы можемъ опредѣлить, въ чемъ полагаетъ Никита общія достоинства человѣка. Можно было бы думать, что нашъ писатель, бичуя высшій классъ современнаго общества, найдетъ нѣкоторое удовлетвореніе въ бѣдномъ, ремесленномъ, торговомъ и земледѣльческомъ классѣ. Такъ и должно было случиться, если бы Никита не оторванъ былъ воспитаніемъ отъ современной среды. Но идеалы его лежатъ за предѣлами современности: онъ былъ сынъ своего вѣка, сословное различіе и на него наложило рѣзкій отпечатокъ.

Знатность происхождения. Высшими достоинствами человѣка считаются такіа, которыя не всѣмъ равно доступны. Въ рѣдкихъ случаяхъ низкое происхожденіе не кладетъ мрачнаго пятна на всего человѣка. Слѣдовательно, порицая высшій классъ, тѣмъ не менѣе Никита успокоиваетъ на немъ свои надежды и ожиданія. Извѣстной долей исключительности и односторонности возрѣвній на человѣка Никита обязанъ своимъ понятіямъ о древнемъ мірѣ. Оттого-то почти никто изъ современниковъ не подходилъ къ его идеалу. Однако, мы попытаемся отмѣтить то, что можно считать въ его исторіи одинаково прочнымъ и постояннымъ въ сужденіи о *человѣкѣ вообще*. Почти каждый разъ, выводя новое лице, Никита знакомитъ насъ съ происхожденіемъ его; при чемъ благороднымъ происхожденіемъ оправдываются частію добрыя умственныя и нравственныя качества выводимаго лица; въ человѣкѣ незнатнаго происхожденія подвергаются суду его только непосредственныя физическія качества. Въ I. Аксухѣ „благородство и независимость убѣжденій много скрывали его незнатное происхожденіе“¹⁾; высокій ростъ и красивое лицо филадельфійца К. Ангела съ избыткомъ вознаграждаютъ незнатность его происхожденія²⁾; незнатное происхожденіе графа Балдуина выкупается его военными способностями³⁾. Логоветъ

¹⁾ Nicet, p. 14. 19. τὸ εὐγενὲς τῆς γνώμης καὶ ἐλευθέριον τὸ μὴ ἔχον οὕτω τοῦ γένους τὰ πολλὰ συνεσκίαζε.

²⁾ Ibid. p. 126. 3.—τ. ὅς γένους ἦν οὐκ εὐπαράφου πάνου καὶ εὐγενοῦς, εὖ δ' ἔχων τῆς σωματικῆς φύς καπὶ τοῦ προσώπου λειμῶνα κάλλους κηπεύων.

³⁾ Ibid. p. 470. 16. γένους μὲν οὐ φὺς εὐγενοῦς καὶ λαμπροῦ, διὰ δὲ τὴν κατὰ πόλεμον δεξιότητα αἰδέσιμος.

дрома I. Каматиръ имѣлъ высокій ростъ, величественную осанку, достойную благороднаго происхожденія его съ матерней стороны¹⁾.

I. Дука, при другихъ прекрасныхъ качествахъ, обладаетъ еще благороднымъ происхожденіемъ²⁾. Когда Андроникъ Комнинъ и севасть Каламанъ домогались любви Филиппы, послѣдній потерпѣлъ неудачу между прочимъ и потому, что былъ малъ ростомъ и происходилъ изъ захудалаго роду³⁾. Благородство происхожденія и знатность (*γένους ἐπίσημον*) ставится всегда въ противоположности съ низкимъ, ничтожнымъ и презрѣннымъ⁴⁾; знатность рода и положеніе различается не только у соотечественниковъ, но и у латинянъ и турокъ; знатные люди противопоставляются толпѣ, ремесленникамъ, мелкимъ торговцамъ и т. п. Знатность рода, въ соединеніи съ другими высокими качествами, не рѣдко навлекаетъ гоненія и возбуждаетъ подозрѣніе въ завистливыхъ и не такъ щедро одаренныхъ императорахъ⁵⁾.

При благородномъ происхожденіи человѣкъ долженъ обладать дру- b) Умствен
гими качествами, чтобы быть вполне высокимъ и достойнымъ съ точки образованіе
зрѣнія Никиты. Между отличительными качествами хорошаго чело- ораторскій
вѣка умственное образованіе и тѣлесная красота занимаютъ самое лантъ.
видное мѣсто. Свободныя науки и, какъ высшая степень образованія, философія—составляютъ удѣлъ весьма не многихъ людей. Въ характеристикахъ государственныхъ мужей своего времени Никита почти всегда обращаетъ вниманіе на образованность или невѣжество ихъ. Логоуетъ дрома I. Каматиръ „кончикомъ пальца только дотронулся до высокихъ наукъ, недолюбливалъ достопочтенную философію и не желалъ слѣдовать ея правиламъ“⁶⁾; напротивъ, „I. Дука получилъ хорошее научное образованіе, былъ свѣдущъ и въ свободныхъ наукахъ“.

¹⁾ Ib. p. 150. 10. ἀλλ' ἔβλεπε γενναῖον καὶ τοῦ αἵματος ἀξίον, ἐξ οὗ τὸ πρὸς μητρὸς ἐκείνου γένος καθέλκετο.

²⁾ Ib. p. 125. 7. καὶ γένους εὖ ἔχων.

³⁾ Ib. p. 183. 12. τὸ τῆς ἡλικίας βραχὺ... τὸ γένος ἀπειρασμένον καὶ χθῆς καὶ πρῶην εἰ ἔστιν ὅπως ἐγνώρισθαι.

⁴⁾ Nicet, p. 601. 5. ἐνίοι τῶν ἀπ' εὐσήμου γένους; p. 135. 12; 675. 3: οὗ τῶν ἐξ ἀγαρῶς καὶ τριόδων τινές, ἀλλ' εὐπατρίδαι νεανίαί...; 675. 6. καὶ ὅσον αὐτοῖς τοῦ γένους ἐπίσημον...; τοῖς δ' ἄλλοις πᾶσα πάροδος ἀποκλείετο; 697. 8: καὶ σχεδὸν τοῦ ἐπίσημου πάντες αἵματος; 728. 20. οἱ τὸ γένος ἐπίσημοι; 828. 1. Λάσκαρις Θ., ὡς γένει: εὐπρεπέστατος καὶ κῆρι: βασιλείῃ περιδοξος, *ibid* vs. καὶ τὸ γένος ἦσαν ἐπίσημοι.

⁵⁾ *Ibid*. p. 135. 7—10; 186—187.

⁶⁾ *Ibid*. p. 148. 12—14.

равно Андроникъ Комнинъ отличался и знаніемъ изящныхъ наукъ, и философскимъ образованіемъ ¹⁾; Исаакъ Комнинъ учился ораторскому искусству у Василія Рентакина. Собственно между свѣтскими лицами XII в. рѣдко было высокое научное образованіе; чаще встрѣчаются подобные примѣры въ средѣ духовныхъ лицъ. Между ними Евстаѳій Солунскій занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Никита такъ говоритъ объ его образованіи: „Евстаѳій былъ знаменитъ ораторскимъ талантомъ и отличался всѣми добродѣтелями... въ особенности же онъ превосходилъ другихъ убѣдительностію рѣчей и знаніемъ всякой мудрости, какъ христіанской, такъ и языческой“ ²⁾. Считаая словесное образованіе существеннымъ признакомъ лучшихъ людей, Никита, изъ скромности, такъ выражается въ одномъ мѣствѣ: „архипастырѣ Аѳинскій, Михаилъ Хонскій—мой родной братъ; я горжусь этимъ родствомъ и радуюсь, что въ насъ течетъ одна и та же кровь, но сознаюсь, я совсѣмъ не похожъ на него ни по добродѣтели, ни по краснорѣчію“ ³⁾. Съ понятіемъ объ образованномъ человѣкѣ почти всегда соединяется еще—ораторскій талантъ и извѣстная доля остроумія и находчивости. Последнее качество можетъ стать удѣломъ и не римлянина, хотя и оно возвышаетъ одного человѣка надъ другими. У протостратора Алексѣя съ острымъ умомъ соединялся прекрасный даръ слова ⁴⁾; человѣкъ, надѣленный подобнымъ даромъ, составляетъ предметъ зависти для другихъ и не рѣдко гибнетъ жертвою подозрительности императоровъ ⁵⁾; выраженіями: μέγας ἐν λόγοις характеризуется Евѳимій, епископъ Новыхъ Патръ ⁶⁾, βαθύνους, πολύμητις—императоръ Андроникъ ⁷⁾; за ораторскимъ талантомъ Евстаѳія Солунскаго признается сила, могущая дѣйствовать на камень ⁸⁾; епископъ аѳинскій Михаилъ могъ бы огонь свести на нечестивыхъ, ось наслатъ на лагерь враговъ ⁹⁾; за Федоромъ Стиппіотомъ признается остроуміе,

¹⁾ Ibid. p. 125. 7; 430. 2.

²⁾ Nicet, p. 399. 15—20.

³⁾ Ibid, p. 800. 15—19; 803. 2—3, онъ изучилъ философію и всѣ словесныя науки, свѣтскія и духовныя.

⁴⁾ Nicet, p. 128. 12.

⁵⁾ Ibid. p. 186. 19; 135. 7.

⁶⁾ Ibid. p. 430. 21; λόγφ πολὺς М. Италикъ—p. 83. 11.

⁷⁾ Ibid. p. 454. 17; 455. 10.

⁸⁾ Ibid. p. 400. 21.

⁹⁾ Ibid. p. 803. 5—с.

глубокомыслие и сообразительность¹⁾; Логоветъ дрома I. Каматиръ, хотя и не отличался особенною любовію къ высшимъ наукамъ, однако обладалъ непринужденностію въ разговорѣ: рѣчь его лилась подобно прекрасному потоку, текущему по покатости, за что и приобрѣлъ онъ великую славу²⁾. Онъ былъ незамѣнимый собесѣдникъ на веселомъ пиру; когда онъ разгорячался, остроуты и рассказы его сыпались безъ конца. Такимъ образомъ краснорѣчіе цѣнилось не только въ дѣлахъ общественныхъ, но и въ жизни частной. Извѣстная веселость нрава, пріятный характеръ—отличаются какъ дорогое преимущество нѣкоторыхъ людей³⁾. Эти качества уважались при дворѣ и въ обществѣ. Остроуміе уважалъ императоръ Іоаннъ, веселыми людьми окружалъ себя Исаакъ⁴⁾: I. Каматиръ, который умѣлъ и пропѣть подь звуки лиры и квеары, и проплясать кордакъ, былъ не только любимымъ гостемъ у императора Мануила, но и съ успѣхомъ былъ употребляемъ въ сношеніяхъ съ иностранными властителями, которыхъ онъ умѣлъ обворожить своимъ веселымъ нравомъ⁵⁾. Эти качества, между прочимъ, упоминаются Никитою въ числѣ такихъ, которыя не даютъ покоя и мѣшаютъ спать царямъ. Императоры считали для себя особенною честью, чтобы подданные признавали въ нихъ и философское образованіе и ораторскій талантъ; для этого лучшіе изъ нихъ почетными дарами привлекали къ своему двору людей образованных⁶⁾. Образованность, краснорѣчіе и общительность признаются какъ бы отличіемъ благороднаго римлянина: варваръ не можетъ усвоить себѣ этихъ плодовъ цивилизаціи⁷⁾; варвары не имѣютъ, по крайней мѣрѣ въ одномъ лицѣ, соединенія подобныхъ качествъ. Тѣлесная сила, хитрость, находчивость, крѣпость, свойственная „мужу кровей“, придается въ частности нѣкоторымъ изъ нихъ⁸⁾. Непривлекательными черты че-

¹⁾ Ib. p. 78. 17. βαθυγυμίων ὄν καὶ παπνομένους καὶ πτηνὸς τὴν φρόνησιν.

²⁾ Ibid. p. 148—149. Михаилъ Италикъ — человекъ весьма краснорѣчивый и образованный, бесѣда его была увлекательна. Онъ до такой степени увлекъ короля Конрада сладкою рѣчью, что этотъ не могъ оторваться отъ него; p. 83. 10—20.

³⁾ Nicet. p. 78. 17. τὸ ἦθος ἐπίχαρις; 14. 18. ἄταρ τὸ εὐγενὲς τῆς γυμνῆς ποθεινόν...; τὸ ἦθος εὐτάκελος 186. 19...

⁴⁾ Ibid. p. 578—579.

⁵⁾ Ibid. p. 149. 6—10.

⁶⁾ Ibid. p. 431. 6—12.

⁷⁾ Ibid. p. 638. 8.

⁸⁾ Ibid. p. 482. 23; 520. 13; 623. 6; 823. 4; 543—544. На характеристику варваровъ будетъ обращено еще вниманіе.

ловѣка недоступнаго, несообщительнаго, молчаливаго и сосредоточеннаго въ себѣ самомъ соединяются съ такимъ нравственнымъ уродствомъ и безчеловѣчьемъ, что невольно заставляютъ предполагать соотвѣтствіе между тѣми и другими въ представленіи писателя. Такимъ у него выведенъ І. Пуца, уничтожившій флотъ, поборами скопившій себѣ несмѣтныя богатства, обременившій государство непосильными налогами ¹⁾. Любовь къ интригамъ, двуязычіе, хитрость, коварство и притворство уподобляютъ челоѣка библейскому змію искусителю ²⁾; состраданіе, доступность и открытый нравъ, напротивъ, дѣлаютъ его любимцемъ всѣхъ ³⁾.

Мужество на
нѣ и тѣлес-
я красота.

Съ совершенствомъ нравственнымъ соединяется совершенство физическое. Мужество на войнѣ и красота суть характеристическія черты сочувственныхъ лицъ въ исторіи Никиты. Обыкновенный способъ обозначать военныя дарованія у Никиты кратокъ и точенъ: Про- сухъ — οὐκ αἰδρις τὰ πολέμια ⁴⁾, І. Аксухъ имѣетъ χεῖρες δεδιδαγμέ- ναι πρὸς πόλεμον ⁵⁾, и еще: στρατηγία διαπρέπων ἀνὴρ καὶ κατὰ χεῖρ- γενναῖος καὶ νοῦν ἡγεμονίας πλουτῶν ἀξιώτατον ⁶⁾; І. Дука—ἀνὴρ ἐρμαικῶ- ὄμοῦ καὶ ἀρεικός... καὶ μεθόδων ἴδρις στρατηγικῶν ⁷⁾; протостраторъ Алексѣй—δραστήριος ἀνθρωπος ὢν καὶ πᾶσαν ἐξησυχκῶς αὐτουργίαν πολε- μικήν... καὶ χεῖρας ἀνθερίζουσας ταῖς ἀρχικαῖς μεθοδεύσεσι ⁸⁾; Андроникъ— виновенъ передъ Мануиломъ въ τὸ ἐν μάχαῖς ἐνδέξιον ⁹⁾, тотъ же ὁ βαθύνοος Ἀνδρόνικος, во время осады Никеи, ἐπήγγυε τὰς ἐλεπόλει, καὶ τὴν σφενδόνην περιειργάζετο, τὸν λύγον τε καὶ τὸν στρόφαλον καὶ τὸν τειχεσιπλήτην κρῖον σιδήρῳ ἐφράγγυεν... φιλοτιμούμενος πρὸς τοὺς παρόντας, ὡς πολὺ τὸ κατὰ τὰς πόλεων ἀλώσεις ἐνδέξιον ἠύχρησεν ¹⁰⁾. І. Ватаца, великій domestikъ при Алексѣѣ II—ἀνὴρ οὐ φαῦλος τὰ τακτικά, πολλὰς δὲ νίκας πολλακίς ἐπανηρημένος κατὰ Περσῶν ¹¹⁾. Мужество, отвага и

¹⁾ Nicet, p. 74—77.

²⁾ Ibid. p. 146. 8—10.

³⁾ Ibid. p. 14. 20.

⁴⁾ Ibid. p. 71. 10.

⁵⁾ Ibid. p. 14. 17.

⁶⁾ Ibid. p. 109. 7—8.

⁷⁾ Nicet, p. 125. 6.

⁸⁾ Ibidem, p. 128. 11—12.

⁹⁾ Ibid. p. 135. 12.

¹⁰⁾ Ibid. p. 365. 8 11.

¹¹⁾ Ibid. p. 340. 12. Алексѣй Палеологъ оказываетъ ἀρετὴν καὶ τόλμαν въ борьбѣ съ самозванцемъ—p. 709. 5.

военныя способности, какъ можно обозначить вообще приведенныя выше качества, не отрицаются и въ непріятеляхъ. Такъ, графъ Балдуинъ — δια δὲ τὴν κατὰ πόλεμον δεξιότητα αἰδέσιμος ὢν τῷ ρηγί...¹⁾; Петръ Планца — κράτιστος ἅμα πάντων καὶ εἰς ἀνδρείαν ὀνομαστότατος, λίθῳ τὸ κράνιον κατεαγείσθαι²⁾; Романъ, князь галицкій — ῥωμαλέος ὢν τὸ σῶμα καὶ τὰς χεῖρας δραστήριος³⁾. Болгарскимъ королямъ изъ рода Асенеи приписываются подобныя же качества; такъ Асень — ἀγχίνους ὢν διαφερόντως κὰν τοῖς ἀπόροις ἐπινοῆσαι τὰ ξύμφορα ἰκανώτατος⁴⁾; Иоаннъ — εὐμήκης ἦν τὴν ἡλικίαν καὶ ἀγχίνους μάλιστα καὶ τὴν ῥώμην ἀκμαῖος τοῦ σώματος; τὸν δὲ γε ἄνδρα τῶν αἱμάτων τῷ τοῦ εἶδους ἀκροχόλῳ καὶ τῷ τῆς γνώμης ἀποκρότῳ σαφῶς διεχάραττε, Ῥωμαῖοις μὲν συναυλιζόμενος, μεταῤῥωθιζόμενος δὲ μηδαμῶς πρὸς τὸ τοῦ φρονήματος ὀμαλὸν καὶ εὐένδοτον⁵⁾. Высокій ростъ, сила, умѣнье владѣть конемъ—относятся также къ почетнымъ отличіямъ и внушаютъ писателю чрезвычайно живыя страницы. Силѣ свойственна увѣренность и спокойствіе. Никита не забываетъ въ своихъ описаніяхъ и этой психической стороны. Мы приведемъ одно подобное мѣсто, гдѣ говорится про отставшаго отъ своего отряда крестоносца⁶⁾. „Во время этого похода (III крестоваго похода) одинъ нѣмецъ, исполнскаго сложенія и чудовищной силы, отсталъ на далекое разстояніе отъ своихъ соплеменниковъ. Онъ медленно подвигался впередъ, ведя въ поводу измученнаго коня; его окружило болѣе 50 человекъ изъ турецкаго войска. Обступивъ со всѣхъ сторонъ, турки начали обстрѣливать его; онъ же, прикрываясь широкимъ щитомъ и надѣясь на прочность вооруженія, спокойно шелъ впередъ, подобно скалѣ или башнѣ, неуязвимый для стрѣлъ этого варварскаго скопница. Тогда одинъ изъ турокъ, вызвавшись передъ другими на смѣлый поступокъ, оставилъ свой лукъ, какъ оружіе непригодное, обнажилъ широкій мечъ, напустилъ своего коня на нѣмца и вступилъ съ нимъ въ одиночный бой. Удары отскакивали отъ нѣмца, какъ отъ горной вершины или отъ мѣдной статуи: толстою и мощною рукою онъ извлекъ свой тяжелый, огромный и крѣпко-скованный мечъ, наконецъ нанесъ ударъ по ногамъ коня и отсѣкъ обѣ перед-

1) Ib. p. 470. 17.

2) Ib. p. 823. 4—5.

3) Ibid. p. 692. 16.

4) Ibid. p. 520. 13.

5) Nicet, p. 623. 6—10.

6) Ibid. p. 543—544.

нія ноги съ такою же легкостью, какъ косецъ полевую травинку. Пока всадникъ держался еще въ сѣдлѣ, между тѣмъ какъ конь подъ нимъ упалъ на колѣни, нѣмецъ протянулъ руку, и съкирою нанесъ противнику ударъ по головѣ. Острая съкира, направленная сильнымъ размахомъ, произвела такое удивительное сѣченіе, что на двое разсѣкла всадника, прошла черезъ сѣдло и сильно ранила хребетъ лошади. Остальные турки, пораженные такимъ зрѣлищемъ, уже не осмѣлились нападать на него. Такъ было съ ними; нѣмецъ же, какъ левъ, увѣренный въ своей силѣ, не прибавлялъ шагу, но медленно продолжалъ путь и къ вечеру пришелъ на мѣсто, гдѣ остановились ночевать его соотечественники“.

Сила, стройность, красота и высокій ростъ выставляются какъ качества, особенно любимыя византійцами и нераздѣльныя съ другими преимуществами. На высокій ростъ Мануила и Андроника дѣлаются нерѣдкія указанія; малорослость разсматривается какъ физическій недостатокъ¹⁾. Императоръ Мануилъ на собственныхъ плечахъ перенесъ изъ Вуколеонской гавани въ Великій дворецъ камень въ величину человѣка, на которомъ, по преданію, положенъ былъ Спаситель по снятіи со креста. Когда передъ смертію онъ изъявилъ желаніе принять постриженіе, то не могли найти монашеской одежды, которая бы прикрывала все его исполинское тѣло²⁾. На высокій ростъ Андроника постоянно дѣлаются указанія тамъ, гдѣ, по мысли автора, должна выйдти отчетливѣе картина, эффектибѣ противопоставленіе³⁾. Такой же ростъ и исполинское сложеніе имѣлъ I. Каматиръ, который при томъ обладалъ благородной осанкой и величественнымъ видомъ⁴⁾. За высокій ростъ и красивое лицо К. Ангель попалъ въ зятя къ императору Мануилу, получивъ руку его дочери Θεодоры⁵⁾. Πλάσς σωματος ἀξία ὄβρα ταραννεῖν, τὸ εἶδος σεμνόν — возбуждаютъ зависть и подозрѣніе императоровъ, лишенныхъ такого дара⁶⁾, ибо съ понятіемъ о подобныхъ качествахъ связывалось понятіе о царственности и величіи. Чтобы доказать приведенныя положенія и закончить этотъ

¹⁾ Nicetas, p. 183. 12.

²⁾ Nicet., p. 288. 17, 289. 16—20. Но темный цвѣтъ лица императора Мануила подаеетъ поводъ къ насмѣшкѣ надъ нимъ, p. 115.

³⁾ Ibidem p. 296. 2, 328. 14, 455. 17, 458. 20, 183. 12.

⁴⁾ Ibidem p. 150. 17—20.

⁵⁾ Ibidem p. 126. 6—10.

⁶⁾ Ibidem p. 128. 18, 135. 9.

отдѣль, мы приведемъ два свидѣтельства, весьма ярко рисующія взгляды византийцевъ на тѣлесную красоту. Когда созрѣлъ заговоръ противъ Андроника Комнина и въ церкви св. Софїи предложенъ былъ царскій вѣнецъ Исааку Ангелу, онъ не изъявлялъ особенной охоты принять царскую власть. Присутствовавшій при этомъ І. Дука, прося возложить на него корону, снялъ съ головы шапку: черепъ его былъ безъ волосъ, и плѣшь свѣтилась, какъ полная луна. Простой народъ заявилъ рѣшительное несогласіе на его просьбу: „мы не хотимъ, раздавались голоса, чтобы надъ нами царствовалъ старикъ. И то уже много бѣдствій мы понесли отъ сѣдовласаго Андроника; поэтому въ насъ возбуждаетъ ненависть и отвращеніе всякій старикъ, въ особенности если у него длинная и остроконечная борода раздѣляется на двѣ половины“¹⁾. Въ дополненіе къ этому можно указать еще на слѣдующій случай. Спустя три мѣсяца по воцареніи императора Алексѣя Комнина — Ангела III, въ азіятскихъ провинціяхъ государства явился самозванецъ, выдававшій себя за Алексѣя II, сына Мануила, котораго умертвилъ Андроникъ. Лже-Алексѣй нашель поддержку въ анбирскомъ сатрапѣ, увлекъ нѣкоторые города и угрожалъ новому императору; явилась необходимость царю лично предпринять походъ противъ него. Любопытны объясненія, которые даютъ жители Мелангїи въ извиненіе своей приверженности къ самозванцу²⁾. „Государь императоръ! Ты самъ удивился бы, если бы увидѣлъ этого человѣка. Его длинные волосы огненнаго цвѣта такъ прекрасны, какъ будто усыпаны блестками золота; онъ такъ сложенъ, такой прекрасный наѣздникъ, что кажется прикованнымъ къ сѣдлу; не гнѣвайся же на насъ, которые жалѣемъ этого юношу, имѣющаго право на царство по преемству въ трехъ поколѣніяхъ и несправедливо лишенному власти и отечества“. Въ царствованіе Исаака Ангела въ Азїи также былъ самозванецъ, выдававшій себя за Алексѣя II; своими золотистыми волосами онъ привлекъ на свою сторону не только простой народъ, но и нѣкоторыхъ правительственныхъ и придворныхъ лицъ. Когда, наконецъ, онъ былъ убитъ и голова его принесена къ севастратору Алексѣю, тотъ, „взбивая его золотистые волосы хлыстомъ, проговорилъ: не безъ причины же сдавались этому человѣку наши города“³⁾. Молодость и физическая сила возбуждаютъ сочувствіе и

¹⁾ Nicetas, p. 450—451. Такая именно борода была у императора Андроника.

²⁾ Ibidem p. 609. 18—17, 610. 2—4.

³⁾ Nicetas, p. 552. 17—18.

писателя и народа. Мученія Мамала, обреченнаго при императорѣ Андроникѣ на сожженіе въ циркѣ, доводятъ до слезъ зрителей и даютъ поводъ къ рѣзкой сатирѣ¹⁾. Уродливость въ лицѣ и сложеніи, физическій недостатокъ, низкое занятіе и т. п. не привлекаютъ къ себѣ ни сочувствія народа, ни благоволенія судьбы²⁾. Являются и подобные самозванцы, но съ ними легко управляются царскіе полководцы! Таковъ кипрійскій уроженецъ І. Спиридонаки³⁾.

Такимъ образомъ, симпатіи писателя лежатъ на сторонѣ благороднаго класса, научнаго образованія, ораторскаго искусства, тѣлесной силы и красоты, веселаго и открытаго характера. Только одаренному подобными качествами можно достигнуть извѣстнаго вліянія и значенія въ обществѣ, современномъ Никитѣ. Гдѣ приходится ему сопоставлять между собою западно-варварскій міръ съ восточно-римскимъ, высокія преимущества и полное его сочувствіе лежатъ на сторонѣ Рима. Онъ не скрываетъ отъ себя, что идея Рима и римскихъ гражданъ есть собственно фикція; что населеніе современной ему Византіи представило смѣсь различныхъ національностей, и что поэтому трудно искать между тогдашними римскими гражданами тѣхъ доблестей, которыми сильна была старая имперія. Тѣмъ не менѣе, Никита простодушно остается въ намѣренномъ обольщеніи, смѣло противопоставляя римское варварскому; пока онъ довольствуется общими соображеніями и живетъ въ области идеи, его міровоззрѣніе послѣдовательно и единочно, но когда является фактическая сторона дѣла, тогда идея ступевывается и уступаетъ мѣсто очевидной и горькой истинѣ. Такимъ образомъ, противоположность заранѣе созданной идеи, вошедшей въ плоть и кровь писателя, съ живыми и рѣзкими фактами дѣйствительности должна была породить и въ душѣ Никиты, и въ воззрѣніяхъ его на событія цвѣстнаго рода двойственность и противорѣчія, которыя замѣчаются въ нѣкоторыхъ частяхъ его труда. Переходимъ къ разбору его взглядовъ на *иностранное* и *свое*; наша цѣль — объяснить и примирить кажущіяся противорѣчія Никиты.

¹⁾ Ibid. p. 404.

²⁾ Никита не пропускаетъ даже такихъ недостатковъ, какъ удушливый кашель. p. 653. 5.

³⁾ Ibid. p. 708. α. τὸ εἶδος φαῦλος, τὴν ἡλικίαν φαυλότερος, στράβων τὰς ὄψεις, χειρώναξ τὴν τέχνην, τὴν τύχην χθόνιος, ταῖς παραλόγοις προόδοις καὶ ἀναβάσει...

Въ чемъ заключаются преимущества римскаго міра передъ варварскимъ. Взглядъ Никиты на иностранцевъ.

Высокія преимущества римскаго міра передъ варварскимъ, подъ которымъ разумѣть нашъ писатель всѣ европейскіе народы, за исключеніемъ еллиновъ, состоятъ въ слѣдующемъ ¹⁾. Между народами германскаго происхожденія Никита не находитъ взаимнаго общенія и единства: всѣ они представляются ему отдѣльными племенами, безъ блистательнаго прошедшаго и высокой будущности; эти племена не преслѣдуютъ возвышенныхъ задачъ, не имѣютъ понятія о духовномъ просвѣщеніи и развитіи, малыми зачатками его обязаны лишь сношеніямъ съ римскимъ міромъ. Они чужды изящныхъ наукъ и искусствъ, которыя облагораживаютъ человѣка, возвышаютъ его духовныя способности надъ чувственными проявленіями и тѣлесными побужденіями. Въ этомъ отношеніи на одной и той же степени стоятъ какъ народы германскаго происхожденія, такъ и славянскаго ²⁾. Римскій міръ, по отношенію къ такимъ народамъ, представляется если не матерью, то кормилицей, которая воспитала и вырастила ихъ на свою погибель ³⁾. Полнаго развитія душевныхъ способностей такіе народы не могутъ достигнуть: только безразсудное мужество они могутъ считать единственно своимъ качествомъ, военное же искусство и храбрость на войнѣ составляютъ удѣлъ человѣка, обладающаго всѣми видами добродѣтели. „Но у нихъ не имѣтъ пристанища ни одна харита или муза; оттого чувственныя побужденія берутъ перевѣсъ надъ духовными, раздражительность предупреждаетъ объясненіе, слюна появляется изо рта прежде, чѣмъ послышится слово“ ⁴⁾. Варвары не имѣли понятія о высокихъ плодахъ, которые приноситъ образованіе; въ своемъ невѣжествѣ они осмѣивали любовь римлянъ

¹⁾ Здѣсь нужно припомнить приемы Никиты въ характеристикахъ отдѣльныхъ лицъ.

²⁾ Обыкновенное обозначеніе ихъ такое: Богъ предалъ насъ μή ἐχέφροσιν ἐθνεσιν, ἢ οὐδ' ἐθνεσιν ἀληθῶς εἰπεῖν, ἀλλ' ἀποδροῖς καὶ σποραδικοῖς γένεσιν, — Nicet, p. 764. 12—13; или—Богъ предалъ насъ εἰς μαστιγῶσιν λαῶν μωρῶν καὶ οὐχὶ σοφῶν, ibid. p. 566. 5.

³⁾ Nicet, p. 764. 14. Далѣе, преимущество грековъ состоитъ въ умственномъ и нравственномъ образованіи со всѣми благодѣтельными слѣдствіями его для общественной и частной жизни.

⁴⁾ Ibidem p. 791. 10—12; 266. 22.

къ чтенію книгъ; въ насмѣшку называли византійцевъ толпою псѣцовъ¹⁾. Желая укорить грека, варваръ самую язвительную насмѣшку полагаетъ въ намекъ на аспидную доску и стилъ, на розгу, бьющую по рукамъ и по спинѣ²⁾. Какъ люди образованные и просвѣщенные, умѣющіе сдерживать свои страсти, византійцы противопоставляются въ этомъ отношеніи дикимъ и необузданнымъ варварамъ, которыхъ не умолишь просьбами, не смягчишь слезами, не умилостивишь ласками. Къ прекрасной пѣснѣ они относятся съ тѣмъ же хладнокровіемъ, какъ къ крику гусей или къ граю воронъ; самая увлекательная игра на свирѣли, по искусству исполненія достойная Орфея, приводившаго въ движеніе скалы, и та не могла бы извлечь чувства изъ варвара. Люди этого рода привыкли подчиняться только гнѣву: въ раздраженіи они пользуются первымъ средствомъ для удовлетворенія себя³⁾.

Между тѣмъ римляне и варвары поставлены судьбою другъ противъ друга; настояла необходимость взаимныхъ сношеній между ними. Никита едва-ли не лучше всѣхъ современниковъ понималъ взаимныя отношенія востока къ западу; по крайней мѣрѣ, ни у кого не встрѣтишь такого яснаго и отчетливаго различенія этихъ двухъ цивилизацій—еллинско-византійской и романо-германской, какое находится у нашего писателя. Мы оставляемъ пока въ сторонѣ страстные и желчныя укоризны, посылаемыя Никитой крестоносцамъ IV похода; мы довольствуемся его сужденіями, высказываемыми спокойно и безъ раздраженія, его сопоставленіемъ востока съ западомъ. Въ этомъ отношеніи сужденія Никиты и доселѣ имѣютъ свѣжесть и новизну: у него есть попытка исторически объяснить вражду латинянъ къ византійцамъ, какъ вражду исконную, непрерывную, которая имѣла начало въ самомъ характерѣ націй, въ ихъ культурѣ, вѣрѣ и жизни. „Проклятые латиняне считаютъ раемъ ту страну, въ которой суждено намъ жить и пользоваться благами; завидуя нашему счастью, они всегда злоумышляютъ противъ нашего рода и искони строятъ намъ ковы. По обстоятельствамъ притворяясь друзьями, они ненавидятъ насъ, какъ злѣйшіе враги: когда они обращаются къ намъ съ ласковымъ и нѣжнымъ словомъ, и тогда это слово подобно стрѣлѣ

¹⁾ Ibid. p. 786. 10.

²⁾ Ibid. p. 478. 8—10.

³⁾ Nicet, p. 391. 1—10.

обоюду-острому мечу. Такъ, между нами и ними утвердилась величайшая пропасть различія. Хотя мы и вступаемъ съ ними въ сношенія и часто пользуемся однимъ и тѣмъ же жилищемъ, однако асъ раздѣляетъ самая рѣзкая противоположность убѣждений. Чрезвычайно гордые, надменно выпрямляющіе свой станъ, они пользуются для своихъ выгодъ мягкостію нашего нрава, приниженностію и скромностію“¹⁾. Приведенныя слова имѣютъ глубокое значеніе въ устахъ византійца XII вѣка. Никита стоитъ выше вѣроисповѣдной вражды, раздѣлявшей востокъ съ западомъ. Не въ ней заключается діаметральная противоположность византизма и латинизма, а во всемъ троѣ жизни исторической, въ нравственныхъ и общественныхъ возрѣвнiяхъ того и другого народа. Такого глубоко-вѣрнаго взгляда напрасно стали бы мы искать во всей тогдашней литературѣ²⁾. Ненависть и вражда латинства къ Византіи не допускаетъ возможности дружественныхъ договоровъ, взаимной помощи; напрасны оболъщенія нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ, которыя думали связать латинянъ клятвами и договорами и тѣмъ сохранить независимость имперіи: это была мечта, которая разбивалась передъ исконной, вѣчной ненавистью двухъ міровъ³⁾. Когда Никитѣ пришлось описывать авоеванія латинянъ въ византійскихъ провинціяхъ, послѣ взятія ими Цареграда въ 1204 году, онъ наведенъ былъ на слѣдующія грустныя размышленія: „что же я занимаюсь описаніемъ варварскихъ подвиговъ, и передаю потомству военныя событія, въ которыхъ одерживаютъ верхъ не греки? Какъ я могу исторію — это лучшее и прекраснѣйшее изобрѣтеніе еллинскаго духа посвятить на описаніе варварскихъ побѣдъ надъ еллинами“⁴⁾. И онъ дѣйствительно сдѣлалъ нѣкоторый перерывъ и началъ опять писать только послѣ того, какъ болгары одержали блистательную побѣду надъ латинянами, довлетворивъ и его патріотическому чувству. Поступки латинянъ въ Цареградѣ по жестокости, святотатству и безпощадности, далеко не могутъ сравниться съ тѣмъ, какъ поступили турки съ христіанами, владѣвъ Іерусалимомъ⁵⁾.

¹⁾ Nicet, p. 391—392: ὡς πτέρναν φιλοῦσι τηρεῖν καὶ παρτερράζεσθαι τὸ λεῖον τοῦ θοῦς ἡμῶν καὶ ὀποχταβαῖνον χαρμαὶ διὰ τὸ τοῦ φρονήματος μέτριον; sneep p. 537.

²⁾ Tafel, Komnenen und Normannen. s. 239, Anmerk. 19.

³⁾ Nicetas, p. 728. 11, 752. 7—9, 821. 16, 260. 13—14.

⁴⁾ Ibid. p. 767—768.

⁵⁾ Ibid. p. 762—763.

* Но Никита не слѣпой и ожесточенный врагъ латинянь. Его ненависть гражданскаго свойства: она не могла развиваться до фанатизма, какъ свойственно враждѣ вѣроисповѣдной. Онъ умѣетъ подняться до трезваго и правильнаго взгляда на вещи, не отрицаетъ и въ латинянахъ добрыхъ качествъ, находитъ между ними примѣрныхъ людей, указываетъ образцовые обычаи, которымъ могли бы поучиться и византійцы.

Императору Мануилу приписывается такой взглядъ на враговъ идущихъ съ запада. Онъ не рѣшался самъ идти войною противъ западныхъ народовъ, потому что считалъ ихъ страшными и непобѣдимыми. По его мнѣнiю, византійскiя войска въ сравненiи съ латинскими были тоже, что горшки въ сравненiи съ котлами. Опасаясь, что всѣ западные народы могутъ составить союзъ и отправиться на него войною, онъ постоянно держался мѣрь предупредительныхъ. Восточные народы можно, говаривалъ онъ, и подкупить и усмирить оружиемъ; западные же враги пугаютъ его своей многочисленностию. Надменные и гордые, они постоянно занимаются войною, идутъ на сраженiе закованные въ желѣзо, питаютъ непримиримую ненависть къ византійцамъ, вражду и досаду ¹⁾. Этими опасенiями объясняются своеобразныя мѣры византійскаго двора, клонившiяся къ поддержанiю вражды между нѣмецкими императорами и итальянскими городами. Въ виду опасности съ запада, которую понимали лучшiе люди XII вѣка, Никита оправдываетъ и мѣры императора, и громадныя издержки на итальянскую войну ²⁾.

Вообще главный упрекъ, который дѣлаетъ Никита латинянамъ, заключается въ надменности ихъ, жестокости и кровожадности ³⁾. Прежде всего западные крестоносцы поразили византійцевъ необычайною военною силою, многочисленною конницею, несмѣтнымъ множествомъ тяжеловооруженной пѣхоты: „войско это заковано въ мѣдь, смертоносно, глаза его блещутъ огнемъ, оно жаждетъ кровопролитiя“ ⁴⁾. Невысокое мнѣнiе, которое имѣли византійцы объ западныхъ народахъ, должно было теперь уступить мѣсто новому чувству

¹⁾ Nicet, p. 260.

²⁾ Ibidem, p. 265. 1—20.

³⁾ Почти обычная характеристика: *λατινική κόροζα καὶ τὸ τοῦ φρονήματος αὐτῶν ἀταπεινότης*—p. 52. 16; καὶ τὴν λατινικὴν ἐξουθενώσας κόροζαν—p. 214. 8.

⁴⁾ Nicet, p. 82. 7—11.

по отношенію къ нимъ. Признавая за ними перевѣсъ физической силы, греки должны были питать патріотическое чувство выставленіемъ на видъ своей образованности, общественности, роскоши и величія, чего не имѣли эти грозные варвары. Принимая при своемъ дворѣ западныхъ государей и пословъ ихъ, императоры заботились о соблюденіи полного церемоніала: надѣвали лучшія свои украшенія, собирали весь пышный дворъ, разряженный и блистающій золотомъ и драгоценными каменьями. Но варвары не поражались величіемъ извѣннаго двора, не падали въ прахъ передъ могуществомъ императоровъ; напротивъ, богатство двора и столицы еще сильнѣе заставляло ихъ желать обладанія ею ¹⁾. Варвары лишь болѣе убѣждались, что женоподобные и слабые византійцы не могутъ оказать имъ сопротивленія. Они смѣло ставили свои требованія, потому что издавна убѣдились, что римляне всю жизнь проводятъ или въ пьянствѣ, или въ вытрезвленіи послѣ попойки ²⁾ и что Византія подобна Сиварису, извѣстному своею извѣженностію. Такими византійцы узнали латинянъ во время первыхъ походовъ ихъ въ св. землю, такими же нашли ихъ и въ 1204 году, когда Византія подпала господству крестоносцевъ. Со стороны латинянъ — недоувѣріе и боязнь западни, со стороны византійцевъ — жалоба на жестокость и надменность — проводятся послѣдовательно во всемъ сочиненіи Никиты ³⁾. Тѣмъ не менѣе, мы надѣемся доказать, что Никита не былъ ослѣпленъ по отношенію къ латинянамъ; что патріотизмъ не закрывалъ для него истины. Никита порицаетъ послѣдовательно и согласно съ тѣми основными воззрѣніями, которыя мы пытались обозначить у него въ предыдущемъ изложеніи. Точность и вѣрность доводитъ онъ иногда до крайности. Не довѣряя молвѣ и общественному мнѣнію и въ другихъ случаяхъ, въ собраніи данныхъ о поступкахъ латинянъ въ Цареградѣ, сицилійцевъ въ Солуни, онъ пользовался какъ собственными наблюденіями, такъ и разказами очевидцевъ. Въ немногихъ только случаяхъ онъ позволяетъ себѣ легковѣрныя и наивныя показанія. Та-

¹⁾ Ibidem p. 629.

²⁾ Nicet, p. 717. 12.

³⁾ Ibid. p. 792. 12. Маркизу Бонифацію приписывается такая жалоба на Балдуина: *Γρατικῶν ἀπατηλότερον καὶ τὸ ἦθος σακαβώδη καὶ ἀπιστον καὶ παλιμβολον ὑπὲρ ὀστρακον καὶ κόβρον...*; p. 826. 7: *ἦ τε γὰρ Λατίνων ὑπερσφία καὶ πρὸς Ῥωμαίους ὑπόφια καὶ τὸ τοῦ φρονήματος ἀκαθαίρετον τῆς πρώην προθέσεως εἶχετο... καὶ κατ' αὐτῶν τοῦ δόοντος ἐβρυχον.*

ковы, напр., свидѣтельства о чудныхъ, непонятныхъ явленіяхъ въ природѣ и жизни, которыя носятъ на себѣ печать вымысла и разстроеннаго воображенія. Послѣ взятія сицильцами Солуни, по его словамъ, ни одна собака не касалась труповъ римлянъ, между тѣмъ какъ сицильскія тѣла пожирались ими съ ненасытнымъ обжорствомъ. были даже разрываемы могилы и вытаскивались изъ нихъ трупы¹⁾.

Отзывы Никиты объ западныхъ сосѣдяхъ или не сочувственны, или, наоборотъ, сочувственны. Первые объясняются сознаніемъ превосходства византійской культуры передъ варварствомъ, признающимъ только одно право на землѣ — право силы и отрицающимъ просвѣтительное вліяніе на человѣка образованности; вторые имѣютъ своимъ основаніемъ идею справедливости и истины, извѣстнаго рода космополитизмъ, замѣчающій хорошую черту и въ зломъ врагѣ; въ силу этого чувства, для Никиты истина дороже соотечественниковъ, какъ любить онъ выражаться. Если бы мы рѣшились въ подробности указать всѣ нравственныя черты и поступки западныхъ крестоносцевъ, возбуждающіе строгій отзывъ нашего писателя, то намъ пришлось бы постоянно повторяться. Мы нашли бы, что варварство, гордость, жестокость, корыстолюбіе, святотатство и вѣтвопреступничество варьируются по разнымъ риторическимъ приѣмамъ и окрашиваютъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ говорится про латинянъ²⁾. Эта сторона у Никиты довольно однообразна, въ связи повѣствованія она не дѣлаетъ такого рѣзкаго впечатлѣнія, какъ выбранная и поставленная отдѣльно. Отсюда, между прочимъ, можно вывести, что для пониманія его отношеній къ лицамъ и событіямъ, не слѣдуетъ удовлетворяться однимъ какимъ-либо отзывомъ и рассказомъ его, и что въ сущности онъ не былъ такимъ одностороннимъ патріотомъ и латинофобомъ, какимъ выставляютъ его въ литературѣ. Наши слова не будутъ бездоказательны, если мы приведемъ еще нѣкоторыя сужденія

¹⁾ Nicet, p. 471—2 и нѣсколько другихъ случаевъ, на которые будетъ сдѣлано указаніе въ своемъ мѣстѣ.

²⁾ Напримѣръ на стр. 761. 5—12 говорится про крестоносцевъ: такъ беззаконничали западныя войска въ наслѣдїи Христовомъ, никому не оказывая челоуѣколюбія, но всѣхъ лишая средствъ къ жизни, имущества, жилищъ и одежды. Посмотрите на этотъ жестоковѣрный (съ мѣдной шей) народъ, какой у него дерзкій и надменный видъ! выбритый подбородокъ, жадная до убійства рука, раздувающіяся ноздри, широко раскрытые глаза, ненасытныя челюсти, неудовлетворенная страсть, быстрая и отрывистая рѣчь; ср. p. 729. 10, 796—7.

его о латинянахъ, которыя частію ослабляютъ, частію уничтожаютъ выше приведенныя рѣзкія выходки.

Никита нашель возможнымъ, если не примириться, то по крайней мѣрѣ дать удовлетворительное объясненіе дурнымъ поступкамъ латинянъ. Теплая вѣра въ судьбы промысла, не покидавшая Никиту до послѣднихъ дней жизни, внушила ему убѣжденіе, что Богъ наслалъ на преступную Византію этихъ разбойниковъ и пиратовъ, какъ орудіе своей кары. Та же вѣра поддерживала въ немъ надежду на возвратъ счастливыхъ дней. Если орудія казни Божіей преступятъ предѣлы умѣренности, переполнятъ чашу гнѣва Божія, то и сами, въ свою очередь, сдѣлаются жертвою новыхъ, еще болѣе грозныхъ враговъ, которыхъ Богу угодно будетъ послать на нихъ. При подобномъ воззрѣніи, Никитѣ можно было сочувственнѣе отнестись къ латинянамъ, не скрыть добрыя стороны нѣкоторыхъ предводителей крестоноснаго ополченія и указать достойныя подражанія народныя черты. Что и въ извѣстіяхъ объ латинянахъ Никита желалъ быть справедливымъ, доказывается, между прочимъ, его указаніями на двоядушную политику византійскаго двора, на засады, фальшивую монету, подкупъ турецкихъ правителей въ Малой Азіи и т. п. — обстояательства, съ точки зрѣнія узкаго патріотизма, невыгодно рисующія византійцевъ.

Въ произведеніи Никиты есть не мало мѣстъ, указывающихъ на превосходство латинянъ передъ византійцами. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить признаніе за ними храбрости и военнаго искусства; затѣмъ, нѣкоторыхъ нравственныхъ преимуществъ какъ въ жизни отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлаго народа. Сообразно съ этимъ, отношенія Никиты къ западу въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ исторіи дѣлаются мягче, сочувственнѣе. Такимъ характеромъ отличается почти все описаніе походовъ Конрада III и Фридриха Барбароссы. Туркамъ, потерявшимъ отъ крестоносцевъ, дѣлается такое внушеніе: „имъ бы не слѣдовало наносить вредъ людямъ, которые ничѣмъ не оскорбили ихъ; безразсудно раздражать свирѣпаго звѣря, когда онъ успокоился, и натравлять его на убійство“; и далѣе: „западныя войска показали здѣсь самымъ дѣломъ, что только по ихъ сдержанности римскія фаланги не были уничтожены, города остались не выжжены и жители не перебиты, на подобіе стада домашняго скота“¹⁾. На-

¹⁾ Nicetas, p. 89. 21, 90. 5.

мѣревался перейти рѣку Меандръ, на противоположномъ берегу которой собрались значительныя турецкія силы, Конрадъ держитъ рѣчь къ своему ополченію. Не много найдется лѣтописныхъ извѣстій, которыя бы, по сочувствію къ идеѣ походовъ, по теплотѣ вѣры и геройской преданности предпринятому дѣлу, могли сравняться съ этою, безъ сомнѣнія, вложенною Никитою въ уста Конрада¹⁾ рѣчью. Какъ дополненіе къ ней, подтверждающее взглядъ Никиты на дѣло крестоносцевъ, описывается и чудесный переходъ нѣмцами рѣки Меандра. За Конрадомъ стремительно бросилась въ рѣку вся конница, копытами лошадей разсѣчена рѣка, и крестоносцы посуху перешли на другой ея берегъ, подобно тому, какъ нѣкогда евреи переправились черезъ рѣку Иорданъ²⁾. Сочувственное отношеніе писателя къ крестоносцамъ не ограничивалось его внутреннимъ убѣжденіемъ, но проводилось даже въ императорскую политику, когда Никита могъ по своему положенію вліять на распоряженія двора. Таково именно было значеніе его во время III крестоваго похода, когда, въ качествѣ правителя филиппопольской области, онъ поставленъ былъ въ непосредственныя сношенія съ крестоносцами. Повести дѣло открыто, честно выполнить обѣщанія — Никитѣ мѣшали, съ одной стороны, глупость и нерадѣніе военныхъ людей Исаака Ангела³⁾, а съ другой — разнорѣчивыя приказанія самаго императора. Понимая, что малая война, какую предприняли царскіе полководцы съ вѣдома императора, равно опасна для римскаго и крестоноснаго войска, Никита лично доложилъ императору, что много мѣшаетъ правильному ходу дѣлъ взаимное недовѣріе, что въ нѣмецкомъ лагерѣ передаются оскорбительныя для царя слухи, будто онъ измѣнилъ союзу съ христіанами во имя клятвы, данной сарацинамъ, которую скрѣпилъ страшнымъ язы-

¹⁾ Ibid, p. 91—93; за немногими исключеніями, рѣчи въ исторіи Никиты выдаютъ мысли и соображенія самого автора.

²⁾ Nicet, p. 94. *ως τοῦ ποταμίου χειμάτος τὸ μὲν ἐς τὴν χέρσον ἐκτιναχθῆναι ταῖς τῶν ἰππων χηλαῖς, τὸ δὲ διακοπῆναι καὶ τῆς πρόσω στήναι φορᾶς, ὡς εἶπερ εἰς ἀνάρθρον παρὰ φύσιν ἀνέλυσεν, ἧ καὶ εἰς τοῦπίσω ἀνεστοιβάζετο, αὐτοὺς δὲ ὡς διὰ ξηρᾶς ὑγροποροῦντας παρὰ θέξαν τοῖς Πέρσαις ἐπεισπεσεῖν.*

³⁾ Ibid, p. 526. Протостраторъ Мануилъ Камица, дромологоветъ I. Дука и Кантакузинъ: οὗτοι ἀνεπιστημοσύνη τῶν ὑφειπόντων γενέσθαι καὶ μαλακότητι οἰκεία (χερῶν γὰρ καὶ φίλων ἡμῖν τῶν ἀνδρῶν ὄντων ὡς πρεσβυτέραν καὶ φιλτέραν τιμᾶν τὴν ἀλήθειαν) αὐτόν τε τὸν ῥῆγα κατὰ Ῥωμαίων ἐξέμηναν καὶ τὸν βασιλεῆ ὡς πολέμιον ἐκείνον ὑφορᾶσθαι παρέπεσαν.

ческимъ обрядомъ¹⁾. И дѣйствительно, ему удалось убѣдить царя, чтобы онъ перенаправилъ поскорѣе крестоносцевъ на азіатскій материкъ. Замѣтно, что Никита въ душѣ болѣе обвинялъ соотечественниковъ за несчастныя столкновенія съ крестоносцами, чѣмъ иностранное ополченіе. Завѣтная мысль его объ этомъ высказывается по слѣдующему случаю. Встрѣчая по болѣе части нерасположеніе мѣстныхъ жителей, въ Лаодикии фригійской Фридрихъ неожиданно нашелъ радушіе и гостепріимство. Онъ былъ тронуть этимъ и послалъ лаодикійцамъ самыя теплыя благожеланія. „Поднявъ руки къ небу, возведши глаза и преклонивъ колѣна, король просилъ у Промыслителя ниспослать лаодикійцамъ благъ временныхъ и вѣчныхъ. Онъ присовокупилъ, что еслибы римская земля имѣла побольше такихъ людей, и еслибы въ ней такъ радушно принимали воиновъ Христовыхъ, то и они охотно бы платили имъ деньги и мирнымъ путемъ добывали бы продовольствіе; давно бы были уже пройдены римскія границы, и мечи ихъ спокойно бы лежали въ ножахъ, не обагрившись христіанскою кровію“²⁾.

Нѣмцы даже отличаются умѣренностію и кротостію съ побѣжденными иконійскими турками: они не грабятъ Иконія, но, запасшись необходимыми средствами продовольствія, продолжаютъ путешествіе въ святой землѣ³⁾. Говоря о смерти Фридриха Барбароссы, Никита пользуется почти тѣми же чертами въ восхваленіи его подвига, предпринятаго къ освобожденію святой земли, какими украшена и рѣчь Конрада къ своему ополченію⁴⁾. Сопоставленіе отзывовъ Никиты о Конрадѣ и Фридрихѣ даетъ намъ новое доказательство, что идея походовъ была сочувственна Никитѣ, и что темныя стороны крестоносцевъ были взяты съ дѣйствительности. Военныя преимущества западнаго войска признаются нашимъ писателемъ при сравненіи иностранцевъ и съ соотечественниками, и съ азіатскими народами. Западнаго войска — это котлы въ сравненіи съ горшками, по выраженію импе-

¹⁾ Nicet, p. 536. 1—10. καὶ κατὰ τὸ παρ' αὐτοῖς περὶ φιλίας κρατοῦν ἔθιμον ἀμφοτέρους σχάζει φλέβα τὴν ἐπιστήθιον καὶ τὸ ἐκεῖθεν ἐκρούεν αἷμα ἑκάτερον εἰς πόσιν ἀντιπροτείνασθαι.

²⁾ Nicet, p. 540. 1—10.

³⁾ Ibid. p. 543. 1—5.

⁴⁾ Ср. p. 91—93 съ 545—546. Двѣительность Фридриха уподобляется проповѣдническимъ подвигамъ апостола Павла: καὶ ὁ μὲν, ὡς ἐμὸν τὸν πετῶ, μαχαριστοῦ τετόχηκε τέλους.

ратора Мануила¹⁾, мѣдныя статуи или непобѣдимыя исполнены, по словамъ Никиты, которые способны запугать всякаго врага²⁾. Римское войско страшится одного имени такихъ враговъ и отказывается въ повиновеніи своему вождю³⁾. Кто не знаетъ, говоритъ онъ съ горечью, что латиняне, занявъ какую-либо страну или городъ, такъ прочно утверждаются на новомъ мѣстѣ, какъ на своей родинѣ; для этого они не останавливаются ни передъ какими затрудненіями. Не такъ поступаютъ римляне: они готовы отказаться въ пользу всякаго даже отъ послѣдней одежды. Покидая отечество, они легкомысленно отрясаютъ прахъ отъ ногъ своихъ, какъ ничтожныя и низкіе трусы, дрожащіе отъ страха при видѣ враговъ, въ сраженіи болѣе негодныя, чѣмъ женщины⁴⁾.

Такъ, мы видимъ, что у злѣйшихъ враговъ Никита находитъ качества, достойныя похвалы и подражанія римлянъ. Такимъ качествомъ, между другими, является постоянство ихъ и принципъ законности. Годъ и четыре мѣсяца латинская имперія въ Цариградѣ управлялась безъ короля; латиняне не прежде короновали преемника Балдуину, какъ доподлинно узнали, что онъ умеръ въ плѣну у Іоанна болгарскаго. Эта черта естественно была сочувственна Никитѣ, который зналъ происки и интриги византійскихъ придворныхъ при назначеніи и сверженіи императоровъ. „Да узнаютъ объ этомъ римляне, говоритъ онъ, которые уже во время избранія новаго императора намѣчаютъ въ умѣ своемъ того, кто въ скорости долженъ низвергнуть его. Потому-то, по справедливости, у всѣхъ народовъ они извѣстны какъ матерубійцы—эхидны, какъ народъ, потерявшій разумъ, сыны беззаконія, возбуждающіе между нами раздоры“⁵⁾. Нравственныя достоинства нѣкоторыхъ лицъ также выставляются въ примѣръ для подражанія безнравственнымъ соотечественникамъ. Лучшую славу въ этомъ отношеніи стяжалъ себѣ король цариградскій Балдуинъ. Замѣтно, что образъ его у Никиты значительно окрашенъ, что на характеристику его вліяли отзывы современниковъ и близкихъ къ Бал-

¹⁾ Ibid. p. 260. 3.

²⁾ Ibid. p. 539. 14—15.

³⁾ Ibid. p. 685. 17.

⁴⁾ Nicet. p. 850. Въ заключеніе этой безотрадной картины приводится изъ Илиады (XIII. 279—283) характеристика робкаго мужа. Сицилійскіе плѣнники, освобожденные отъ оковъ, составляли лучшую фалангу въ войскѣ Алексѣя Враны и доставили ему перевѣсъ надъ царскими войсками. p. 493. 30.

⁵⁾ Nicet. p. 847. 7—15.

дуину людей. Графъ Балдуинъ, по этимъ отзывамъ, былъ человѣкъ благочестивый, воздержной жизни; онъ не касался женщины во все время, пока былъ въ разлукѣ съ супругою; онъ любилъ церковныя пѣнопѣнія, помогалъ людямъ нуждающимся, спокойно выслушивалъ противорѣчія. Что же самое главное—дважды въ недѣлю по вечерамъ онъ приказывалъ дѣлать объявленіе, чтобы въ его дворцѣ не оставался спать тотъ, кто приближался къ незаконной женѣ¹⁾.

Изъ всѣхъ западныхъ народовъ венеціанцы болѣе извѣстны были византійцамъ какъ по торговымъ сношеніямъ, такъ и по тому, что въ Цареградѣ постоянно жило много людей изъ этой торговой республики. Венеціанцы неоднократно подвергались поголовному изгнанію изъ столицы, разграбленію и лишенію торговыхъ преимуществъ. Никита очень хорошо понимаетъ, что печальный для Византіи исходъ IV похода приготовленъ венеціанскимъ дожемъ, старымъ слѣпцемъ Генрихомъ Дандуло²⁾. Но какъ относится Никита къ венеціанцамъ? Домъ его былъ открытъ для этихъ пришлецовъ, между иностранцами венеціанскаго квартала было не мало искреннихъ друзей Никиты; наконецъ, защитой чести и жизни нашъ писатель обязанъ тѣмъ же венеціанцамъ³⁾. Въ заключеніе укажемъ на то, что если упреки западнымъ крестоносцамъ рѣзки, то, съ другой стороны, они однообразны: ненависть и презрѣніе, между тѣмъ, могли бы подсказать Никитѣ болѣе красокъ и разнообразія, должны бы помрачить для него свѣтлыя стороны западной жизни. Затѣмъ, общее впечатлѣніе о жестокости и насиліяхъ латинянъ въ Цареградѣ усиливается особенно въ слѣдствіе мастерскаго таланта, которымъ владѣетъ писатель. Но и въ этомъ отношеніи поступки латинянъ въ Цареградѣ представляютъ въ сущности полное сходство съ грабительствомъ сицилійцевъ въ Солуни. Если сравнить то и другое описаніе, то окажется между ними много аналогіи даже въ частности, что должно навести читателя на мысль о взаимной зависимости этихъ двухъ описаній и возможности отдѣлать существенное отъ риторическихъ украшеній⁴⁾. Въ этихъ

¹⁾ Ibid. p. 790. 14—22.

²⁾ Nicet, p. 814. e. Венеціанцы представляли въ себѣ самыхъ страшныхъ враговъ имперіи: передъ ними отступалъ даже рыцарски-рѣшительный императоръ Мануиль, p. 115. 45.

³⁾ Ibid. p. 777—778.

⁴⁾ Ср. p. 385—398 (разграбленіе Солуни сицилійцами) и 757—770 (варварство латинянъ въ Цареградѣ).

описаніяхъ важны для историка не частности, но общій складъ, непосредственное чувство современника, свидѣтельство котораго представляетъ отголосокъ общественнаго мнѣнія. Отзывъ Никиты о другихъ иностранцахъ: азійскихъ (туркахъ) и европейскіхъ (славянахъ) для характеристики направленія его не представляетъ новыхъ любопытныхъ чертъ. И въ сужденіи о туркахъ и славянахъ онъ выставляетъ на видъ преимущество цивилизаціи передъ варварствомъ: съ особеннымъ удовольствіемъ описываетъ чувство изумленія иконійскаго султана, когда ему были показаны сокровища двора; раздѣляетъ патріотическія чувства городской толпы, когда одинъ агарянинъ захотѣлъ лѣтъ въ цркѣ и оправдалъ на себѣ сказку объ Икарѣ¹⁾. По его взгляду, и эти враги питаютъ неумолимую вражду къ имперіи, пользуясь всякимъ случаемъ вредить ей²⁾, представляютъ собою бичъ, кару Божію, насланную на отступническій народъ³⁾. Но разсматривая отношеніе варваровъ къ побѣжденнымъ римлянамъ, онъ сознается, что послѣднимъ лучше быть въ рабствѣ у турокъ, чѣмъ на свободѣ въ своемъ отечествѣ⁴⁾, что турки — язычники человѣчнѣе обращаются съ христіанами, чѣмъ христіане между собою⁵⁾. Признаются высокія военныя дарованія у славянскихъ вождей, но выставляется и ихъ не образованность, грубость⁶⁾; Андроникъ Комнинъ оттого былъ жестокъ и неукротимъ, что много жилъ со славянами и позаимствовался отъ нихъ грубыми нравами и жестокостію⁷⁾.

Взглядъ Никиты на столичное населеніе.

Мы переходимъ къ любопытнѣйшему отдѣлу исторіи Никиты, который всего болѣе носитъ на себѣ слѣдовъ лица писателя. Это характеристика населенія столицы. Населеніе столицы, а частію и всей имперіи, представляло смѣсь народовъ разнаго происхожденія. Въ политикѣ императоровъ XII вѣка продолжается еще старыи обычай — отдавать для поселенія пустопорожнія земли и цѣлыя области, переводить и водворять военно-плѣнныхъ въ болѣе отдаленныхъ провин-

¹⁾ Nicet, p. 156—158.

²⁾ Ibidem p. 831, 21.

³⁾ Ibidem p. 815, 24.

⁴⁾ Ibidem p. 656—7.

⁵⁾ Nicet, p. 762, 11.

⁶⁾ Ibidem p. 678—9, 670, 566. 4.

⁷⁾ Ibidem p. 405. 17—18.

дѣяхъ. Всего замѣтнѣе эта смѣсь была въ столицѣ. Множество торговыхъ людей всякаго рода являлось въ Цареградъ для взаимныхъ сдѣлокъ; значительная часть населенія занята была промыслами, ремеслами и мелкою торговлею, и столица была переполнена иностранцами ¹⁾. Можно понять, что съ точки зрѣнія Никиты этотъ пришлый элементъ не могъ пользоваться сочувствіемъ. Въ немъ онъ не находить тѣхъ качествъ, которыя свойственны чистому римлянину, и потому въ его представленіи не тождественны понятія: римляне и населеніе византійской имперіи, первое—его идеаль, второе—фактъ, жизнь. Не будетъ даже преувеличеніемъ, если скажемъ, что римская доблесть, римскіе нравы, оставшіеся лишь какъ теоретическое представленіе въ душѣ писателя, нигдѣ не находили оправданія и приложенія въ византійскомъ обществѣ XII в., за исключеніемъ горсти еллински—образованныхъ людей, къ числу которыхъ принадлежалъ и Никита. Тѣмъ не менѣе, писатель не могъ не остановиться на этой „грубой, низкой и пьяной толпѣ“, которая своимъ участіемъ рѣшала многія политическія затрудненія, не разъ заставляла императоровъ внимательно подумать о своихъ обязанностяхъ, не рѣдко предупреждала преступныя и несправедливыя дѣйствія царедворцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, населеніе Византіи отличалось рѣдкою подвижностію: оно пользовалось всякимъ случаемъ къ волненію, тысячами слѣдовало за ораторами и вожаками, слѣпо довѣряя имъ. Когда разливалось пламя возстанія, народъ массами выбѣгалъ изъ своихъ жилищъ на улицы и площади и принималъ живое участіе въ общемъ дѣлѣ. Оттого-то такъ легко происходили въ Цареградѣ правительственные перевороты; оттого такъ обманчиво было расположеніе народа. Эти ремесленники, мясники, продавцы овощей, лавочники — дѣлались страшною силою, когда имѣли смѣлыхъ и вліятельныхъ вожаковъ, тогда они силою добивались у правительства уступки. Съ другой стороны, эта сбродная масса, легко поднимавшаяся противъ императора и его чиновниковъ, обладала тонкою чувствительностію, живымъ пониманіемъ правды и неправды, участіемъ къ горю ближняго. Ее можно было довести до слезъ, и тогда императоръ могъ дорого поплатиться за свои притѣсненія и несправедливости, а его жаднымъ чиновникамъ давался внушительный урокъ. Извѣстная доля законности, присущей сознанію народа, выражается всякій разъ въ сочувствіи къ устраненному несправедливо

¹⁾ О населеніи Цареграда, *Σχαρλάτου του Βοζαντιου* I. p. 72—75 и слѣд.

отъ власти, даже къ самозванцу, если въ немъ есть признаки сходства съ тѣмъ, чье имя онъ взялъ на себя. Остроуміе, веселость и находчивость этой толпы поразительны.

Никита не скрываетъ отъ читателя живыхъ чертъ населенія; по онъ рисуетъ эти черты нѣсколько черными красками. Толпа не заслуживаетъ его сочувствія, какъ и правительственныя лица рѣдко пользуются расположеніемъ толпы. Къ византійскому народу онъ относится съ высокими запросами; сравнивая его съ аѳинскимъ димомъ, находитъ, что современное ему общество, преданное торговлѣ и барышничеству, далеко уступаетъ еллинамъ, которые были послушны внушеніямъ лучшихъ мужей. „Для современныхъ же намъ цареградцевъ, да и для обитателей другихъ мѣстъ, обличенія — настоящія раны. У многихъ изъ нихъ и уши не способны воспринимать разумнаго совѣта, и сладость свободы, какова бы она ни была теперь, не понятна имъ, какъ медъ не имѣвшимъ случая испробовать вкусъ его“¹⁾.

Такимъ образомъ, Никита относится къ населенію имперіи не какъ къ потомкамъ древнихъ еллиновъ, которые заслуживаютъ его полнаго расположенія, а почти какъ къ варварамъ. Съ его точки зрѣнія, различающей римлянъ и не римлянъ, благородныхъ и низкихъ, образованныхъ и грубыхъ — такое отношеніе понятно. Противопоставленіе благородныхъ и образованныхъ людей низшему классу народа — всегда довольно рѣзкое, такъ что мы не думаемъ преувеличить, назвавъ нашего писателя аристократомъ въ душѣ²⁾; только его аристократизмъ гораздо шире обыкновеннаго понятія, заключающагося въ этомъ словѣ: все лучшее, высокое, нравственное и образованное должно подойти подъ это понятіе. Рѣзкіе отзывы о византійскомъ народѣ находятся по большей части во второй половинѣ произведенія Никиты; исторія же царей Иоанна и Мануила не представляетъ въ себѣ существенныхъ чертъ, по которымъ бы мы могли судить объ отношеніяхъ Никиты къ народу. И это не безъ причины. Въ свое время мы воспользуемся этимъ обстоятельствомъ, въ связи съ другими, при рѣшеніи вопроса о времени происхожденія исторіи. Царствованіе двухъ императоровъ, т. е. 290 стр. всего сочиненія, представляютъ болѣе спокойствія въ писателѣ, отсутствіе желчнаго на-

¹⁾ Nicet, p. 773. 3, 16—21.

²⁾ Ibidem, p. 785, 15. οἱ συνεχαιώνουον ἡμῶν σχήματος καὶ τῶν λογικῶν ἐν μετέξει παιδείων; οἱ δ' ἐκ τῆς φαύλης συμμορίας καὶ ἀγοραῖοι....

строения, недостатокъ намековъ на современныя писанію исторіи обстоятельства. А такія обстоятельства, которыя могли бы вызвать Никиту на раздраженіе противъ городского населенія, были и въ это время, напр.: волненія при вступленіи на престолъ I. Комнина, равно какъ при назначеніи Іоанномъ въ преемники себѣ Мануила, помимо старшаго сына Исаака и др. ¹⁾.

Въ описаніи послѣдующихъ царствованій, начиная съ Алексѣя II, Никита представляетъ византійскій народъ уже принимающимъ участие почти во всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ. Малолѣтній Алексѣй II, преемникъ императора Мануила, былъ устраненъ отъ дѣлъ своею матерью и любимцемъ ея, протосевастомъ Алексѣемъ. Тогда дочь императора Мануила, порфирородная царица Марія, выданная замужъ за итальянскаго принца, возведеннаго въ санъ цесаря, задумала свергнуть свою мачиху и ея любимца. Но заговоръ ея былъ открытъ, и сообщники преданы суду. Сама же она прибѣжала въ соборъ св. Софіи и просила въ немъ убѣжища. Своею жалобой на мачиху и ея любимца „она не только возбудила состраданіе въ патриархѣ и церковномъ клирѣ, но и многихъ изъ толпы народа и черни такъ разжалобила и взволновала, что они чуть не заплакали по ней“ ²⁾. Возбудивъ къ себѣ состраданіе въ народѣ, царица достигла многого. У ней явились защитники, занявшіе входы и выходы изъ храма и сдѣлавшіе изъ дома молитвы укрѣпленный замокъ. По этому случаю писатель дѣлаетъ такую характеристику народа. „И во всякомъ другомъ городѣ народная толпа безразсудна и непреодолима, если рѣшится на что: цареградская же уличная толпа ³⁾ особенно склонна къ волненіямъ, отличается необузданностію и бривымъ правомъ, какъ

¹⁾ Nicet, p. 67, s—18. Замѣчательна сдержанность, съ которою отзывается Никита о возможности волненій въ столицѣ: Ἐπειδὴ γὰρ ὑπόνοιά τις τὸν κρατοῦντα ὑπέτρεχεν οὐκ ἀνεύλογος, μήπως ἢ αὐτὸς Ἰσαάκιος.... τὰ κατὰ τὴν πόλιν διαστασιάσεις πράγματα.... εἶτ' οὖν ἡ ταῖς τῶν βασιλέων προβλήσει τε καὶ μεταθέσειν αἰεὶ πως ἐπαπορχομένη φιλοτάραχος καὶ νεωτεροποιῶς τῶν πλείστων ἔφεσις....

²⁾ Nicet, p. 302, 10. ἀλλὰ καὶ πλείστους τῶν ἐκ τοῦ ξυγκλήδος δήμου καὶ σύρφακος.... чернь обозначена словами: σύρφαξ, τὸ προχέρον πλῆθος.

³⁾ Ibidem, p. 304. с. τὸ δὲ τῆς Κωνσταντινου ἀγοραίων. Первоначально ἀγοραῖος не заключало въ себѣ того презрительнаго смысла, который соединяетъ Никита съ этимъ словомъ. Аристотель, Polit. IV, называетъ такъ 3-ю часть населенія, которая занималась куплею и продажей. Съ теченіемъ времени ἀγοραῖος стало употребляться pro triviali, vulgari, vili; Евстаѣій, ad. IIad. B. 143, говорить: p universum erat nomen invidiosum; см. Thesaurus linguae Graecae, Paris. 1831.

потому, что состоитъ изъ разноплеменныхъ народовъ, такъ и потому, что, при разнообразіи занятій, приучается къ разнообразію въ убѣжденіяхъ. Иногда по одному слуху начинается она волноваться, какъ пожаръ разливадается возстаніе, толпа смѣло идетъ на мечи, не останавливается передъ утесомъ и глухимъ валомъ; но иногда она становится робкою, трусливою и всякому желающему позволяетъ попирать себя ногами. Итакъ, по справедливости порицается она за непостоянство характера, слабость и измѣнчивость. Ибо сбродное населеніе Цареграда ¹⁾ ни разу еще не сдѣлало добра себѣ, ни однажды не послушалось общепользнаго совѣта. Во всемъ отличаясь отъ жителей другихъ счастливыхъ городовъ, византійцы безъ всякой пользы для себя пересылаютъ въ другіе иноплеменные города все то, что даетъ имъ земля и море. Неуваженіе къ властямъ какъ будто природное ихъ качество; кого сегодня законно выбираютъ во властители, того скоро затѣмъ будутъ порицать какъ злодѣя. Въ томъ и другомъ случаѣ они поступаютъ безъ разумныхъ основаній, безъ сознательнаго выбора, по легкости разсудка ²⁾.

Чтобы дать правильную оцѣнку всѣмъ мѣстамъ, гдѣ идетъ рѣчь о цареградскомъ населеніи, мы должны опредѣлять, что составляетъ главную причину рѣзкихъ отзывовъ Никиты. Можно видѣть, что нашъ писатель по преимуществу негодуетъ противъ того класса населенія, который занимается ремеслами, мелкою торговлей и поденнымъ трудомъ. Какъ и во всякомъ большомъ городѣ, въ Цареградѣ этотъ классъ представлялъ собою постоянный протестъ противъ накопленія богатствъ въ однихъ рукахъ и чрезмѣрнаго усиленія партій. Бѣдный бездомный людъ не рѣдко служилъ орудіемъ для людей, добивавшихся власти, вліянія или ниспроверженія существовавшаго порядка. Между тѣмъ Никита, не смотря на порицаніе современной правительственной системы и упреки царямъ, въ душѣ былъ глубокой приверженецъ и защитникъ власти, порядка и подчиненія. Какъ юристъ, изучившій римское право, и какъ общественный дѣятель, нѣкоторое время стоявшій во главѣ управленія, на самовольныя дѣйствія лица и цѣлаго общества онъ смотрѣлъ какъ на нарушеніе правильнаго хода государственной жизни. Всякій разъ, какъ народъ заявляетъ свою волю недовольствомъ-ли общественными дѣлами, или привязанностію къ человѣку, опасному для существующаго правительства —

¹⁾ р. 304, во. οἱ τῆς Κωνσταντίνου σύγχευος ὄχλοι.

²⁾ Nicet, p. 304—305.

Никита называетъ такія обнаруженія свободы возмущеніемъ и заговоромъ, хотя, по своимъ взглядамъ на ничтожное правительство, и могъ бы сочувственно отнестись къ желаніямъ народа ¹⁾). Не слѣдуетъ, однако, опускать изъ виду и того, что во время народныхъ движеній, сопровождавшихъ частые перевороты въ Цареградѣ, подвергалось расхищенію имущество и дома богатыхъ гражданъ ²⁾): легкая нажива и обогащеніе чужимъ добромъ поощряли разнузданность и разжигали страсти толпы. Безъ сомнѣнія, Никита не могъ сочувствовать дикимъ инстинктамъ черни; но мы не стали-бы и останавливаться на этомъ, если бы онъ порицалъ только одніѣ такія стороны. По нашему мнѣнію, въ отзывы о византійскомъ народѣ Никита привнесъ много желчи, раздраженія и не заслуженнаго презрѣнія. Пристрастіе иногда не позволяетъ ему сдѣлать справедливой оцѣнки тѣмъ переворотамъ, которые совершались при участіи народнаго движенія, и вызываетъ въ немъ строгій упрекъ къ такимъ поступкамъ и желаніямъ народа, которыя не заключаютъ въ себѣ ничего предосудительнаго. Изъ многихъ мѣстъ такого рода укажемъ нѣкоторыя.

Когда императоръ Андроникъ, желая въ самомъ основаніи измѣнить иностранную политику Византіи, рѣшился изгнать венеціанъ и другихъ иностранцевъ изъ Цареграда, народъ всею душой былъ за царское желаніе и помогъ ему очистить городъ отъ западныхъ пришельцевъ. Городской димъ съ суши и съ моря напалъ на своихъ соперниковъ по торговлѣ и заставилъ ихъ поспѣшно убраться ³⁾). Подобный же случай повторился въ царствованіе Исаака Ангела. Соперникъ его, Алексѣй Врана, подступившій къ самымъ стѣнамъ Цареграда, нашелъ себѣ значительное подкрѣпленіе и сочувствіе въ приморскомъ населеніи окрестностей столицы. Обитатели Пропонтиды, рыболовнымъ промысломъ приученные владѣть рулемъ, доставили Вранѣ многочисленный флотъ; легкія на ходу суда ихъ, быстро нападая на тяжелые корабли императорскаго флота, нанесли ему сильный вредъ ⁴⁾). Когда было уничтожено возстаніе и приверженцы Враны

¹⁾ Nicet, p. 600, 21. τῶν βαναύσων καὶ ξυγγλυδῶν τινὲς φιλοτάραχοι φάτριαν κροτήσαντες καὶ ἀσάστρεμμα ποιησάμενοι... οὐκέτι λέγοντες θέλειν ὑπὸ Κομνηνῶν βασιλευσθαι γεγενημένων αὐτοῖς εἰς πλησμονήν.

²⁾ Nicet, p. 698. 1.; 513.

³⁾ Ibidem p. 325. 21, 326. 1—10.

⁴⁾ Nicet, p. 494—495. μετὰ δὲ τοῦτο καὶ τοὺς τῆς Προποντίδος οἰκήτορας εἰς αὐτοὺς ἐπεσπασατο, οἱ μάχης μὲν οὐ πάντες ἴστορες, κόπην δ' ἐλαύνειν παμπληθεῖ ἀριστοί....

разошлись по мѣстамъ своего обитанія, царь употребилъ слѣдующее средство для наказанія ихъ: онъ далъ разрѣшеніе гражданамъ и иностранцамъ, бывшимъ въ Цареградѣ, по личному усмотрѣнію, наказывать подгородныхъ жителей за ихъ помощь Вранѣ. Въ ночь, послѣ усмиренія мятежа, греческій огонь началъ опустошать жилища и имущества несчастныхъ пропонтидцевъ; утромъ вооруженный отрядъ, въ соединеніи съ толпою бѣднаго народа ¹⁾, началъ грабить и опустошать то, что было пощажено огнемъ. Страсти разыгрались до полной разнузданности: византійцы преслѣдовали соотечественниковъ въ союзѣ съ латинянами. Возстановителемъ порядка является ремесленный классъ населенія ²⁾, всего болѣе порицаемый нашимъ писателемъ. Въ немъ сказалась затаенная ненависть къ иностранцамъ, которые начали уже много думать о себѣ послѣ усмиренія Враны и жестокой расправы съ пригороднымъ населеніемъ столицы. Ремесленники напали на дома латинянъ (вѣроятно, здѣсь разумѣются венеціане и пизанцы) съ намѣреніемъ отплатить имъ за грабежъ грабежемъ. „Неясный гулъ голосовъ наполнилъ воздухъ: можно было подумать, что это стаи галокъ, журавлей и сворцевъ съ крикомъ поднялись съ мѣста, либо охотники насвистывали и псары натравляли своры собакъ; такъ шумѣли эти люди, поощряя другъ друга и таща за одежды. Никто изъ нихъ не былъ въ состояніи выслушать мирныхъ увѣщаній, но, какъ аспиды съ заткнутыми ушами, они не обращали вниманія на умное слово. Этою презрѣнною толпою ³⁾ руководило не одно безразсудное раздраженіе, но и страсть къ легкой наживѣ; она думала, что теперь удобное время выгнать латинянъ изъ ихъ жилищъ и расхитить ихъ имущества, какъ это сдѣлано было при царѣ Андроникѣ“. Во время болѣзни Алексѣя Комнина Ангела III поднятъ былъ вопросъ о преемникѣ ему. Говоря о предлагаемыхъ лицахъ, и указывая на эгоизмъ придворныхъ, которые въ выборѣ царя руко-

¹⁾ Ibidem, p. 511. ἀγελαῖον καὶ πτωχέων πλῆθος τῆς πόλεως. Общая картина жестокости, грабежа, убійства и поруганія въ сущности сходна съ картиной разграбленія Солуни сицилійцами и Цареграда латинянами.

²⁾ Nicet, p. 511. 21. καὶ τὸ τῆς πόλεως χειρωνακτικὸν καὶ ὅσον οὐ συνεπευδόκησε τοῖς λοιποῖς ἐπὶ τὰ ἱστορημένα ἤδη τῷ λέγειν μοι.

³⁾ Ibidem p. 512. 12. τῆς τότε τῶν ἀγοραίων συνδρομῆς; 21 ὁ δ' ἀγελαῖος ὄχλος; p. 513. 20. πρὸς τὸν ἀποχειροβίστον λαόν... μαλάξαι τοὺς σόρφακας ὡς ἀποχωρῆσαι πρὸς τὸ οἰκτεῖον ἕλαστον ἐπιτήδευμα; 514. 1—2, μὴ τοῦ συνήθους ἡγεμόνος τοῦ αἵνου σφᾶς θωρακίσαντος; 2, οἱ καὶ ταπύρων οἰνοβαρέστεροι, οἱ ταῖς σμίλαις καὶ ταῖς ραφίσαι προσανέχοντες...

водились личнымъ, а не общимъ благомъ, писатель переходитъ къ низшему классу. По его словамъ, были даже люди, которые еще вчера грызли желуди и не вычистили зубовъ послѣ понтійской свинины, — и они также обнаруживали притязаніе на царскую власть: ихъ поддерживала продажная и чревоугодная рыночная толпа¹⁾.

Въ своихъ неодобренныхъ отзывахъ о византійскомъ народѣ Никита не отличаетъ даже патріотическихъ поступковъ соотечественниковъ. Когда латиняне во время IV похода окружили столицу, населенію Цареграда естественно было выразить подозрѣніе къ иностранцамъ. Дѣйствительно, толпа напала на жилища западныхъ иноплеменниковъ и разрушила ихъ до основанія. Для Никиты и этоѣ поступокъ есть „безразсудство и нелѣпость грубой городской черни“²⁾, которая ни сама не въ состояніи сдѣлать чего-либо похвальнаго, ни выслушать добрый совѣтъ отъ посторонняго лица. Самыя скромныя проявленія недовольства властію (по поводу тяжелыхъ налоговъ, бездѣятельности правительства къ освобожденію отечества отъ вѣнскихъ враговъ и др.) Никита или не признаетъ справедливыми и порицаетъ, когда они исходятъ изъ народа³⁾, или упоминаетъ о нихъ, какъ о безразличныхъ дѣйствіяхъ, иногда же видитъ тутъ только проявленіе грубой страсти. Однимъ словомъ, у жителей Цареграда всегда беретъ перевѣсъ дурное, говоритъ онъ по поводу избранія на царство Алексѣя Дуки⁴⁾. Наконецъ, онъ отдѣляетъ судьбу высшаго и низшаго класса даже по завоеваніи Цареграда. Въ то время, какъ первый лишился всего имущества въ пользу непріятелей, послѣдній, по его словамъ, обогатился, приобрѣтая за ничтожную цѣну награбленныя латинянами сокровища. И здѣсь писатель не могъ скрыть источника враждебнаго чувства къ народу: для него особенно оскорбительно то, что эти земледѣльцы и пастухи бѣдность и нищету богатыхъ лицъ принимали за равноправность⁵⁾, „они радовались об-

¹⁾ Ibid. p. 661. a.—8. *ὁπόσοι τῶν ἀγοραίων ὄντιοι χρημάτων καὶ κοιλιόδουλοι.*

²⁾ Ibid. p. 730. e. *τὸ χυδαῖζον στίφος τῆς πόλεως;* за неуваженіе къ памятникамъ древняго искусства высказываются упреки: *τὸν τὴν ὀρμὴν σωδὴ καὶ ἀτάσθαλον δῆμον... τῶν ἀγοραίων οἱ φιλοινότεροι.*

³⁾ Ibid. p. 740. 15, 741. 20, 743. 2. 19: *οἱ δὲ λαοὶ χρήματι ὄντες ἀφελὲς καὶ εὐρίπιστον, καὶ πλέον τοῦ θεληματαίνειν οὐδὲν ἐπιστάμενοι, οὐκ ἐπ' ἔψασκον ὑπ' Ἀγγέλων βούλευσθαι βασιλεύεσθαι.*

⁴⁾ Nic. p. 746. 18. Припомнимъ, что А. Дукой нашъ писатель не могъ быть доволенъ и по личнымъ отношеніямъ.

⁵⁾ Ibid. p. 785, 9. 10. 20. *οἱ δ' ἀγροῖκοι καὶ ἀγελαῖοι ἐπεκερτόμουον μᾶλλον τοῖς ἐκ Βοζαντίου ἡμῖν... οἱ δ' ἐκ τῆς φαύλης συμμορίας καὶ ἀγοραῖοι ἐχρηματίζοντο.*

щему несчастію, говоря: слава Богу, мы стали богаты!“ Последнія слова, впрочемъ, могутъ имѣть за собой все значеніе истины, такъ какъ интересы народа и высшихъ классовъ, естественно, шли по разнымъ направленіямъ. Но нельзя придавать безусловнаго значенія такимъ отзывамъ: народъ женственъ и уступчивъ со врагами, безстыденъ, дерзокъ и смѣлъ съ соотечественниками: предавъ врагамъ и городъ, и насъ, безсовѣстно обвиняетъ сенаторское сословіе въ измѣнѣ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, едва-ли народъ больше виновенъ въ бѣдствіяхъ 1204 года, чѣмъ правительство и высшія сословія. Византійскій народъ отличался замѣчательною подвижностію, чуткимъ пониманіемъ политическихъ событій и придворныхъ переворотовъ. Никита видитъ въ этомъ одну дурную сторону и указываетъ своимъ соотечественникамъ на достойный подражанія примѣръ латинянъ, которые остаются вѣрны королю до его смерти.

Однажды, при императорѣ Алексѣѣ III, былъ взятъ подъ стражу одинъ купецъ, по прозванію Каломодій. Всѣ знали, что причина ареста заключалась въ огромныхъ богатствахъ его и въ корыстолюбіи правительственныхъ лицъ, желавшихъ присвоить себѣ чужое добро. Любопытно при этомъ впечатлѣніе, произведенное на уличную толпу²⁾ извѣстіемъ о заключеніи Каломодія. Подъ страшными угрозами она потребовала отъ патріарха I. Каматира, чтобы тотъ вступился за беззащитную жертву несправедливости и достигла того, что Каломодій получилъ свободу³⁾. Мы отмѣчаемъ эти извѣстія, потому что онѣ очень характерно рисуютъ и значеніе народа въ столицѣ, и отношеніе къ нему писателя. Подобныя вспышки благороднаго негодованія на явную несправедливость Никитѣ представляются лишь возмущеніемъ, мятежемъ. Онъ не хочетъ признать въ такихъ фактахъ торжества принципа справедливости, который онъ ставитъ, по его же сознанію, выше всего. Приведемъ еще подобный случай чувствительности населенія столицы къ общественнымъ дѣламъ.

Начальникъ преторіанской темницы, Лагъ, нажившій себѣ средства возмутительнымъ способомъ, именно—дѣлежемъ добычи съ извѣстнѣйшими ворами, которыхъ онъ выпускалъ по ночамъ для грабежа, не смотря на улики и жалобы, долго не былъ наказываемъ

¹⁾ Ibid. p. 850. 16—20.

²⁾ οἱ γὰρ ἀγοραῖοι.

³⁾ Ibid. p. 693 — 694.

правительством. Наконецъ, само населеніе, выведенное изъ терпѣнія, рѣшилось принять противъ него мѣры. Воздѣйствіе въ этомъ случаѣ приписывается тому же низшему классу, презираемому нашимъ писателемъ. Разъ Лагъ подвергъ тяжелому наказанію одного бѣдняка изъ толпы; это произвело волненіе между его собратьями по ремеслу, которое грозило большою опасностію для самаго правительства ¹⁾, ибо собравшіяся массы народа хотѣли пройти въ храмъ св. Софіи и провозгласить новаго императора; на счетъ же Алексѣя начали раздаваться въ толпѣ неприличныя шутки и выходки. Страсти разгорѣлись до того, что когда появился съ вооруженнымъ отрядомъ городской эпархъ, К. Торнигъ, чернь забросала его камнями, разогнала отрядъ и, разломавъ двери темницы, выпустила узниковъ. Это опасное движеніе было подавлено уже другимъ, болѣе многочисленнымъ царскимъ отрядомъ, предводимымъ однимъ изъ зятеевъ его, Алексѣемъ Палеологомъ ²⁾. Такія народныя движенія, безъ сомнѣнія, были опасны для государственнаго порядка и для богатыхъ людей: народъ вымещалъ тогда свою досаду на ненавистныхъ императорскихъ чиновникахъ, расхищалъ ихъ имущества, разрушалъ дома ³⁾.

Въ то время, какъ латиняне окружили Цареградъ и, занявъ нѣкоторыя укрѣпленія, подожгли городъ, тотъ же самый народъ всего болѣе настаиваетъ на борьбѣ со врагами. Императоръ Алексѣй только общимъ неудовольствіемъ и раздраженіемъ вынужденъ былъ принять личное участіе въ сраженіи ⁴⁾. Между-тѣмъ, во всемъ обвиняя народъ, Никита приписываетъ ему и погибель города, и полное отсутствіе патриотизма. Но нѣтъ-ли въ его же сочиненіи данныхъ, изъ которыхъ можно понять, что высшіе классы болѣе страдали недостаткомъ любви къ отечеству, чѣмъ низшіе?

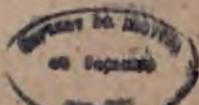
Однако есть случаи, когда Никита упоминаетъ о народѣ безъ обычной желчи и раздраженія. Такъ, снисходительно отзываясь объ

¹⁾ Nicet, p. 695. *ю. ἐνίστα, δὲ τῶν ἀγοραίων ἕνα συνειληφώς... τῷ παθόντι ἀμότεχρον.... πλῆθος χειρωνακτικὸν οὐκ ὀλίγον ἐς τὸ πραιτώριον συλλεγέν....*

²⁾ Nicet, p. 696. Само собой разумѣется, что при подобномъ народномъ настроеніи перевороты въ столицѣ могли происходить весьма часто. Будь при этомъ рѣшительный и смѣлый человѣкъ, онъ легко могъ получить корону. Любопытны отзывы Никиты: καὶ ταῦτα οὐδενὶ διαπραξάμενοι λόγῳ.... πρὸς οὐδὲν ἀνύσιμον ἢ παρακτικὸν ἔργον εὐκλείας τελευτᾶν ἐλόμενοι.

³⁾ Ibidem p. 698. *οἱ γὰρ ὄχλοι... γλιχόμενοι, ὡς αὐθις συνδραμόντες τοῖς ὑπερφάνοις ἐπεισπέσωσιν οἴκοις καὶ τὰ σφισιν ἐνόητα διαρπάσωσι.*

⁴⁾ Ibid. p. 722. *ю. καὶ μάλιστα' ὅτι πρὸς ὀργὴν τοὺς πλείους ἐπιφρίσσοντας ἑώρα καὶ λόγους ἐπαχθεὶς κατ' αὐτοῦ καὶ προπηλακισμοὺς ἀφιέντας...*

насмѣшливыхъ и остроумныхъ выходкахъ толпы, когда жертвою ея дѣлаются несочувственныя Никитѣ лица; такъ, безъ неудовольствія рассказываетъ о самовольной расправѣ народа съ чиновниками императорскими, когда дѣйствія послѣднихъ не заслуживаютъ оправданія. По смерти императора Мануила, протосевасть Алексѣй, любимецъ царицы Ксенія, желалъ низложить патріарха Θεодосія за участіе его въ заговорѣ цесаревны Маріи; но онъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія, потому что за патріарха стояла значительная партія высшихъ лицъ и народъ. Послѣ того, какъ патріархъ Θεодосій съ честію возвращенъ былъ въ патріаршій дворецъ, „положеніе архіереевъ, желавшихъ лишить его сана, сдѣлалось такъ невыносимо, что они не только не смѣли показываться на людныхъ улицахъ, но желали даже покончить съ жизнію“ ¹⁾. Также безъ особеннаго негодования передается случай, который, при другихъ обстоятельствахъ, могъ бы возбудить въ Никитѣ много печали и раздражительности. Случай этотъ касается побитія камнями Дуки и Макродуки, приверженцевъ и любимцевъ императора Андроника. Разъ, въ Вознесеневъ день, огромная толпа сошлась къ императорскому дворцу: высшій классъ по приглашенію, низшій изъ любопытства. Тогда Стефанъ Агіохристофоритъ приказалъ провести среди массы народа Дуку и Макродуку, обвиненныхъ въ государственномъ преступленіи; поразивъ камнемъ одного изъ нихъ, Стефанъ пригласилъ толпу послѣдовать его примѣру. Тогда камни посыпались на несчастныхъ, они были сбиты съ ногъ и надъ ними наметана цѣлая куча камней ²⁾. Наоборотъ, рассказъ о мученіяхъ Мамала, котораго императоръ Андроникъ приказалъ сечь въ конномъ циркѣ, не только дышетъ полнымъ сочувствіемъ къ страдальцу, но и оканчивается страшнымъ упрекомъ жестокому Андронику. Никита не забываетъ даже упомянуть, что всѣ растроганы были до слезъ этимъ зрѣлищемъ ³⁾. Когда иконійскій султанъ посѣтилъ Цареградъ, и одинъ агарянинъ неудачно показалъ въ циркѣ свое искусство летать, султану нельзя было появиться на улицѣ, чтобы не услышать шутокъ и насмѣшекъ толпы ⁴⁾. Императоръ Алексѣй Комнинъ, когда царица Ирина уговаривала его сдѣлать своимъ преемникомъ Никифора Вриеннія, опасается подоб-

¹⁾ Nicetas, p. 316. 11—15.

²⁾ Nicet. p. 381.

³⁾ Ibidem. p. 404. 23.

⁴⁾ Ibid. p. 157. 8—15.

нымъ распоряженіемъ обнаружить непоследовательность и насмѣшнить весь римскій міръ ¹⁾). Отъ насмѣшки не были свободны и высшія лица: разъ, во время царскаго выхода, Іоаннъ Дука, по неосторожности, уронилъ съ головы севастократорскую корону, прикрывавшую его плѣшивую голову. Собравшійся народъ не могъ удержаться отъ общаго хохота, увидя свѣтлую, какъ полную луну, лысину Дуки. И самъ онъ добродушно улыбнулся и долженъ былъ скрыть неудовольствіе за взрывъ смѣха ²⁾). Не только правительственные лица, но и сами цари подвергались почти открытымъ насмѣшкамъ. Царица Евфросинія, супруга Алексѣя III Комнина-Ангела, всего болѣе заслужила осмѣяніе народа за свои не женскія дѣянія. Эта женщина не пользуется одобрительнымъ отзывомъ и нашего писателя за излишнюю склонность къ гаданіямъ и порчу памятниковъ древности. Понятно, что не эта сторона возбуждала насмѣшки народа, къ ней только привязывается Никита. По его словамъ, про Евфросинію говорили въ самыхъ непристойныхъ выраженіяхъ, порицали ее самою поносною бранью. Нѣкоторые торговцы такъ часто говорили объ императрицѣ, что даже пѣвчія птицы выучились нѣкоторымъ словамъ и, выпущенныя на свободу, выкрикивали по улицамъ и перекресткамъ: *πολιτικὴ τὸ δῖχαιον* ³⁾).

Съ подвижностію и веселостію въ народѣ соединяется недостатокъ постоянства и измѣнчивость. Византійцевъ легко увлечь вѣшностію, подкупить блескомъ, неожиданнымъ зрѣлищемъ. Такъ, населеніе столицы увлекается даже военными движеніями врага, окружившаго городъ, если эти движенія даютъ пищу эстетическому чувству и представляютъ изящную картину. Алексѣй Врана, соперникъ Исаака Ангела, выстроивъ на холмахъ, въ виду Цареграда, свое войско, привлекъ все населеніе столицы—посмотрѣть и подивиться на чудную картину хорошо вооруженнаго войска, освѣщеннаго яркими лучами солнца ⁴⁾).

Противорѣчія въ нравственныхъ воззрѣніяхъ Никиты.

Мы нашли, что по взглядамъ на правительство и общество, равно какъ по отношенію къ людямъ и по оцѣнѣ ихъ достоинствъ, Ни-

¹⁾ Nicet, p. 9. 11. ἐπ' ἐμοὶ δὲ καὶ μάλα κατηρόν γελάσσει τὸ Πανρῶμαιον, καὶ τῶν φρενῶν χριθεῖν ἀποπεσῶν, εἰ....

²⁾ Ibid. p. 604. 22, 605. 1—7.

³⁾ Nicet, p. 688 9—15.

⁴⁾ Ibid. p. 494. 18—19.

Никита долженъ былъ стать въ разладъ съ современною ему дѣйствительностію. Жизнь не представляла пища къ развитію и укрѣпленію его идеаловъ, онъ долженъ былъ постоянно подогрѣвать себя чтеніемъ древней литературы, чтобы вѣрить въ идеи, навѣяанныя на него воспитаніемъ. Но Никита не былъ человѣкомъ кабинетнымъ; напротивъ, занимая высшія государственныя должности при Ангелахъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ политикѣ, боролся, отстаивалъ свои идеи, слѣдовательно, онъ нашелъ возможнымъ сдѣлать уступку въ своихъ высокихъ требованіяхъ отъ современной жизни, или притвориться такимъ. Мало зная жизнь того времени, мы затрудняемся дѣлать общіе выводы; позволяемъ лишь себѣ указать на нѣкоторыя аналогическія явленія. Въ самомъ дѣлѣ, едва-ли въ другую какую эпоху было болѣе обращено вниманія на виѣшность въ словѣ и въ жизни, чѣмъ у византійцевъ X—XII вв.; едва-ли въ какомъ народѣ была такая рѣзкая противоположность между задачей и осуществленіемъ ея, между возможностью и способомъ исполненія, между умомъ и волей, теоріей и практикой, чѣмъ въ византійскомъ народѣ. Но всего безперемоннѣе обращались они со словомъ; коварство и обманъ ихъ вошли въ пословицу, умѣнье опутать врага изворотливостію въ словѣ, виѣшнимъ блескомъ и общаніями склонить его на свою сторону — сдѣлались преданіемъ въ политикѣ и практиковались въ сношеніяхъ съ варварами востока и запада. Никита не стоялъ выше современниковъ въ этомъ отношеніи. Убѣжденія его построены на зыбкой почвѣ; несоотвѣтствіе теоріи съ практикой ставитъ его часто въ ложное положеніе и по отношенію къ нему самому, и по отношенію къ потомству. Мы ограничимся здѣсь указаніемъ на двойственность Никиты въ *религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ*. Припомнимъ, что между важнѣйшими упреками, которые онъ высказываетъ царямъ и правительственнымъ лицамъ, упрекъ въ суевѣріи, вѣрѣ въ сны и гаданія, въ таинственную связь событій и т. п., занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ. Теоретически Никита не только очень разумно доказываетъ несостоятельность суевѣрія въ приложеніи къ практической жизни, но и развиваетъ весь вредъ, происходящій отъ него. Суевѣріе убиваетъ энергію общественнаго дѣятеля, при отсутствіи которой уходитъ время на выжиданія, а опасность растетъ съ часу на часъ; многія изящныя произведенія древности погибли въ слѣдствіе того, что имъ приписывали вліяніе на судьбу города; предрасудки и суевѣрія портятъ общественную нравственность, такъ какъ люди примиряются съ мыслию, что на событія

вливають случайніа обстоятелства: положеніе звѣздъ, день недѣли, сонъ, примѣта. Безпощадная насмѣшка надъ суевѣріемъ, умышленное приведеніе фактовъ, доказывающихъ ложность зарафе ожидаемаго вывода, отрицаніе общей вѣры въ гаданія, сны, знаменія и т. п. — должно бы приготовить читателя къ убѣжденію, что самъ Никита вполне свободенъ отъ этого, почти всемъ соотечественникамъ его общаго недостатка. Но что же находимъ при внимательномъ наблюденіи? Смѣясь надъ суевѣріемъ, Никита поступаетъ не послѣдовательно, потому что и самъ признаетъ связь высшихъ силъ съ низшими, непосредственное воздѣйствіе первыхъ на человека, вѣрить въ таинственное соотношеніе между событіями, въ возможность откровеній черезъ сны, или инымъ образомъ, въ кометы и звѣзды, предвѣщающія общественныа бѣдствія, въ заговоръ, чары. Изъ этого возникаетъ рядъ непослѣдовательностей и противорѣчій, которыхъ не чувствуетъ писатель. Для насъ весьма важно уловить эту любопытную особенность, потому что отсюда объяснятся противорѣчивые отзывы, сужденія, теоріи, которыа, исходя изъ нравственной сферы, кладутъ рѣзкій отпечатокъ на практическую дѣятельность и въ частности на его историческое произведеніе.

Никита убѣжденъ, что провидѣніе, управляющее міромъ, можетъ употреблять различныа средства вмѣшательства въ судьбы людей. Такъ, оно избираетъ нѣкоторыхъ людей въ орудіе своего мщенія ¹⁾, предопредѣляетъ другихъ на жестокую казнь въ настоящей жизни ²⁾; помрачаетъ умъ врага, чтобы доставить побѣду достойному народу ³⁾, побуждаетъ иногда къ добрымъ дѣламъ человека, уже обреченнаго на бѣдствіе, чтобы сдѣлать его достойнымъ сочувствія ⁴⁾; открываетъ свои суды избраннымъ и дѣлаетъ ихъ прорицателями и пророками, во снѣ можетъ открыть будущее ⁵⁾. Ясно, что при такомъ разнообразіи вмѣшательства провидѣнія, въ жизни должны имѣть мѣсто событія, не поддающіяся обыкновенному пониманію и объясненію. Когда предсказатель ни по своему положенію, ни по жизни не можетъ быть признанъ орудіемъ божества, тогда является новая теорія къ объясненію факта — дѣйствіе злаго (пѣонова) духа ⁶⁾. Такимъ

¹⁾ Nicet, p. 769. 3—14, 839. 4.

²⁾ Ibid. p. 168. 5.

³⁾ Ibid. p. 244. 11.

⁴⁾ Такъ говорится о намѣреніяхъ промысла относительно Исаака Ангела.

⁵⁾ Nicet, p. 247. 22.

⁶⁾ Ibidem p. 591. 15—16.

образомъ, въ воззрѣніяхъ Ниянты лежитъ уже источникъ къ призна-
нію разнообразныхъ способовъ, которыми высшая сила можетъ сно-
ситься съ земными существами. Люди могутъ сдѣлаться органами
высшей силы и получить сверхъестественные дары: быть чародѣями,
предсказателями, получать откровенія во снѣ или инымъ образомъ.
И помимо людей, божество можетъ изъяслять свою волю различными
знаменіями, какъ комета, затмѣніе солнца, кровавая луна ¹⁾ и т. п. Въ
царствованіе Мануила обвинены были въ чародѣйствѣ или магіи два
лица, занимавшіяся астрономіей: Снѣ Склиръ и Михаиль Сикидить ²⁾.
Склиръ, влюбившись въ одну дѣвушку и не находя въ ней сочув-
ствія, посылаетъ ей черезъ сводню персикъ. Дѣвушка положила по-
дарокъ за пазуху и почувствовала непреодолимую страсть къ Склиру,
а онъ воспользовался этимъ и соблазнилъ ее. Царь приказалъ вы-
колоть ему глаза раскаленнымъ желѣзомъ. Сикидить же обладалъ та-
кою таинственною силою, что могъ помрачать зрѣніе людей, хорошо
видящихъ, и отводить имъ глаза. Разъ случилось ему смотрѣть на
море съ возвышеннаго мѣста дворца; въ это время плыла лодка, на-
груженная глиняной посудой. Онъ предложилъ присутствующимъ,
какую бы дали они награду, если бы онъ, помрачивъ умъ лодочника,
заставилъ его перебить въ дребезги всю свою посуду? Послѣ того,
какъ присутствующіе согласились на предложеніе Сикидита, лодоч-
никъ встаетъ съ мѣста и, взявъ въ руки весло, начинаетъ колотить
посуду, пока не перебилъ всю въ дребезги. Зрители покатывались со
смѣху, а лодочникъ, очнувшись отъ умственного помраченія, началъ
оплакивать свое несчастіе. На вопросы о причинѣ, заставившей его ко-
лотить товаръ, лодочникъ отвѣчалъ: „когда я занятъ былъ греблей,
вдругъ замѣтилъ надъ горшками страшнаго, кроваваго цвѣта, змѣя,
который угрожалъ пожрать меня; онъ извивался около меня до тѣхъ
поръ, пока не была уничтожена вся посуда“. Въ другой разъ, въ
банѣ, Сикидить наслалъ цѣлую толпу злыхъ духовъ на людей, вмѣстѣ
съ нимъ мывшихся ³⁾.

Можно думать, что Ниянта внесъ въ исторію только малую долю

¹⁾ Ibidem p. 327.

²⁾ Nicet, p. 192. *α. λόγῳ μὲν ἀστρονομίας ἐχόμενοι, ἔργῳ δὲ μαγικαίας προ-
κειμένοι καὶ θαυματούδεσιν ἑτέροις φανακισμοῖς.* Въ какомъ широкомъ распро-
страненіи въ византійскомъ обществѣ была въра въ магію, можно видѣть изъ бога-
таго количества примѣровъ, приведенныхъ Скарлатомъ Византіемъ, Ἡ Κωνσταν-
τινουπόλις, Προλεγόμενα, σελ. δ'—ε̄ и passim въ 1 томѣ: 117, 207, 235.

³⁾ Nicetas, p. 192—194.

изъ того, что рассказывалось въ его время про сношенія съ нечистой силой Склира и Сикидита, и другихъ лицъ ¹⁾); но и это небольшое рисуетъ въ весьма мрачномъ свѣтѣ общественную и нравственную жизнь византійцевъ. Суевѣрія, примѣты и гаданія должны были сопровождать человѣка во всѣхъ сферахъ жизни, отъ колыбели до могилы. При всемъ критическомъ отношеніи къ своему времени, нашъ писатель не могъ освободиться отъ этого недостатка. Вѣра въ неоспоримую истинность рассказовъ про Склира и Сикидита, про Аарона, уличеннаго въ занятіяхъ магіей ²⁾ и въ чтеніи книги Соломоновой, по которой можно вызывать легионы бѣсовъ и давать имъ разныя порученія—уживается въ немъ съ теоретическимъ признаніемъ ложности, даже невозможности подобныхъ дѣлъ для человѣка, особенно когда рѣчь идетъ о сочувственныхъ ему лицахъ. Такъ, когда въ колдовствѣ и сношеніяхъ съ духами обвинили протостратора Алексѣя, Никита называетъ это пошлою и для здравомыслящаго человѣка недостойною вѣроятія нелѣпостію ³⁾. Признавая магію и волшебство и отрицая ихъ въ одно и то же время, Никита руководится весьма невѣрнымъ принципомъ для отличенія ложнаго отъ истиннаго. Для него критерій лежитъ въ слѣдующемъ соображеніи: образованный и честный человѣкъ не можетъ имѣть сношеній съ злыми силами; однако, онъ можетъ получать откровенія отъ добрыхъ духовъ; не хорошій человекъ не можетъ получать прямымъ путемъ знанія будущаго, недоступнаго для обыкновенныхъ смертныхъ; однако, есть бѣсы, есть магія и волшебство, наговоры: все это сообщаетъ человѣку возможность знать и дѣлать недоступное для другихъ людей. Съ одной стороны, онъ не допускаетъ, чтобы положеніе звѣздъ вліяло на дѣла человѣческія, которыя управляются промысломъ Божиимъ ⁴⁾, указываетъ даже случаи, когда звѣздочетная наука предвѣщала совсѣмъ противоположное тому, что случилось ⁵⁾; съ другой, по его словамъ, небесныя знаменія неоднократно предвѣщали общественныя бѣдствія: днемъ появились звѣзды на небѣ, около солнца собиравлись свѣтлые круги, а само оно имѣло блѣдный цвѣтъ ⁶⁾; показывалась на небѣ комета, имѣвшая

¹⁾ Ibidem p. 194. 16. διὰ ταῦτα τοῖνον ἀμφότεροι καὶ πράξεις δὲ ἀσελευστέρας ἐτέρας τῶν ὀψων ἐστερήθησαν.

²⁾ Ibid. p. 190. 16.

³⁾ Nicetas, p. 188. 1—5 и подобные факты рассказываются почти къ ряду!

⁴⁾ Ibidem p. 126. 10, 200. 10.

⁵⁾ Ibidem p. 505—506, ὁ Στήθατος.. τῶν τότε ἀστρολόγων ὁ δοκιμώτατος ὢν.

⁶⁾ Nicet, p. 500. 10—14.

образомъ, въ воззрѣніяхъ Никиты лежитъ уже источникъ къ призна-
нію разнообразныхъ способовъ, которыми высшая сила можетъ сно-
ситься съ земными существами. Люди могутъ сдѣлаться органами
высшей силы и получить сверхъестественные дары: быть чародѣями,
предсказателями, получать откровенія во снѣ или инымъ образомъ.
И помимо людей, божество можетъ изъяслять свою волю различными
знаменіями, какъ комета, затмѣніе солнца, кровавая луна ¹⁾ и т. п. Въ
царствованіе Мануила обвинены были въ чародѣйствѣ или магіи два
лица, занимавшіяся астрономіей: Снѣ Склиръ и Михаилъ Сикидитъ ²⁾.
Склиръ, влюбившись въ одну дѣвушку и не находя въ ней сочув-
ствія, посылаетъ ей черезъ сводню персикъ. Дѣвушка положила по-
дарокъ за пазуху и почувствовала непреодолимую страсть къ Склиру,
а онъ воспользовался этимъ и соблазнилъ ее. Царь приказалъ вы-
колоть ему глаза раскаленнымъ желѣзомъ. Сикидитъ же обладалъ та-
кою таинственной силою, что могъ помрачать зрѣніе людей, хорошо
видящихъ, и отводить имъ глаза. Разъ случилось ему смотрѣть на
море съ возвышеннаго мѣста дворца; въ это время плыла лодка, на-
груженная глиняной посудой. Онъ предложилъ присутствующимъ,
какую бы дали они награду, если бы онъ, помрачивъ умъ лодочника,
заставилъ его перебить въ дребезги всю свою посуду? Послѣ того,
какъ присутствующіе согласились на предложеніе Сикидита, лодоч-
никъ встаетъ съ мѣста и, взявъ въ руки весло, начинаетъ колотить
посуду, пока не перебилъ всю въ дребезги. Зрители покатывались со
смѣху, а лодочникъ, очнувшись отъ умственного помраченія, началъ
оплакивать свое несчастіе. На вопросы о причинѣ, заставившей его ко-
лотить товаръ, лодочникъ отвѣчалъ: „когда я занятъ былъ греблей,
вдругъ замѣтилъ надъ горшками страшнаго, кроваваго цвѣта, змѣя,
который угрожалъ пожрать меня; онъ извивался около меня до тѣхъ
поръ, пока не была уничтожена вся посуда“. Въ другой разъ, въ
банѣ, Сикидитъ наслалъ дѣлую толпу злыхъ духовъ на людей, вмѣстѣ
съ нимъ мывшихся ³⁾.

Можно думать, что Никита внесъ въ исторію только малую долю

¹⁾ Ibidem p. 327.

²⁾ Nicet, p. 192. *α. λόγῳ μὲν ἀστρονομίας ἐχόμενοι, ἔργῳ δὲ μαγανείας προ-
κειμένοι καὶ δαιμονώδεσιν ἑτέροις φανακισμοῖς.* Въ какомъ широкомъ распростране-
ніи въ византийскомъ обществѣ была вѣра въ магію, можно видѣть изъ бога-
таго количества примѣровъ, приведенныхъ Скарлатомъ Византиемъ, Ἡ Κωνσταν-
τινουπόλις, Προλεγόμενα, σελ. δ'—ε' и passim въ 1 томѣ: 117, 207, 235.

³⁾ Nicetas, p. 192—194.

въ того, что рассказывалось въ его время про сношенія съ нечистой силой Склира и Сикидита, и другихъ лицъ¹⁾; но и это немногое речетъ въ весьма мрачномъ свѣтѣ общественную и нравственную жизнь византійцевъ. Суевѣрія, примѣты и гаданія должны были сопровождать человѣка во всѣхъ сферахъ жизни, отъ колыбели до могилы. При семъ критическомъ отношеніи къ своему времени, нашъ писатель не могъ освободиться отъ этого недостатка. Вѣра въ неоспоримую истинность рассказовъ про Склира и Сикидита, про Аарона, уличеннаго въ занятія магіей²⁾ и въ чтеніи книги Соломоновой, по которой можно вызывать легіоны бѣсовъ и давать имъ разныя порученія—уживается въ немъ съ теоретическимъ признаніемъ ложности, даже невозможности подобныхъ дѣлъ для человѣка, особенно когда рѣчь идетъ о сочувственныхъ ему лицахъ. Такъ, когда въ колдовствѣ и сношеніяхъ съ духами обвинили протостратора Алексѣя, Никита называетъ это пошлюю и для здравомыслящаго человѣка недостойною вѣроуятія нелѣпостію³⁾. Признавая магію и волшебство и отрицая ихъ въ одно и то же время, Никита руководится весьма невѣрнымъ принципомъ для отличенія ложнаго отъ истиннаго. Для него критерій лежитъ въ слѣдующемъ соображеніи: образованный и честный человѣкъ не можетъ имѣть сношеній съ злыми силами; однако, онъ можетъ получать откровенія отъ добрыхъ духовъ; не хорошій человѣкъ не можетъ получать прямымъ путемъ знанія будущаго, недоступнаго для обыкновенныхъ смертныхъ; однако, есть бѣсы, есть магія и волшебство, наговоры: все это сообщаетъ человѣку возможность знать и дѣлать недоступное для другихъ людей. Съ одной стороны, онъ не допускаетъ, чтобы положеніе звѣздъ вліяло на дѣла человѣческія, которыя управляются промысломъ Божиимъ⁴⁾, указываетъ даже случаи, когда звѣздочетная наука предвѣщала совсѣмъ противоположное тому, что случилось⁵⁾; съ другой, по его словамъ, небесныя знаменія неоднократно предвѣщали общественныя бѣдствія: днемъ появлялись звѣзды на небѣ, около солнца собирались свѣтлые круги, а само оно имѣло блѣдный цвѣтъ⁶⁾; показывалась на небѣ комета, имѣвшая

¹⁾ Ibidem p. 194. 16. διὰ ταῦτα τοῖνόν ἀμφότεροι καὶ πράξεις δὲ ἀσεβηστότερας ἐτέρας ὄντων ὄψεσιν ἐστερηθήσαν.

²⁾ Ibid. p. 190. 16.

³⁾ Nicetas, p. 188. 1—5 и подобные факты рассказываются почти къ ряду!

⁴⁾ Ibidem p. 126. 10, 200. 10.

⁵⁾ Ibidem p. 505—506, ὁ Στηθιάτος.. τῶν τότε ἀστρολόγων ὁ δοκιμώτατος ὢν.

⁶⁾ Nicet, p. 500. 10—14.

видъ пзвивающагося змѣя. Отмѣтимъ еще нѣсколько явленій и слушаевъ, на которые писатель смотритъ какъ на пророчественные и необычныя: бѣлый ястребъ три раза перелеталъ отъ Большаго дворца къ церкви и тѣмъ, по объясненію проникательныхъ людей, предвѣщаль низверженіе Андроника ¹⁾; одна женщина родила мальчика съ огромною головою—это символъ многовластія, изъ котораго рождается безначаліе; символъ этотъ получилъ приложение по смерти императора Мануила, въ малолѣтство сына его ²⁾. Никита осмѣиваетъ звѣздочетовъ и предсказателей, сулившихъ Мануилу славную и продолжительную жизнь; но черезъ нѣсколько строкъ, говоря о 38 лѣтнемъ періодѣ царствованія Мануила, приводитъ одно древнее предсказаніе: „тебя изловить послѣдній слогъ слова“, потому что слогъ γλ дѣйствительно обозначаетъ счетъ 38 ³⁾. Епископъ хонскій, Никита, крестный отецъ писателя, предсказалъ Мануилу и продолжительное царство, и побѣду надъ соперниками, и, наконецъ, сумасшествіе въ концѣ жизни. Это предсказаніе принимается писателемъ со всею довѣрчивостію и даже искажаются нѣкоторые факты для его оправданія ⁴⁾. Но рядомъ съ этимъ, признается всѣмъ управляющее providѣніе, которое непостижимыми путями направляетъ дѣла человѣческія къ лучшему. Патріархъ Косьма налагаетъ запретъ на производительную способность супруги императора Мануила и предсказываетъ смерть Контостефану ⁵⁾: событія оправдали предсказаніе, и пророческій даръ патріарха для писателя не подверженъ сомнѣнію. Будъ этотъ предсказатель человѣкомъ, не сочувственнымъ для Никиты, самому предсказанію его было бы дано иное объясненіе. Юродивый Васильюшка, когда, почти наканунѣ своего низверженія, посѣтилъ его императоръ Исаакъ, далъ довольно опредѣленный знакъ, что императору угрожаетъ ослѣпленіе и низверженіе ⁶⁾; однако, писатель находитъ нужнымъ оговориться, что онъ лично не вѣрилъ въ его пророческій даръ, хотя между всѣми, окружавшими царя, составилось убѣжденіе, что ему угрожаетъ опасность, и слава Васильюшки съ тѣхъ поръ возросла еще болѣе. Предсказанія объ опасности отъ

¹⁾ Ibidem p. 327.

²⁾ Ibidem p. 294. 1—5.

³⁾ Ibidem p. 287, 289. 1—5.

⁴⁾ Ibidem p. 285.

⁵⁾ Nicetas, p. 107. 21, 108. 17.

⁶⁾ Ibid. p. 592. 2—7. τὴν χεῖρα ἐκτείνας ἀγρεῖοι διὰ τοῦ σκίμπωνος, ὃν ἔφεραν ταῖν χερσῶν τὴν εἰκόνα τοῦ βασιλέως... τοὺς ὀφθαλμοὺς διαλωβησάμενος.

древности, статую Аенны, стоявшую на площади Константина, и разбивала ее въ мелкіе кусочки. Неразумной черни ¹⁾ пришло на мысль, будто эта статуя покровительствуетъ западнымъ войскамъ и манитъ ихъ взорами и правую рукою на столицу ²⁾. Можно бы заключить изъ приведеннаго мѣста, что писатель стоитъ выше вѣры въ таинственное значеніе статуй и другихъ древнихъ произведеній, съ которыми населеніе столицы связывало благоденствіе или погибель города; но такой выводъ былъ бы не правиленъ, потому что въ другомъ мѣстѣ онъ высказываетъ вѣру ³⁾ въ дѣйствительное существованіе такихъ талисмановъ или амулетовъ, съ которыми соединено благосостояніе столицы. Въ приведенномъ случаѣ факты подчиняются известной идеѣ—осмѣять Псаака и его совѣтниковъ, указать еще разъ на безразсудство толпы.

Въ другомъ мѣстѣ, по поводу этихъ охранъ города или талисмановъ, писатель выражается уже совсѣмъ безъ насмѣшки и недовѣрія. „Латиняне задумали уничтожить завѣщанныя древностію, стихійныя, оберегательныя силы города ⁴⁾, которыя замѣняли для него стѣны и рвы; эти амулеты изобрѣтены были противъ непріятелей, осаждающихъ городъ и разставляющихъ фаланги и засады“. Латиняне особенно вооружались противъ тѣхъ пророчественныхъ памятниковъ, съ которыми соединялась таинственная враждебная сила къ ихъ племени, и Никита указываетъ далѣе, гдѣ былъ враждебный для запада талисманъ. „На таврской площади было древнее изображеніе всадника на конѣ, враги обратили вниманіе на переднее лѣвое копыто лошади ⁵⁾. Отбивъ молотками копыто коня, они нашли человѣковидный слѣпокъ, болѣе похожій на типъ болгарина, чѣмъ латинянина; эта кукла была пробита гвоздемъ и облита со всѣхъ сторонъ свинцомъ.“ По словамъ Никиты, латиняне уничтожили это изображеніе не изъ трусости, а скорѣй по осмотрительности, такъ какъ они не хотѣли давать пищу народной молвѣ, которая не даромъ же всюду распространялась.

¹⁾ τῶν ἀγοραίων οἱ φιλονόητοι... τοῖς ἄφροσι σύρραξιν....

²⁾ Nicetas, p. 740. 1—4.

³⁾ p. 848. 16. съ маленькой оговоркой: εἰ δὲ καὶ ἀληθῶς, οὐκ ἔχω λέγειν σαφῶς.

⁴⁾ p. 848. 13. τὰ παλὰ ἀδόμητα στοιχειώδη τῆς πόλεως φυλακτῆρια; см. Προλεγόμενα Скарлата Византия δ'—ε'. Τὰ πλείστα τούτων εἶχε στοιχειώση (κατὰ τὴν καθιερωμένην λέξιν τῆς ὁποίας διεσώθη καὶ παρ' ἡμῖν ἡ ἰδέα) ὁ Τυανεύς Ἀπολλώνιος.... καὶ ἄλλα ἄλλοι τῶν φιλοσόφων, δηλαδὴ ἀστρολόγων (διότι τότε ταῦτα ἦσαν συνώνυμα) καὶ ἀντὶ ἀρχαιολόγου ἐχρηιάζετο ἀστρολόγος, ἵνα τὰ ἐξηγήσῃ.

⁵⁾ Nicetas, p. 849. 9—15.

грачей¹⁾. Замѣтно, что мнѣнія различныхъ партій, вообще молва или слухъ, часто лишаютъ автора критической провѣрки и заставляютъ его давать разныя показанія объ одномъ и томъ же лицѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ инымъ объяснить, что Андроникъ, называемый Никитой сластолюбивымъ, жестокимъ и безчестнымъ старикомъ пользовался, однако, самую теплую любовь апостола Павла. „Когда приближалась катастрофа, погубившая этого императора, изъ глазъ иконы апостола показалась слеза. Узнавъ объ этомъ, Андроникъ послалъ Стефана Агіохристофорита, который отеръ чистымъ платкомъ глаза изображенія; но изъ нихъ полились еще обильнѣе слезы. Подивившись видѣнному, Стефанъ передалъ все Андронику. Этотъ вздохнулъ, покачалъ головой и сказалъ, что, вѣрно, это объ немъ источаетъ слезы апостоль Павелъ и что, вѣрно, угрожаетъ ему тяжкое бѣдствіе: онъ душевно любилъ этого апостола и высоко цѣнилъ его посланія и, безъ сомнѣнія, взаимно былъ имъ любимъ“²⁾. Таково-же извѣстіе о томъ, что собаки, не трогавшія греческихъ труповъ, послѣ занятія Солуни сицилійцами, набрасываются съ яростію на трупы сицилійскихъ мертвецовъ: разрываютъ могилы, вытаскиваютъ трупы и терзаютъ ихъ³⁾.

Чтобы закончить съ вопросомъ о суевѣріи Никиты и вытекающихъ отсюда противорѣчій въ исторіи, укажемъ еще на два случая. Съ искреннимъ негодованіемъ рассказывая о суевѣріи Исаака Ангела и съ полнымъ презрѣніемъ отзываясь объ его современникахъ — нечестивыхъ, длиннородыхъ монахахъ, Никита представляетъ далѣе сумасбродныя распоряженія императора, къ которымъ склонило его суевѣріе и астрологи. „По совѣту такихъ людей, онъ приказалъ перенести изъ ипподрома въ Большой дворецъ статую калидонскаго вепря, который изображенъ былъ въ разъяренномъ состояніи, съ поднятою на спинѣ щетиною. Императоръ думалъ этимъ укротить безразсудную ярость и буйство городского населенія“⁴⁾. Изъ самаго способа рѣчи уже видно, что писатель стоитъ не на сторонѣ Исаака и не довѣряетъ мистической силѣ калидонскаго кабана. Продолжая рассказъ, онъ приводитъ и доказательство. „Спустя нѣсколько времени, толпа пьяныхъ гуляевъ набросилась на прекрасное произведеніе

¹⁾ Nicetas, p. 840. 1—8. κατ' ἐξαισίαν τινὰ καὶ μὴ αὐτόματον συνδρομὴν εἰς ἓνα συνελθούσθα χῶρον...

²⁾ Nicetas, p. 461. 10—22.

³⁾ Ibidem p. 472. 3.

⁴⁾ Ibidem p. 738. 7—10.

Мнимыя противорѣчя въ сужденіи объ историческихъ лицахъ и событіяхъ.

Сужденія Никиты объ историческихъ лицахъ и событіяхъ могутъ возбудить въ изслѣдователѣ нѣкоторыя сомнѣнія. Отдавъ себѣ отчетъ въ томъ, что составляетъ первое условіе критики, т. е. опредѣливъ положеніе автора къ описываемымъ имъ событіямъ и дѣйствующимъ лицамъ, намъ бы оставалось, по видимому, только провѣрить, всѣ-ли извѣстія его удовлетворительно объясняются этимъ положеніемъ. Читателю, слѣдившему вмѣстѣ съ нами за тѣми частями произведенія Никиты, которыя показываютъ его отношеніе къ правительственной системѣ, къ императорамъ, высшимъ придворнымъ лицамъ и византійскому народу, легко сдѣлать выводъ, что исторія Никиты есть выраженіе недовольства современною системою и составляетъ протестъ противъ нея. Но подобный выводъ необходимо вѣдетъ къ сомнѣнію въ достовѣрности всего произведенія: какъ далеко простирается пристрастіе писателя, не слишкомъ-ли ограниченны воззрѣнія его?

Есть возможность до нѣкоторой степени уравновѣсить рѣзкій приговоръ Никиты современной ему правительственной системѣ его же собственными словами, разбросанными по разнымъ мѣстамъ исторіи. Мы уже имѣли случай указывать, что, при всемъ нерасположеніи къ латинянамъ, Никита находитъ, однако, возможнымъ указать на сочувственныя и похвальныя черты въ характерѣ и жизни ихъ: ужели одна только темная сторона византійскаго общества отразилась въ его исторіи? Такъ чуткій къ пониманію дѣйствительныхъ отношеній, такъ безпристрастный въ сужденіи о врагахъ, могъ-ли Никита быть слѣпымъ и одностороннимъ относительно правительства, которому онъ служилъ, и общества, въ исправленія котораго никогда не отчаялся? Никита не забываетъ, что какъ-бы ни былъ человѣкъ пороченъ и безсердеченъ, все-таки въ немъ найдутся и хорошія качества: въ извѣстіяхъ объ историческихъ лицахъ онъ отмѣчаетъ это свойство человѣческой природы. Поэтому въ своихъ характеристикахъ дѣйствующихъ лицъ онъ такъ часто ссылается на психическое, умственное и нравственное состояніе, на постороннія вліянія, развитіе страсти и т. п. Разсмотрѣніе историческаго метода Никиты покажетъ намъ, что его исторія составлялась не за одинъ разъ, что вообще въ ней не достаетъ единства редакціи: одинъ за другимъ слѣдуютъ

у него эпизоды, не соединенные ни послѣдовательностію времени, ни содержаніем. Если подобный методъ могъ не благопріятнымъ образомъ отозваться на всемъ историческомъ произведеніи, то въ немъ же лежитъ объясненіе и тѣхъ кажущихся противорѣчій, которыя иногда замѣчаются въ отзывахъ Никиты объ нѣкоторыхъ лицахъ. Исслѣдователь часто можетъ подвергаться опасности—на основаніи извѣстія Никиты сдѣлать невѣрный выводъ, если онъ ограничится однимъ даннымъ мѣстомъ: случается, что черезъ нѣсколько страницъ тотъ же писатель или предлагаетъ объясненіе ранѣе сообщенному факту, или открываетъ новую точку зрѣнія на него. Оттого-то произведеніемъ Никиты можно доказывать иногда противоположные выводы; на которую сторону извѣстій его — сочувственную или несочувственную — читатель обратитъ особенное вниманіе, ту и будетъ считать важнѣйшею.

Такого свойства, наур., разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ его исторіи отзывы объ иностранцахъ. Также могутъ казаться взаимно противорѣчивыми сужденія объ нѣкоторыхъ лицахъ, занимающихъ видное мѣсто въ его произведеніи. Такова характеристика Исаака Ангела. Указавъ на притворство, какъ на черту, руководившую его словами и дѣйствіями при вступленіи на престолъ¹⁾, писатель продолжаетъ: „Воцарившись, онъ умастилъ елеемъ головы бѣдняковъ. Всѣ ссыльные, лишенные имущества или изувѣченные Андроникомъ, были собраны и щедро вознаграждены. Они не только получили все, что хранилось въ государственной казнѣ изъ отнятаго у нихъ, или отчуждено было въ пользу другихъ лицъ; но еще богато одарены были на счетъ государственной казны. Воцареніе Исаака всѣмъ такъ пріятно было, какъ весна послѣ зимы, или тишина послѣ бури; поэтому съ разныхъ сторонъ начался приливъ населенія въ Цареградъ. Приходили и служившіе прежде въ военной службѣ, и отставные.... для всѣхъ желательно было взглянуть на Исаака“²⁾. Отъ этого неудачная война съ сицилійцами начала вестись успѣшнѣе. „Царь приказалъ объявить всѣмъ жителямъ Цареграда и другихъ мѣстъ, что съ сихъ поръ никто въ его царствѣ не подвергнется членовредительнымъ наказаніямъ, хотя бы оказался враждебнѣйшимъ изъ людей и обличенъ былъ въ замыслахъ на его жизнь и царство“³⁾. Объ этомъ постановленіи Никита высказывается въ такомъ смыслѣ,

1) Nicet. p. 465. a.

2) Nicet, p. 465—466.

3) Ibidem p. 479. 17—21.

что оно слишком гуманно, потому что нельзя же царю не казнить измѣнниковъ и людей, опасныхъ для его власти ¹⁾). Продолжая слѣдить за хорошими сторонами царствованія Исаака, мы, дѣйствительно, встречаемся съ фактами крайней снисходительности и кротости царя. Во время возмущенія Алексѣя Враны, имѣя измѣнниковъ между самими приближенными къ нему людьми, даже зная, кто они были, Исаакъ, однако, не преслѣдовалъ ихъ, а только совѣтовалъ хромающимъ на оба колѣна уклониться отъ сраженія и оставить войско ²⁾). Разбивъ Алексѣя Врану, Исаакъ простилъ всѣхъ сановныхъ и правительственныхъ лицъ, предложивъ имъ отправиться къ патріарху, чтобы онъ снялъ съ нихъ церковное отлученіе ³⁾). Пересказавъ, сколько самозванцевъ являлось при Исаакѣ, Никита прибавляетъ: причина столькихъ возстаній была въ мягкости правительства Исаака; императоръ былъ убѣжденъ, что какъ Богъ далъ ему власть, такъ Онъ и сохранитъ ее ⁴⁾). Съ именемъ Исаака связываются полезнѣйшія благотворительныя учрежденія столицы: страннопріимница, устроенная въ домѣ севастократора Исаака, общественная больница во дворцѣ Андроника, пріютъ для немощныхъ и престарѣлыхъ въ домѣ великаго друнгарія ⁵⁾ и другія общепользныя дѣла ⁶⁾). Переходя къ описанію низверженія Исаака, писатель высказываетъ, наконецъ, слѣдующую мысль: „божественное провидѣніе, предопредѣливъ низвергнуть этого человѣка, побуждало его къ прекраснымъ дѣламъ и утверждало въ добрыхъ намѣреніяхъ, такъ что и послѣ паденія онъ былъ любезенъ для многихъ“ ⁷⁾). Такимъ образомъ, если бы мы ограничились указанными мѣстами, царствованіе Исаака оказалось бы счастливымъ временемъ византійской имперіи. Но, читая къ ряду всю исторію этого царствованія, всматриваясь въ разныя объясненія, которыя даетъ Никита поступкамъ Исаака (притворство, раздражительность), и сопоставляя между собою эти послѣднія—мы полу-

¹⁾ Но эта мысль противорѣчитъ основнымъ убѣжденіямъ, проведеннымъ въ исторіи: тамъ вездѣ говорится, что правительство слишкомъ много заботится о неприкосновенности своихъ правъ, ср. напр. 566. 8—12.

²⁾ Nic. p. 501.

³⁾ Nicet, p. 509.

⁴⁾ Ibidem p. 554. 13—14.

⁵⁾ Ibidem p. 585.

⁶⁾ Между другими сочувственными сторонами Исаака указывается на его любовь къ храмамъ Божиимъ, p. 584. 17: *ναοῖς δὲ καὶ τεμένεσι καὶ εὐχτηρίοις οἴκοις καὶ ἱεραῖς φροντιστηρίοις ὡς οὐ τις πρότερον, τὸ φιλότιμον ἐπέδειξε, p. 585. 1—4.*

⁷⁾ Ibid. p. 587. 12—13.

чимъ выводъ о характерѣ Исаака Ангела совершенно противоположнаго свойства. Посмотримъ же на обратную сторону характеристики.

Личной храбрости, которая составляетъ главное достоинство всякаго грека благороднаго происхожденія, за Исаакомъ не признается ни въ одномъ случаѣ¹⁾. Напротивъ, неоднократно указываетъ Никита на молодую, изнѣженную и распущенную нравъ этого императора. Такъ, безъ всякихъ смягчительныхъ объясненій, приводитъ неблагопріятный отзывъ объ Исаакѣ Балдуина, вождя сипцилійскаго, заявляя тѣмъ свое сочувствіе этому отзыву²⁾; одной оговоркой уничтожаетъ въ сущности благодѣтельное распоряженіе его о прекращеніи членовредительныхъ наказаній: „Исаакъ скоро измѣнилъ своему обѣщанію: какъ не дорожилъ онъ словомъ, такъ не зналъ мѣры въ дѣйствіяхъ и почти сравнялся съ Андроникомъ въ жестокости“³⁾. Сказавъ о заключеніи съ иконійскимъ султаномъ мира, по которому греки обизались давать ежегодно поминки, писатель продолжаетъ объ Исаакѣ: „такъ-то уже современные намъ римскіе императоры умѣютъ усмирять иноплеменниковъ; они любятъ спокойную жизнь, подобно сѣннымъ дѣвушкамъ, которыя занимаются пряжей“⁴⁾. По поводу увѣчья, нанесеннаго, по приказанію Исаака, его учителю, Василию Рентакину, вставляется такой комментарий: „Исаакъ былъ самый раздражительный человѣкъ и всегда кипѣлъ гнѣвомъ, какъ вода въ котлѣ; въ раздраженіи онъ провозносилъ странныя рѣчи, его подбородокъ дрожалъ; и въ другихъ отношеніяхъ не платя за воспитаніе доброй признательностію, онъ подвергъ еще своего педагога такому мучительному наказанію“⁵⁾. „Нуждаясь въ деньгахъ для войны, онъ заложилъ серебряные сосуды императорской кладовой въ богатые церкви и монастыри, и на собранныя такимъ образомъ деньги нанялъ войско. По окончаніи войны, заложенные вещи отобралъ отъ церквей, а денегъ не возвратилъ имъ“⁶⁾. Отличаясь, съ одной стороны, любовью къ гражданамъ, дара

¹⁾ Nicetas, p. 481. 14—16, 521. 13.

²⁾ Ibid. p. 478. 1—10. ξίφος αὐτοῦ ἐκωμῶδησεν ὡς σιατραφεῖσιν ὀξυνόμενον σώμασιν... καὶ αὐτὸν δὲ τὸν Ἰσαάκιον ὡς ἀπάλαμνον ἐμωχάτο· μηδὲ γὰρ θυραυλῆσαι ποτε καὶ ἐπὶ θυρεῶν εὐνασθῆναι ἢ τοῦν μαρτύλλης ἀνασχέσθαι κράνους... ἀλλὰ καπνῷ γραμμάτων προσανέχειν ἐς γραμματιστοῦ φοιτῶντα ἐξ ἀπαλῶν ἐτι ὀνόχων.

³⁾ Ibidem p. 480. 13—15.

⁴⁾ Nicetas, p. 481. 14—16.

⁵⁾ Ibidem p. 481. 12—20. πελέκει· ἐκ τοῦ γόνατος θάτερον τῶν ποδῶν ἐκτεμῶν.

⁶⁾ Ibidem p. 499. 10—15.

Встрѣчаясь съ подобными картинами и сужденіями въ произведеніи Никиты, естественно задаться вопросомъ: гдѣ причина такихъ странныхъ, несходныхъ между собою, отзывовъ? Къ рѣшенію этихъ вопросовъ въ настоящее время представляется мало данныхъ: недостаточно изучено византійское общество, скудны свѣдѣнія о тогдашнемъ воспитаніи, не опредѣлены характеры самыхъ крупныхъ дѣятелей эпохи. Можно отвѣчать лишь предположительно. Исторіку для созданія дѣлостнаго характера требуется не менѣ таланта, чѣмъ поэту. При богатствѣ фантазій, Никита не обладаетъ въ должной мѣрѣ эстетическимъ чувствомъ и философскимъ обобщеніемъ; его образы и картины не всегда удачны. Нѣтъ ничего удивительнаго, если не удалось ему нѣкоторыя характеристики. Далѣе, не должно забывать, что исторія его составлена изъ замѣтокъ разнаго времени, соединенныхъ уже въ послѣдствіи, и представляетъ не мало вносныхъ эпизодовъ, дополненій и разъясненій. Весьма вѣроятно, что Никита руководился устными и письменными рассказами лицъ разныхъ партій; хвалебная часть могла назначаться для современной публики, могла быть пропнесена въ рѣчахъ и словахъ, а потомъ слита съ другими. Не было ли у Никиты распространителя, продолжателя, перифраста и т. п., который внесъ въ чужое произведеніе свои взгляды. Мы убѣждены, что болѣе исправное изданіе Никиты, снесеніе рукописей, указаніе всѣхъ разночтеній — объяснило-бы этотъ запутанный вопросъ.

Закончимъ эту главу краткимъ указаніемъ замѣченныхъ нами противорѣчій и въ первой части труда Никиты. Царица Ирина, супруга Алексѣя Комнина I, съ одной стороны употребляетъ всѣ усилія, чтобы устранить Іоанна отъ престолонаслѣдія въ пользу зятя своего, Никифора Врѣннія, для чего прибѣгаетъ даже къ клеветѣ и обману¹⁾; съ другой, она не только не принимаетъ участія въ заговорѣ, составившемся противъ императора Іоанна, гдѣ дочь ея Анна и Н. Врѣнній играютъ самыя видныя роли, но и не сочувствуетъ ему, высказывая сильныя опасенія въ случаѣ успѣха заговорщиковъ²⁾. Не довѣряя обыкновенно божественной помощи на войнѣ, гдѣ требуется мужество, искусство и другія доблести, Никита рассказываетъ о царѣ Іоаннѣ, что онъ, послѣ горячей молитвы къ Богородицѣ, неожиданно

¹⁾ Nicetas, p. 8. 10—15.

²⁾ Nicetas, p. 17. 10. μᾶλλον μὲν οὖν ἐσέπειτα καὶ σοφὸν τι λόγιον γυναικαθεοῦ λέγεται, μαθοῦσα τὰ μελετώμενα, ὡς δὲ βασιλέα μὲν οὐχ ὑπόντα ζητεῖν, παρόντα δὲ μὴ μετακινεῖν, что при этомъ она испытала бы боль гораздо сильнѣйшую, чѣмъ при родахъ.

склонилъ побѣду на свою сторону¹⁾. Измѣряя событія естественностию ихъ и считая дѣйствительными только тѣ, которыя согласны съ законами природы, тому же царю Іоанну Никитѣ приписываетъ слова, внушающія недовѣріе къ законамъ природы, какъ къ внушеніямъ малодушной женщины²⁾. Строгой точности не найдешь даже въ описаніи цвѣта лица Мануила Комнина: „лице его не равнялось бѣлизною со свѣгомъ, какъ это бываетъ у людей, не выходящихъ изъ дому, и не было темнаго цвѣта, какъ бываетъ у людей, часто подвергающихся жару солнечныхъ людей“; между тѣмъ далѣе говорится, что оно было скорѣе темнаго, чѣмъ свѣтлаго цвѣта, такъ что венеціянцы смѣялись надъ Мануиломъ, какъ надъ эѳіопомъ³⁾. Сюда же относятся такія противорѣчія слова съ дѣломъ, какъ, напр., *тяжкія страданія* Мануила по случаю смерти первой супруги и въ то же время *помысли ея о вторичномъ бракѣ*⁴⁾. Андроникъ Комнинъ, занимающій одно изъ видныхъ мѣстъ въ исторіи царствованія Мануила, описывается иными чертами въ исторіи Мануила и другими, болѣе темными, въ отдѣлѣ, посвященномъ исторіи его царствованія. Въ первой части обращается главное вниманіе на сочувственныя стороны его характера, во второй, по преимуществу, выставляются темныя, такъ что только немногія черты напоминаютъ въ ней Андроника первой части. Такія, болѣе или менѣе важныя, въ исторіи Никиты непослѣдовательности и противорѣчія должны были отозваться и на послѣдующихъ трудахъ, посвященныхъ этому періоду исторіи Византіи и основывающихся, главнымъ образомъ, на исторіи нашего писателя.

IV.

Историческій методъ Никиты.

Планъ и содержаніе исторіи.

Повѣствованіе Никиты начинается съ событій 1118 года, когда умеръ императоръ Алексѣй I Комнинъ и имперіей сталъ править сынъ его Іоаннъ, или Кало-Іоаннъ. Не бывъ очевидцемъ и современ-

¹⁾ Ibidem p. 22. 5—10. Монахи то *могутъ* присовѣтовать какое-нибудь средство въ бѣдственную годину, то совѣты ихъ *безполезны* въ военное время: p. 498. 12, 622. 17.

²⁾ Ibidem p. 59. 13, 95. 22, 96. 1—2.

³⁾ Nicetas, p. 69. 5—9, 115. 5—8.

⁴⁾ Ibidem p. 151. 8. ἡμίθρανός καὶ ἡμίτομος πρὸς μνηστρα δεύτερα ἐβλεψε.

Встрѣчаясь съ подобными картинами и сужденіями въ произведеніи Никиты, естественно задаться вопросомъ: гдѣ причина такихъ странныхъ, несходныхъ между собою, отзывовъ? Къ рѣшенію этихъ вопросовъ въ настоящее время представляется мало данныхъ: недостаточно изучено византійское общество, скудны свѣдѣнія о тогдашнемъ воспитаніи, не опредѣлены характеры самыхъ крупныхъ дѣятелей эпохи. Можно отвѣчать лишь предположительно. Историкъ для созданія цѣлостнаго характера требуется не менѣ таланта, чѣмъ поэту. При богатствѣ фантазій, Никита не обладаетъ въ должной мѣрѣ эстетическимъ чувствомъ и философскимъ обобщеніемъ; его образы и картины не всегда удачны. Нѣтъ ничего удивительнаго, если не удалось ему нѣкоторыя характеристики. Далѣе, не должно забывать, что исторія его составлена изъ замѣтокъ разнаго времени, соединенныхъ уже въ послѣдствіи, и представляетъ не мало вносныхъ эпизодовъ, дополненій и разъясненій. Весьма вѣроятно, что Никита руководился устными и письменными рассказами лицъ разныхъ партій; хвалебная часть могла назначаться для современной публики, могла быть произнесена въ рѣчахъ и словахъ, а потомъ слита съ другими. Не было ли у Никиты распространителя, продолжателя, перифраста и т. п., который внесъ въ чужое произведеніе свои взгляды. Мы убѣждены, что болѣе исправное изданіе Никиты, снесеніе рукописей, указаніе всѣхъ разночтеній — объяснило-бы этотъ запутанный вопросъ.

Закончимъ эту главу краткимъ указаніемъ замѣченныхъ нами противорѣчій и въ первой части труда Никиты. Царица Ирина, супруга Алексѣя Комнина I, съ одной стороны употребляетъ всѣ усилія, чтобы устранить Іоанна отъ престолонаслѣдія въ пользу зятя своего, Никифора Врѣннія, для чего прибѣгаетъ даже къ клеветѣ и обману¹⁾; съ другой, она не только не принимаетъ участія въ заговорѣ, составившемся противъ императора Іоанна, гдѣ дочь ея Анна и Н. Врѣнній играютъ самыя видныя роли, но и не сочувствуетъ ему, высказывая сильныя опасенія въ случаѣ успѣха заговорщиковъ²⁾. Не довѣряя обыкновенно божественной помощи на войнѣ, гдѣ требуется мужество, искусство и другія доблести, Никита рассказываетъ о царѣ Іоаннѣ, что онъ, послѣ горячей молитвы къ Богородицѣ, неожиданно

¹⁾ Nicetas, p. 8. 10—15.

²⁾ Nicetas, p. 17. 10. μᾶλλον μὲν οὖν ἐσπέριτα καὶ σοφόν τι λόγιον γνωματεύσαι λέγεται, μαθοῦσα τὰ μελετώμενα, ὡς δεῖ βασιλέα μὲν οὐχ ὑπόντα ζητεῖν, παρόντα δὲ μὴ μετακινεῖν, что при этомъ она испытала бы боль гораздо сильнѣйшую, чѣмъ при рѣчахъ.

скихъ задачахъ и цѣляхъ императора на востокѣ; г) о характерѣ императора Іоанна ¹⁾.

Царствованіе Іоанна излагаетъ еще Киннамъ, и тоже не подробно. При чтеніи Никиты и Киннама необходимо имѣть въ виду примѣчанія Дюганжа ²⁾; по отношенію къ славянскимъ событіямъ — угорскихъ лѣтописцевъ, по отношенію къ итальянцамъ — сборникъ грамотъ и договоровъ Тафеля и др.

Преемникомъ Іоанна на византійскомъ престолѣ былъ сынъ его Мануилъ. Двадцатичетырехлѣтнее царствованіе предыдущаго императора излагается на 65 страницахъ; тридцатисемилѣтнему правленію Мануила (1143 — 1180) удѣляется сравнительно болѣе мѣста (65 — 290 стр. бонискаго изд.), хотя очевидцемъ описываемыхъ событій авторъ также не могъ быть. Царствованіе Мануила изложено въ VII книгахъ, каждая изъ нихъ раздѣляется на главы. Послѣднее дѣленіе принадлежитъ также не самому писателю и не всегда соотвѣтствуетъ внутреннему содержанию. Хронологіи событій почти совсѣмъ нѣтъ. Всѣ событія могутъ быть обозрѣны въ слѣдующихъ трехъ группахъ: 1) *Восточная дѣла*. Также какъ и Іоаннъ, Мануилъ во все царствованіе занятъ восточными дѣлами. Планы его простирались и на завоеваніе св. земли, для чего вступалъ онъ въ соглашеніе съ іерусалимскимъ королемъ; съ одной стороны, недовѣріе западныхъ князей, владѣвшихъ частію св. земли (походъ въ Египетъ), съ другой, краткосрочные и ненадежные договоры съ турками-сельджуками (иконійскій султанъ) мѣшаютъ Мануилу достигнуть преобладанія на востокѣ. Изложеніе относящихся сюда фактовъ, находится во всѣхъ книгахъ, за исключеніемъ II и VII. 2) *Западъ и западныя дѣла* оставляютъ на себѣ главнѣйшимъ образомъ вниманіе писателя. Онъ сообщаетъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ Византіи во-1-хъ — къ крестоносцамъ и сицилійцамъ, во-2-хъ — къ славянамъ и кочевымъ народамъ. Однако, напрасно было бы искать у Никиты всѣхъ подробностей объ отношеніяхъ къ западу: въ описаніи II похода въ св. землю онъ проходитъ, напр., молчаніемъ участіе въ немъ Людовика VII; много удѣляя мѣста войнѣ съ Рожеромъ сицилійскимъ, не совсѣмъ точенъ въ извѣстіяхъ о ходѣ военныхъ дѣйствій. Вообще,

¹⁾ Мы не думаемъ дѣлать указанія на то, гдѣ у Никиты изложена та или другая, приводимая нами, мысль: при всѣхъ изданіяхъ Никиты находится подробный перечень содержанія каждой отдѣльной главы.

²⁾ Ioannis Cinnami Imp. Grammatici. Paris. MDCLXX.

никомъ Иоанна, писатель ведетъ разсказъ объ немъ довольно кратко, только изрѣдка вдаваясь въ подробности, случайно дошедшія до него¹⁾. Все правленіе Иоанна разсказано въ одной книгѣ, которая раздѣлена, впрочемъ, не самимъ писателемъ, на 11 главъ. Дѣленіе на главы, нужно сознаться, не совсѣмъ удачное: одно и то же событіе излагается въ разныхъ главахъ, и наоборотъ, два, совершенно различныхъ факта, втиснуты въ одну главу²⁾. Авторъ пытается вести разсказъ погодно, но такъ какъ у него не принято отмѣчать годы, то хронологическая связь въ повѣствованіи теряется и выступаетъ связь постепенности. Содержаніе извѣстій его вполне можно исчерпать, раздѣливъ первую книгу на три отдѣла: 1) *Восточныя войны царя Иоанна*. Писатель хорошо знаетъ востокъ, изучилъ отношенія имперіи къ туркамъ; его извѣстія о востокѣ отличаются обстоятельностью, полнотою и сравнительнымъ отсутствіемъ фразы. Вниманіе его обращено, по преимуществу, къ востоку, извѣстія изъ другихъ областей случайны и отрывочны. 2) *Западныя войны Иоанна*. Если Никита и даетъ понять, что западъ тоже много беспокоитъ императора, однако не сообщаетъ полныхъ извѣстій объ этомъ; фактическая сторона западныхъ дѣлъ весьма слаба, описаніе похода занимаетъ иногда только пять-шесть строкъ. За неимѣніемъ точныхъ знаній, писатель прибѣгаетъ къ общимъ соображеніямъ, къ преданіямъ и слухамъ, приурочивая ихъ къ тому или другому дѣлу³⁾, при чемъ впадаетъ въ ошибки, (напр. относительно угорской исторіи)⁴⁾, и замѣняетъ высокопарнымъ изложеніемъ недостатокъ содержанія въ извѣстіяхъ (объ итальянскихъ республикахъ и о походѣ на сербовъ⁵⁾). 3) *Внутреннія, особенно придворныя извѣстія*. Тутъ писатель вполне владѣетъ своимъ предметомъ, сообщая весьма любопытныя извѣстія: а) о придворномъ переворотѣ во время тяжелой болѣзни и смерти Алексѣя I; б) о новомъ правительствѣ и приближенныхъ къ Иоанну лицахъ; в) о политиче-

¹⁾ Подробной и современной царю Иоанну исторіи Византіи мы не имѣемъ. Сіппан р. 5 (ed. Bonn), Nicetas, р. 7. 18.

²⁾ Такъ, совсѣмъ не кстати четыре строки 5 главы отдѣлены отъ предыдущей; осада Гаггры р. 28 изложена въ разныхъ главахъ, между тѣмъ событія, отдѣленные и по времени и по самому содержанію, представляются въ одной главѣ.

³⁾ Nicet, р. 23. 2—10.

⁴⁾ Ibidem р. 24; снеси у Дюканжа примѣчаніе къ Киннаму, ad. р. 4.

⁵⁾ Ibidem р. 25. 15.

нуила; любимецъ ея, протосевасть Алексѣй, возбуждаетъ противъ себя сильную партію бояръ, во главѣ которыхъ стояла цесаревна Марія, сестра малолѣтняго императора. Этими обстоятельствами пользуется двоюродный братъ Мануила, умный и даровитый Андроникъ, который пріобрѣтаетъ себѣ сторонниковъ и является въ столицу какъ опытный человѣкъ, готовый поддержать юнаго императора и удалить недостойное правительство матери-опекуни.

Двухлѣтнее правленіе императора Андроника Комнина (1183—1185) описывается нашимъ писателемъ съ полнымъ знаніемъ обстоятельствъ дѣла и съ любопытными подробностями (356—463 стр., въ двухъ книгахъ). Чтобы достигнуть самодержавія, Андроникъ устраиваетъ императора-юношу, приказавъ умертвить его; подобныя же средства употребляетъ онъ и противъ другихъ членовъ рода Комниновъ, которые не хотѣли безъ борьбы уступить ему власть. Въ изложеніи событій этого царствованія особенно выдаются слабыя стороны труда Никиты — пристрастіе и односторонность выводовъ и сужденій. Доказывая, съ одной стороны, что имперія послѣ Мануила стала клониться къ упадку, что возникли самостоятельныя владѣнія, которыя увеличивали собою количество внѣшнихъ враговъ и ослабляли средства имперіи, подстрекая противъ Андроника новыхъ соперниковъ на востокъ и западъ; съ другой, Никита сознается, что никогда государство не пользовалось такимъ спокойствіемъ, развитіемъ промышленности и богатствъ, какъ при этомъ императорѣ. Возвышенныя качества героя-царя, сдѣлавшагося предметомъ народныхъ пѣсенъ и поэтическихъ сказаній, не могли быть скрыты писателемъ; но онъ теряетъ много своей привлекательности, будучи поставленъ на ряду съ суровыми мѣрами и жестокими поступками, на подборъ которыхъ не поспешилъ Никита. Для полной оцѣнки этого лица нужно имѣть въ виду всѣ мѣста, гдѣ объ немъ говорится, какъ въ исторіи царствованія Мануила, такъ и Алексѣя: Андроникъ, въ качествѣ родственника царскаго, изгнанника и скитальца по отдаленнымъ мѣстамъ, не унывающаго въ бѣдѣ узника, любителя наукъ, соблазнителя трехъ женщинъ изъ царскаго рода, рисуется Никитой въ болѣе сочувственномъ видѣ, чѣмъ Андроникъ-царь. Въ изложеніи господствуетъ элементъ драматическій; это не исторія Византіи въ царствованіе Андроника, а исторія самого Андроника: нить событій вяжется исключительно на этомъ лицѣ. Его жестокость возбуждаетъ противъ него много недруговъ, которые частію сами вооружаются, частію подстрекають противъ Андроника опасныхъ внѣшнихъ враговъ: съ запада сицилій-

какъ военный писатель, Никита слабъ: не указываетъ, напр., плана военныхъ дѣйствій, не можетъ познакомить съ цѣлями, которыя преслѣдуетъ императоръ или его полководцы и непріятель. Но онъ силенъ тамъ, гдѣ нужно указать историческия отношенія лицъ и событій, нарисовать картину бѣдствій войны, опредѣлить значеніе враждебныхъ партій. Отношенія къ славянамъ (сербы и болгары) мало ему извѣстны: общая фраза поэтому замѣняетъ недостатки содержанія, имена трудно распознаваемы и перемѣшаны¹⁾. Угры болѣе знакомы писателю, потому что Мануиль, имѣя широкіе планы относительно подчиненія этой страны, принималъ при своемъ дворѣ угорскихъ королевичей и не прерывалъ съ уграми сношеній, то поддерживая одного, то выставляя новаго претендента на королевскій столъ. 3) Полиѣе и любопытнѣе *внутреннія отношенія имперіи* времени Мануила. Придворныя извѣстія, сужденіе объ администраціи свѣтской и церковной, о сотрудикахъ императора Мануила—восполняютъ въ значительной мѣрѣ недостатки политической и военной исторіи. Достаточно указать на VII книгу Мануила, превосходную по содержанію и изложенію, гдѣ писатель дѣлаетъ общій взглядъ на правительственную систему этого царя. Это одна изъ лучшихъ частей всего труда Никиты.

Одна книга, раздѣленная на 18 главъ (290—355 стр.), посвящена царствованію несчастнаго наследника престола, малолѣтняго Алексѣя II (1180—1183). Писатель около того времени поступилъ на службу, и могъ описывать событія по собственнымъ впечатлѣніямъ и замѣткамъ. Послѣдующія извѣстія его отличаются значительною примѣсю субъективныхъ чертъ: характеристики лицъ и событій выступаютъ живѣе и правдивѣе; тутъ авторъ впадаетъ въ новый тонъ: со времени смерти Мануила всѣ дѣла пошли къ упадку, отношенія съ врагами запутались, внѣшнія бѣдствія и внутреннія крамолы подготавливаютъ погибель имперіи. Можно догадываться, что исторія его, начиная со смерти Мануила и до занятія латинянами Цареграда, обработана около одного времени, при одинаковыхъ обстоятельствахъ автора. Хотя книга и имѣетъ въ оглавленіи имя Алексѣя II, но повѣствованіе мало занимается имъ. Передъ читателемъ развивается цѣлый рядъ интригъ и заговоровъ, имѣющихъ цѣлю дать перевѣсъ одной партіи, вмѣсто другой. Пользуясь малолѣтствомъ сына, правительственными дѣлами овладѣваетъ молодая вдова императора Ма-

¹⁾ Особенно книга IV, глава 4.

упла; любимецъ ея, протосевасть Алексѣй, возбуждаетъ противъ себя вѣрную партію бояръ, во главѣ которыхъ стояла цесаревна Марія, сестра малолѣтняго императора. Этими обстоятельствами пользуется двоюродный братъ Мануила, умный и даровитый Андроникъ, который приобретаетъ себѣ сторонниковъ и является въ столицу какъ опытный человѣкъ, готовый поддержать юнаго императора и удалить недостойное правительство матери-опекуни.

Двухлѣтнее правленіе императора Андроника Комнина (1183—1185) описывается нашимъ писателемъ съ полнымъ знаніемъ обстоятельствъ дѣла и съ любопытными подробностями (356—463 стр., въ двухъ книгахъ). Чтобы достигнуть самодержавія, Андроникъ устраиваетъ императора-юношу, приказавъ умертвить его; подобныя же средства употребляетъ онъ и противъ другихъ членовъ рода Комниновъ, которые не хотѣли безъ борьбы уступить ему власть. Въ изложеніи событій этого царствованія особенно выдаются слабыя стороны труда Никиты — пристрастіе и односторонность выводовъ и сужденій. Доказывая, съ одной стороны, что имперія послѣ Мануила стала клониться къ упадку, что возникли самостоятельныя владѣнія, которыя увеличивали собою количество внѣшнихъ враговъ и ослабляли средства имперіи, одстрекая противъ Андроника новыхъ соперниковъ на востокъ и западъ; съ другой, Никита сознается, что никогда государство не пользовалось такимъ спокойствіемъ, развитіемъ промышленности и богатствомъ, какъ при этомъ императорѣ. Возвышенныя качества героя-аря, сдѣлавшагося предметомъ народныхъ пѣсенъ и поэтическихъ сказаній, не могли быть скрыты писателемъ; но онѣ теряютъ много своей привлекательности, будучи поставлены на ряду съ суровыми дѣяніями и жестокими поступками, на подборъ которыхъ не покушался Никита. Для полной оцѣнки этого лица нужно имѣть въ виду всѣ мѣста, гдѣ объ немъ говорится, какъ въ исторіи царствованія Мануила, такъ и Алексѣя: Андроникъ, въ качествѣ родственника царя, изгнанника и скитальца по отдаленнымъ мѣстамъ, не унывающего въ бѣдѣ узника, любителя наукъ, соблазнителя трехъ женщинъ изъ царскаго рода, рисуется Никитой въ болѣе сочувственномъ видѣ, чѣмъ Андроникъ-царь. Въ изложеніи господствуетъ элементъ драматическій; это не исторія Византіи въ царствованіе Андроника, а исторія самого Андроника: нить событій вяжется исключительно а этомъ лицѣ. Его жестокость возбуждаетъ противъ него много неуроговъ, которые частію сами вооружаются, частію подстрекають противъ Андроника опасныхъ внѣшнихъ враговъ: съ запада сицилій-

цевъ, съ востока турокъ. Постоянное недоверіе къ своимъ и опасеніе измѣны — побуждаютъ Андроника предпринимать тонкія мѣры предосторожности, изъ которыхъ возникаютъ новыя неожиданныя затрудненія, жертвою которыхъ онъ и падаетъ.

При Андроникѣ велась сицилійская война, требовавшая крайняго напряженія силъ имперіи. Она должна стоять въ связи съ изгнаніемъ латинянъ изъ Цареграда, которымъ началъ свое правленіе Андроникъ. Въ I и началъ II книги Никита сообщаетъ свѣдѣнія объ этой войнѣ; но, какъ уже было замѣчено, въ описаніи военныхъ дѣлъ нашъ писатель особенно не достаточенъ. Исаакъ, окончившій эту войну пораженіемъ сицилійскаго войска въ 1186 г., воспользовался, конечно, благоразумными мѣрами Андроника, хотя Никита и не упоминаетъ объ нихъ. Жестокости сицилійскаго войска въ Солуни напоминаютъ безчеловѣчныя поступки латинянъ въ Цареградѣ, въ 1204 году.

Андроника свергаетъ и предаетъ поруганію толпы царедворецъ Исаакъ, изъ рода Ангеловъ. Онъ два раза былъ византійскимъ императоромъ: въ первый разъ отъ 1185 до 1195 г., во второй — посаженъ былъ на престолъ крестоносцами IV похода и царствовалъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Алексѣемъ IV (1203 — 1204). Десятилѣтнему періоду его перваго царствованія посвящено III книги (464—596 стр.). Мы не будемъ повторять здѣсь, какъ смотритъ нашъ писатель на Исаака, такъ какъ объ этомъ было довольно сказано въ предыдущей главѣ. Изъ западныхъ дѣлъ этого времени писатель останавливается, во-1-хъ, на сицилійской войнѣ, которая начата была еще Андроникомъ. Исаакъ окончилъ ее, въ первые два года своего царствованія, двумя пораженіями, нанесенными сицилійцамъ на морѣ и на сушѣ. Во 2-хъ, на III крестовомъ походѣ, въ которомъ участвовалъ нѣмецкій императоръ Фридрихъ I и короли французскій и англійскій (Филиппъ II и Ричардъ). Писатель имѣлъ тогда личныя сношенія съ нѣмецкими крестоносцами, пытался уладить раздоры между своимъ правительствомъ и нѣмцами; извѣстія его весьма правдивы и не могутъ быть заподозрѣны въ односторонности и искаженіи. Въ 3-хъ, на національномъ движеніи въ славянскихъ земляхъ — у болгаръ и сербовъ, начавшемся въ 1186 году. Подъ предводительствомъ Петра и Асеня, болгары возстаютъ противъ византійскаго господства, наносятъ пораженіе императорскимъ войскамъ и успѣшно укрываются въ неприступныхъ горахъ и твердыняхъ. Такъ какъ съ этимъ возстаніемъ соединяется утвержденіе у болгаръ династіи Асеновъ, которая, пользуясь слабостію имперіи, завоевываетъ самостоятельность и незави-

имость для своего народа, принимаетъ участіе въ событіяхъ IV поода и достигаетъ затѣмъ королевской короны, то подробныя и обстоятельныя извѣстія Никиты объ этой замѣчательной эпохѣ должны останавливать на себѣ полное вниманіе историка славянъ. Никита сабдитъ, годъ за годомъ, за военными успѣхами болгаръ, не скрываетъ громаднхъ затрудненій, въ которыя поставлены были этими успѣхами византійцы. Исаакъ не успѣлъ остановить народное движеніе сербовъ и болгаръ, не смотря на то, что войска его не выводились изъ Фракіи и Македоніи¹⁾. Въ 4-хъ, Никита останавливается на внутренней исторіи. Неподкупный разборъ правительственной системы Исаака Ангела, препятствія, встрѣченныя имъ на пути къ утвержденію господства, борьба партій и т. п.,—составляютъ едва-ли не лучшую сторону въ изложеніи и этого царствованія.

Въ 1195 г. Исаакъ предпринялъ походъ противъ славянъ; на пути овъ лишенъ власти братомъ своимъ Алексѣемъ, который принялъ титулъ Комнина и извѣстенъ подъ именемъ Алексѣя III Комнина-Ангела. Исторія его восьмилѣтняго царствованія изложена въ трехъ книгахъ (597—725 стр.). Писатель по преимуществу занимается ощеніями западными, которыя въ это время поглощаютъ всѣ заботы византійскаго императора: 1) въ *славянскихъ земляхъ*, сербіи и болгаріи, продолжалось сильное движеніе противъ византійцевъ; славяне, въ союзѣ съ кочевыми народами, дѣлаютъ нападеніе на Фракію и Македонію, что заставляетъ императора входить въ договоры съ русскими князьями²⁾. Писатель обнаруживаетъ знакомство съ внутренними явленіями жизни славянъ и съ усобицами между предводителями славянскихъ ополченій, которыя старается развѣять императоръ. 2) *Несчастныя войны съ сосѣдями* излагаются въ перемежку съ неудачными внутренними дѣлами Алексѣя; появленіе замозванцевъ требуетъ рѣшительныхъ мѣръ, въ которыхъ, по изнѣкности, императоръ не былъ способенъ. Тяжелые поборы, внутренія смуты и нападенія враговъ съ востока производятъ то, что для византійцевъ становится сноснѣе жить въ рабствѣ у турокъ, чѣмъ ользоваться призрачною свободою³⁾. 3) Съ 8 главы III книги Никита приступаетъ къ изложенію предварительныхъ обстоятельствъ, редшествовавшихъ IV крестовому походу. Низверженный и ослѣплен-

¹⁾ Nicetas, p. 485, 488, 516, 560, 568, 587.

²⁾ Nicetas, p. 612, 620, 643, 663, 665, 673, 679, 685, 691, 703, 708.

³⁾ II книга, конецъ 5 главы.

бить византійскіе города и выгоняють изъ нихъ латинянь ¹⁾. 4) Послѣ адрианопольскаго пораженія, нѣкоторое время можно было сомнѣваться, удержатся-ли латиняне и на востокѣ, въ завоеванныхъ ими областяхъ. Братъ Балдуина, Генрихъ, напрягаетъ всѣ силы, чтобы возвратить утраченныя завоеванія во Фракіи и Македоніи ²⁾; на востокѣ дѣйствуютъ противъ латинянь М. Маврозомъ въ союзѣ съ турками, Ѳ. Ласкарисъ и Д. Комнинъ. Утверженіемъ въ Никеѣ Ласкариса и вѣнчаніемъ королевскимъ вѣнцемъ Генриха оканчивается исторія Никиты. Она не представляетъ законченнаго дѣла и, весьма вѣроятно, не вполнѣ еще издава.

Таково содержаніе произведенія Никиты. Можно замѣтить, что, при значительномъ богатствѣ сообщаемаго матеріала, сочиненіе его страдаетъ отсутствіемъ плана. Изложеніе событій по царствованіямъ, по видимому, положенное за основаніе во всемъ трудѣ, не искупааетъ различныхъ неудобствъ при чтеніи его. Главнѣйшая особенность этого рода состоитъ въ томъ, что отдѣльныя части связываются между собою не хронологическою преемственностію фактовъ, а законами нѣкоторой причинности: оттого бываетъ, что крупнѣйшія событія излагаются по поводу менѣ важныхъ, не рѣдко авторъ дважды, трижды обращается къ одному и тому же предмету и все таки не доканчиваетъ его. Сообщенія его разнообразны: у него можно найти отвѣтъ на многіе запросы, но трудно овладѣть всѣмъ матеріаломъ его. Исторія царя Мануила оканчивается собственно на 290 стр., но различныя отношенія его времени, особенно его внутреннія дѣла, сообщаются и во всѣхъ остальныхъ частяхъ труда ³⁾. Событія, касающіяся царя Андроника (356—463 стр.), не всѣ изложены въ той части, которая обозначена его именемъ; объ Андроникѣ говорится и въ исторіи Мануила, и послѣдующихъ за нимъ царей. А такъ какъ и взглядъ автора на этого императора, и характеръ сообщаемыхъ объ немъ извѣстій не имѣетъ желаемаго единства, вызываетъ къ нему то сочувствіе, то болзнь и отвращеніе, то ясно, что историкъ не долженъ удовлетворяться тѣми извѣстіями объ Андроникѣ, которыя помѣщены у Никиты въ отдѣлѣ, озаглавленномъ: „Царствованіе

¹⁾ Ibidem p. 808—815.

²⁾ Nicet, p. 815—826.

³⁾ p. 294, 295, 297, 376, 414, 442, 459, 497, 500, 507, 548, 549, 689, 690, 713, 719.

Андроника" ¹⁾). Такимъ же образомъ относится писатель и къ другимъ фактамъ исторіи: они не составляютъ сами по себѣ цѣльнаго изложенія, но извѣстія объ нихъ разбросаны въ разныхъ мѣстахъ. Слѣды добавленій, разновременныхъ вставокъ и воспоминаній не могутъ быть оспариваемы; не даль-ли Никита окончательной обработки какимъ нибудь ранѣе составленнымъ запискамъ, или не передѣлалъ-ли кто послѣ него трудъ его? Недостаточность изданій Никиты, невѣдомость всѣхъ рукописей его труда не позволяютъ прямо высказаться на этотъ счетъ; но къ подобнымъ догадкамъ подають поводъ какъ разночтенія рукописей, такъ и отрывокъ „о статуяхъ“ помѣщенный въ концѣ труда Никиты; этотъ отрывокъ есть не что иное, какъ сокращеніе и передѣлка изъ исторіи.

Цѣль и назначеніе труда.

Никита не случайно попалъ на мысль — написать исторію своего времени. Онъ обладалъ обширными историческими знаніями, читалъ древнихъ писателей и отечественныхъ историковъ. Побужденіемъ къ историческимъ занятіямъ, по собственнымъ его словамъ, было желаніе восполнить пробѣлъ въ отечественной исторіографіи, которая, заканчиваясь трудами Анны Комниной и Зонары, не представляла ни одного сочиненія, обнимающаго XII столѣтіе. Мое повѣствованіе говоритъ онъ, будетъ стоять въ связи съ тѣмъ, что извѣстно изъ другихъ историковъ, которые писали раньше меня; такимъ образомъ эта исторія уподобится теченію рѣки, берущей начало изъ одного родника, или цѣпи колець, которыя тянутся до безконечности, въ непрерывной связи между собою ²⁾). Къ этому присоединилось еще сознаніе высокой пользы, которую исторія можетъ приносить какъ читателямъ, такъ и тѣмъ, кто занимается историческимъ трудомъ. Не говоря объ назидательности и нравственной пользѣ, которая вездѣ выставляется авторомъ, какъ необходимый плодъ исторіи, черезъ нее люди смертные, давно уже сошедшіе съ зѣмнаго поприща, снова вызываются къ жизни и какъ бы уподобляются бессмертнымъ: „тѣло разложилось на составныя части, душа сошла въ адъ, дѣла же людей продолжаетъ громко разглашать исторія. И я не знаю, продолжаетъ

¹⁾ Извѣстія объ Андроникѣ пополняются на стр.: 68, 133, 135, 139, 160, 168, 170, 179, 180, 182, 184, 192, 294, 297, 317, 336, 348 и далѣе, въ исторіи преемниковъ Андроника: 465, 480, 530, 549, 557, 585, 590, 601, 703.

²⁾ Praefatio p. 7. 15—18.

онъ, найдется ли кто указать другое, болѣе пріятное занятіе для человѣка. Ибо, что самые пожилые люди, хотя бы они дожили до глубокой старости, расшевеливъ свою память и порывшись въ складахъ мнпувшихъ лѣтъ, могли бы поразсказать любителямъ изъ опытовъ своей жизни, то можетъ предложить и историкъ, хотя бы онъ былъ въ юныхъ лѣтахъ". Исторія есть лучший плодъ ума человѣческаго и прекраснѣйшее изобрѣтеніе греческаго гениа. Авторъ считаетъ святотатственнымъ посягательствомъ на важность исторіи — взять предметъ не достойный ея, или отступитъ въ изложеніи отъ истины ¹⁾.

Сознавая возвышенныя требованія исторіи и нравственную пользу, приносимую ею, историкъ долженъ заботиться объ общедоступномъ изложеніи, ясности и простотѣ. Исторію должны читать всѣ высшіе и низшіе люди, образованные и невѣжды, всѣхъ она должна поучать своимъ простымъ и яснымъ словомъ. Такимъ образомъ, произведеніе Никиты предназначалось для современниковъ и потомства, и имѣло въ виду читателей ²⁾. Мы должны обратить вниманіе на это обстоятельство, потому что имъ обуславливается въ извѣстной мѣрѣ характеръ исторіи Никиты. Правда, что сочиненіе его не могло распространиться скоро, что оно должно было сдѣлаться извѣстнымъ лишь по смерти писателя; тѣмъ не менѣе, частію служебныя, частію родственныя и дружественныя отношенія къ нѣкоторымъ лицамъ необходимо вліяли на смягченіе отзыва объ нихъ: въ такихъ случаяхъ Никита либо не упоминаетъ именъ дѣйствующихъ лицъ, либо опускаетъ подробности.

Укажемъ на нѣкоторыя мѣста, гдѣ назначеніе труда ограничивало автора и обуславливало размѣры и характеръ его извѣстій. Такъ какъ исторія, по понятіямъ Никиты, имѣетъ воспитывающее и образовательное значеніе, то онъ даетъ въ ней мѣсто такимъ фактамъ, которые, не способствуя полнотѣ, картинности и занимательности, могутъ лишь оправдать собою то или другое нравственное правило, ему сочувственное. Такъ, въ исторіи царя Мануила ³⁾, намѣреваясь разсказать о соперничествѣ между царедворцами, онъ дѣлаетъ такую оговорку: „и объ этомъ я скажу въ моей исторіи, желая показать

¹⁾ Praefatio и p. 767, 768.

²⁾ p. 5. 10. διὰ τῆσδε μοῦ τῆς συγγραφῆς δῆλα ταῦτα τοῖς ἑπειτα καθιστῶς p. 7. 2. ὁ δὲ λόγος συγγνώμην αἰτεῖται παρ' οἷς εἰς χεῖρας περσῆται.

³⁾ Nicet, p. 145. 13.

читателямъ, какое непреоборимое зло—дукавство и какъ нужно беречься отъ тѣхъ коварныхъ людей, которые имѣютъ несообщительный и скрытный нравъ и языкъ, не выдающій сердечныхъ тайнъ; въ особенности же, чтобы научить, какъ важно сдерживать слово и не позволять языку безъ нужды высказываться¹⁾. Для подтвержденія этого положенія и предлагается рассказъ о низверженіи Θ. Стницота великимъ логоветомъ. Но окончивъ свой рассказъ, писатель еще присоединяетъ: «если ужъ зашла рѣчь объ этомъ человѣкѣ, прибавлю и еще нѣчто, стоящее вниманія», и сообщаетъ затѣмъ характеристику логовета. Рѣчь заключается слѣдующимъ: «Я думаю, что этотъ рассказъ не лишенъ для многихъ пользы, назиданія и занимательности»¹⁾. Даже при изложеніи военныхъ дѣйствій Никита не забываетъ читателя и боится навести на него скуку и утомленіе. Чтобы избѣжать этого, онъ намѣренно опускаетъ цѣлые эпизоды и случаи, какъ видно изъ заключенія III книги Мануила, послѣ рассказа о войнѣ съ турками. Много набѣговъ въ это время было съ той и другой стороны, говоритъ Никита, «но я пропустилъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ не случилось ничего достопримѣчательнаго, и рассказъ о коихъ могъ бы навести скуку на читателя, такъ какъ многое пришлось бы рассказывать одинаковымъ образомъ, не принося въ исторію разнообразія»²⁾.

Нѣкоторыя военныя дѣла рассказываетъ Никита *вкратцѣ*, напр., войну Мануила съ уграми и осаду города Зевгмина; къ другимъ возвращается нѣсколько разъ, дѣлая только намеки на нихъ и откладывая подробности на будущее время, «чтобы представить рассказъ въ связи и совокупности»³⁾, или чтобы высказать полное сужденіе о событіи, не опуская ничего достойнаго памяти потомства³⁾. По поводу нѣкоторыхъ лицъ и положеній ведетъ повѣствованіе издалека⁴⁾. Описавъ мученія, которымъ подвергла царя Андроника разъяренная толпа, замѣчаетъ, что онъ пропустилъ еще нѣкоторыя обстоятельства, относящіяся къ этому; бѣдствія жителей Солунн передаетъ въ сокращенномъ изложеніи, потому что объ этомъ есть специальное сочиненіе; также не распространяется много о жестокихъ поступкахъ царя Андроника и его постановленіяхъ противъ свободы и жизни гражданъ; дѣлаетъ общіе выводы изъ извѣстныхъ ему фактовъ; ссы-

¹⁾ р. 149. 13, 151. 1—2.

²⁾ р. 164.

³⁾ р. 177. 20, 180, 185. 24, 190. 7, 294. 14.

⁴⁾ р. 637. 21.

лается иногда на читателей, предоставляя имъ судить о рассказанномъ; нѣкоторыя обстоятельства просто считаетъ неудобнымъ передавать письму ¹⁾. Начавъ говорить объ Алексѣѣ III, предупреждаетъ, что онъ многое опустилъ, чтобы не дать поводъ думать, будто онъ выбираетъ только дурное и изъ исторіи дѣлаетъ насквиль. Болѣзняетъ, когда ему приходится передавать однѣ несчастія, постигшія отечество, и жалѣетъ потомковъ, которымъ придется читать его печальный рассказъ. Поэтому старается темныя картины передавать отрывочно и сокращенно; предпочитаетъ даже совсѣмъ молчать, если византійскія войска несутъ пораженіе и доставляютъ наъ собою перевѣсъ варварамъ: моя исторія, говоритъ онъ, не должна быть хвалебною пѣснью дѣлъ варварскихъ ²⁾. Когда указываетъ неприличный поступокъ лица, особенно изъ товарищей по службѣ, не называетъ его имени; обращаетъ особенное вниманіе читателей на рельефную сторону извѣстій ³⁾. Вообще, Никита постоянно имѣетъ въ виду, что у него будутъ читатели, которые могутъ судить его, что при томъ они могутъ интересоваться тѣми сторонами византійской исторіи, которыя ему представлялись таковыми. Желая дать своей исторіей полезное и назидательное чтеніе, онъ подчинялъ этой цѣли историческій матеріалъ: событія назидательныя выставилъ на видъ, маловажныя излагалъ коротко, обидныя для патріотизма или скрывалъ, или указывалъ только мимоходомъ.

Время написанія исторіи.

Окончательную обработку своему произведенію Никита далъ, несомнѣнно, послѣ 1206 года, когда, удалившись въ Никею, онъ пользовался досугомъ и спокойствіемъ при дворѣ Феодора Ласкариса. Но нельзя думать, чтобы тамъ же созрѣлъ и планъ произведенія, и составлены всѣ части его. Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что Никита ранѣе велъ записки о современныхъ событіяхъ, и потомъ обработалъ ихъ, дополнилъ и придалъ имъ литературную форму. Нѣкоторые отдѣлы выдають современность самому событію, нѣкоторыя части явно представляютъ позднѣйшую вставку, во многихъ мѣстахъ можно указать даже слѣды поправокъ и дополненій; есть намеки, изъ которыхъ можно вывести указаніе на время написанія цѣлаго отдѣла.

¹⁾ pp. 457. 10, 398. 18, 438. 2, 462. 1, 568. 8, 595. 2, 634. 10.

²⁾ p. 638. 8—9, 710. 7, 767. 21.

³⁾ p. 350. 17, 437. 2, 450. 2.

Не будемъ останавливаться на первой части произведенія Никиты, обнимающей событія времени царей Юанна и Мануила. Судя по тому, какъ относится авторъ къ описываемымъ событіямъ и къ современному положенію имперіи, можно догадываться, что эта часть составлена еще въ Цареградѣ, въ правленіе Ангеловъ ¹⁾. Если и не богатъ запасъ находящихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ къ опредѣленію времени происхожденія остальныхъ отдѣловъ труда Никиты, тѣмъ не менѣе, при разсмотрѣніи всѣхъ внутреннихъ признаковъ, носящихъ на себѣ слѣды времени, представляется нѣкоторая возможность опредѣленныхъ выводовъ въ этомъ отношеніи. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что остальные отдѣлы составлены не въ одно время и не въ одномъ мѣстѣ, что разъ написанные, они могли быть дополняемы и исправляемы въ послѣдствіи. Царствованія Алексѣя II, Андроника и часть исторіи Ангеловъ, имѣя признаки происхожденія въ Цареградѣ, представляютъ вставки позднѣйшаго времени; остальные же отдѣлы написаны послѣ взятія латинянами Цареграда. Приведемъ тѣ мѣста изъ исторіи Никиты, въ которыхъ, по нашему мнѣнію, есть указаніе на время происхожденія соотвѣствующихъ имъ отдѣловъ.

1. Описаніе жестокихъ поступковъ сицилійскаго войска въ Солуни, напоминающее, по подробностямъ, злодѣйства латинянъ въ Цареградѣ, представляетъ собою вставку въ исторію Андроника, написанную ранѣе. Къ этому заключенію ведетъ общій отзывъ Никиты о латинянахъ: „Проклятые латиняне считаютъ раемъ ту страну, въ которой суждено намъ жить и пользоваться благами; завидуя нашему счастью, они всегда злоумышляютъ противъ нашего рода и искони строятъ намъ ковы. По обстоятельствамъ притворяясь друзьями, они ненавидятъ насъ, какъ злѣйшіе враги; когда обращаются къ намъ съ ласковымъ и привѣтливомъ словомъ мягко и нѣжно льющимся на подобіе елея, и тогда это слово подобно стрѣлѣ и обоюду - острому мечу. Такъ, между нами и ими утвердилась величайшая пропасть различія. Хотя мы и вступаемъ съ ними въ сношенія, и часто пользуемся однимъ и тѣмъ же жилищемъ, однако насъ раздѣляетъ самая рѣзкая противоположность убѣжденій. Чрезвычайно гордые, надменно поднимающіе вверхъ голову, они пользуются для своихъ выгодъ мягкостію нашего права.

¹⁾ Въ первой части есть нѣсколько намековъ на обстоятельства, современные происхожденію ея: 75. 18 и далѣе, 96. 12.

дается иногда на читателей, предоставляя имъ судить о рассказанномъ; нѣкоторыя обстоятельства просто считаетъ неудобнымъ передавать письму ¹⁾. Начавъ говорить объ Алексѣѣ III, предупреждаетъ, что онъ многое опустилъ, чтобы не дать поводъ думать, будто онъ выбираетъ только дурное и изъ исторіи дѣлаетъ пасквиль. Болѣзняетъ, когда ему приходится передавать однѣ несчастія, постигшія отечество, и жалѣетъ потомковъ, которымъ придется читать его печальный рассказъ. Поэтому старается темныя картины передавать отрывочно и сокращенно; предпочитаетъ даже совсѣмъ молчать, если византійскія войска несутъ поражение и доставляютъ наъ собою перевѣсъ варварамъ: моя исторія, говоритъ онъ, не должна быть хвалебною пѣснью дѣлъ варварскихъ ²⁾. Когда указываетъ неприличный поступокъ лица, особенно изъ товарищей по службѣ, не называетъ его имени; обращаетъ особенное вниманіе читателей на рельефную сторону извѣстій ³⁾. Вообще, Никита постоянно имѣетъ въ виду, что у него будутъ читатели, которые могутъ судить его, что при томъ они могутъ интересоваться тѣми сторонами византійской исторіи, которыя ему представлялись таковыми. Желая дать своей исторіей полезное и назидательное чтеніе, онъ подчинялъ этой цѣли историческій матеріалъ: событія назидательныя выставлялъ на видъ, маловажныя излагалъ коротко, обидныя для патріотизма или скрывалъ, или указывалъ только мимоходомъ.

Время написанія исторіи.

Окончательную обработку своему произведенію Никита далъ, несомнѣнно, послѣ 1206 года, когда, удалившись въ Никею, онъ пользовался досугомъ и спокойствіемъ при дворѣ Феодора Ласкариса. Но нельзя думать, чтобы тамъ же созрѣлъ и планъ произведенія, и составлены всѣ части его. Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что Никита ранѣе велъ записки о современныхъ событіяхъ, и потомъ обработать ихъ, дополнилъ и придалъ имъ литературную форму. Нѣкоторые отдѣлы выдають современность самому событію, нѣкоторыя части явно представляютъ позднѣйшую вставку, во многихъ мѣстахъ можно указать даже слѣды поправокъ и дополненій; есть намеки, изъ которыхъ можно вывести указаніе на время написанія цѣлаго отдѣла.

¹⁾ pp. 457. 10, 398. 18, 438. 9, 462. 1, 568. 8, 595. 8, 634. 10.

²⁾ p. 638. 8—9, 710. 7, 767. 21.

³⁾ p. 350. 17, 437. 2, 450. 9.

3. Въ царствованіе Исаака Ангела являлось много лицъ, желавшихъ лишить его власти и составлявшихъ довольно сильныя партіи; многочисленныя попытки этого рода дѣлали оставшіеся въ живыхъ Комнины. По поводу неудачной попытки одного изъ нихъ (сынъ Андроника Комнина, внука цесаревны Анны и Н. Вриеннія), Никита выражается такъ: онъ завершилъ собою эпоху мятежниковъ, ибо съ тѣхъ поръ никто не дерзалъ идти этимъ путемъ; и ранѣе: онъ былъ послѣднимъ изъ тѣхъ, которые, стремясь къ власти, прибѣгали въ храмъ и терпѣли за это наказаніе¹⁾. Былъ-ли сынъ Андроника послѣднимъ мятежникомъ при Исаакѣ только, или и во весь послѣдующій, описываемый Никитой, періодъ? Съ точки зрѣнія автора какъ будто выходитъ, что это былъ послѣдній изъ всѣхъ самозванцевъ, стремившихся низвергнуть Ангеловъ, по крайней мѣрѣ путемъ, указаннымъ самимъ Исаакомъ; тогда бы было возможно вывести заключеніе, что время Исаака описано Никитой послѣ паденія императоровъ изъ рода Ангеловъ: только имѣя передъ глазами всю исторію Ангеловъ, писатель могъ сказать, что данный случай — послѣдній, потому не повторявшійся. Но въ описаніи царствованія Алексѣя III, брата Исаакова, встрѣчаемся опять съ самозванцемъ изъ рода Комниновъ. Нѣкто Іоаннъ, по прозванію Толстый, достигаетъ царскаго титула тѣмъ же путемъ, что и упомянутый выше сынъ Андроника Комнина; обыкновенныхъ же заговорщиковъ и мятежниковъ было огромное число въ оба эти царствованія. Чтобы примирить это противорѣчіе, мы можемъ высказать два предположенія: либо исторія Исаака написана въ царствованіе Алексѣя Ангела, чѣмъ бы легко объяснилось и сочувствіе писателя къ этому несчастному, лишенному власти, ослѣпленному и, сравнительно съ Алексѣемъ, любезному для многихъ царю; либо одинъ случай покушенія на захватъ царской власти представляетъ вставку или путаницу. Есть нѣсколько и другихъ мѣстъ, доказывающихъ, что исторія Исаака писана въ царствованіе Алексѣя. Говоря о несчастномъ походѣ Исаака противъ болгаръ и сербовъ, когда византійскія войска попали въ тѣснины и большая часть ихъ была перебита, Никита упоминаетъ объ одномъ полководцѣ въ такихъ выраженіяхъ: „это былъ зять Алексѣя, позднѣе сдѣлавшагося царемъ“²⁾, т. е. зять того Алексѣя, который потомъ сдѣлался царемъ. Далѣе

¹⁾ р. 561. 2—6.

²⁾ р. 562. 12. ὁ Κομνηνὸς Ἰσαάκιος ὁ τοῦ βασιλεῦρος βασιλεύσαντος Ἀλεξίου γαμβρὸς ἐπὶ θυγατρὶ.

Исаакъ отличался особенною страстію къ постройкамъ; чтобы имѣть матеріаль для возведенія новыхъ зданій, онъ разобралъ нѣсколько церквей, стоявшихъ на берегу моря, и разрушилъ много прекрасныхъ домовъ въ самой столицѣ: „эти развалины до сихъ поръ представляютъ собою для проходящихъ достойное слезъ зрѣлище“, прибавляетъ Никита ¹⁾). Спрашиваемъ, могъ-ли онъ говорить такъ послѣ всѣхъ ужасовъ пожара, разрушенія и грабежа, постигшихъ Цареградъ въ 1204 г.? Тогда едва-ли обращали на себя вниманіе, тѣмъ менѣе могли вызвать слезы, развалины времени Исаака: онѣ должны были остаться незамѣтными передъ тѣмъ, что сдѣлали крестоносцы; въ царствованіе же Алексѣя III, дѣйствительно, разрушенія Исаака могли бросаться въ глаза. Продолжая рассказывать, къ какимъ неприличнымъ поступкамъ прибѣгалъ Исаакъ изъ страсти къ постройкамъ, въ особенности по украшенію созданнаго имъ храма въ честь Архангела Михаила, Никита упоминаетъ о слѣдующемъ ²⁾): онъ еще перенесъ въ этотъ храмъ мѣдныя двери, весьма высокія и широкія, которыя *прежде* замыкали входъ въ Большой дворецъ, а *въ наше время* запирали темницу, называемую Мѣдною. Если относить выраженіе „прежде“ ко времени самаго событія, тогда второе „въ наше время“ должно указывать на событія послѣ Исаака; если же допустить, что первое указываетъ на неопредѣленную давность, а второе на періодъ, современный писателю, тогда непонятна форма противоположенія. Думаемъ, что именно при Алексѣѣ III эти двери служили для государственной тюрьмы, потому что въ описаніи возмущенія, произведеннаго Алексѣемъ Лагомъ, Никита упоминаетъ опять о Мѣдной темницѣ; тогда, выраженіе въ наше время можно бы относить къ царствованію Алексѣя, когда писана исторія Исаака. Наконецъ, писатель не могъ такъ сочувственно говорить объ Исаакѣ, въ заключеніи исторіи его перваго царствованія, если бы имѣлъ передъ глазами и послѣдующее, вмѣстѣ съ сыномъ, правленіе его: „божественное провидѣніе, опредѣливъ низвергнуть этого человѣка, внушило ему благія дѣла и прекрасныя намѣренія, и въ самомъ паденіи сдѣлало его любезнымъ для очень многихъ“ ³⁾). Въ этихъ словахъ видна прощальная рѣчь съ несчастнымъ паремъ, которому не представляется въ будущемъ ничего отраднаго. Если бы Никита имѣлъ въ виду послѣдующее царствованіе Исаака, то онъ нашелъ бы чѣмъ

¹⁾ р. 581. 2—3.

²⁾ р. 582. 5—7.

³⁾ р. 587. 11—13, сравни 592. 12.

3. Въ царствованіе Исаака Ангела явилось много лицъ, желавшихъ лишить его власти и составлявшихъ довольно сильныя партіи; многочисленныя попытки этого рода дѣлали оставшіеся въ живыхъ Комнины. По поводу неудачной попытки одного изъ нихъ (сынъ Андроника Комнина, внука цесаревны Анны и Н. Врѣннія), Никита выражается такъ: онъ завершилъ собою эпоху мятежниковъ, ибо съ тѣхъ поръ никто не дерзалъ идти этимъ путемъ; и ранѣе: онъ былъ послѣднимъ изъ тѣхъ, которые, стремясь къ власти, прибѣгали въ храмъ и терпѣли за это наказаніе¹⁾. Былъ-ли сынъ Андроника послѣднимъ мятежникомъ при Исаакѣ только, или и во весь послѣдующій, описываемый Никитой, періодъ? Съ точки зрѣнія автора какъ будто выходитъ, что это былъ послѣдній изъ всѣхъ самозванцевъ, стремившихся низвергнуть Ангеловъ, по крайней мѣрѣ путемъ, указаннымъ самимъ Исаакомъ; тогда бы было возможно вывести заключеніе, что время Исаака описано Никитой послѣ паденія императоровъ изъ рода Ангеловъ: только имѣя передъ глазами всю исторію Ангеловъ, писатель могъ сказать, что данный случай — послѣдній, потомъ не повторившійся. Но въ описаніи царствованія Алексѣя III, брата Исаакова, встрѣчаемся опять съ самозванцемъ изъ рода Комниновъ. Нѣкто Іоаннь, по прозванію Толстый, достигаетъ царскаго титула тѣмъ же путемъ, что и упомянутый выше сынъ Андроника Комнина; обыкновенныхъ же заговорщиковъ и мятежниковъ было огромное число въ оба эти царствованія. Чтобы примирить это противорѣчіе, мы можемъ высказать два предположенія: либо исторія Исаака написана въ царствованіе Алексѣя Ангела, чѣмъ бы легко объяснилось и сочувствіе писателя къ этому несчастному, лишенному власти, ослѣпленному и, сравнительно съ Алексѣемъ, любезному для многихъ царю; либо одинъ случай покушенія на захватъ царской власти представляетъ вставку или путаницу. Есть нѣсколько и другихъ мѣстъ, доказывающихъ, что исторія Исаака писана въ царствованіе Алексѣя. Говоря о несчастномъ походѣ Исаака противъ болгаръ и сербовъ, когда византійскія войска попали въ тѣснины и большая часть ихъ была перебита, Никита упоминаетъ объ одномъ полководцѣ въ такихъ выраженіяхъ: „это былъ зять Алексѣя, позднѣе сдѣлавшагося царемъ“²⁾, т. е. зять того Алексѣя, который потомъ сдѣлался царемъ. Далѣе

¹⁾ р. 561. 2—6.

²⁾ р. 562. 12. ὁ Κομνηνός Ἰσαάκιος ὁ τοῦ ὕστερον βασιλεύσαντος Ἀλεξίου γαμβρὸς ἐπὶ θυγατρὶ.

Исаакъ отличался особенною страстію къ постройкамъ; чтобы имѣть матеріаль для возведенія новыхъ зданій, онъ разобралъ нѣсколько церквей, стоявшихъ на берегу моря, и разрушилъ много прекрасныхъ домовъ въ самой столицѣ: „эти развалины до сихъ поръ представляютъ собою для проходящихъ достойное слезъ зрѣлище“, прибавляетъ Никита ¹⁾. Спрашиваемъ, могъ-ли онъ говорить такъ послѣ всѣхъ ужасовъ пожара, разрушенія и грабежа, постигшихъ Цареградъ въ 1204 г.? Тогда едва-ли обращали на себя вниманіе, тѣмъ менѣе могли вызвать слезы, развалины времени Исаака: онѣ должны были остаться незамѣтными передъ тѣмъ, что сдѣлали крестоносцы; въ царствованіе же Алексѣя III, дѣйствительно, разрушенія Исаака могли бросаться въ глаза. Продолжая рассказывать, къ какимъ неприличнымъ поступкамъ прибѣгалъ Исаакъ изъ страсти къ постройкамъ, въ особенности по украшенію созданнаго имъ храма въ честь Архангела Михаила, Никита упоминаетъ о слѣдующемъ ²⁾: онъ еще перенесъ въ этотъ храмъ мѣдныя двери, весьма высокія и широкія, которыя *прежде* замыкали входъ въ Большой дворецъ, а *въ наше время* запирали темницу, называемую Мѣдною. Если относить выраженіе „прежде“ ко времени самаго событія, тогда второе „въ наше время“ должно указывать на событія послѣ Исаака; если же допустить, что первое указываетъ на неопредѣленную давность, а второе на періодъ, современный писателю, тогда непонятна форма противоположенія. Думаемъ, что именно при Алексѣѣ III эти двери служили для государственной тюрьмы, потому что въ описаніи возмущенія, произведеннаго Алексѣемъ Лагомъ, Никита упоминаетъ опять о Мѣдной темницѣ; тогда, выраженіе въ наше время можно бы относить къ царствованію Алексѣя, когда писана исторія Исаака. Наконецъ, писатель не могъ такъ сочувственно говорить объ Исаакѣ въ заключеніи исторіи его перваго царствованія, если бы имѣлъ передъ глазами и послѣдующее, вмѣстѣ съ сыномъ, правленіе его: „божественное провидѣніе, опредѣливъ низвергнуть этого человѣка, внушило ему благія дѣла и прекрасныя намѣренія, и въ самомъ наденіи сдѣлало его любезнымъ для очень многихъ“ ³⁾. Въ этихъ словахъ видна прощальная рѣчь съ несчастнымъ царемъ, которому не представляется въ будущемъ ничего отраднаго. Если бы Никита имѣлъ въ виду послѣдующее царствованіе Исаака, то онъ нашелъ бы чѣмъ

¹⁾ р. 581. 2—3.

²⁾ р. 582. 5—7.

³⁾ р. 587. 11—15, сравни 592. 12.

провергнуть и предвѣщаніе юродиваго Васильюшки, которому, однако, онъ долженъ былъ придать извѣстное значеніе, „потому что событія оказались въ довольно прямомъ соотвѣтствіи съ его предвѣщаніями“.

4. Чтò касается царствованія брата Исаака, Алексѣя Ангела-Комнина, по всей вѣроятности, если не все, то вторая часть его написана въ Никеѣ. Къ этому предположенію приводитъ форма, въ которой выражаются сужденія автора о современныхъ дѣлахъ. Такъ, объ императорѣ Алексѣѣ III говоритъ онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ¹⁾: „воцарившись, онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы должности не продавались за деньги, но раздавались бы даромъ и по заслугамъ. Въ сущности такое распоряженіе прекрасно и достойно удивленія: оно составляетъ охрану, основаніе и утвержденіе полезнаго правительства, и не нашлось бы *въ наше время* ни одного, кто не только могъ бы подражать, но даже и приблизиться къ этому образцу“. На чтò здѣсь указываетъ выраженіе „въ наше время“? Не на весь періодъ Комниновъ и Ангеловъ, современныхъ писателю, потому что у того же Никиты есть извѣстія о подобныхъ распоряженіяхъ, напр., императора Андроника²⁾. Это выраженіе не указываетъ и на періодъ послѣ паденія Цареграда, потому что тогда совсѣмъ уже измѣнился порядокъ жизни и не было явленій, которыя бы можно было сравнить съ явленіями жизни до 1204 г. Вѣроятнѣе предполагать, что первая часть царствованія Алексѣя написана еще въ Цареградѣ, около 1203 года. Намъ кажется возможнымъ, что между написаніемъ первой книги и четырехъ главъ второй, а также и остальныхъ частей исторіи Алексѣя, долженъ былъ пройти значительный промежутокъ времени³⁾.

Начиная съ 5 главы II книги, правленіе Алексѣя III, безъ сомнѣній, описано въ Никеѣ. Скорбное обращеніе къ византійской имперіи по поводу того обстоятельства, что царедворцы въ выборѣ преемника императору Алексѣю III руководились личными цѣлями и свой интересъ ставили выше общаго блага, можетъ оправдываться только тѣмъ, что тогда писатель дѣйствительно имѣлъ въ виду падшую имперію. Въ самомъ дѣлѣ, образъ прелестницы, продающей свои ласки

¹⁾ р. 638. 10—13.

²⁾ р. 422. 17.

³⁾ р. 653. 13. Для Никиты необыченъ такой способъ обозначенія—за цѣлое дѣяніе, если рассказъ ведется безъ перерывовъ: у него вѣдается фактъ съ столько больше по внутреннему соотвѣтствію, чѣмъ хронологически.

Божію, насланную на крестоносцевъ за ихъ жестокости и несправедливость. А какъ здѣсь рѣчь идетъ объ адрианопольскомъ пораженіи, понесенномъ латинянами отъ болгарскаго царя Іоанна, 14 апр. 1205 года, причеиъ былъ взятъ въ плѣнъ король Балдуицъ¹⁾; то можно догадываться, что исторія Никиты до *Urbs capta* написана еще ранѣе переселенія его въ Никею, можетъ быть, въ Силимвриі, чѣмъ и объясняется намеки его на свою бѣдную, скитальческую жизнь.

6. Затѣмъ, послѣдняя книга: царствованіе Балдуина, или о событіяхъ послѣ взятія столицы, безспорно, написана Никитою въ Никеѣ, даже, можетъ быть, значительно позже 1206 года. Спокойное отношеніе къ постигнутому отечествомъ бѣдствію, холодная разсудительность и отсутствіе страстности въ изложеніи, надежда на поворотъ обстоятельствъ въ пользу соотечественниковъ — все это доказываетъ, что Никита имѣлъ достаточно времени обдумать постигшія Византію несчастія и ознакомиться со средствами латинянъ. Нельзя опустить изъ виду и того, что, предпринимая продолженіе исторіи, писатель считаетъ за нужное кратко повторить все то, что ранѣе сказалъ онъ о цѣли движенія крестоносцевъ на Византію, а потомъ вставилъ повѣсть о собственныхъ приключеніяхъ²⁾. Такое повтореніе у писателя, не имѣющаго обыкновенія повторяться, можно объяснить только продолжительнымъ перерывомъ, отдѣляющимъ время написанія послѣдующей и предыдущей части исторіи.

7. Сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній относительно времени происхожденія книги „О статуяхъ“, приписываемой Никитѣ и вошедшей въ бониское изданіе³⁾. Эта книга имѣетъ свою исторію, отдѣльную отъ исторіи другихъ произведеній нашего писателя. Первые издатели относились къ ней осторожнѣе, чѣмъ послѣдующіе; сомнѣваясь въ принадлежности книги о статуяхъ перу Никиты, они не соединили ее съ исторіей. Но книга о статуяхъ находится въ одной и той же рукописи съ произведеніями, несомнѣнно принадлежащими Никитѣ, по этому трудно было доказывать и ея подложность⁴⁾. Въ бодлейанской рукописи (*codex Bodlejanus*), относимой Вилькеномъ къ XIV вѣку, на ряду съ другими богословскими и юридическими сочиненіями Никиты,

¹⁾ p. 814. 4, 815. 14—15.

²⁾ p. 775. 2—5, 776 и далѣе.

³⁾ *Τὸ αὐτὸ μακαρίου κυρίου Νικήτα... περὶ Κωνσταντινουπόλεως*, p. 854—868.

⁴⁾ Fabricius, *Bibliotheca Graeca* VII. p. 741—742 ed. Hamburg.; Wilken, *Nicetae Acom. Chonatae narratio de statu antiquis*, Lipsiae 1830.

нать и радостно приблизиться къ тебѣ, какъ къ матери... но боязливо носимся вокругъ тебя какъ воробьи, у которыхъ поймана мать и разворено гнѣздо, издаемъ скорбные и жалобные вопли, будучи удалены отъ твоихъ объятій, подвергаясь голоду и жадѣ, зною и холоду, вынося бѣдствія и мучась душевной скорбію; мы уже не находимъ пути къ нашему жилищу и блуждаемъ, какъ перелетныя птицы или планеты". Не мѣшаетъ замѣтить, что живя въ Никеи, при дворѣ Θ . Ласкариса, и пользуясь значительнымъ почетомъ, Никита едва ли могъ такъ говорить о своемъ положеніи. Не отрицая того, что конецъ исторіи написанъ въ изгнаніи, мы укажемъ только, что исторія царствованія Дуки, по написанію, отдѣляется нѣкоторымъ промежуткомъ отъ того времени, когда составлена исторія Балдуина, имѣющая въ боннскомъ изданіи заголовокъ: *Urbs capta*. Въ заключеніи главы ¹⁾ объ А. Дукѣ, мы встрѣчаемъ слѣдующее отступленіе: „Но я не могу болѣе говорить.... Итакъ, ограничимъ скорбные вопли глухими слезами и сдержанными вздохами, и оставимъ дальнѣйшее продолженіе исторіи! Кто осмѣлится, въ самомъ дѣлѣ, вызывать музыкальные тоны въ странѣ, которая уже стала чужда словеснымъ произведеніямъ и сдѣлалась въ концѣ варварскою? Нѣтъ, я не рѣшуся воспѣвать дѣла варваровъ и не буду передавать потомству военныхъ дѣлъ, въ которыхъ одерживаютъ верхъ не греки!... Какъ я могу исторію, это прекраснѣйшее произведеніе и лучшее изобрѣтеніе греческаго духа, посвятить на описаніе побѣдъ варваровъ надъ греками? Пусть же они безславно и безвѣстно погибнутъ, не удостоившись сочувственнаго обращенія отъ насъ, какъ тотъ, сожегшій храмъ Діаны Ефесской...“

Но Никита не остановился на описаніи событій 1204 года, т. е. не кончилъ исторіи царствованіемъ Алексѣя Дуки, какъ было рѣшено сначала. Скоро онъ нашель возможнымъ и продолжать исторію, и не быть при этомъ пѣвцемъ дѣлъ варварскихъ ²⁾. „Мы отказались было описывать дѣла варваровъ; но Богъ посрамилъ премудрыхъ въ мудрости ихъ, поразилъ во множествѣ высокоумныхъ, лица ихъ исполнилъ безчестіемъ и предалъ на погибель народамъ, которые еще грубѣе ихъ самихъ — поэтому можно и намъ положить конецъ молчанію, чтобы исповѣдать дивныя дѣла Божіа“. Ясно, что рѣшеніе отказаться отъ продолженія исторіи принято было ранѣе того событія, которое измѣнило положеніе латинянъ и въ которомъ Никита видѣлъ казнь

¹⁾ р. 767. 11, 768.

²⁾ р. 774. 1—9.

на положеніе Византіи и отношеніе ея къ западу. Какъ, напр., объяснить слѣдующія слова: съ перваго шагу обнаруживая языческую страсть сребролюбія, латиняне изобрѣтають странный способъ грабежа, какаго еще не приходило на умъ ни одному изъ всѣхъ враговъ, грабившихъ царственный городъ¹⁾. Здѣсь дѣло идетъ о похищеніи сокровищъ изъ царскихъ гробницъ; но мы не знаемъ, когда Цареградъ подвергнулся разграбленію, за исключеніемъ 1204 и 1453 гг. Если же разумѣть здѣсь грабежъ не иноземныхъ враговъ, а отобраніе церковныхъ и гробничныхъ украшеній на государственныя потребности, что дѣлалось въ Византіи при многихъ императорахъ и чего Никита не скрываетъ въ своей исторіи, то не было ему нужды называть вскрытіе царскихъ усыпальницъ и отобраніе украшеній изъ нихъ дѣломъ новымъ и доселѣ не извѣстнымъ. Мы думаемъ, что этотъ отрывокъ явился уже послѣ Никиты, и составитель его имѣлъ передъ глазами разграбленіе Цареграда войсками Магомета II; въ сравненіи съ этимъ послѣднимъ грабежемъ 1453 г., латинскій, по сознанію многихъ, дѣйствительно отличался изысканностію и бѣльшею жестокостію.

Признаки позднѣйшаго времени являются еще въ описаніи статуи Анемодуліи или вѣтроуказательницы²⁾. Во 1-хъ, упоминая объ этой статуѣ въ исторіи, Никита совсѣмъ не соединяетъ съ нею тѣхъ преданій, которыя ходили объ ней въ народѣ³⁾, по мнѣнію составителя отрывка; а замѣтимъ, что Никита никогда не опускаетъ изъ виду молву, преданія и народныя суевѣрія. Во 2-хъ, въ признакахъ мѣдной куклы, которая найдена подъ копытомъ коня, трудно указать черты латинянина: самъ составитель не знаетъ, что такое было; по мнѣнію однихъ—венеціянецъ, по другимъ—другой иноземецъ, можетъ быть болгаринъ. Ужели въ началѣ XIII в. молва могла двонуться на этотъ счетъ, ужели можно было сомнѣваться, что подъ копытомъ у коня заключено было изображеніе не самаго сильнаго врага Византіи? Замѣчательно, что Никита ни разу въ исторіи не называетъ

μερῶν τῶν βορείων, ἃ δ' ἐκ τῶν νοτίων κατ' ἐξαιρίαν τινὰ καὶ μὴ αὐτόματον συνδρομὴν εἰς ἓνα συνελήλυθῶτα χώρον ἀλλήλοις συνέρραξαν; переписчикъ или справщикъ сдѣлалъ при этомъ слѣдующую вставку: τὰ μὲν ἀπὸ τῆς δύσεως ἐρχόμενα, τὰ δὲ ἐξ ἀνατολῆς, и побѣда одержана надъ... τὰς ἐξ ἀνατολῶν κορώνας.

¹⁾ p. 855. 13.

²⁾ p. 858, ср. 432.

³⁾ p. 858. ο. ἀλλὰ καὶ φήμη παλαιφατος εἰς ἡμᾶς διαβαίνουσα τοῖς τῶν ἀπάντων ἐνέκειτο στόμασιν...

находится и его Thesaurus. Въ концѣ этого сочиненія, л. 423, безъ особаго оглавленія, начинается разсказъ о паденіи Цареграда подъ ударами крестоноснаго ополченія, раздѣленный на двѣ книги: первая книга—'Αλλά μέχρι μὲν δὴ τούτων εὐδρομος ἡμῖν ὁ λόγος¹⁾ заключаетъ въ себѣ событія царствованій Алексѣя III, Исаака и сына его Алексѣя IV, Алексѣя Дуки Мурцуфла; вторая имѣетъ надписаніе—τόμος δεύτερος и начинается со словъ: Εἶχε μὲν δὴ οὕτω ταῦτα καὶ ἡ Κωνσταντινοῦ καλλιπόλις²⁾ и заключаетъ въ себѣ тѣ извѣстія, которыя помѣщены въ исторіи Никиты подъ надписаніемъ Urbs capta. На концѣ этого отдѣла, послѣ словъ: Ἴνα δὲ μὴ μακροτέρα τῇ ιστορίᾳ χροῖμενοι—начинается отрывокъ о прибытіи въ Цареградъ патріарха Θομῆ и потомъ о статуяхъ. Въ боннскомъ изданіи въ первый разъ отрывокъ этотъ отнесенъ безъ оговорки къ несомнѣннымъ произведеніямъ Никиты³⁾. Значительная часть содержанія этого отрывка есть повтореніе фактовъ, разбросанныхъ въ исторіи, при томъ съ тѣми же самыми разночтеніями, которыя встрѣчаются и въ текстѣ исторіи. Представляя во всякомъ случаѣ искусное распространеніе или сокращеніе исторіи, отрывокъ этотъ можетъ возбуждать сомнѣніе не только въ точной принадлежности его перу, но даже и времени Никиты⁴⁾. Признакомъ позднѣйшаго происхожденія отрывка служитъ не только разночтеніе рукописей по поводу воззрѣнія на страны, откуда появились грачи и вороны, предвѣщавшіе набѣгъ враговъ, хотя и это одно указаніе даетъ понять, что во время происхожденія отрывка грозили опасные враги не со стороны латинскаго запада, но турецкаго востока⁵⁾; но такъ же и мировоззрѣніе автора, взглядъ его

¹⁾ Nicetas, p. 710.

²⁾ p. 774 ap. Nic.

³⁾ Другія изданія: Bandurii, Imperium Orientale I; Wilken, Geschichte V; отдѣльно Вилькеномъ въ 1830 г. въ Лейпцигѣ: Nic. Ac. Ch. narratio de statuis.

⁴⁾ Никиты Хониата Исторія, переводъ подъ редакціей профессоровъ Спб. Дух. Академіи, Долоцкого и Чельцова, 1860—1862 гг. Въ II части перевода, стр. 426, въ примѣчаніи, указаны нѣкоторыя соображенія, по которымъ этотъ отрывокъ нельзя приписать Никитѣ. Соглашаясь съ тѣмъ, что тутъ высказано, за исключеніемъ не вполнѣ справедливыхъ соображеній объ языкѣ Никиты, прибавимъ еще нѣсколько доказательствъ на то, что отрывокъ о статуяхъ нельзя приписывать автору исторіи.

⁵⁾ Вотъ это мѣсто. Говоря о страшномъ набѣгѣ кочевниковъ на византійскія области, Никита передаетъ одно чудесное событіе, въ которомъ современники его видѣли предвѣщаніе этого набѣга—p. 840: πρὸ δὲ τῆς ἐπιδρομῆς τῆσδε τῆς Σκοπιῆς; περὶ τὰ Θρακικὰ πεδία κορώνων καὶ κοράκων στρατόπεδα, ἃ μὲν ἀπὸ

на положеніе Византіи и отношеніе ея къ западу. Какъ, напр., объяснить слѣдующія слова: съ перваго шагу обнаруживая языческую страсть сребролюбія, латиняне избобрѣтають странный способъ грабежа, какаго еще не приходило на умъ ни одному изъ всѣхъ враговъ, грабившихъ царствеванный городъ¹⁾. Здѣсь дѣло идетъ о похищеніи сокровищъ изъ царскихъ гробницъ; но мы не знаемъ, когда Цареградъ подвергался разграбленію, за исключеніемъ 1204 и 1453 гг. Если же разумѣть здѣсь грабежъ не иноземныхъ враговъ, а отобраніе церковныхъ и гробничныхъ украшеній на государственныя потребности, что дѣлалось въ Византіи при многихъ императорахъ и чего Никита не скрываетъ въ своей исторіи, то не было ему нужды называть вскрытіе царскихъ усыпальницъ и отобраніе украшеній изъ нихъ дѣломъ новымъ и доселѣ не извѣстнымъ. Мы думаемъ, что этотъ отрывокъ явился уже послѣ Никиты, и составитель его имѣлъ передъ глазами разграбленіе Цареграда войсками Магомета II; въ сравненіи съ этимъ послѣднимъ грабежемъ 1453 г., латинскій, по сознанию многихъ, дѣйствительно отличался изысканностію и большою жестокостію.

Признаки позднѣйшаго времени являются еще въ описаніи статуи Анемодуліи или вѣтроуказательницы²⁾. Во 1-хъ, упоминая объ этой статуѣ въ исторіи, Никита совсѣмъ не соединяетъ съ нею тѣхъ преданій, которыя ходили объ ней въ народѣ³⁾, по мнѣнію составителя отрывка; а замѣтимъ, что Никита никогда не опускаетъ изъ виду молву, преданія и народныя суевѣрія. Во 2-хъ, въ признакахъ мѣдной куклы, которая найдена подъ копытомъ коня, трудно указать черты латинянина; самъ составитель не знаетъ, что такое было: по мнѣнію однихъ—венеціанецъ, по другимъ—другой иноземецъ, можетъ быть болгаринъ. Ужели въ началѣ XIII в. молва могла двояться на этотъ счетъ, ужели можно было сомнѣваться, что подъ копытомъ у коня заключено было изображеніе не самаго сильнаго врага Византіи? Замѣчательно, что Никита ни разу въ исторіи не называетъ

μερῶν τῶν βορείων, ἃ εἶ ἐκ τῶν νοτίων κατ' ἐξαισίαν τινὰ καὶ μὴ αὐτόματον συνδρομὴν εἰς ἓνα συνεληλυθότα χώρον ἀλλήλοισι συνέρραξαν; переписчикъ или справщикъ сдѣлалъ при этомъ слѣдующую вставку: τὰ μὲν ἀπὸ τῆς δύσεως ἐρχόμενα, τὰ δὲ ἐξ ἀνατολῆς, и побѣда одержана надъ... τὰς ἐξ ἀνατολῶν κορώνας.

¹⁾ p. 855. 12.

²⁾ p. 858, ep. 432.

³⁾ p. 858. 6. ἀλλὰ καὶ φήμη παλαιφατος εἰς ἡμᾶς διαβαίνουσα τοῖς τῶν ἀπάντων ἐνέχευτο στόμασιν...

жителей болгаріи болгарами, какъ это сдѣлано въ отрывкѣ, но всегда сербами и валахами; припомнимъ, что изображеніе представляется покрытымъ шерстяной тканью; что множество пророчествъ и преданій о судьбѣ Цареграда появляется уже послѣ XIII вѣка. Еще признакъ позднѣйшаго времени въ отрывкѣ. Описавъ статую, которая изображаетъ борьбу двухъ животныхъ, составитель отрывка дѣлаетъ такой выводъ: мнѣ приходитъ на умъ, что подобнаго рода взаимное самоубиеніе и борьбу на смерть представляютъ не однѣ статуи и что подобное встрѣчается не въ жизни только дикихъ звѣрей. Не то же ли самое находимъ мы часто у народовъ, которые поработили насъ, римлянъ: они истребляютъ другъ друга и сами гибнутъ по волѣ Христа ¹⁾.... Едва-ли можно указать въ исторіи латинянъ начала XIII в. явленія, которыя бы могли оправдывать приведенныя слова составителя отрывка; но позже могли такъ рассуждать византійцы, особенно къ концу XIII вѣка. Поэтому, мы думаемъ, что отрывокъ о статуяхъ не принадлежитъ Никитѣ.

Способъ изложенія. Рѣчи.

Разсказъ Никиты разнообразится тѣмъ, что въ него вводятся рѣчи, письма и разговоры, которые придаютъ иногда повѣствованію высокую степень драматизма: выводимыя лица на глазахъ читателя спорятъ между собою, интригуютъ, составляютъ планы, падаютъ и побѣждаютъ; сочувствіе или несочувствіе писателя придаетъ этой борьбѣ смыслъ и необходимость. Изложеніе отличается отсутствіемъ хронологическихъ данныхъ, условными, усвоенными отъ древнихъ писателей, переходами и заключеніями каждаго отдѣла извѣстій. Тамъ, гдѣ Никита не имѣетъ подъ собою исторической почвы, т. е. точнаго знанія дѣла, всего чаще прибѣгаетъ къ фразѣ, недомолвкамъ и намекамъ. Взгляды современниковъ имѣютъ значительное вліяніе и на его приговоры; быстро расходящаяся народная молва всегда имѣетъ за собой долю истины: прислушиваясь къ народному говору, Никита часто приводитъ пословицы и поговорки, заимствованныя прямо изъ употребленія.

Рѣчи дѣйствующихъ лицъ для Никиты составляютъ не предметъ необходимости, а вызываются риторическими требованіями. Рѣчи употребляются имъ въ исторіи для того, чтобы или высказать свое лич-

¹⁾ p. 868.

Никита и самъ говорить, что онъ передана лишь приблизительно ¹⁾. При вступленіи Алексѣя III на престоль, византійцы ожидали перемены въ политическихъ дѣлахъ, потому что онъ пользовался славой хорошаго полководца. Даже изъ сосѣднихъ славянскихъ земель, по словамъ Никиты, приостановлены были набѣги на имперскія области изъ опасенія сильнаго отпора со стороны Византіи. Собственное мнѣніе о новомъ императорѣ Никита выражаетъ посредствомъ рѣчи, приписанной Асеню. Что эта рѣчь именно выражаетъ личныя воззрѣнія писателя, мы видимъ изъ слѣдующаго: 1) разсужденіе о народной *молетъ*, которая быстро разноситъ славу о дѣлахъ челоуѣка — соотвѣтствуетъ мнѣніямъ писателя объ этомъ, высказаннымъ въ другихъ мѣстахъ исторіи; 2) Асень говоритъ о своихъ войнахъ съ византійцами, называя ихъ набѣгомъ, убійствомъ, грабежемъ и т. п., то есть почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и Никита; 3) Асень предпочитаетъ Алексѣю Исаака, выражая эту мысль образной рѣчью, свойственною Никитѣ; 4) наконецъ, въ рѣчи проводится мысль Никиты, что имперія не способна удержаться противъ сильнаго напора врага ²⁾. Принимая пословъ германскаго императора и желая подѣйствовать на нихъ богатствомъ и роскошью двора, императоръ Алексѣй III приказалъ придворнымъ явиться въ лучшихъ украшеніяхъ и самъ явился передъ послами богатствомъ одежды. Никита дѣлаетъ намекъ на бесполезность этой мѣры, влагая нѣмецкимъ посламъ рѣчь противъ женоподобныхъ византійцевъ ³⁾. Не будемъ далѣе слѣдить за рѣчами Никиты; можно замѣтить, что почти всѣ онѣ выражаютъ личныя воззрѣнія писателя и составляютъ для него средство ораторское — лучше выставить положеніе партій, картиннѣ обозначить отношеніе между лицами и придать произведенію своему интересъ и легкость.

Сообщая въ своемъ повѣствованіи цѣлыя разговоры, анекдоты и приводя собственные слова дѣйствующихъ лицъ, Никита достигаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высокой степени драматизма и одушевленія. Царица Ирина посылаетъ рѣзкій упрекъ умирающему Алексѣю I въ такой формѣ: „О, мужъ! и при жизни ты отличался многообразнымъ коварствомъ, говоря не то, что думаешь, да и теперь, разставаясь съ жиз-

¹⁾ р. 424—425, 312.1.

²⁾ Nicet, р. 613—615; сравни р. 621.6 — ропотъ византійскаго войска на своихъ предводителей.

³⁾ р. 629; 668 ср. мысль автора, выраженную въ формѣ рѣчи царедворцевъ; также р. 676.

вію, не зміняєш своєму обычному праву!¹⁾ Севастократору Исааку, обойденному царемъ Іоанномъ въ престолонаслѣдіи, приписуються такія слова: „умеръ перворожденный братъ Алексѣй, наслѣдникъ отеческой власти, за нимъ послѣдовалъ и другой братъ Андроникъ, сопровождавшій моремъ тѣло старшаго брата; теперь на меня перейдетъ царская власть, и я по наслѣдственному праву получу господство“. Но напрасно измышлялъ онъ такъ и напѣвалъ подобно птѣчкѣ, попавшей въ силокъ, прибавляеть Никита. Венеціянцы, желая осмѣять Мануила, нарядили въ царскія одежды одного чернокожаго и величали его царемъ, дѣлая тѣмъ намекъ на темный цвѣтъ лица императора Мануила. Когда упрекали Андроника въ беззаконномъ сожителствѣ съ двоюродной племянницей (Евдокія, дочь Андроника), онъ въ шутку говорилъ, что подданные должны подражать своему государю, и что люди, близкіе между собою по родству, всегда имѣють и нравственное сходство, чѣмъ намекалъ онъ на беззаконную связь Мануила съ родной племянницей²⁾. Къ числу анекдотовъ относится разсказъ о странномъ пари, состоявшемся между Мануиломъ и дромологооетомъ, по которому послѣдній взялся выпить огромный сосудъ воды; о Склирѣ, который чарами приворожилъ къ себѣ одну дѣвицу и заставилъ горшечника перебить свои глиняныя издѣлія; о воинѣ, порицавшемъ Мануила, что писателю даетъ случай приравнять этого царя къ Давиду, котораго порицалъ Семей³⁾. Образъ царя Андроника особенно ярко обрисованъ тѣмъ, что во многихъ мѣстахъ приведены дословно его собственныя выраженія⁴⁾ — изъ разговоровъ, предписаній, распоряженій и писемъ.

Исаакъ Ангелъ, отличавшійся распущенностію и бездѣятельностію, подчинившійся вліянію духовенства, характеризуется у Никиты весьма мѣткими чертами. Однажды приходитъ къ нему цесарь Конрадъ и застаеть его за обѣдомъ. Между ними происходитъ слѣдующій разговоръ, передаваемый Никитой. Цесарь сказалъ царю, вздохнувши: „Вотъ бы такъ тебѣ заботиться о текущихъ военныхъ дѣлахъ, какъ усердно прилагаешь стараніе къ приносимымъ блюдамъ и тщательно опоражниваешь ихъ!“ — Царь покраснѣлъ при этихъ словахъ, сдѣлалъ принужденную улыбку и, взявъ цесаря за тогу, проговорилъ:

¹⁾ p. 11. 19.

²⁾ Nicet, p. 66. 12, 115. 5, 136.

³⁾ Nicet. p. 149, 192, 242—243.

⁴⁾ p. 329, 331, 344, 372. 7, 424, 430. 12, 448. 20.

Никита и самъ говорить, что онъ переданъ лишь приблизительно ¹⁾. При вступленіи Алексѣя III на престоль, византійцы ожидали перемѣны въ политическихъ дѣлахъ, потому что онъ пользовался славой хорошаго полководца. Даже изъ сосѣднихъ славянскихъ земель, по словамъ Никиты, приостановлены были набѣги на имперскія области изъ опасенія сильнаго отпора со стороны Византіи. Собственное мнѣніе о новомъ императорѣ Никита выражаетъ посредствомъ рѣчи, приписанной Асеню. Что эта рѣчь именно выражаетъ личныя воззрѣнія писателя, мы видимъ изъ слѣдующаго: 1) разсужденіе о народной *молвь*, которая быстро разноситъ славу о дѣлахъ челоуѣка — соотвѣтствуетъ мнѣніямъ писателя объ этомъ, высказаннымъ въ другихъ мѣстахъ исторіи; 2) Асень говорить о своихъ войнахъ съ византійцами, называя ихъ набѣгомъ, убійствомъ, грабежемъ и т. п., то есть почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и Никита; 3) Асень предпочитаетъ Алексѣю Исаака, выражая эту мысль образной рѣчью, свойственною Никитѣ; 4) наконецъ, въ рѣчи проводится мысль Никиты, что имперія не способна удержаться противъ сильнаго напора врага ²⁾. Принимая пословъ германскаго императора и желая подѣйствовать на нихъ богатствомъ и роскошью двора, императоръ Алексѣй III приказалъ придворнымъ явиться въ лучшихъ украшеніяхъ и самъ явился передъ послами богатствомъ одежды. Никита дѣлаетъ намекъ на бесполезность этой мѣры, влагая нѣмецкимъ посламъ рѣчь противъ женоподобныхъ византійцевъ ³⁾. Не будемъ далѣе слѣдить за рѣчами Никиты; можно замѣтить, что почти всѣ онѣ выражаютъ личныя воззрѣнія писателя и составляютъ для него средство ораторское — лучше выставить положеніе партій, картиннѣе обозначить отношеніе между лицами и придать произведенію своему интересъ и легкость.

Сообщая въ своемъ повѣствованіи цѣлыя разговоры, анекдоты и приводя собственныя слова дѣйствующихъ лицъ, Никита достигаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высокой степени драматизма и одушевленія. Царица Ирина посылаетъ рѣзкій упрекъ умирающему Алексѣю I въ такой формѣ: „О, мужъ! и при жизни ты отличался многообразнымъ коварствомъ, говоря не то, что думаешь, да и теперь, разставаясь съ жиз-

¹⁾ р. 424—425, 312. 1.

²⁾ Nicet, р. 613—615; сравни р. 621. 6 — ропотъ византійскаго войска на своихъ предводителей.

³⁾ р. 629; 668 ср. мысль автора, выраженную въ формѣ рѣчи царедворцевъ; также р. 676.

нію, не измѣняешь своему обычному праву!¹⁾). Севастократору Исааку, обоюденному царемъ Іоанномъ въ престолонаслѣдіи, приписываются такія слова: „умеръ перворожденный братъ Алексѣй, наслѣдникъ отеческой власти, за нимъ послѣдовалъ и другой братъ Андроникъ, сопровождавшій моремъ тѣло старшаго брата; теперь на меня перейдетъ царская власть, и я по наслѣдственному праву получу господство“. Но напрасно измышлялъ онъ такъ и напѣвалъ подобно птвичкѣ, попавшей въ силокъ, прибавляетъ Никита. Венеціянцы, желая осмѣять Мануила, нарядили въ царскія одежды одного чернокожаго и величали его царемъ, дѣлая тѣмъ намекъ на темный цвѣтъ лица императора Мануила. Когда упрекали Андроника въ беззаконномъ сожителствѣ съ двоюродной племянницей (Евдокія, дочь Андроника), онъ въ шутку говорилъ, что подданные должны подражать своему государю, и что люди, близкіе между собою по родству, всегда имѣютъ и нравственное сходство, чѣмъ намекалъ онъ на беззаконную связь Мануила съ родной племянницей²⁾). Къ числу анекдотовъ относится разсказъ о странномъ пари, состоявшемся между Мануиломъ и дромологоеетомъ, по которому послѣдній взялся выпить огромный сосудъ воды; о Склярѣ, который чарами приворожилъ къ себѣ одну дѣвицу и заставилъ горшечника перебить свои глиняныя издѣлія; о воинѣ, порицавшемъ Мануила, что писателю даетъ случай приравнять этого царя къ Давиду, котораго порицалъ Семей³⁾). Образъ царя Андроника особенно ярко обрисованъ тѣмъ, что во многихъ мѣстахъ приведены дословно его собственныя выраженія⁴⁾) — изъ разговоровъ, предписаній, распоряженій и писемъ.

Исаакъ Ангелъ, отличавшійся распушенностію и бездѣятельностію, подчинившійся вліянію духовенства, характеризуется у Никиты весьма мѣткими чертами. Однажды приходитъ къ нему цесарь Конрадъ и застаётъ его за обѣдомъ. Между ними происходитъ слѣдующій разговоръ, передаваемый Никитой. Цесарь сказалъ царю, вздохнувши: „Вотъ бы такъ тебѣ заботиться о текущихъ военныхъ дѣлахъ, какъ усердно прилагаешь стараніе къ приносимымъ блюдамъ и тщательно опоражниваешь ихъ!“ — Царь покраснѣлъ при этихъ словахъ, сдѣлалъ принужденную улыбку и, взявъ цесаря за тогу, проговорилъ:

¹⁾ р. 11. 19.

²⁾ Nicet, p. 66. 12, 115. 5, 136.

³⁾ Nicet. p. 149, 192, 242—243.

⁴⁾ р. 329, 331, 344, 372. 7, 424, 430. 12, 448. 20.

— „Полно тебѣ, найдемъ время и для войны и для обѣда!“¹⁾ Когда Алексѣй Врана замѣтилъ, что его войска уступаютъ поле сраженія царскому ополченію, онъ крикнулъ громко и звучно: „стойте, римляне! Ужели мы не выстоимъ противъ этой горсти? Я первый бросаюсь на непріятели!“²⁾ Печальная судьба, постигшая Алексѣя Врану, передана авторомъ съ замѣчательнымъ талантомъ; тутъ картина не выдумана, а списана съ дѣйствительности. Царь задаетъ торжественный пиръ по случаю пораженія врага и открываетъ всѣ входы во дворецъ. Въ концѣ обѣда принесена голова Враны и брошена на полъ: „она имѣла искривленный ротъ и сомкнутые глаза. Послѣ обѣда начали ея потѣшаться, какъ мячикомъ, катая и перекидывая по разнымъ направлениямъ“. Наконецъ, показали эту голову супругѣ несчастнаго и спросили: „узнаетъ ли она, чья это голова?“ Она бросила взоры на это жалкое, горькое и неожиданное зрѣлище и отвѣчала: „знаю и сокрушаюсь объ моемъ несчастіи“. И далѣе прибавляетъ Никита, что это была прекрасная женщина: царь Мануиль называлъ ее цвѣткомъ между всѣми тогдашними женщинами³⁾.

Во время III крестоваго похода послы германскаго императора недружелюбно были приняты въ Византію, имъ даже не было предложено мѣста, когда они представлялись императору. Оскорбленный этимъ, Фридрихъ поступилъ слѣдующимъ образомъ съ византійскими послами: принимая ихъ, „онъ посадилъ съ собою не только самихъ пословъ, но и прислугу, не допустивъ стоять на ногахъ ни поваровъ, ни конюховъ. Когда ему замѣтили, что непристойно прислугѣ сидѣть въ присутствіи короля, онъ не отказался отъ своего распоряженія, но, противъ воли, посадилъ прислугу съ господами. Онъ дѣлалъ такъ въ насмѣшку надъ византійцами, желая показать, что они не дѣлаютъ отличія ни доблестямъ, ни происхожденію человѣка; но какъ пастухи загоняютъ въ одинъ хлѣвъ всѣхъ свиней..., такъ и они всѣхъ мѣряютъ по одной мѣркѣ“⁴⁾. Оставляя потомъ своего сына и епископовъ въ Филиппополѣ, Фридрихъ сказалъ имъ: „вамъ нужно отдохнуть здѣсь, порасправьте свои ноги, отекишія отъ долгой стоянки передъ греческимъ царемъ!“ Къ подобнаго же рода живымъ мѣстамъ изложенія исторіи относятся каламбуръ шута Исаака, сказанный имъ

¹⁾ р. 500.

²⁾ р. 504. 17.

³⁾ р. 507.

⁴⁾ р. 537.

на царскомъ пиру, въ присутствіи знатныхъ лицъ обоого пола¹⁾. Сдѣлаемъ общее замѣчаніе: Никита тщательно избѣгаетъ сухаго изложенія и передачи голыхъ фактовъ; опытность, знаніе, литературное образованіе и любовь къ предмету придаютъ его изложенію живой интересъ и увлекательность.

Источники Никиты.

Наиболѣе трудные вопросы при изученіи писателя — источники и хронологія — въ нашемъ изслѣдованіи почти не затронуты. Сознвая всю отвѣтственность за это опущеніе и ожидая себѣ справедливыхъ упрековъ, авторъ считаетъ нужнымъ предпослать нѣсколько замѣчаній. Византійскіе писатели рѣдко сообщаютъ источники, изъ которыхъ они черпали свои извѣстія: въ болѣе части случаевъ изслѣдователю приходится вѣрить имъ на слово. Не утверждаемъ, что нѣтъ надежды достигнуть въ византійской исторіи той же ясности, полноты и точности, какими увѣнчались, напр., труды по средневѣковой исторіи франковъ и германцевъ, но не можемъ скрывать, что эта надежда осуществится не въ близкомъ будущемъ. Для исторіи Византіи не достааетъ еще необходимыхъ подготовительныхъ работъ. Такія предпріятія, какъ изданіе памятниковъ съ критическимъ объясненіемъ текста ихъ, снесеніе или распредѣленіе по группамъ извѣстій византійскихъ писателей, и не говоримъ уже сравненіе ихъ съ современными имъ западными историками, но хотя бы показаніе взаимной связи или разнорѣчій между ними самими, — такія предпріятія требуютъ не единичныхъ силъ, осуществляются не частнымъ трудомъ, а организуются учеными обществами. Пока не приложено коллективного труда къ исторіи Византіи, отдѣльныя попытки ея изученія рѣдко могутъ достигать значительныхъ успѣховъ; въ научномъ отношеніи несомнѣнно болшую пользу принесетъ тотъ, кто ограничится возможно тѣсными предѣлами какого-нибудь періода или одного событія. И для критической оцѣнки Никиты требуется рядъ отдѣльныхъ изслѣдованій или экскурсовъ по разнымъ вопросамъ, которыхъ касается его исторія. Мы даже думаемъ, что этимъ бы слѣдовало начать предварительныя работы къ монографіи объ Никитѣ; тогда по-

¹⁾ р. 580. 2—10; ἐνέγκατέ μοι ἄλας—подайте мнѣ соли, сказала Исаакъ. Шутъ, осматривая женщинъ, замѣтилъ: γνωσόμεθα πρότως ταύτας, ὃ βασιλεὺς εἶθ' οὕτως ἄλλας εἰσανευθῆναι χέλευσον.

слѣдняя представляла бы въ себѣ болѣе законченности, полноты, а слѣдовательно, и научнаго достоинства. Но осуществленіе подобной задачи было выше нашихъ силъ, а также не подходило подъ условія времени, которымъ мы располагали.

Какими источниками пользовался Никита, когда писалъ свою исторію; какъ относиться къ его извѣстіямъ; всѣ ли онѣ заслуживаютъ полнаго довѣрія, или нѣтъ? Какъ ни важно разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ относительно всякаго историческаго произведенія, признаемся, мы почти уклонились отъ прямого отвѣта на нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ провѣрять свидѣтельское показаніе, когда, кромѣ его одного, не представляется другихъ свидѣтелей факта? Внутренней критикой его, анализомъ частей показанія, взаимнымъ соответствіемъ ихъ? Все это мы и пытались сдѣлать въ предыдущихъ главахъ изслѣдованія, остановившись на характеристикѣ писателя и на его методѣ. Но это не единственный путь для критической опѣнки извѣстій Никиты, по крайней мѣрѣ, онъ оставляетъ за собою широкое поле дополнительныхъ разысканій, догадокъ и предположеній. Поищемъ, нѣтъ-ли писателей, которые касались въ своихъ произведеніяхъ той же эпохи, которую описываетъ Никита?—Объ І. Комнинѣ и Мануилѣ мы имѣемъ исторію Киннама, современника и приближеннаго секретаря или нотарія императора Мануила. Такъ какъ Киннамъ стоитъ ближе къ царствованію Іоанна и былъ очевидцемъ событій времени Мануила, а Никита лишь началъ службу при преемникѣ Мануила, то понятно, что провѣрка послѣдняго первымъ не только имѣетъ за себя полное оправданіе, но и составляетъ настоятельную необходимость. Прибавимъ, что текстъ Киннама снабженъ превосходнымъ комментариемъ Дюканжа, лучшаго знатока византийской исторіи¹⁾. Далѣе, при всей осторожности, разъ Никита упоминалъ объ одномъ сочиненіи, въ которомъ подробности излагаются обстоятельства сицилійской войны 1185—1187 гг., чѣмъ въ его исторіи²⁾. Хотя писатель и не называетъ сочиненіе Евстаѳа своимъ

¹⁾ *Ioannis Cinnami, Imperatorii Grammatici historiarum libri sex. Paris. MDCLXX.* Въ этомъ же изданіи помѣщены и примѣчанія Дюканжа къ Н. Врѣннию и Аниѣ Комниной. Болѣе удобное для пользованія—боннское изданіе Киннама: *Ioannis Cinnami epitome... recensuit Meineke, Bonnæ 1836.*

²⁾ Безъ сомнѣнія, подъ не названнымъ у Никиты авторомъ разумѣется Евстаѳій Солунскій, которому дѣйствительно принадлежитъ сочиненіе «О завоеваніи Солуни сицилійцами»; *Tafel, Eustathii Opuscula 1832, ss. 267 — 307.* Вотъ слова Никиты, р. 398. «α. Καὶ τοιαῦτα μὲν, ὡς ἐκ πολλῶν ὀλίγα εἶπαίν, οἱ Θεστα-

источникомъ, тѣмъ не менѣе, оброченное имъ полупризнаніе напрашивалось на то, чтобы ученые воспользовались имъ и прослѣдили, не существуетъ-ли какой зависимости между произведеніемъ Евстафія и соответствующею частію труда Никиты? По мнѣнію Тафеля, который издалъ это сочиненіе митрополита солунскаго и сравнилъ его съ произведеніемъ Никиты, оказывается, что послѣдній все свое повѣствованіе о сицилійской войнѣ заимствовалъ изъ Евстафія, сдѣлавъ лишь незначительныя прибавки¹⁾. Начавшія появляться съ недавняго времени изданія государственныхъ актовъ и договоровъ, публичныхъ словъ и рѣчей, частныхъ писемъ и т. п., касающихся византійской исторіи занимающаго насъ періода, представляя собою матеріалъ для сравненія съ произведеніемъ Никиты, ожидаютъ еще приложенія къ нимъ научныхъ силъ. Таково изданіе документовъ, обнимающихъ отношенія Византіи къ Венеціи²⁾; таково изданіе мелкихъ сочиненій Евстафія, Никиты и Михаила Агомицатовъ³⁾. Этотъ родъ источниковъ могъ быть доступенъ Никитѣ по его служебному положенію и близости къ императорамъ; хотя онъ никогда не упоминаетъ объ актахъ и не приводитъ ихъ дословно, однако дѣлаетъ заимствованія изъ нихъ, напр., въ описаніи раздѣленія византійскихъ областей между крестоносцами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пользуется императорскими новеллами и постановленіями; такъ, напр., по вопросу о монастырскихъ владѣніяхъ, о церковныхъ дѣлахъ и др.⁴⁾. Не безосновательнымъ представляется и то соображеніе, что Никита пользовался записками какого-нибудь крестоносца; по крайней мѣрѣ тѣ мѣста, въ которыхъ высказывается сочувствіе къ вождямъ крестоноснаго ополченія: Конраду, Фридриху и Балдуину, гдѣ влагаются подробности, могущія быть извѣстными только очевидцу, составлены подъ вліяніемъ современныхъ записокъ не византійскихъ⁵⁾. Нѣтъ-ли и еще какихъ-нибудь

λογικαῖς πολιτορχηθέντες ἑπιστολῶν, ἃ καὶ εἰς ἰδιῶν τινος ἀπέτερον συγγραφὴν καὶ τὴν ἱστορίαν ἐς τὸ πολὺστιχὸν ἐφακέλωσαν.

¹⁾ Tafel, Komnenen und Normannen, ss. 232—234.

²⁾ Tafel und Thomas, Urkunden zur älteren Handels und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besonderer Beziehung auf Byzanz und die Levante. Wien 1856.

³⁾ Разумѣемъ изданія Тафеля, Саэы, Еллиссена. Тафель, Komn. und Normann., въ предисловіи VI, относительно проверки исторіи Никиты, всю надежду возлагаетъ на мелкія сочиненія свѣтскихъ и духовныхъ писателей этой эпохи.

⁴⁾ Nicet, p. 270; ср. Zachariae, Novellae constitutiones. III. 292, 450; ср. также Nicet, p. 277 и Zachariae, III. 485.

⁵⁾ Наводненіе въ хировакійской долинь, погубившее многихъ крестоносцевъ,

указаній на источники, которыми пользовался Никита?—По отношенію къ византійской исторіи послѣ Мануила Комнина, Никита вполне раздѣляетъ взглядъ Евстаѳіа солунскаго. Тотъ и другой держатся мнѣнія, что со смертію Мануила рухнулся весь порядокъ въ имперіи разсѣялся густой мракъ по землѣ, какъ-бы послѣ заката солнца¹⁾. Но въ сочиненіи Евстаѳіа „О взятіи Солуни сицилійцами“ встрѣчается указаніе, что дальнѣйшія обстоятельства сицилійской войны изложены имъ въ другомъ трудѣ, до насъ не дошедшемъ, по крайней мѣрѣ еще не открытомъ — „О низверженіи Андроника и восшествіи на престолъ Исаака“. Что же удивительнаго, если нашъ писатель пользовался и этимъ трудомъ Евстаѳіа? Вотъ кругъ первоначальныхъ источниковъ, которыми, въ большей или меньшей мѣрѣ, могъ располагать Никита. Нѣкоторые изъ нихъ (новеллы, грамоты и договоры) имѣютъ офиціальное значеніе; достовѣрность другихъ (современныя записки) выяснена въ настоящее время критикою; наконецъ, слова, рѣчи и письма свѣтскихъ и духовныхъ писателей — не всѣ еще изданы; изданныя же не поставлены въ связь ни между собою, ни съ другими памятниками современной имъ исторіи. Такимъ образомъ, рѣшительнаго отвѣта на вопросъ, какъ пользовался Никита источниками и въ какой мѣрѣ достовѣрно его произведеніе—нельзя ожидать прежде, чѣмъ не сдѣланъ анализъ его труда и разнообразныя извѣстія его не сопоставлены съ показаніями названныхъ источниковъ.

Самъ Никита не только оставилъ насъ въ совершенномъ невѣдѣніи относительно того, какими матеріалами располагалъ онъ, но какъ будто намѣренно уничтожилъ и слѣды, по которымъ можно было-бы разоблачить его заимствованія. Онъ чуждается простоты и естественности въ слогѣ; передавая образнымъ и фигуральнымъ языкомъ самую обыкновенную по содержанию мысль, прерывая повѣтствованіе длинными риторическими отступленіями, много давая мѣста въ изложеніи субъективному элементу, онъ не поддается прямой уликѣ даже и тогда, когда изслѣдователь почти овладѣлъ тѣмъ же матеріаломъ, которымъ и онъ пользовался. Въ самомъ дѣлѣ, Никита различаетъ для своей исторіи

Nicet. p. 86, Cinn. p. 74, представляетъ черты сходства въ описаніи Никиты и Оттона Фрейзингенскаго, De gestis Friderici I. c. 45.

¹⁾ Tafel, Eustathii Opuscula, De Thessalonica urbe. 14. Μέλλον είναι φαίνεται, καθά θεῶν εὐχρηστέητος, πειρόντι τῷ Κομνηνῶ βασιλεὶ Μανουῆλ συγκαταπεσεῖν καὶ εἰ τι ἐν Ῥωμαίοις ὄρθιον, καὶ ὡς οἷα ἡλίου ἐκείνου ἐπιλιπόντος, ἀμαυρὰν γενέσθαι πᾶσαν τὴν καθ' ἡμᾶς. Точно съ такими же мыслями приступаетъ и Никита къ изложенію исторіи преемниковъ Мануила: Nicet. p. 291—292 и слѣд.

только два способа собиранія извѣстій: рассказъ очевидцевъ и личное наблюденіе. По рассказамъ очевидцевъ, говоритъ онъ, составлена исторія Іоанна и Мануила; по личнымъ наблюденіямъ главнѣйше написана вторая часть произведенія¹⁾. Онъ не называетъ тѣхъ лицъ, сообщеніями которыхъ пользуется, но даетъ знать, что слова ихъ заслуживаютъ довѣрія, ибо они близко знакомы были съ положеніемъ дѣлъ и принимали непосредственное участіе въ событіяхъ. Слѣдуетъ ли придавать намъ словамъ Никиты букввальное значеніе и смотрѣть на первую часть его исторіи, какъ на плодъ только устной передачи очевидцевъ и современниковъ Іоанна и Мануила? Какъ пропустить безъ вниманія то обстоятельство, что исторія этихъ царей составляетъ предметъ спеціальнаго сочиненія писателя, который говоритъ о себѣ: „событія царствованія Мануила едва-ли кто можетъ рассказать лучше меня, потому что, еще съ юныхъ лѣтъ, мнѣ привелось участвовать въ очень многихъ походахъ его на томъ и другомъ материкѣ“²⁾. Не Іоаннъ-ли Киннамъ, нотарій и приближенный къ царю человекъ, о которомъ только однажды нашелъ возможнымъ упомянуть Никита, не онъ-ли своимъ сочиненіемъ доставилъ нашему писателю главнѣйшій матеріалъ для первой части исторіи³⁾?

При сравненіи извѣстій Никиты и Киннама необходимо разлнчать исторію Іоанна отъ исторіи Мануила. Если изъ разсмотрѣнія первой выносятся убѣжденіе, что оба писателя имѣютъ одинаковый кругъ наблюденій и сообщаютъ почти одно и тоже количество извѣстій, то вторая, въ томъ и другомъ авторѣ, представляетъ много своеобразныхъ, каждому изъ нихъ въ отдѣльности свойственныхъ сторонъ. Въ

¹⁾ Nicet. p. 7. 24. Никита говоритъ здѣсь собственно объ исторіи Іоанна; но и время царя Мануила, въ качествѣ очевидца, онъ могъ описывать лишь съ послѣднихъ годовъ. Любопытно сравнить слѣдующее мѣсто Никиты и Киннама:

Nicet. p. 7. 18. ἐν κεφαλαίοις δ' ἐπιτομαῖς τὰ κατὰ τὸν αὐτοκράτορα Ἰωάννην τὸ ἱστορεῖν διηγῆσεται... οὐδ' ἐμβραδυνεῖ ταῖς κατ' αὐτὸν ἀφηγήσειν... οἷα καὶ ἡμῶν μὴ τὰ τοῖς ὀφθαλμοῖς ἐπὶ τῷδε παρελημμένα συγγραφομένων, κἀντεῦθεν μὴδ' ἀποτάδην ἔχόντων ταῦτα διεξιέναι.... ἀμείνον δ' ἐντεῦθεν ἀρξασθαι.

²⁾ Cinn. p. 5. 6—8.

³⁾ Nicet. p. 7. 24. ἀλλ' ἄπερ εἰς ἀκοὴν ὧστίου εἰλήφαμεν ἐκ τῶν ὄσων τῶν κατ' ἡμᾶς τὸν βασιλεῖα τουτοῦ ἐθεάσαντο καὶ συνωμάρτων ἐκείνων πρὸς ἐναντίους χωροῦντι καὶ τὰς μάχας συνετολόπευον.

Cinn. 5. 4. εἰρήσεται δέ μοι τὰ μὲν τοῦ Ἰωάννου κατ' ἐπιτομὴν καὶ ὡσπερ ἐν κεφαλαίῳ, ὅτι μὴδ' ἐν τοῖς κατ' ἐκείνον γέγονα χρόνοις... ἢ μὲν οὖν πρόθεσις αὐτῆ... ἐντεῦθεν τῆς ἱστορίας ἀπάρξασθαι.

первой части исключение составляют только 2 и 3 главы Никиты. Во второй главѣ онъ излагаетъ придворный переворотъ, сопровождавшій день смерти императора Алексѣя I Комнина. Если спросимъ, откуда Никита могъ получить весьма подробныя извѣстия объ этомъ времени, знакомящія съ переменною дѣлъ почти по-часамъ, съ отношеніями близкихъ къ царю лицъ, даже съ тѣмъ, что дѣлалось и говорилось при одрѣ умиравшаго цари, то можемъ указать два возможные источника къ объясненію этихъ подробностей: либо Никита писалъ со словъ придворныхъ лицъ, свидѣтелей смерти Алексѣя, либо пользовался записками очевидцевъ. Но Киннамъ совсѣмъ умалчиваетъ объ обстоятельствахъ смерти Алексѣя; Анна также весьма осторожна въ упоминаніи объ этихъ событіяхъ: она въ не многихъ словахъ лишь передаетъ, что Иоаннъ, передъ смертію отца, неожиданно захватилъ Большой дворецъ¹⁾. И такъ, остается пока предположить, что переворотъ описанъ Никитой со словъ придворныхъ лицъ. Обратимъ вниманіе на изложеніе 2 главы. Тутъ въ одной картинѣ сгруппированы всѣ краски, рисующія придворныя отношенія и характеры лицъ. Событія, издавна подготовлявшія переворотъ, по словамъ Никиты, совершаются именно въ день смерти Алексѣя; борьба между двумя партіями—царицы Ирины и Иоанна—поставлена въ самомъ дѣйствіи и ведется какъ бы на глазахъ умирающаго цари. Цѣль Никиты—представить въ одной яркой картинѣ, какія мѣры въ разное время употребляла царица Ирина, чтобы поколебать расположеніе отца къ сыну въ пользу зятя и дочери; по этому онъ не указываетъ, съ какихъ поръ Ирина начала интриговать противъ Иоанна, свободенъ-ли былъ этотъ послѣдній отъ недостатковъ, которыми клеймятъ его мать²⁾. Третья глава Никиты отличается тѣмъ же характеромъ общаго обзора. Обнимая собою исключительно придворныя событія: награды приверженцамъ новаго правительства, назначеніе на высшія должности, заговоръ на жизнь Иоанна, конфискацію имущества заговорщиковъ—самымъ содержаніемъ эта глава легко позволяетъ судить объ источникѣ, изъ котораго она почерпнута. Сочувственныя черты I. Аксуха, частности, касающіяся происхожденія его и первыхъ успѣ-

¹⁾ Анна XV. р. 500. Съ комментариемъ Дюканжа издана въ Парижѣ, вошла и въ бонское изданіе.

²⁾ Хотя внимательное отношеніе къ дѣлу должно было уяснить ему, что партіи образовались гораздо ранѣе 1118 г. Анна, VI р. 168 и примѣчаніе Дюканжа къ 5. 13 Киннама—показываютъ, что Иоаннъ еще при рожденіи объявленъ императоромъ, т. е. ок. 1091 г.

ховъ по службѣ, высокое безкорыстіе, пристыдившее даже добродушнаго императора Іоанна, наконецъ, благопріятные отзывы объ немъ и его потомствѣ во всей исторіи Никиты—могутъ указывать на Аксуха, какъ на первоисточникъ этихъ извѣстій¹⁾.

Въ описаніи виѣшнихъ дѣлъ императора I. Комнина Никита и Клинамъ не только владѣютъ почти однимъ и тѣмъ же матеріаломъ, но и слѣдуютъ одинаковой системѣ изложенія. Количество и качество извѣстій одного писателя измѣняется кругомъ наблюденія другого. Для объясненія того, что Никита удѣлилъ Іоанну 63 стр., а Клинамъ помѣстилъ всѣ извѣстія объ немъ на 28, достаточно сослаться на сдѣланный выше анализъ 2 и 3 главы, т. е. сравнительная полнота Никиты имѣеть источникомъ устную передачу очевидцевъ и личные взгляды автора. Такъ, два похода противъ турокъ, которыми началъ Іоаннъ свое правленіе, въ описаніи обоихъ историковъ имѣютъ почти дословное сходство²⁾; личную вставку Никиты представляетъ лишь разсужденіе о пользѣ лагерной жизни. Походъ для защиты западныхъ провинцій, предпринятый въ 5 годъ правленія Іоанна противъ набѣговъ кочевыхъ народовъ, до мельчайшихъ подробностей сходенъ у Никиты и Клинама³⁾, если не обращать вниманія на личные соображенія и несущественныя прибавки (о дерзости варваровъ, о молитвѣ къ Богородицѣ), равно на перепутанность геогра-

¹⁾ Анна и Клинамъ ничего не говорятъ о фактахъ, сообщаемыхъ въ 3 гл. Никиты.

²⁾ Nicet. p. 17—19, Cinn. p. 5—7; сравни между прочимъ взятіе Созополя:

Nic. 18. 14. ἐντέλλεται οἱ (Пактиарію) συνεχῶς τῇ Σωζοπόλει ἐνιππάζεσθαι κατὰ τοῖς τεύχεσιν ἀφιέναι βέλεμνα, εἰ δ' ἐπεξέλλοιεν οἱ πολέμιοι, φεύγειν ἀμεταστρεπτὶ μὴδ' ἐφεστάναι πρὸς πόλεμον, παριέναι δ' οὕτω καὶ τὰς μικρὸν ἀποθῆν τῆς πόλεως¹ συνεπετογμένας καὶ λοχμῶδες ἀτραπούς....

Cinn. 6. 20. ἐκέλευεν ἅμα τῷ ἀμφ' αὐτοῦ στρατεύματι εὐθὺ τῶν τῆς πόλεως ἰόντας πολῶν ἀκροβολίζεσθαι πρὸς τοὺς ἐν τῷ τεύχει, ἐπεξιόντων δὲ αὐτῶν φεύγειν μὴ δὲν αἰσχυνομένους ἕως ἐπὶ πλείστον ἐκπεσόντες εἰς δίωξιν τὸ στενὸν ἀπολίποιεν....

³⁾ Nicet. p. 19—22, Cinn. 7—8; сравни: 20. 23, 21. 1, 22. 17 съ 8. 2, 8. 14, 8. 20; также:

Nic. p. 20. в. ὁ βασιλεὺς δὲ ἀποστολῆς ὁμογλωττῶν τοῦ τῶν Σκυθῶν ἀποπειράται στρατεύματος, εἰ πως ἐς ὁμολογίας συμβαίεν καὶ τοῦ διὰ μάχης χωρεῖν ἀποσταίεν πάντες ἢ γούν ἔνιοι, εἰς πλείους διηρημένοι φυλάς καὶ διακριδὸν στρατήγισ βαλλόντες....

Cinn. 7. 18. τὸ μὲν τὰ πρὸς τὸν πόλεμον ἐξαρτῶν, τὸ δὲ πλεόν ἤθελε τῶν ἐν σφίσι φυλάρχων τινὰς ἐταιρίσασθαι, ὡς ἂν οὕτω τοὺς ἄλλους χωρὶς ἀπολαβῶν οὐ σὺν πόρῳ καταγωνίσασθαι. ἕαρος δὲ πολλοὺς ἦδη διὰ πρεσβειῶν αὐτῷ προσχωρήσά: ἀναπέισας...

фических и мѣстныхъ терминовъ (Фракія и Македонія). Послѣ ерваго извѣстія о новомъ походѣ на востокъ ¹⁾, оба писателя приступаютъ къ изложенію угорской войны. Еще Дюканжъ замѣтилъ, что Никита повторяетъ ошибку Киннама, когда называетъ лицъ угорскаго королевскаго дома и говоритъ о взаимныхъ отношеніяхъ ихъ ²⁾; прибавимъ, что и въ другихъ отношеніяхъ содержаніе разсказа Никиты ничѣмъ не отличается отъ повѣствованія Киннама, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстныхъ и народныхъ именъ, да и эти послѣднія различія легко сближаются между собою, по неопредѣленности тогдашней терминологіи. Пусть сравнитъ читатель приведенное ниже мѣсто изъ того и другого писателя ³⁾: не согласится-ли онъ съ нами, что Никита вышивааетъ только новыя узоры по канвѣ Киннама. Продолжая слѣдить за подробностями въ изложеніи событій времени Іоанна по Никитѣ и Киннаму, не можемъ не остановиться на слѣдующихъ замѣчательныхъ сходствахъ. Таково описаніе блистательнаго триумфа послѣ побѣды надъ правителемъ Каппадокіи ⁴⁾; неудача при осадѣ Гангры, бывшая слѣдствіемъ измѣны турецкихъ союзниковъ, которые ночью перебѣжали изъ византійскаго стана на сторону султана Магомета ⁵⁾. Не говоримъ, что разсказъ Никиты не представляетъ и своеобразныхъ, не заимствованныхъ изъ Киннама чертъ; напротивъ, у послѣдняго есть опущенія, которыя дополняетъ Никита и на во-

¹⁾ Nicet. p. 23. 11—15, Cinn. 9. 2—10.

²⁾ Примѣчаніе Дюканжа на 9. 13 Киннама. Объ угорской войнѣ см. у Никиты 24—25, у Киннама 9—12.

³⁾ Nicet. p. 24. 20. τότε μὲν τῇ κατὰ τὴν Φιλίππου πόλιν ἐνδημία τὰ τῆς προμηθεΐας βασιλεὺς ἐπεμέτρησεν... 25. 11. καὶ τὸ λοιπὸν βαρβαρικὸν, ὅποσον καθ' ἑσπέραν Ῥωμαίοις ἄγγουρον, εἰς φίλιαν ἔκον ὑπαγαγόμενος... δεῖν ψῆθῃ καὶ τὰ ὑπερόρια φύλα, καθ' ὅν ἂν καὶ δύναίτο τρόπον, ὑποποιήσασθαι... τὴν παράλιον Ἰταλίαν...

⁴⁾ Nicet. p. 26, Cinn. 13. 16.

⁵⁾ Nicet, p. 27. 21. οὗ μετὰ βραχὺ συνέβησαντες, καὶ νυκτὸς οὐχόμενων τῶν τῷ βασιλεῖ παρὰ τοῦ σουλτάν ἐκπεμφθέντων ἐπικούρων Περσῶν, οὐκ εὖδα τὸ ἐκ τοῦδε Ῥωμαίοις τὰ τῆς προκειμένης στρατείας γεγονόσιν.

Cinn. 10. 19. βασιλεὺς δὲ τούτων ἀκούσας πανστρατὶ ἐπὶ τὸν Ἰστρον ἐφέρετο, συμμαχικὸν ἐπαγόμενος ἔκ τε Λιγυῶν ἰππέων, οὓς Λωμπάρθους ἡμῖν ὀνομάζουσι ἀνθρώποι, καὶ Περσῶν. καὶ ὁ μὲν αὐτοῦ που ἐπὶ ταῖς ὄχθαις ἠρλίετο τὰ πρὸς τὴν μάχην εὐτρεπιζόμενος.

Cinn. 14. 22. καὶ τοίνυν τὰ διάφορα λόσαντες κατὰ Ῥωμαίων καὶ ἄμφω συνεινευσάτην, οἳ τε ξύμμαχοι Πέρσαι μετὰ πεμπτοὶ πρὸς τοῦ σουλτάν γεγονότες νυκτὸς ὄρχοντο φεύγοντες. γνοὺς οὖν τὴν ἐπιβουλὴν βασιλεὺς ἐν ἀθουίᾳ πολλῇ ἦν καὶ βεβούλευται παρ' αὐτὰ ἐκεῖθεν ἀναξευγυεῖν.

история указывает Дюканжъ въ своемъ комментарий. Мы желаемъ только выяснитъ, что между трудами Никиты и Киннама есть много общаго по существу, хотя не смѣемъ утверждать: прямо-ли Никита черпалъ изъ Киннама, или они пользовались однимъ, не дошедшимъ до насъ, источникомъ¹⁾. Едва-ли слѣдуетъ много значенія приписывать тому, что Никита иногда отступаетъ отъ системы Киннама: подобныя отступленія могли произойти и безъ умысла, а могли быть и намѣренны. Любопытный примѣръ этого рода представляетъ осада городовъ Анаварза и Ваки. У Киннама сначала сказано объ осадѣ Анаварза, потомъ Ваки, какъ оно и было на самомъ дѣлѣ; Никита же измѣнилъ порядокъ и только послѣ счелъ за нужное оговориться²⁾. То что у обоихъ писателей одинъ и тотъ же кругъ воззрѣнiя на предметъ, это доказывается упоминанiемъ о такихъ случайныхъ обстоятельствахъ во время этого похода, которые легко могли и забыться и перемѣшаться, если бы не были своевременно записаны. Какъ иначе объяснить, что, описывая эту войну, продолжавшуюся отъ двухъ до трехъ лѣтъ, Никита и Киннамъ останавливаются, напр., на осадѣ однихъ и тѣхъ же городовъ, относительно другихъ ограничиваясь лишь краткимъ указанiемъ ихъ положенiя; не заслуживаетъ-ли вниманiя, что тотъ и другой писатель говоритъ о продолжительномъ сидѣнiи подъ Вакой, объ употребленiи глиняной обмазки или кирпичей для предохраненiя отъ непрiятельскаго огня деревяннаго состава византийскихъ орудiй подъ Анаварзомъ, о легкой сдачѣ другихъ городовъ³⁾? Такого же свойства извѣстiе о смѣломъ поступкѣ Мануила,

¹⁾ Есть основанiя думать, что у Киннама было подъ руками больше материала, чѣмъ сколько онъ помѣстилъ въ исторiю Иоанна: 20. 19. ἀλλὰ ταῦτα μὲν πρὸς κριβείων ἱστορεῖν ὑπόσχεσιν οἶμαι ὑπερβαίνειν τὴν ἡμετέραν. ὡς γὰρ ἐν κεφαλαιῷ προβαίνειτό μοι περὶ τῶν παρόντων εἰπεῖν, ἅτε μὴδὲ αὐτοπτήσαντι ταῦτα μὴδὲ τὸ πιστόν τεθεῖθεν λαβόντι. Нѣкоторыя опущенiя его исполняются у Никиты, р. 40 — 41, 44—47.

²⁾ Nicet. p. 33. 18. ἀλλὰ καὶ κατὰ τὴν Ἀναβαρζαν πρότερον πλείστα ἐμόγησεν...

³⁾ Nicet. p. 30. 4. διαλαμβάνει τοῦτο ἀντὶ τῷ στρατεύματι, βαλὼν χάρακα, μὴ ἐκεῖθεν ἀπάρα τὸ παράπαν ἰσχυρίζομενος, εἰ μὴ τοῦ πολιέματος ἐγκρατὴς ἐβλήσεται, κἂν εἰ πολιωθῆναι οἱ ξυμβαίη ἢ προσεδρεῖα τὴν κεφαλὴν καὶ ταῖς χιῶν παλιωθῆναι: πολλάκις καταφοραῖς:

Cinn. 18. 11. ἐν τούτῳ δὲ καὶ ὁ Ῥωμαίων στρατός τὴν Βακὰ ὑπερθέμενος πολιορκίαν περὶ ποταμῶν ὅς τὴν πόλιν αὐτοῖς παραρρεῖ τὸν χάρακα ἐπήλατο... ὄθεν καὶ ἐπειδὴ ποτε τῆς πολιορκίας ἐφ' ἱκανὸν παρατεινομένης...

Nicet. p. 35. 3... ἀνοχῆς δὲ γενομένης καὶ τῆς μάχης ληξάσης ἐπὶ βραχὺ τὰ τε

Cinn. p. 17. 17. ἀλλ' οἱ ἔθνον ἀπρακτῆσαι οἱ μηχανώμενοι τὴν ἐγχείρησιν, σιδήρια

младшаго сына царя Иоанна, подъ Неокесаріей; непонятная фраза Киннама, что изъ этого похода никому не удалось возвратиться на конѣ, находить для себя удовлетворительный комментарий у болѣе словоохотливаго Никиты ¹⁾). Не можемъ не остановиться еще на описаніи озера Пусгуса, находящагося близъ Иконія. Говоря объ немъ, оба писателя обращаютъ вниманіе: на величину его, на разсѣяніе по немъ острова и ихъ укрѣпленіе; на легкость сношеній между жителями острововъ и иконійцами, наконецъ, на симпатіи къ туркамъ мѣстнаго христіанскаго населенія. Заимствование въ этомъ описаніи выдаетъ себя не только сходствомъ мыслей, но даже тождествомъ словъ, употребляемыхъ тѣмъ и другимъ писателемъ ²⁾).

Послѣдній походъ I. Комнина въ Киликію и Сирію и обстоятельства, сопровождавшія смерть его, безспорно, у Никиты описаны подробнѣе, чѣмъ у Киннама: довольно сказать, что первый излагаетъ это на 14 страницахъ, второй только на 6. Но посмотримъ внимательно, какого свойства подробности Никиты въ описаніи болѣзни и смерти царя Иоанна; не заключаются-ли онѣ и въ краткомъ разсказѣ Киннама? Тщательно сличивъ обоихъ писателей, мы пришли къ убѣжденію, что, при всей кажущейся оригинальности, подробности извѣстія Никиты суть не иное что, какъ развитіе, риторическое пространство и логическій выводъ изъ краткаго повѣствованія Ки-

петροβόλα επισκευάζονται πρὸς Ῥωμαίων ὄργανα, καὶ τὰ τούτων προταθέντα παραπετάσματα τε καὶ ἱμαντώματα ἐκ πηλίνων πλίνθων συντίθενται, καὶ οὕτω τῇ ἐξῆς τὰ τεῖχη πάλιν ἐτύπτετο. Ср. еще Ник. 38. 10. 10, 29. 12. 42. 13. съ 19. 10—22, 16. 2—4, 21. 1—2 Киннама.

¹⁾ Nicet. p. 47. 10, 48—49; Cinn. 21. 21, 22. 2—3.

²⁾ Nicet. p. 50. 7. αὕτη γὰρ εἰς ἀγανῆ καὶ μικροῦ θαλασσίαν χύσιν ἐκτεινομένη ἐν πολλοῖς νησίδαι ἀνίσχει περιβεβλημένης τεύχεσιν ἰσχυροῖς. ἴκουν μὲν οὖν ταύτας τρηκὰδε καιροῦ χριστιανῶν ἔσμοι, οἳ καὶ διὰ λέμβων καὶ ἀκατιῶν τοῖς Ἰκονιεῦσι Τούρκοις ἐπιμιγνόμενοι οὐ μόνον τὴν πρὸς ἀλλήλους φιλίαν ἐντεθεὶν ἐκράτουν, ἀλλὰ καὶ τοῖς ἐπιτηδεύμασι αὐτῶν ἐν πλείοσι προσεσχῆκασιν... οὕτω χρόνῳ κρατυθὲν ἔθος γένους καὶ θρησκείας ἐστὶν ἰσχυρότερον.

ικανῶς τῷ πυρὶ διακαίοντες ἐπὶ τὰ πετροβόλα τῶν μηχανημάτων ἤφρισαν, τὰ δὲ ταῖς ἐμπροσθίοις αὐτῶν φυλίαις πελάζοντα κίσιον ἐνεπίπτων αὐτίκα. ὁφθαλμοὺν αὐτῶν προσελθὼν Ἰσαάκιος ἀλλὰ ἄγε ὦ πάτερ πλίνθοις ἐφη περιειληφθῆαι κέλευε τὰ τεύλωματα.

Cinn. 22. 9. αὕτη γὰρ δὴ ἐς ἀφατόν τι μῆκος καὶ εὖρος ἐκτεινομένη νήσους κατὰ μέσον παρέχεται διακριδὸν ἀλλήλαις τοῦ ὕδατος ἀνεχούσαις, ἐν αἷς φρούρια ἐκ παλαιῶν ἀναφοδόμηται χρόνων. οἰκοῦσι τε ἐν αὐτοῖς ἄνθρωποι τὸ ὕδωρ ἀντὶ ταφρείας πεποιημένοι. ἔξεστι δ' αὐτοῖς ἐς Ἰκόνιον ἀνιούσιν αὐθημερόν ἐκεῖθεν ἐπανελθεῖν... τῶν δ' ἐν αὐτῇ Ῥωμαίων οὐκ ἐνδιδόντων ταύτην αὐτῷ, χρόνῳ γὰρ δὴ καὶ ἔθει μακρῷ Πέρσαις τὰς γνώμας ἀνακραθίντες ἦσαν...

и. Для доказательства ссылаемся, во-1-хъ, на то мѣсто, гдѣ наши тели передаютъ несчастный случай на охотѣ, бывший причиною ти царя ¹⁾; во-2-хъ, предлагаемъ анализъ предсмертной рѣчи Иоаннолибѣ изложенной у Никиты. Что касается до перваго, то едва-ли будетъ оспаривать несомнѣнное тожество обонхъ извѣстій; замѣчаніе же Никитой рѣчи императора Иоанна изъ разныхъ мѣстъ нама требуетъ нѣкоторыхъ объясненій и указаній. По содержанію рѣчь распадается на двѣ части: въ первой показываются цѣли тики императора Иоанна на востокѣ—что мы назвали раньше поческой программой Никиты; во второй — выставляются побуждепо которымъ императоръ назначаетъ преемникомъ себѣ не старсына Исаака, а младшаго—Мануила. Замѣтимъ, что только вточасть рѣчи, излагаемой Никитой, соответствуетъ по содержанію которую передаетъ Киннамъ ²⁾; первая же часть ея (стр. 56, 57 и 60 17) представляетъ собою дополненіе, по видимому, не извѣстКиннаму. Однакоже, разобравъ первую часть рѣчи Иоанна, мы ни, что она взята Никитой изъ того же Киннама: только первый училъ въ рѣчь умирающаго царя то, что второй сообщаетъ объ планахъ въ рассказѣ отъ своего лица. Въ самомъ дѣлѣ, трудно

) Nicet. p. 53. 16... πρὸς τὰ τῶν Κι-
παρηνέλιβεν ὄρια. ἐν δ' εὐρυτάτῃ
οπεδευσάμενος φάραγγι... εἰς κωνη-
ῖ ἐξεῖσαι. καὶ αὐτὶ προσυπαντήσας μο-
ρ τὴν μὲν αἰχμὴν τῷ στέρνῳ τοῦ
ο ἐνήρσειε· πλείονι δὲ ὠθισμῷ τοῦ
χρησαμένου καὶ ὄλον τὸν σίδηρον
αίμενου τοῖς σπλάγχνοις, ἣ κατέχουσα
τὸ ἀκόντιον ὑποναρχᾶ τε καὶ ὑπενδί-
πρὸς τὸ ἄγαν τῆς τοῦ θηρὸς ἀντω-
ς, κάντεῦθεν τοῦ εὐθέως παρενεχθεῖσα
απει τῷ γωρυτῷ, ὅς παρὰ πλευρὸν
βασιλέως ἐξήρτητο πλάγιος, στέγων
ν ἰοβόλα βέλεμνα... и далѣе.*

) Nicet. p. 58 сѣ 17 и далѣе 59—61; сравни Cinn. p. 26—28, напр.:

4. καὶ θεὸς αὐτὸν εἰς βασιλέα προ-
κε καὶ προώρισε, τεκμήριον αἱ πολ-
τορρήσεις καὶ τὰ τῶν θεοφιλῶν ἀνδρῶν
σπίσματα, ἃ πάντα βασιλέα Ῥωμαίων
Γανουὴλ προκατήγγελλον... 61. εз. со-
аютъ не болѣе, какъ распростра-
23. 20 Киннама.

Cinn. 24. 10. ἐξίοντι· πρὸς θῆραν αὐτῷ
σὸς ἀπήντα, μέγα τι χρῆμα, ὅποια πολλὰ
ἢ Κιλικίων τρέφει γῆ καὶ ὄρη τὰ Ταυρικὰ.
ὁ μὲν οὖν ἀκόντιον ὡς φασί· χειρισάμενος
ἐπιόντα τοῦτον ὑφίστατο· ὁ δὲ τῆς αἰχμῆς
τῷ στέρνῳ ἐγκρυφθεῖσης θυμαίων ἐπὶ τῇ
πληγῇ ὠθισμῷ μᾶλλον ἐχρήστο, ὡς ἐντεῦθεν
τὴν βασιλέως χεῖρα διὰ σφοδρὰν τὴν ἀντέ-
ρσειν τοῦ εὐθέως ἐκτραπέισαν, ἐφ' ἣν πα-
ρήρτητο παρενεχθῆναι φαρέτραν πλήρη βε-
λῶν οὔσαν....

28. ο. θεὸς δὲ καὶ πρῶν ἐμοὶ τὸν ἐφ'
ὄν ἀναπέπαυτο προδεικνύς τελευταῖον δὴ
καὶ ἐκ μέσου μοι τὸν νεανίαν ἐκεῖνον πε-
ποίηται. εἶπον ἂν ὑμῖν καὶ τῶν ξυμβόλων
τινὰ ἃ τύχην τὴν παροῦσαν αὐτῷ προῦφαι-
νευ.... (объ этихъ символахъ p. 23).

допустить, чтобы Иоаннъ передъ смертію, въ напищенной рѣчи, могъ разъяснить свои политическіе планы относительно востока; нѣтъ сомнѣнія, что эта часть рѣчи составлена Никитой на основаніи словъ Киннама, приводимыхъ ниже ¹⁾. Затѣмъ, различіе между сравниваемыми писателями ограничивается не многими числовыми показаніями и нѣкоторою полнотою извѣстій Никиты. Объясненіе этихъ различій не представляетъ особенныхъ затрудненій. Киннамъ владѣлъ большимъ количествомъ извѣстій относительно времени Иоанна, чѣмъ какое помѣстилъ въ своей исторіи; у Никиты, кромѣ записокъ Киннама, тоже могли быть подъ руками и другіе матеріалы, до насъ не дошедшіе.

Не смѣемъ предрѣшать, оправдается-ли нашъ выводъ дальнѣйшимъ анализомъ извѣстій Никиты и Киннама о царѣ Мануилѣ. Здѣсь слѣченіе обоихъ писателей представляетъ особыя затрудненія: Никита рѣшительно отступаетъ отъ системы Киннама, скупѣе на подробности, особенно въ военныхъ дѣлахъ, не столько останавливается на подвигахъ личной храбрости Мануила, какъ его предшественникъ, посылаетъ даже упреки императору, отступаетъ отъ географическихъ и этнографическихъ терминовъ, принятыхъ въ исторіи Киннама, наконецъ, обобщаетъ и анализируетъ нѣкоторые факты. Чтобы придти къ опредѣленнымъ выводамъ объ отношеніяхъ между этими писателями и въ исторіи Мануила, необходима провѣрка и снесеніе каждаго извѣстія ихъ порознь. Мы не успѣли довести до конца этой предварительной работы, и потому ограничиваемся только общимъ соображеніемъ: слѣды знакомства съ Киннамомъ ясны и на второй части труда Никиты, хотя нельзя оспаривать и того, что онъ пользовался также другими матеріалами, даже, можетъ быть, записками.

Хронологическія данныя въ исторіи Никиты. Переходы отъ одного предмета къ другому.

Произведеніе Никиты—не лѣтопись, въ которой спокойно и безстрастно писатель передаетъ дошедшіе до него слухи и извѣстія о минувшихъ дѣлахъ. Никита скорѣе подходит къ позднѣйшему роду

¹⁾ Cinn. 23. 1. καὶ πάλιν Κιλικίων ἐχώρει, κατὰ νοῦν ἔχων τὴν Κιλικίων καὶ Ἀντιοχείων ζῆν Ἀττάλου καὶ Κύπρου εἰς κληρὸν ἀποδώσασθαι τῷ Μανουίλ; 25. 14. καὶ ὁ βασιλεὺς ἐλπίζων ἤδη θανάτου τὴν ψυχὴν κατασεύεσθαι ἤρχετο. καὶ μάλιστα ὅτι μὴδὲ πέρατι τὸν σκοπὸν ἔδωκε, ὃν περὶ τῆς ἐς Παλαιστίνην ἐπιδημίας πάλαι ὠδινήσας εἶπεν. οὐδ' ὃν ἔνεκα καὶ εἰκοσι ταλάντων ἀπὸ χρυσοῦ λυχνίαν εἰργασμένος ἔτοχευεν, ἀνάθημα τῷ τῆδε ναφ κατασκευαζόμενος; ср. pp. 56—58 Никиты.

дѣятели-публицистовъ, въ передачѣ которыхъ событія являются уже не въ своемъ первоначальномъ видѣ простоты и безыскусственности, но въ извѣстной литературной обработкѣ, съ нѣкоторымъ новымъ освѣщеніемъ и самостоятельной окраской. Въ исторической литературѣ этого рода лице писателя имѣетъ весьма важное значеніе: общественное положеніе его, состояніе, образованность и взгляды въ значительной мѣрѣ обуславливаютъ степень достовѣрности и самаго произведенія. Отъ писателя-публициста нельзя требовать того, что даетъ лѣтописецъ, т. е. погоднаго перечня событій. Для Никиты, какъ и для всякаго историка того же направленія, сущность дѣла состоитъ не въ передачѣ фактовъ по хронологической связи ихъ, но въ изложеніи главнѣйшихъ, любопытнѣйшихъ событій своего времени по ихъ внутренней связи и логической зависимости. Не рѣдко факты хронологически послѣдующіе у него выдвигаются на первый планъ и рассказываются ранѣе предшествующихъ имъ; событіе, важнѣйшее по понятіямъ нашего времени, излагается кратко, составляя отступленіе отъ повѣствованія о событіи менѣе важномъ; нѣтъ иногда упоминанія о такихъ современныхъ обстоятельствахъ, глубокаго значенія которыхъ онъ не могъ угадать по самой близости къ событію. Никита не можетъ самъ по себѣ дать твердыхъ и несомнѣнныхъ хронологическихъ показаній, хотя онъ и сознавалъ потребность въ хронологіи¹⁾; тѣмъ не менѣе, указать хронологію къ его извѣстіямъ весьма необходимо въ виду того обстоятельства, что исторія Никиты представляетъ собою единственный, современный событіямъ, источникъ византійской исторіи второй половины XII вѣка²⁾. Не беремъ на себя непосильнаго труда — установить хронологію для извѣстій нашего писателя: желаемъ только указать, на что должно быть обращено вниманіе въ исторіи Никиты для разрѣшенія вопроса о хронологіи византійской исторіи XII в. У Никиты встрѣчаются во многихъ мѣстахъ и прямыя указанія на время событій, и непрямыя; послѣднія, при небольшой внимательности, могутъ быть ясно опредѣлены и сдѣлаться также прямыми указате-

¹⁾ р. 226. в. ὁ δὲ λόγος προβαίνει τοῖς ἐφεξῆς καὶ διδοῦσι τῇ ἱστορίᾳ ὡς ἐκαστὸν εἶναι καὶ χρόνου καὶ πράξεως.

²⁾ Опытъ возстановленія византійской хронологіи по западнымъ лѣтописцамъ представляетъ Muralt, Essai de chronographie Byzantine, два тома: первый обнимаетъ событія отъ 395 до 1057 г. и изд. въ Петербургѣ въ 1855 г., второй — отъ 1057 до 1453 г. изд. въ 1871 г. (Bale et Genève, St.-Petersbourg).

лями. Разсмотримъ, во-1-хъ, хронологическія указанія въ исторіи Никиты, во-2-хъ, его методъ—начинать и заканчивать отдѣльные эпизоды.

1. *Исторія царствованія І. Комнина.* Здѣсь обозначено время слѣдующихъ событій: смерти Алексѣя І Комнина, подробностей переворота въ пользу Іоанна, похода въ Малую Азію; пятымъ годомъ Іоанна обозначенъ набѣгъ скивовъ, что позволяетъ отнести всѣ предыдущія событія на первые четыре года; наконецъ, войны съ уграми¹⁾. При этомъ нужно замѣтить, что послѣдовательность событій, разные обстоятельства въ походахъ, сроки между войнами, а иногда и время, проведенное въ походѣ²⁾ — обозначены болѣе или менѣе положительными признаками: «подъ исходъ весны», «не много спусти», «въ сильную зимнюю стужу», «въ мѣсяцъ январѣ», «цѣлый годъ прошелъ» и т. п.³⁾. Въ концѣ каждаго царствованія указывается, сколько лѣтъ оно продолжалось.

Въ исторіи царствованія Мануила менѣе прямыхъ указаній на хронологію событій. Обозначены нѣкоторые обстоятельства изъ войны сицилійской, именно походъ Михаила Палеолога, приемъ иконійскаго султана въ Цареградѣ, нѣкоторые эпизоды изъ войны съ уграми и славянами, изъ египетскаго похода Андроника Контостефана, также изъ похода на востокъ; сближаются по времени такія событія, какъ подніятіе богословскаго вопроса, начало болѣзни и смерть царя Мануила⁴⁾. Все царствованіе Мануила, такимъ образомъ, представляетъ отдѣлъ, богатый фактами, но бѣдный хронологическими указаніями; и отмѣченныя нами мѣста даютъ не болѣе того, какъ: «въ декабрѣ», «въ началѣ весны» и т. п.

Исторія Алексѣя II и Андроника. Здѣсь хронологически обозначены: смуты въ Цареградѣ, вызванныя недостойнымъ правительствомъ малолѣтнаго Алексѣя II; провозглашеніе царемъ Андроника; взятіе и разграбленіе Солуни сицилійскимъ войскомъ; гаданіе Андроника о судьбѣ своей; обстоятельства, касающіяся низверженія Андроника⁵⁾.

Въ исторіи Исаака Ангела: побѣда византійцевъ надъ сицилійскимъ войскомъ при Димитрицахъ; возмущеніе Враны и осада

¹⁾ Nicet, pp. 12. 10—25, 17. 21, 19. 10, 24. 8.

²⁾ Такъ обозначено время восточнаго похода Іоанна—р. 42. 15.

³⁾ р. 27. 1, 34. 13, 46. 5. 12, 49. 16, 51. 24, 54.

⁴⁾ Nicet. pp. 120. 10, 133. 1, 154. 21, 199. 14, 206. 14, 210. 16, 218. 21, 233. 10, 286. 8.

⁵⁾ pp. 307. 12, 336. 21, 349. 0, 392. 15, 443. 14, 444. 14.

Цареграда (описание очевидца); походъ въ Мизию противъ славянъ кочевниковъ; походъ Фридриха черезъ земли византийской имперіи въ Палестину; появленіе самозванца въ Пафлагоніи; постриженіе въ монахи сына Θεодоры Комниной (возложенное на писателя); война съ болгарами и сербами; низверженіе Исаака¹⁾. Укажемъ еще на замѣчаніе, что всѣ событія, изложенныя въ I, II и трехъ главахъ III книги случились въ первые шесть лѣтъ царствованія Исаака²⁾.

Царствованіе Алексѣя, брата Исаака Ангела. Появленіе самозванца въ Киликіи; продолженіе войны съ болгарами; приѣмъ нѣмецкихъ пословъ въ Цареградъ; походъ на Хриза; устраненіе отъ дѣлъ царицы Евфросиніи; общее указаніе, что всѣ событія, обозначенныя въ I и четырехъ главахъ II книги, случились въ первый годъ царствованія Алексѣя³⁾. Далѣе обозначены: походъ на востокъ и скорое возвращеніе; нападеніе болгаръ и походъ противъ нихъ; выдача въ замужество двухъ дочерей царя Алексѣя; волненіе въ Цареградѣ; веселительная прогулка Алексѣя; указанія на обстоятельства четвертаго крестоваго похода — движеніе латинянъ къ Цареграду; весь рокъ царствованія Алексѣя, бѣгство его въ Дебелтъ, случившееся въ іюнь 1203 г.⁴⁾.

Пересматривая мѣста, въ которыхъ Никита дѣлаетъ замѣчаніе о времени того или другого событія, мы должны убѣдиться, что его произведеніе не совсѣмъ чуждо хронологіи. Затрудненіе происходитъ не отъ недостатка числовыхъ показаній, а отъ характера ихъ. Круглый и опредѣленный счетъ онъ даетъ только цѣлымъ періодамъ — царствованіямъ, напр., императоровъ и походамъ, отличавшимся кратостію или продолжительностію; въ бѣльшей же части случаевъ его хронологія случайна, сбивчива. Безъ сомнѣнія, для него имѣютъ мыслъ выраженія: „въ то время“, „не много спустя“, „во время такихъ событій“, „къ осени“, „зимой“, „на разсвѣтъ“, „къ вечеру“;

¹⁾ pp. 470. 12, 492—495, 516—518, 520—521, 534. 5, 535—536, 553. 8, 558, 569. 10, 588. 16, 596.

²⁾ p. 568. 9.

³⁾ Nicet. pp. 608. 1, 610. 9, 643. 4; 612. 21, 629. 7, сравни 627. 20; 644. 18, 647. 5, 653. 13.

⁴⁾ pp. 658. 9, 663. 4, 681. 13; 674. 4; 694. 14, 696. 19, 697; 701. 14, 703 — 704; 717. 10, 718. 14, 719. 9, 721. 2, 723. 23; 724. 5; дальнѣйшія событія, изложенныя въ исторіи Никиты, не представляютъ затрудненій къ восстановленію хронологіи ихъ; по этому не считаемъ нужнымъ приводить мѣста съ хронологическимъ названіемъ.

„въ праздникъ“ такой-то и т. п., которыя для насъ маловажны; но эти скудныя указанія частію могутъ служить руководителями, если внимательно анализировать его произведеніе, строго отдѣливъ въ немъ одно повѣствованіе отъ другого.

Не было бы ничего удивительнаго, если бы богатство хронологическихъ данныхъ касалось тѣхъ событій, которыхъ Никита былъ очевидцемъ или въ которыхъ самъ принималъ участіе; но иногда отмѣчаетъ онъ по-днямъ и по-часамъ моменты такого событія, личнымъ свидѣтелемъ котораго онъ не могъ быть. Всмотриваясь въ тѣ части исторіи, которыя отличаются хронологической точностію и подробностію, и замѣчая, что этими качествами по преимуществу богаты извѣстія второй половины труда, особенно тѣ, которыя касаются IV крестоваго похода, мы невольно приходимъ къ мысли, что и другіе отдѣлы, имѣющіе точную и подробную хронологію, писаны если не самимъ очевидцемъ, то со словъ или записокъ очевидца: на авось нашъ писатель не указываетъ числовыхъ данныхъ. Съ другой стороны, многія изъ современныхъ Никитѣ событій не могли быть ему близко знакомы: только придворныя и собственно городскія новости непосредственно могли быть предметомъ его наблюденій. Итакъ, если относительно нѣкоторыхъ раннихъ и современныхъ провинціальныхъ событій у Никиты встрѣчаются подробныя числовыя указанія, какихъ *обыкновенно* не бываетъ у него, то, при оцѣнкѣ степени достовѣрности ихъ, мы должны сдѣлать два предположенія: а) либо Никита принималъ участіе не только въ тѣхъ событіяхъ, на которыя есть указаніе въ его исторіи но и во многихъ другихъ; б) либо писалъ исторію со словъ очевидца, а можетъ быть имѣлъ подъ руками и современныя записки. Укажемъ главнѣйшіе случаи, гдѣ извѣстія Никиты отличаются обиліемъ и подробностями особенно въ хронологіи.

Въ изложеніи событій, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ І. Комнина, не только замѣтно близкое знакомство съ тогдашними лицами, но и попытка придать смыслъ перевороту, выяснить положеніе партій при дворѣ ¹⁾; хронологическихъ указаній такъ достаточно, что является возможность опредѣлять постепенный ходъ самыхъ событій ²⁾. Во время осады крѣпости Ваки нѣкто Константинъ, арми-

¹⁾ Особенно любопытны: слова Алексѣя къ Иринѣ — р. 9, похищеніе Иоанномъ перстня съ руки умирающаго отца.

²⁾ а) передъ 15 авг. 1118 года Иоаннъ захватилъ Большой дворецъ, б) съ 15 на 16 умеръ Алексѣй, в) на разсвѣтъ 16 приглашаютъ Иоанна къ выносу

ингъ по происхожденію, вызывалъ на единоборство охотника изъ антийскаго войска ¹⁾; вызвался Евстратій, родомъ македонянинъ. Подробности описанія вооруженія того и другого, необычнаго способа боя ихъ, въ особенности эти слова: „македонецъ часто протягивалъ руку съ намѣреніемъ поразить противника, но потомъ опять удерживалъ ее“ — не могли быть выдуманы, но выдають очевидца. Последній походъ царя Іоанна въ Малую Азію описанъ у Никиты весьма подробно ²⁾; не только хронологическія указанія, но и точныя подробности зараженія ядомъ его организма, перемѣны въ состояніи больного по-часамъ ³⁾, рѣчь умирающаго царя къ приближеннымъ—все указываетъ на отчетливое знаніе предмета. По богатству красокъ и подробности также заслуживаетъ вниманія рассказъ о возмущеніи Алексѣя Враны при вступленіи на престолъ Исаака Ангела. Но это событіе касается столицы имперіи; при томъ Никита въ это время занималъ высшую государственную должность и долженъ былъ внимательно слѣдить за событіями въ качествѣ будущаго историка. Признаки непосредственнаго наблюденія въ этомъ описаніи любопытны однако тѣмъ, что по присутствію и отсутствію таковыхъ въ другихъ мѣстахъ можно судить о близкомъ или маломъ знакомствѣ писателя съ предметомъ ⁴⁾. Если, такимъ образомъ, находимъ подобную же точность хронологическую въ такихъ частяхъ исторіи, или въ тѣхъ событіяхъ, о которыхъ вообще знаемъ, что онѣ мало

тъла, г) по прошествіи нѣсколькихъ дней въ Большомъ дворцѣ открываεται приемъ царедворцевъ (съ сентября), д) еще не прошелъ годъ, какъ состоялся заговоръ противъ царя (около декабря), е) по возобновленіи спокойствія въ столицѣ, весной открываεται походъ на востокъ. Замѣтимъ при томъ, что объ Іоаннѣ мы не имѣемъ современныхъ извѣстій: ни Анна, ни Киннамъ не сообщаютъ такихъ подробностей, какъ Никита.

¹⁾ р. 31—32.

²⁾ 49. 10. Εἶδοι μὲν οὖν Ἰαννουάριοι... αἱ τοῦ ἤρος περιτροπαί... ἐπεὶ δὲ ἡ μὲν θέραιος ἦρα... ὁ δὲ χειρῶν... ὑπομειδιᾶν δ' ἀρχομένου τοῦ ἔαρος.

³⁾ р. 54. 11. πρὸς ἑσπέραν... τὴν νόκτα... μετὰ ταύτην ἡμέραν... ἐπιστάσης δὲ ἡμέρας... καὶ τῇ ἑξῆς ἡμέρᾳ...

⁴⁾ р. 492. 7. περὶ δὲ δειλῆν... τῇ δ' ἐπιούσῃ ἄρτι τοῦ ἡλίου...; р. 493. 11 ἕως μὲν οὖν σταθῆρᾶς μεσημβρίας—далее слѣдуетъ пѣвительная картина хорошо вооруженнаго войска, освѣщеннаго лучами солнца; р. 494. 4. καὶ τὰ μὲν τῆς τῶθ' ἡμέρας... ἀνοχέουσας δ' ἐφ' ἡμέραις πέντε; р. 503. 15. μήπω μὲν οὖν μεσοῦσθς ἡμέρας, ἐπεὶ δ' ἥλιος ἔφλεγε; р. 510. 10. καὶ τὴν μὲν τῆς ἡμέρας ἔχειντς διάδοχον νόκτα.... κατὰ δὲ τὴν μετ' αὐτῆν ἕω; р. 513. 6. καὶ τὴν μὲν δειλῆν ὄλην... μέχρι ἑσπέραν; р. 514. 3. πρῶτις γὰρ ἦν ὁ χαῖρός.

обращали на себя внимание писателя, то подобные признаки должны служить несомненнымъ указателемъ, что въ данномъ случаѣ авторъ сообщаетъ то, что самъ видѣлъ. Такъ, начиная съ 1186 года, встрѣчаются весьма точныя и вѣрныя извѣстія о славянскихъ дѣлахъ. Путь Исаака на болгарь, въ которомъ участвовалъ и Никита, описанъ съ такими подробностями, которыя вполне соотвѣтствуютъ тому описанію возмущенія Враны ¹⁾. Подобную же точность встрѣчаемъ въ описаніи движенія крестоноснаго ополченія черезъ земли имперіи, что опять объясняется личнымъ знакомствомъ съ обстоятельствами и участіемъ въ дѣлахъ: при описаніи волненій въ столицѣ, случившихся въ царствованіе Алексѣя III Комнина-Ангела ²⁾ равно въ рассказѣ о столкновеніяхъ съ болгарями и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Нечего говорить о томъ, что обстоятельства, происшествующія и сопутствующія занятію латинянами Царегграда, описаны нашимъ писателемъ съ тою же точностію и наглядностію, каковая проявляется только въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ его исторіи ³⁾; такимъ же особенностями отличается изложеніе бѣдствій, постигшихъ самого Никиту при этой катастрофѣ ⁴⁾.

Живя сначала въ Силимврѣ, а потомъ переселившись въ Никей, Никита не могъ слѣдить за событіями, послѣдовавшими за взятіемъ латинянами Царегграда. Въ описаніи его мѣше встрѣчается точности и полноты; только одно событіе остановило на себѣ преимущественное его вниманіе—это пораженіе, понесенное крестоносцами отъ болгаръ при Адрианополѣ. Потому-ли, что Никита жилъ тогда еще на европейскомъ материкѣ, или онъ постарался обстоятельно разспросить объ этомъ послѣ, только всѣ частности, касающіяся пораженія ла-

¹⁾ p. 518. v. ἐνὸνχίος τοίνυν ἐπορεύετο... μετὰ δὲ τρεῖς ἡμέρας... ἀλλ' οὐκ ἔπαυε παραγγὰς παρῆλθε τέσσαρας... гонецъ задыхался и едва переводилъ духъ; p. 520. n. ὡς δ' εἰς χειμέριον τροπήν... ἤλαυνε ἦλιος; p. 521. v. εἰς ἀνάφανσιν ἔαρος... αἶμα δ' ἤρι φανέντι... ὄλους οὖν μῆνας τρεῖς.

²⁾ См. p. 534—536; p. 694, особенно 696—698; напр. 696. 10: ἔλης οὖν τῆς ἡμέρας ἐκείνης... πρὸς ἑσπέραν... τῇ δ' ὑστεραία; 697. 15. νοκτὸς δ' ἐπιούσης.. δύνατος ἦλιος; p. 698. 18, голова I. Толстаго, вывѣшенная на площади, ἐτι τοῦ αἵματος ἀποβλύζουσα, σασηροῖά τε δεινὸν καὶ μεμυκῖα τῷ ὀφθαλμῷ.

³⁾ p. 717—770; напр.: 717. 10, 718. 14, 719. 9, 721. 2, 723. 28, 728. 18, 730. 11, 743. 7, 744. 11, 745. 8, 752. 28, 753. 4. ὄλην μὲν οὖν ἐκείνην τὴν ἡμέραν... τὴν μετ' ἐκείνην ἡμέραν καὶ τὴν ἐφεξῆς... τῇ ὑστεραία πάλιν ἦτις ἦν δωδεκάτη μὲν... μέση μὲν οὖν ἡμέρα; p. 754. 11, 755. s. 20.

⁴⁾ p. 776—786.

тинянъ, у него разсказаны съ точностію ¹⁾; не менѣе подробны извѣстія о нападеніяхъ на византійскія области болгаръ и кочевниковъ, бывшихъ въ союзѣ съ ними ²⁾. Тамъ, гдѣ въ произведеніи Никиты является больше хронологическихъ указаній, опредѣленности и наглядности, тамъ онъ болѣе достовѣренъ, и наоборотъ. Въ послѣдствіи мы увидимъ, что слабыя части его труда неудачно замаскированы фразой, недомолвками, обиліемъ аллегорій.

II. Выше мы сказали, что относительно Никиты важно опредѣлить литературные приемы его, въ особенности способъ начинать и заканчивать отдѣльные эпизоды. Тѣмъ полезнѣе остановиться на этомъ, что принятое издателями дѣленіе сочиненія на главы весьма произвольно: одинъ эпизодъ раздѣленъ на нѣсколько главъ, и наоборотъ, нѣсколько различныхъ разсказовъ включено въ одну главу. У Никиты находимъ весьма часто такой способъ обозначенія времени: „тогда“, „спустя не много времени послѣ этого“, „но сначала не это было, а вотъ что“; иногда менѣе важное событіе имѣетъ болѣе хронологическихъ указаній, чѣмъ важнѣйшее, разсказываемое какъ бы случайно, по поводу. Употребляются частицы, обороты и цѣлыя предложенія, имѣющія особый смыслъ. Такъ, есть у него излюбленные обороты, которыми начинается рѣчь послѣ перерыва, слова, которыми отвлекается вниманіе читателя къ другимъ фактамъ, выраженія, имѣющія мѣсто передъ обобщеніемъ или анализомъ фактовъ до мелкихъ подробностей, наконецъ, фразы, которыя употребляются тамъ, гдѣ у писателя не достааетъ связи и послѣдовательности.

Мы желали бы здѣсь разъяснить слѣдующее: если изъ прямыхъ указаній Никиты нѣтъ возможности сдѣлать приложенія къ возстановленію хронологіи византійской исторіи, то не существуетъ-ли у него какого-нибудь особеннаго метода, особой системы, которая для насъ осталась не понятою? Не давая утвердительнаго отвѣта на это, предложимъ анализъ какого-нибудь эпизода изъ исторіи Никиты и посмотримъ, какъ ведется разсказъ его. Беремъ сицилійскую войну, начавшуюся при Андроникѣ и конченную его преемникомъ. Цѣль этого анализа будетъ заключаться въ томъ, чтобы опредѣлить: можно ли хронологически прослѣдить факты этой войны по Невитѣ, отчего является у него спутанность извѣстій и какъ выдѣлить ядущее къ

¹⁾ р. 810—814; напр.: 811. 15. 19. 21, 812. 8, 812. 21, 813. 23, 814. 1, 814. 15, 815. 6. 14. 15.

²⁾ р. 832—833.

дѣлу отъ примѣсей; наконецъ, дѣйствительно-ли представляетъ путаницу изложеніе Никиты? Мы устраняемъ себя отъ всѣхъ стороннихъ извѣстій и будемъ имѣть дѣло только съ тѣмъ, что даетъ Никита.

Извѣстія о сицилійской войнѣ начинаются слѣдующими словами ¹⁾: „но Андроникъ всегда занимался такими и другими подобными, и гораздо худшими дѣлами; а Алексій Комнинъ... явившись къ сицилійскому тирану Вильгельму...“ сталъ подговаривать его къ войнѣ съ Андроникомъ. Ясно, что это начало стоитъ въ логической связи съ предыдущимъ. Раньше ведется рассказъ о жестокой казни, къ которой присуждены были Макродука и Дука за сочувствіе къ кипрскому тирану Исааку; этотъ рассказъ опять начинается словами, связанными логически съ предыдущею ²⁾, т. е. съ пятою главою. Въ пятой же главѣ излагается исторія Исаака, внука царя Мануила, до того времени, какъ онъ, сдѣлавшись обладателемъ Кипра, сталъ страшнымъ соперникомъ царя Андроника. Что же мы видимъ изъ этого? То, во-первыхъ, что повѣствованіе о сицилійской войнѣ Никита соединяетъ съ другими, не достойными похвалы, дѣлами Андроника; во-вторыхъ, что цѣль этого повѣствованія — не самый предметъ, а тѣ стороны его, которыя могутъ подкрѣпить несочувственный отзывъ объ Андроникѣ; въ третьихъ, такъ какъ отношеніе причины къ слѣдствію не хронологическое, а логическое, то и въ методѣ Никиты преобладаетъ элементъ логической, внутренней связи между событиями.

Вильгельмъ, король сицилійскій, получивъ отъ Алексія Комнина почти тѣ-же свѣдѣнія о состояніи имперіи, какія уже были переданы ему частію венеціанцами, частію другими иностранцами, изгнанными Андроникомъ изъ Цареграда, направилъ сухопутныя и морскія силы на византійскія области. Пѣшее войско подступило къ Епидамну, овладѣло этимъ городомъ и шло по направленію къ Солуни, а флотъ прямо приплылъ въ солунскій заливъ; такимъ образомъ, славный городъ марсовымъ поясомъ, по выраженію Никиты, окруженъ былъ съ суши и съ моря. Но его погубила не слабость и неопытность защитниковъ, а нерадѣніе сгратига, Давида Комнина. Послѣ непродолжительнаго сопротивленія, Солунь должна была слаться врагамъ. Опи-

¹⁾ р. 384. 10.

²⁾ р. 379. 10. Μὴ ἔχων δὲ ὅπως τὸν ἀπόντα ἐχθρὸν χειρώσεται, ἐπὶ τοὺς ἐγγυθε τρέπει τὸν θυμὸν, ταῦτάν τι δρῶν, ὃ καὶ κίνεος πολλὰκις ποιεῖν εἰώθει.

савъ жестокость и варварскіе поступки съ побѣжденными, писатель дѣлаетъ общій отзывъ объ отношеніяхъ латинянъ къ византійцамъ, говоритъ о ходатайствѣ за соотечественниковъ архіепископа Евстаѳіа. Описаніе завоеванія Солуни занимаетъ мѣсто отъ 384 до 401 стр. Можно предполагать, что описаніе сдѣлано не въ одно время и въ основаніе его легли извѣстія разнаго характера¹⁾. Но любопытно заключеніе: „а какой былъ способъ освобожденія и кого Провидѣніе избрало орудіемъ для этого — пусть ждетъ своего времени“²⁾. За этимъ начинается десятая глава, словами: „А мое повѣствованіе пусть возвратится къ тому, на чемъ оно прервалось: продолжаемъ рассказъ о дѣлахъ царя Андроника“. Но напрасно бы читатель пытался найти здѣсь извѣстія болѣе важныя, чѣмъ сицилійская война: рассказъ объ ней прерывается для того, чтобы помѣстить нѣсколько ужасныхъ картинъ, рисующихъ жестокость, кровожадность и насильственные поступки Андроника. Для этого повторено еще разъ о повѣшеніи братьевъ Севастьяновъ, рассказано о заключеніи въ темницу зятя Андроника, Алексѣя Комнина, о сожженіи въ конномъ циркѣ Мамала, о покушеніи спсечь на медленномъ огнѣ Дисипата, при чемъ сдѣлана оговорка, что слухи о взятіи сицилійцами Енидамна и осадѣ Солуни тревожили Андроника и ослабляли, на короткое время, его кровавые замыслы. Снова повторяется о казни Макродуки и Дуки, предлагается новый случай жестокости въ ослѣпленіи К. Трипсиха; книга заключена слѣдующими словами: „такъ-то шли дѣла въ царственномъ городѣ“³⁾. Если мы будемъ смотрѣть на повѣствованіе о казняхъ, какъ на отступленіе отъ исторіи (стр. 401—410), которое могло бы оправдываться лишь намѣреніемъ автора — описать подробнѣе событія, случившіяся въ самомъ Цареградѣ, то послѣ отступленія должны ожидать снова прерваннаго повѣствованія о сицилійской войнѣ. На стр. 411, дѣйствительно, начинается опять: „сицилійское же войско раздѣлилось на три части, одна оставалась близъ Солуни, другая вторгается въ Серры, третья безъ затрудненія подступаетъ къ Мосинополю“. Въ извѣстіяхъ, помѣщенныхъ здѣсь о сицилійской

¹⁾ Первый пріемъ указывается связнымъ характеромъ изложенія 384—392 стр.; затѣмъ, съ 392 стр., замѣтно частію повтореніе уже сказаннаго, частію картина бѣдствій солунцевъ выставлена рельефнѣе. Подробное обозначеніе времени осады, картина поруганія надъ церковными предметами — безъ сомнѣнія заимствованы изъ Евстаѳіа — р. 398. 19.

²⁾ р. 401. 11.

³⁾ pp. 407. 2—3, 410. 21.

войнѣ¹⁾, замѣчательны слѣдующія особенности: а) подробности, которыя было бы умѣстнѣе дать передъ описаніемъ разграбленія Солуни: ссылка на грамоту царя къ Давиду Комнину, стратегу солунской крѣпости, распоряженіе о высылкѣ войскъ противъ сицилійцевъ, намѣреніе сицилійцевъ идти на самый Цареградъ²⁾. Заключается первая глава II книги словами: „такъ-то это было“, и, потомъ опять слѣдуетъ длинное отступленіе, въ которомъ излагаются обстоятельства, касающіяся столицы и лично царя Андроника; при чемъ изрѣдка дѣлается намекъ, двумя-тремя словами, что сицилійцы продолжаютъ опустошать имперскія области³⁾. Затѣмъ, нужно пропустить все царствованіе Андроника и въ отдѣлѣ объ Исаакѣ искать продолженія сицилійской войны. Припомнимъ, что Исаакъ овладѣлъ правленіемъ въ половинѣ сентября, за мѣсяцъ передъ тѣмъ сицилійцы взяли Солунь. Судя по успѣхамъ перваго движенія ихъ, можно было ожидать, что въ сентябрѣ они далеко уже подвинулись. Но что мы находимъ у Никиты? Указывая на стр. 467 расположеніе сицилійскихъ войскъ, онъ называетъ тѣ-же самыя мѣстности, какія и раньше были упомянуты: т. е., что сицилійское войско почти мѣсяцъ стояло на одномъ мѣстѣ. Одна его часть обязана была оберегать главный городъ Фессалин и оставалась въ этой странѣ съ быстрыми на ходу кораблями; другая дерзко опустошала окрестности Серръ, а третья, продолжая наступательное движеніе, тоже раздѣлялась на отряды: одинъ пилъ и купался въ струяхъ Стримона и грабилъ область Амфиополя, другой бодро двигался впередъ и, какъ бы желая предупредить другихъ занятіемъ Цареграда, раскинулся лагерьмъ въ Мосинополѣ⁴⁾. При Исаакѣ сицилійская война получила весьма благоприятный для Византіи оборотъ. Двумя сраженіями—при Мосинополѣ в Димитрицахъ—византійцы разбили двѣ части неприятельскаго войска⁵⁾ и взяли въ плѣнъ главныхъ предводителей, Ри-

¹⁾ р. 411—415.

²⁾ р. 411. 18. 414. 4. Любопытно, что желакціи черпать изъ Никиты не должны удовлетворяться прочтеніемъ одного отдѣла; надобно просмотрѣть весь мѣсяцъ, гдѣ онъ говоритъ о томъ или другомъ предметѣ. Начиная писать о сицилійской войнѣ, Никита, кажется, не располагалъ тѣми матеріалами, какіе имѣлъ послѣ.

³⁾ р. 435. 22, 437. 22, 440.

⁴⁾ р. 468. 1—2; снеси р. 413. 14—20.

⁵⁾ Второе дѣло было 7-го ноября, подъ вечеръ; выраженіе: τὴν πρόβλητον ἡμέραν, употребленное относительно перваго сраженія, не опредѣляетъ времени.

чарда и Балдуина. Остальные отряды сицилийцев стянулись къ Солуну, думая спастись на корабляхъ, но часть ихъ была избита, другая погибла въ морѣ. Сицилійскій флотъ также постигла бѣдственная участь сухопутныхъ силъ: плавая нѣсколько времени въ виду берега и не встрѣчая подкрѣпленія со стороны сухопутнаго войска, флотъ долженъ былъ оставить всѣ попытки къ высадкѣ. Въ морѣ застгли его бури, отъ которыхъ погибла большая часть кораблей. Въ изложеніи обстоятельствъ этой войны отмѣтимъ слѣдующія черты: а) отсутствіе системы въ описаніи (повторенія, отступленія и вноски); б) однородные факты передаются въ разныхъ мѣстахъ; в) важнѣйшіе эпизоды случайно и намеками вносятся въ повѣствованіе ¹⁾: не кстати переписка между Балдуиномъ и Исаакомъ передается при разсказѣ о событіяхъ послѣ окончанія войны; г) всѣ извѣстія о войнѣ, въ сущности довольно краткія и неопредѣленные, раскинуты на цѣлой сотнѣ страницъ.

Таковъ же характеръ изложенія славянскихъ войнъ, которыя съ особеннымъ напряженіемъ начались со времени Исаака. На стр. 482, по случаю брака императора съ княжной угорской, Никита начинаетъ разсказъ о движеніи между болгарами, виновниками котораго были братья Петръ и Асень. Напрасно бы читатель ожидалъ найти здѣсь связное изложеніе обстоятельствъ, сопровождавшихъ это движеніе: „но теперь не объ этомъ, мой разсказъ будетъ идти по порядку“, обрываетъ Никита. Этотъ странный порядокъ внушаетъ ему мысль—изложить несчастный походъ византійцевъ противъ кипрсаго тирана Исаака, чтобы потомъ снова обратиться къ дѣламъ болгарскимъ ²⁾. „А когда мизійцы ³⁾ задумали явное возстаніе, и когда предводителями ихъ сдѣлались тѣ люди, о которыхъ я сказалъ, царь предпринимаетъ противъ нихъ походъ. Но нельзя и этого оставлять не разсказаннымъ“. Вставивъ тутъ разсказъ о томъ, какую мѣру придумали братья, чтобы придать народному движенію характеръ религіозный, Никита опять повторяетъ: тогда выходитъ противъ нихъ Исаакъ ⁴⁾. Скоро походъ окончился и слѣдствіемъ его было то, что варвары еще смѣлѣе стали нападать на имперскія области. Но писателя занимаютъ не успѣхи болгаръ, а предпринимаемыя противъ

¹⁾ pp. 470. 11, 472. 5, 477 - 478.

²⁾ pp. 483. 5; 483—484; необходимо имѣть въ виду—p. 376—377, 547. 11.

³⁾ οἱ Μισοὶ πρότερον ἄνομάζοντο, νυνὶ δὲ Βλάχοι κληῖσκονται, p. 482. 5.

⁴⁾ p. 487. 4, 485. 5.

нихъ византійцами мѣры. Такъ, онъ приводитъ рядъ неудачно назначаемыхъ противъ Петра и Асеня полководцевъ; упомянувъ объ А. Вранѣ, увлекается его личными дѣлами, сообщаетъ о его покушеніяхъ овладѣть верховною властію, чему, наконецъ, едва не суждено было осуществиться теперь, по назначеніи его главнокомандующимъ въ Болгарію. Мы уже замѣчали ранѣе, что осада Враной Цареграда составляетъ одно изъ самыхъ живыхъ мѣстъ по изложенію; теперь же прибавимъ, что этотъ рассказъ вставленъ въ исторію болгарскихъ дѣлъ и представляетъ, при чтеніи, отступленіе¹⁾. Самостоятельный же и особый рассказъ, не подчиненный общей идеѣ, представляетъ и исторію цесаря Конрада, сына графа монферратскаго. Конрадъ поступилъ въ византійскую службу еще при Мануилѣ; при Исаакѣ онъ снова является ко двору въ качествѣ жениха Θεодоры, сестри императора. Связь этого эпизода съ возмущеніемъ Враны, съ точки зрѣнія писателя, есть связь одновременности²⁾. Можно думать, однако, что есть и другая, внутренняя связь между возмущеніемъ Враны и славянской войной: въ числѣ предводителей войска Враны упоминается князь Елпумъ; сторонники Алексѣя Враны, когда ихъ дѣло не удалось, ищутъ убѣжища у Петра и Асеня³⁾. Какъ бы то ни было, рассказъ о болгарскихъ дѣлахъ, прерванный на 491 стр., возобновляется лишь въ началѣ II книги Исаака, на стр. 515. Но Никиту снова отвлекаетъ цесарь Конрадъ, при чемъ сообщаются извѣстія объ его недовольствѣ царемъ, отправленіи въ Палестину, объ его смерти; убійца Конрада, изъ племени хашишей, наводитъ писателя на мысль—дать извѣстія и объ этомъ племени⁴⁾. Наговорившись довольно о Конрадѣ, Никита обращается къ Исааку, выступившему противъ болгаръ и стоявшему въ Таврокомѣ. Походъ описанъ съ замѣчательными подробностями, потому что самъ Никита принималъ въ немъ участіе. Холодное время и глубокіе снѣга не дали царю возможности подавить движеніе болгаръ и принесть въ

¹⁾ р. 491—497.

²⁾ р. 498. в. καὶ ὡς εἰσέλακε τοὺς γάμους ὁ βασιλεὺς, μετὰ μικρὸν δὲ τῆ τοῦ Βρανᾶ ἐπιχολοῦσθαι ἐπαύταται. Это мѣсто—одно изъ неудачнѣйшихъ въ историческомъ отношеніи. Не говоря уже о томъ, что скучены разнородныя и разновременныя извѣстія—въ одномъ предложеніи втиснуто и то, что послы уговаривали Конрада, и то, что онъ прибылъ съ ними ко двору и женился на Θεодорѣ и, наконецъ, то, что за этимъ послѣдовало возмущеніе Враны.

³⁾ р. 503. в, 510. з.

⁴⁾ р. 516—517.

страну ихъ. Оставивъ тамъ войско, чтобы на весну прямо начать походъ въ горы, царь возвратился въ столицу. Весной, дѣйствительно, походъ состоялся, но императоръ употребилъ три мѣсяца на осаду ерѣвості Ловча и возвратился, не окончивъ предпріятія. „Дѣла пошли еще къ худшему“, прибавляетъ Ниепта. Затѣмъ, на стр. 561, снова начинается разсказъ о дѣлахъ болгарскихъ. „Между тѣмъ, какъ на западѣ дѣла продолжали становиться все хуже..., снова отправляется царь на болгаръ и комановъ“. Но этотъ походъ былъ самымъ несчастнымъ изъ всѣхъ военныхъ дѣлъ Исаака: не только византійцы не сдѣлали ничего для безопасности своихъ владѣній, но, по крайней неосторожности, позволили окружить себя въ тѣснинахъ, гдѣ подъ ударами непріятели пало множество воиновъ, „какъ домашній скотъ, запертый въ хлѣвѣ“¹⁾.

Въ послѣдующее время, когда набѣги болгаръ стали повторяться чаще и опасность отъ нихъ увеличивалась, императоръ далъ новое устройство филиппопольской темѣ, поручивъ управленіе ею своему двоюродному брату Константину, съ титуломъ дукса флота и стратига. Но и эта мѣра, посредствомъ которой военная и гражданская власть сосредоточивалась въ рукахъ одного лица, повела только къ тому, что Константинъ получилъ возможность набрать себѣ сильную партію и стремиться къ царской власти. Когда происки его стали извѣстны двору, Исаакъ приказалъ схватить Константина, лишить его власти и ослѣпить. Съ этихъ поръ болгары и команы не переставали дѣлать нападенія на имперію, опустошая все, что попадалось имъ на пути: подходили къ Филиппополю, осаждали Сардику, даже подступали къ Адрианополю. Въ мартѣ 1195 года Исаакъ предпринялъ противъ нихъ еще походъ, во время котораго лишенъ былъ власти своимъ братомъ²⁾.

Въ описаніи войнъ съ сичилійцами и болгарамъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія черты сходства: 1) отрывочность извѣстій и перерывъ ихъ разными побочными обстоятельствами; 2) обозначеніе времени почти каждаго отдѣльнаго эпизода; 3) частицы, замыкающія и начинающія почти всякій вставной разсказъ; 4) преимущественное вниманіе писателя къ дѣламъ, касавшимся двора и столицы. Выдѣляя всѣ эпизоды, не подходящіе къ предмету, который занимаетъ изслѣдователя, есть возможность свести однородныя извѣ-

¹⁾ pp. 521. 19; 561. 7—8; 563 19.

²⁾ pp. 573; 587. 16.

стія Никиты п расположить ихъ по-годамъ съ приблизительною въ-
пстинѣ точностію (такъ, при Исаакѣ почти всякую весну предпри-
мался походъ на болгарь) ¹⁾. Чтò касается до системы нашего писа-
теля, вредящей отчетливости и затрудняющей пользованіе имъ, то
едва-ли впадемъ въ ошибку, если представимъ такое объясненіе ея.
Въ основѣ исторіи лежитъ хронологическая преемственность фактовъ;
но историческій матеріалъ не всегда былъ подъ руками автора, и
подробности приобрѣтались имъ постепенно. Новыя данныя не вписы-
вались имъ въ соотвѣтствующую часть, а излагались отдѣльнымъ эпи-
зодомъ. Историческое событіе можетъ быть современно другому по
своему началу, развитію, или окончанію; для современника, каковымъ
былъ Никита по отношенію къ описываемымъ событіямъ, трудно уло-
вить значеніе факта въ его зародышѣ, поэтому онъ могъ записать
его уже какъ совершившійся фактъ, и отъ его личнаго взгляда за-
висѣло записать-ли его между событіями одновременными съ періо-
домъ зарожденія, развитія или окончанія другихъ событій.

Такъ какъ эпизодическій характеръ изложенія свойственъ всему
труду Никиты, то указанный приѣмъ выдѣленія однородныхъ извѣстій и
распредѣленія ихъ по категоріямъ дѣлается необходимымъ всякій разъ,
какъ является нужда воспользоваться каковымъ-нибудь извѣстіемъ его.
Трудъ этого рода облегчается частію алфавитнымъ указателемъ къ
исторіи, частію опредѣленными примѣтами, указывающими на отсту-
пленіе, переходъ, окончаніе эпизода и т. п. ²⁾.

¹⁾ Разнообразныя извѣстія Никиты могутъ быть подведены подъ четыре
категоріи: 1) западныя дѣла, 2) восточныя, 3) церковныя, 4) городскія и при-
дворныя извѣстія.

²⁾ Ограничимся указаніемъ мѣстъ болѣе или менѣе важныхъ въ этомъ отно-
шеніи: р. 27. 1, 161. в. και ταυτα μεν συμβεβηκεν υστερον· τότε δε πολυδυναμος
γεγονως; 186. в. αλλα τινα τα παρα ποδας; χρεων γαρ μηδε τούτων αφεξεσθαι...; 208. 1.
αλλα τινα τα επι τούτοις; ερα και στρατειας υπερουριου; 222. 1в. αλλ' ενταυθα της ιστοριας
γενόμενος και ταυτα τοις ειρημενοις προσεπαγαγω; 226. в. ο δε λογος προβαινέτω τοις
εφεξής, και διδοτω τη ιστορία, ως εκαστον εχει; και χρόνου και πράγματος; 247. 10.
αλλ' ενταυθα του λόγου γενόμενος εκείνο εχω ειπειν; 259. 1в. δοτέον τῷ λόγῳ κάκεινα;
274. в. προς δε τοις ειρημενοις κάκεινα δοτέον τη ιστορία; 284. 10. αλλα γαρ ουχ' υπερ-
βήσομαι τι και αλλο των αξίων ειρησθαι, του ιστορειν ενταυθα γενόμενος; 316. 1в. και
ταυτα μεν ειχεν ουτως; 383. в. αλλα γαρ μηδε τουτο παραδραμετω ο λογος; 392. 1в. και
ουτω μεν, ινα καθ' ειρμον αυθις, προιη το λεγειν; 401. 1в. το δε λεγειν επανιτω παλιν,
ουθεν εκβεβηκε; 474. в. και την μεν ιππον ουτως η δικη μετηλθεν; 483. в. αλλα μηπω
περι τούτων, το δε λεγειν προβαινέτω μοι καθ' ειρμον; 485. в. χρη δε κάκεινα μη παρ-
ιδειν ανιστορητα; 487. 4; 506. 20. και τοιουτο μεν ο τότε αγων ειληφε περας; 509. 10.
εω γαρ λεγειν, ως...; 511. 1в—21; 514. 1в. και ταυτα μεν ωδε πη εφερετο; 524. 20. και

Слабья мѣста исторіи Никиты. Намекъ, фраза, двусмыслица.

Слабья мѣста исторіи Никиты объясняются частію незнаніемъ тѣхъ отношеній, о которыхъ онъ говоритъ, частію особеннымъ способомъ его выраженій, которыя, допуская разное пониманіе и толкованіе, затемняютъ смыслъ его рѣчи. Тамъ, гдѣ Никита пишетъ объ извѣстныхъ ему обстоятельствахъ, онъ выражается просто и ясно; если же отступаетъ отъ повѣствовательнаго рода и вдается въ лирической или философской, равнымъ образомъ, если хочетъ что-нибудь сказать о мало извѣстномъ дѣлѣ, то прибѣгаетъ къ фразѣ, риторическимъ оборотамъ и двусмысленнымъ выраженіямъ. Въ первой половинѣ его труда—въ исторіи Іоанна и Мануила—особенно отличаются этого рода недостатками извѣстія о западныхъ дѣлахъ, въ особенности объ отношеніяхъ къ славянамъ, и нѣкоторыя мѣста, касающіяся характеристики упоминаемыхъ въ исторіи лицъ. Важнѣйшіе, замѣченные нами, случаи этого рода слѣдующіе.

Только отсутствіемъ положительныхъ извѣстій и недостаткомъ точнаго знанія можно объяснить, напр., рассказъ Никиты о войнѣ цари Іоанна съ сербами около 1123 года¹⁾: „а не много спустя (послѣ значительной побѣды надъ скинами), объявилъ походъ и на народъ тривалловъ или сербовъ, который злодѣйствовалъ и нарушалъ договоры. Одержавъ полную побѣду и надъ этимъ варварскимъ народомъ, который и въ другихъ случаяхъ не былъ воинственнымъ и всегда подпадалъ господству сосѣдей, онъ принудилъ его къ соблюденію договоровъ“. Такимъ же точно характеромъ неполноты, спутанности и неточности отличается извѣстіе объ отношеніяхъ Іоанна къ торговымъ итальянскимъ городамъ, бывшимъ въ сношеніяхъ съ Византіей; въ нѣсколькихъ словахъ, больше намекающихъ, чѣмъ выражающихъ мысль, онъ обозначаетъ перевѣсъ византійскаго могущества надъ „приморской Италіей“; потомъ прямо переходитъ къ вос-

ταῦτα μὲν εἶπεν οὕτως; 533. 11—14 καὶ τοῦτο μὲν ἐσέπειτα, τότε δ'...; 548. 2. κα ταῦτα μὲν οὕτως; 578. 21. ἀλλ' ἐπανακτέον τὸν λόγον ἐκτραπέμενον τοῦ Ἰγνους ἐφ ὅπερ ὠρμησεν ἐξ ἀρχῆς; 607. 4; 617. 11; 633. 1; 647. 22 καὶ τῆδε μὲν εἶχε ταῦτα; 648. 1—4; 662. 18. ἀλλ' εἶεν; 665. 10; 681. 12 (порча текста); 689. 4; 691. 14; 692. 20; 699. 7; 703. 18. ὁ δὲ κατὰ πόδας ἐπηκολούθησε, τοῦτο δὲ καὶ τῆ ἱστορίᾳ παραβίῳμι; 707. 9; 710. 1; 712. 9; 726. 4; 751. 9; 757. 18; 767. 14; 774. 12; 799. 0; 806. 7; 807. 12; 815. 18; 818. 1; 829. 1; 847. 16; 852. 7.

¹⁾ p. 23. 4—15.

точнымъ дѣламъ: „когда такимъ образомъ усмирены были западные народы 1)“. Никтѣ не извѣстно, что почти постоянно существуетъ соотвѣтствіе между войнами съ имперіей южныхъ славянъ и кочевыхъ народовъ; оттого весьма отрывочны и не полны этого рода факты въ его исторіи. Иногда они вносятся совсѣмъ не туда, гдѣ бы имъ слѣдовало быть, или представляются случайными и маловажными 2); иногда такъ общи и не приложимы къ другимъ извѣстнымъ фактамъ, что ставятъ въ недоумѣніе и заставляютъ заподозрить ихъ истинность 3).

Даже отношенія съ уграми, которыя въ XII в. были довольно не рѣдки и постоянно поддерживались внимательствомъ императоровъ во внутреннія дѣла страны, и тѣ не могутъ быть изучаемы на основаніи Никиты: ему не извѣстны причины внутреннихъ переворотовъ въ Угріи, онъ ошибается въ опредѣленіи родственныхъ отношеній членовъ королевскаго дома 4). Недостатки этого рода Никита почти совсѣмъ не прикрываетъ: не говоря уже о краткости извѣстій 5), въ такихъ случаяхъ онъ прибѣгаетъ къ обобщеніямъ, намекамъ и фразѣ. Такъ, противъ обычая, рѣчь въ войскамъ, во время войны съ уграми, передается не отъ лица императора и не собственными словами его, но въ пересказѣ 6). Война съ сербскимъ жупаномъ, Стефаномъ Неманежъ, въ описаніи Никиты сплошь представляетъ фразу и вымыселъ: „царь управлялся съ сербами, какъ пастухъ съ послушными стадомъ“, „Стефанъ боялся царя болѣе, чѣмъ звѣри царя своего—льва“; „иногда съ одною конницею и свитой царь отправлялся въ горы и устраивалъ тамъ дѣла по своему желанію“ 7). Ясно, что тутъ не историческія черты, а краски народнаго преданія. Личнымъ соображеніемъ писателя отзываются и тѣ мѣста, гдѣ онъ вдается въ объясненіе поступковъ выводимыхъ лицъ, при чемъ незамѣтно для самого себя попадаетъ въ ложное положеніе, прибѣгаетъ къ страннымъ оборотамъ, трудно переводимымъ на другой языкъ образнымъ

1) p. 25. 12—18.

2) 103. 12. Такого рода неточное извѣстіе о сивеской войнѣ: ἐξ ἐφόδου δὲ τοῦ Σκόθης διαδροῆσας, οἱ τὸν Ἰστρον διαβίντες τὰ περὶ τὸν Αἴμον εἰσίνοντο.

3) p. 178. Война съ жупаномъ Лесѣ (Тѣша).

4) p. 24. 13, 167; Nota Du-Cangii ad p. 9. 12 Cinnami. (p. 314).

5) p. 177. 20.

6) p. 197. 18. ἐν ἐπιχώρῳ σπᾶς ὁ βασιλεὺς γίνεται καλῶν καὶ γενναίων λόγων καὶ πολὺ τὸ πιθανὸν ἐχόντων ἀγορητῆς.

7) p. 206—207; ср. 178.

выраженіямъ, ѣдкой насмѣшкѣ и сравненіямъ¹⁾. Слабыя стороны второй половины труда въ сущности тѣ же, что и первой: происходить онѣ частію отъ скудости матеріала, частію отъ стремленія къ историческимъ и витіеватымъ выраженіямъ, частію же отъ недостатка внимательности къ мелочнымъ подробностямъ. Такъ, говоря о заговорѣ порфирородной Маріи, дочери Мануила Комнина, подробности котораго могли быть хорошо извѣстны ему, Никита неожиданно прерываетъ рассказъ, когда нужно было объяснить, отчего не удался тотъ заговоръ²⁾. Но въ иныхъ случаяхъ для него представляется возможнымъ передавать мысли и желанія выводимаго лица, приводить разговоры, которые не могли сдѣлаться достояніемъ общаго знанія, приписывать другимъ собственныя мнѣнія и едва-ли не выдумывать грамоты и письма³⁾. Онѣ выбираетъ изъ событій только тѣ, какія ему нужны, и останавливается не на всѣхъ сторонахъ факта⁴⁾; отсюда происходитъ, что важныя событія упоминаются только мимоходомъ, по поводу какого-нибудь другого событія⁵⁾; эпизоды, тѣсно связанные между собою, раздѣляются мало идущими къ дѣлу вставными рассказами и повѣствованіе объ нихъ раскидывается на нѣсколько страницъ⁶⁾. Иногда Никита начинаетъ рѣчь издалека для поясненія того, что хочетъ сказать⁷⁾, и потомъ обрываетъ ее, изъ опасенія быть обвиненнымъ въ пустословіи. И во второй части указаные недостатки всего болѣе касаются западныхъ, т. е. европейскихъ дѣлъ, хотя войны съ болгарами, начиная съ конца XII в., описаны Никитой съ замѣчательною добросовѣстностію и знаніемъ дѣла. Стремленіе выразить высокимъ слогомъ глубокое чувство приводит писателя къ невѣроятнымъ воззваніямъ къ промыслу: онѣ, напр., жауется, почему покореніе Византіи не было предвозвѣщено знаменіями вѣтопреставленія⁸⁾.

Исторія Никиты, замѣчательная по разнообразію содержанія,

¹⁾ См. слѣдующія мѣста: pp. 18. 1—10, 151. 8, 266. 1—3, 297. 10, 249. 20, 51. 8—9, 704. 11—12.

²⁾ p. 301. 22. *ἐκ δὲ τινος περιπέτειας τοῦ οἴκειου ἐκχρόβεται σχήματος.*

³⁾ p. 407. 5—15; 430. 12; 614—615; 676—677.

⁴⁾ p. 557. 2; 579. 2; 586. 12; 634. 10.

⁵⁾ p. 585. 17; по случаю рассказа о благодѣяніяхъ Исаака упоминаетъ о ожарѣ.

⁶⁾ p. 587. 16—573. 17—590. 12; p. 681. 12—685. 12.

⁷⁾ p. 638. 1. *σαφηνείας ἕνεκα τῶν ῥηθησομένων...*

⁸⁾ p. 760. 10. 16—20.

обильна бытовыми чертами, пословицами и поговорками, схваченными прямо изъ вседневнаго употребленія. Одна эта сторона произведенія можетъ дать богатый матеріалъ для изслѣдователя, который бы занялся исторіей внутренней жизни и языка византійскаго. Къ сожалѣнію, мы не имѣли досуга остановиться и на этой, и на многихъ другихъ сторонахъ исторіи¹⁾. Вынося убѣжденіе, что разностороннее изученіе этого просвѣщеннаго, даровитаго и свободнаго отъ узкаго себялюбія писателя желательно не только въ интересахъ византійской исторіи XII вѣка, но и восточно-европейской культуры вообще, мы не теряемъ надежды, что со временемъ разъяснятся и оправдаются его рѣзкіе и страстные отзывы о современникахъ, бросавшіе тѣнь подозрѣнія на его достовѣрность и искренность.

V.

Мелкія сочиненія Никиты Акомината изъ Хонъ.

Исторія Византіи представляетъ не мало эпохъ, которыя описаны современниками и очевидцами. Достаточно указать на эпоху Юстиніана, описанную Прокопіемъ, эпоху Алексѣя I Комнина, воспроизведенную Анной, эпоху Ангеловъ, нашедшую историка въ Никитѣ Хонскомъ. Но эти исторіи, будучи современниками описываемыхъ ими событій и представляя собою почти единственный, доступный изслѣдователю того или другого періода, историческій матеріалъ, стра-

¹⁾ Изъ бытовыхъ чертъ въ особенности любопытны тѣ, которыя представляютъ сходство съ бытовыми чертами до-петровской Руси. Таковы всѣ мѣста, гдѣ говорится про суевѣріе, про гоненія на колдуновъ и чародѣевъ; таковы же: извѣстія о врачахъ, лѣкарствахъ, взглядъ на врачебную науку (р. 54); наказанія, опредѣляемыя высшимъ лицамъ (479, 256); черты изъ домашней жизни царей (55, 74, 78—79, 379); театральныя представленія (376, 674); сношенія съ иностранцами (491.) Поговорки, взятыя изъ вседневнаго употребленія, затрудняя пониманіе Никиты, придають разнообразіе и силу его языку. Частію онѣ уже выбраны изъ произведенія Никиты и помѣщены въ Библиотекѣ Фабриція т. 7, въ Index Scriptorum, подъ словомъ Proverbia, потомъ перепечатаны у Мина. Patrologiae Cursus completus, т. 140, стр. 1575; тутъ же помѣщенъ указатель древнихъ писателей и поэтовъ, о которыхъ упоминаетъ или слова которыхъ приводитъ Никита.

дають, съ одной стороны, недостатками, общими всей византійской историографіи—пристрастіемъ, односторонностію и вымысломъ, съ другой—каждый изъ нихъ имѣеть еще свои особенныя, частныя недостатки. Если бы разработка исторіи Византіи должна была опираться исключительно на этихъ главныхъ писателей цѣлой эпохи, то, понятно, на ней по необходимости отразились бы всѣ слабыя стороны источниковъ. Недостаточность и скудость оффиціальныя источниковъ византійской исторіи почувствовалась особенно послѣ того, какъ византинистамъ, послѣ усердныхъ поисковъ въ архивахъ и библіотекахъ разныхъ европейскихъ городовъ, посчастливилось открыть новыя матеріалы для византійской, особенно провинціальной исторіи. Въ своихъ брошюрахъ, монографіяхъ и ученыхъ статьяхъ, указывая на важность новыхъ матеріаловъ, они проводили мысль, что разработка и правильная постановка византійской исторіи можетъ быть обязана именно подобнаго рода находкамъ и изданіямъ.

Извѣстно, что византійцы весьма много заботились о словесномъ образованіи и ораторскомъ искусствѣ. Общество поощряло литературныя дарованія, отъ должностныхъ людей требовало краснорѣчія и образованности. Не удивительно поэтому, что Византія въ IX—XII вв. представляла не мало литературныхъ талантовъ и словесныхъ произведеній. Воспользоваться этого рода памятниками современности: житіями, рѣчами и письмами, т. е. издать, привести во взаимную связь, указать на ихъ значеніе для эпохи и поставить въ соотвѣтствіе съ извѣстными уже историческими источниками, является, такимъ образомъ, настоятельнымъ требованіемъ и задачей современнаго византиниста. Если такихъ неоффиціальныя источниковъ византійской исторіи пока издано еще весьма мало, то надо вспомнить, какъ недавно обращено и вниманіе науки на этого рода матеріалы и какъ мало людей посвящали свои силы и досугъ на подобную работу. Относительно Византіи первое мѣсто между учеными этого рода принадлежитъ Тафелю. Изданіемъ отрывковъ житія Дмитрія Солунскаго и другихъ мелкихъ сочиненій, относящихся до исторіи Солуни, онъ показалъ цѣль, къ которой должны направляться такія работы; для исторіи XII вѣка тотъ же Тафель сдѣлалъ весьма важную заслугу изданіемъ мелкихъ сочиненій Евстація Солунскаго ¹⁾. На ряду съ нѣмцами, взялись за подобный же трудъ греки: въ спеціальныхъ сочиненіяхъ, равно какъ въ повременныхъ изданіяхъ,

¹⁾ Tafel, De Thessalonica eiusque agro 1839 г. Eustathii Opuscula, 1832.

они представили довольно новых матеріаловъ для освѣщенія средней-ковой исторіи Византіи. Отдѣльные труды весьма не многихъ, впрочемъ, ученыхъ остаются, однако, до сихъ поръ матеріаломъ, которымъ никто еще не пользовался. На сколько намъ извѣстно, ни изданіями Тафеля, ни Еллиссена ¹⁾, ни Саае не воспользовались еще ученые для новой обработки исторіи Византіи XII вѣка. Ученый грекъ Саае принялъ въ 1872 году изданіе греческихъ писателей ²⁾, которые въ его книгѣ еще въ первый разъ являются достояніемъ науки. Въ первомъ томѣ его изданія помѣщено нѣсколько рѣчей и писателя Никиты Авомината изъ Хонъ. Что не всѣ сочиненія Никиты изданы въ собраніи византійскихъ историковъ, это было извѣстно и ранѣе. Уже Фабрицій обратилъ вниманіе ³⁾ на то, что въ кодексѣ Наніановомъ есть много неизданныхъ рѣчей и писемъ Никиты. Кстати упомянуть, что не издано вполнѣ весьма объемистое сочиненіе его — объ ересяхъ ⁴⁾. Саае издалъ тѣ слова и рѣчи нашего писателя, которыя находятся въ рукописи Маркіановой бібліотеки, описанной Мингарелли и I. Мюллеромъ ⁵⁾. Помѣщая эти слова, онъ дѣлаетъ оговорку, что въ скоромъ времени обнародуетъ и другія неизданныя сочиненія Никиты — историческія слова и письма, при чемъ обѣщаетъ остановиться и на самомъ писателѣ ⁶⁾.

Можно понять, какъ желательно осуществленіе обѣщанія Саае. Никита очень не расположенъ къ современникамъ, много останавливается на дурныхъ качествахъ императоровъ и правительства; измѣнивъ въ сужденіяхъ и не всегда вѣренъ имъ же самимъ высказанному взгляду на то или другое лице. Не говоримъ уже о томъ, что для пониманія событій XII вѣка мало извѣстій одного Никиты и Киннама: желательно, чтобы нашлись матеріалы, менѣе пристрастно относящіяся къ событіямъ и лицамъ, такіе источники, которые бы бросили взглядъ на факты съ другой точки зрѣнія. Мы съ живымъ интересомъ начали вчитываться въ слова Никиты, желая найти въ нихъ разъясненіе тѣхъ недоумѣній, которыя породило въ насъ чтеніе его исторіи. Мы не скрывали отъ себя, что слова и рѣчи суть особый

¹⁾ Ellissen, Michael Acominatos v. Chonā, Göttingen 1846.

²⁾ Σααα, Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη. I. εν Βενετία, 1872. (обыкновенно цитруется — Sathas.)

³⁾ Fabricii, Biblioth. Graeca VII. p. 738.

⁴⁾ Thesaurus orthodoxae fidei.

⁵⁾ Sitzungsberichte der kaiserlich. Acad. der Wissensch. in Wien. 1853. B. IX, . 338.

⁶⁾ Sathas, Bibl. Graeca, σελ. ιγ.

родъ произведеній, къ которому нужно относиться съ осторожностію: слова и рѣчи говорились передъ лицомъ государей, которымъ служилъ Никита. Составитель слова обязанъ былъ рассчитывать на впечатлѣніе, подчиняться требованіямъ придворнаго этикета и преувеличивать до громаднхъ размѣровъ нравственныя достоинства и дѣла императора, въ честь котораго составлялось слово. Пусть подобныя требованія въ извѣстной мѣрѣ ограничивали оратора, пусть историческій фактъ, упоминаемый въ словѣ, утрачивалъ много жизненной правды; все-таки слово произносилось подъ живымъ впечатлѣніемъ факта: въ немъ можно найти краски, которыхъ не достаетъ историческому произведенію. При изученіи византійской исторіи чувствуется недостатокъ не въ фактическихъ данныхъ, но въ связи и законной ответственности ихъ, въ освѣщеніи и сопоставленіи ихъ между собою.

Сава помѣстилъ въ I части своего изданія слѣдующія слова Никиты: 1) рѣчь къ императору Исааку Ангелу; 2) извѣстительное посланіе къ патріарху и синоду; 3) слово на возвращеніе императора Алексѣя Комнина съ востока; 4) слово къ императору Алексѣю Комнину по случаю возвращенія его съ запада; 5) силенціумъ или публичная рѣчь, составленная по случаю провозглашенія Θ . Ласкариса владѣтелемъ восточныхъ областей имперіи и занятія латинянами Цареграда; 6) слово къ Θ . Ласкарису, императору восточныхъ областей имперіи; наконецъ, 7) слово къ Θ . Ласкарису по случаю убіенія имъ иконійскаго султана¹⁾. Итакъ, мы имѣемъ семь похвальныхъ словъ, и всѣ онѣ, за исключеніемъ послѣдняго, касаются событій, описанныхъ Никитой въ исторіи. Попытаемся разобрать содержаніе этихъ мелкихъ сочиненій нашего писателя и указать, что новаго привносятъ онѣ какъ въ исторію XII вѣка вообще, такъ и для характеристики Никиты. При этомъ мы обозначимъ, къ какому историческому моменту и къ какому времени относятся указанные слова, также попытаемся объяснить и примирить различіе во взглядахъ на одинъ и тотъ же фактъ по исторіи и по похвальному слову.

I. Рѣчь къ Исааку Ангелу. Если освободить эту рѣчь Никиты отъ обильныхъ риторическихъ украшеній, которыми она поражаетъ и затрудняетъ читателя, то содержаніе ея представитъ такой рядъ мыслей. Императоръ Исаакъ Ангель лично предпринимаетъ походъ на варваровъ, ораторъ говоритъ ему напутственное слово²⁾. „Еще не

¹⁾ Sathas, Bibliotheca Graeca 1. pp. 73—136. Рѣчь, отмѣченная № 5, была произнесена самимъ императоромъ; но редакція ея принадлежитъ Никитѣ.

²⁾ Τοῦ σεβαστοῦ λογιότητος τῶν σεκρέτων καὶ ἐπὶ τῶν κρίσεων, γεροντότος δὲ κα

усиѣлъ отдохнуть ты отъ заботъ, которыя доставили козни нѣмцевъ, какъ повторяющіеся набѣги изъ-за Дуная, со стороны скивовъ, заставили снова избрать лагерную жизнь и взять въ руки оружіе. Скоро Пропонтида покроется военными судами и рѣка Дунай, разсылаемая римскими веслами, понесетъ стоны и крики варваровъ. Струп Дуная, окрашенный кровію враговъ, разгласятъ о твоихъ подвигахъ народамъ, черезъ земли которыхъ потекутъ; онѣ докажутъ этимъ мужамъ кровей, что положенъ предѣлъ злымъ умысламъ ихъ противъ римлянъ, что имъ остается просить мира у тебя, богоравнаго царя. Ты уже совершилъ много прекрасныхъ подвиговъ, но гораздо величественнѣе тѣ, что ожидаютъ тебя при томъ счастьи, которое всегда покровительствуетъ римлянамъ. Думать такъ заставляетъ меня не пустое хвастовство и не обманчивая надежда, но всегдашнее смотрѣніе Божіе объ насъ и твое мужество въ бояхъ. Тебѣ, какъ Давиду, обѣщано, что ни врагъ не оскорбитъ тебя, ни сынъ беззаконія не наложить руки. Мы уже привыкли торжествовать побѣды, знаемъ, что и предпринимаемая война украсится триумфомъ И начало и конецъ каждаго предпріятія твоего мы обыкновенно сопровождаемъ радостями и пѣснями, и если бы разлука съ тобою не лежала тяжкимъ бременемъ на нашемъ сердцѣ, то все время похода мы бы провели въ веселіи. Ибо что сдѣлаетъ непріятель съ тобою, царемъ побѣдителемъ; какое сопротивление окажетъ глиняный горшокъ котлу?.. Но, боголюбезный государь, любящій опасности болѣе всѣхъ самодержцевъ! такъ какъ тебя не останавливаютъ отъ предпріятого дѣла ни труды, ни опасное время, ни тяжелая дорога, намъ остается только посылать напутственныя благожеланія... и надѣяться, что ты, исполнивъ по волѣ сердца своего съ тѣми отступниками и сопредѣльными съ ними скивами¹⁾, возвратишься къ намъ съ Эмскихъ горъ—блестательный и лучезарный, какъ Моисей съ горы Синаи⁴⁾.

При чтеніи этого слова прежде всего поражаетъ читателя лѣсть и преувеличеніе достоинствъ Исаака Ангела. Мы не привыкли слышать отъ Никиты похвалу правительственнымъ лицамъ; здѣсь же выдумываются побѣды, и за будущіе трофеи императоръ увѣнчи-

ἐφόρου Νικήτα τοῦ Χωνιάτου προφάνημα εἰς τὸν βασιλέα κῆρ Ἰσαάκιον τὸν Ἀγγέλου. ἐγράφη δὲ ἄρτι γεγονότος αὐτοῦ κριτοῦ τοῦ βήλου.

¹⁾ Sathas, p. 76. καὶ συμπεράνας τὰ κατὰ τοὺς ἀποστάτας καὶ τοὺς ἀντιπρόσθετους αὐτοῖς Σκύθας—мѣсто, замѣчательное въ томъ отношеніи, что дѣло идетъ, какъ видно, о походѣ не на скивовъ только, но и на другихъ враговъ, въ союзѣ съ которыми скивы воевали противъ Византіи.

вается лаврами. Въ читателѣ, незнакомомъ съ языкомъ и литературнымъ методомъ Никиты, можетъ даже возродиться сомнѣніе: дѣйствительно-ли принадлежатъ перу автора исторіи Исаака сейчасъ приведенныя слова. Можемъ увѣрить, что слогъ и языкъ какъ исторіи, такъ и слова, одинъ и тотъ же, но разны взгляды на предметъ: въ исторіи независимое мнѣніе умнаго писателя, въ словѣ фраза и лесть придворнаго оратора ¹⁾.

Не останавливаясь на доказательствахъ принадлежности этого слова перу Никиты, переходимъ къ разрѣшенію другого вопроса: когда состоялся походъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, есть-ли возможность приурочить его къ какимъ-нибудь событіямъ, внесеннымъ въ исторію Никиты? Сначала отмѣтимъ нѣкоторыя черты, которыя могутъ помочь въ опредѣленіи обстоятельствъ этого похода, а потомъ посмотримъ, какое извѣстіе о походахъ Исаака на скифовъ можетъ всего ближе подойти къ извѣстію слова. 1) Изъ содержанія слова можно вывести, что самъ писатель не получилъ приказанія сопутствовать императору въ этомъ походѣ: онъ представляетъ императора удаляющимся, а себя остающимся безъ его лицезрѣнія—откуда печаль и сожалѣніе ²⁾. 2) Походъ состоялся вскорѣ за прослѣдованіемъ крестоносцевъ въ святую землю ³⁾. 3) Это былъ уже не первый походъ Исаака противъ славянъ и кочевыхъ народовъ ⁴⁾. 4) Есть нѣсколько указаній на время года, когда состоялся этотъ походъ ⁵⁾.

Императоръ Исаакъ Ангелъ два раза былъ на престолѣ византийскомъ: въ первый—отъ 1185 до 1195 года, во второй—въ 1203 г.,

¹⁾ Языкъ Никиты весьма примѣтенъ по образамъ и картинамъ и по употребленію словъ, чуждыхъ аттическимъ писателямъ. Ср. о воинственномъ царѣ Sathas, p. 73 и Nicet. p. 18; о Дунаѣ, который разноситъ славу подвиговъ византийцевъ: Sathas, p. 74 и Nicet. p. 201., 806. 17, еще Sathas p. 97. Эпитеты, какъ Ἰστρος ὁ βαθυδίνης, свойственны слову и исторіи; также тексты изъ псалмовъ и выраженія, напр.: ταῦτα δὲ μοὶ φαντάζεσθαι δίδωσιν...; противоположеніе военныхъ силъ имперскихъ и варварскихъ, въ выраженіи: χύτρα πρὸς λέβητα—Sathas, p. 75, Nicet, p. 260. 3, и мн. др.

²⁾ Ἀπαίρεις ἐξ ἡμῶν... καὶ ἡμεῖς ἐαυτῶν ἀφιστάμεθα...; ὡς ὁ τῆς ἡμέρας οὗτος λαμπτήρ ἥλιος... μεταβαίνει; на стр. 75 ὡς τε εἰ μὴ τοῦτ' αὐτὸ μόνον τὸ ἐξ ἡμῶν ὁποσονοῦν σε διίστασθαι μέσως τῆς καρδίας καθήπτετο.

³⁾ p. 73. μὴ δ' ἀνοχεύσας τῶν φροντίδων, ἃς ὑπήνεγκας τὰς Ἀλαμανικὰς δολοφροσύνας ἀποκρούμενος.

⁴⁾ Ibid. καὶ χθές μὲν καὶ πρὸ τρίτης βασιλικῆς μεγαλονοίας ἔργον εἶναι οἰήσεις προκαταληφθῆναι τὰς δι' Ἰστροῦ καθ' ἡμῶν ἐκβολὰς τῶν Σκυθῶν.

⁵⁾ p. 76. ἐπιστολῆ κυνός, σειρίου φλόγωσις.

и царствовалъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Алексѣемъ IV. Здѣсь рѣчь идетъ объ отношеніяхъ, случившихся въ первый періодъ его царствованія. Съ первыхъ же лѣтъ правленія Исаака, въ Болгаріи началось сильное движеніе, которому предводители Петръ и Асень сумѣли придать національно-религіозный характеръ. Въ союзѣ съ половцами, которыхъ византійцы обозначали именемъ скпеовъ, болгары ежегодно переходили Дунай, грабили имперскія области и возвращались въ горы съ богатою добычей. Императоръ предпринималъ походы за Дунай, но почти всякій разъ его предпріятія ограничивались ничтожными результатами, по случаю трудностей движенія въ горахъ, быстроты и неожиданныхъ нападений непріятели. Поэтому не легко приурочить къ опредѣленному времени тотъ походъ, о которомъ говоритъ Никита въ своей рѣчи. Если выходить изъ того основанія, что не задолго передъ походомъ Исаакъ занялъ былъ дѣломъ съ нѣмецкими крестоносцами, проходившими въ святую землю черезъ предѣлы имперіи, то нужно будетъ принять, что здѣсь рѣчь идетъ о походѣ послѣ 1180 года, потому что Фридрихъ I проходилъ черезъ Византію въ концѣ 1189 и началъ 1190 года. Дѣйствительно, лѣтомъ 1191 года Исаакъ предпринималъ походъ на болгарь; это было одно изъ несчастнѣйшихъ военныхъ дѣлъ: послѣ бесполезныхъ двухмѣсячныхъ переходовъ, царское войско было заперто въ тѣснинахъ, почти все перебито, и самъ Исаакъ едва спасся бѣгствомъ ¹⁾. Въ этомъ походѣ Никита не сопутствовалъ императору. При такомъ предположеніи становится понятнымъ, почему въ напутственной рѣчи не дѣлается упоминанія о важнѣйшихъ событіяхъ первыхъ лѣтъ царствованія Исаака: возмущеніяхъ Враны и кипрскаго тирана Исаака. Съ другой стороны, рѣчь представляетъ такъ мало опредѣленныхъ данныхъ, что мы не рѣшаемся положительно отнести ее именно къ 1191 году.

II. Болѣе опредѣленныхъ чертъ представляетъ извѣстительное посланіе ²⁾. Исаакъ, предпринявъ походъ за Дунай, одержалъ побѣду надъ врагами и извѣщаетъ объ этомъ патриарха и синодъ. Посланіе написано отъ имени царя, но составлено Никитой, который, въ качествѣ секретаря, сопутствовалъ ему въ этомъ походѣ.

„И еще благодареніе Богу, который даровалъ царству моему по-

¹⁾ Nicet, p. 561—562.

²⁾ Τοῦ αὐτοῦ ἐπαγαγνοστικόν εἰς τὸν πατριάρχην καὶ τὴν σύνοδον ἐγράφη δὲ ἐκ τούτου αὐτοῦ γραμματικῶ βασιλικῶ καὶ συνεκστρατεύοντος βασιλεῖ.

бѣду надъ скивами; да будетъ благословенно имя Его за то, что Онъ обращаетъ въ бѣгство моихъ враговъ и уничижаетъ всякаго непріятеля ¹⁾. Недавно вы узнали изъ моей грамоты, какъ Господь возвысилъ стопы царства моего, сравнялъ для меня всякій холмъ, сдѣлалъ непроходимыя мѣста проѣзжими и разсѣялъ непроглядную тьму среди отступниковъ. Одни изъ непріятелей сдѣлались добычею меча, и разбросанные трупы ихъ гніють на полѣ битвы, другіе закованы въ дѣши, ивые, думая спастись бѣгствомъ, получили, наконецъ, жизнь по милости моеѣ. Такими дѣлами Господь недавно возвеличилъ насъ. Настоящія благодѣнія Божиіа также показываютъ Его попеченіе объ насъ. Варварское скопище, снова начавшее враждебныя дѣйствія, подверглось новымъ бѣдствіямъ; приглашенные имъ на помощь союзники погибли злою судьбой. Ибо, одержимый бѣсомъ Петръ, рожденный и выросшій на тяжкое горе варварамъ, обитающимъ въ горахъ Эмскихъ, поднявшій возстаніе и непонятнымъ образомъ избѣгавшій должнаго наказанія, подражаетъ діаволу, вселившемуся въ него. Онъ переправился за рѣку Дунай и вошелъ въ переговоры съ обитающими тамъ скивами. Соглашеніе ихъ состоялось на томъ, чтобы скивы напали на одну крѣпостцу, оставленную мною около горъ Эмскихъ; за это имъ обѣщана была условленная плата и дано позволеніе переправиться черезъ горный проходъ или желѣзные ворота, сдѣлать набѣгъ на области царства моего, брать на шить византійскія селенія и грабить имущество жителей; на всемъ пути они могли пользоваться бесплатными проводниками. Скивы съ радостію изъявили согласіе на предложеніе этого отступника и, подобно весеннимъ пчеламъ, толпами устремились по указанной дорогѣ ²⁾. Въ числѣ нѣсколькихъ хліадъ они миновали Эмъ и вторглись въ наши селенія. Проводниками ихъ и союзниками были влахи (болгары), возвратившіеся на прежнюю блевотину ³⁾, измѣнчивые какъ натанутый лубъ, на которыхъ, какъ на каменистую почву, царство мое тщетно изливало елей милости: этотъ невѣрный и прелюбодѣйный родъ, помраченный плотскою страстью, склонный къ насилію, на который и Господь воздаяній, не вынося болѣе его беззаконныхъ дѣлъ, не замедлитъ излить гнѣвъ Свой. И вотъ они грабятъ

¹⁾ И здѣсь мы опускаемъ украшенія, а передаемъ только сущность.

²⁾ Слѣдуетъ нѣсколько строкъ о вооруженіи и способѣ веденія войны у скивовъ, р. 79; ср. Nicet. р. 21—22.

³⁾ οἱ ἐκ τῶν Βλάχων ἀπειθόντες εἰς τὸν πρότερον ἔμετον, р. 79.

все, что попадается на пути, наводятъ всевозможныя бѣдствія, за-
калая, губя, дѣлая жертвою пламени. Узнавъ объ этомъ и не вида
ничего добраго въ будущемъ, но понимая, что набѣгъ ихъ грозитъ
крайнею опасностію, царство мое предпринимаетъ этотъ походъ не
изъ любви къ войнѣ и не съ тѣмъ, чтобы похвалиться передъ вами
новою побѣдой. Я старался поспѣшно собраться въ походъ и, если
возможно, въ четыре дня встрѣтиться со врагомъ и сразиться съ
нимъ. Но вышедшіе со мной, не многіе по числу, родственники, от-
казались отъ поспѣшнаго похода, ссылаясь на то, что у нихъ не
достаетъ вьючнаго скота и верховыхъ лошадей и находя труднымъ
дѣлать большіе переходы. Такъ, замедливъ движеніе, царство мое
достигло мѣстечка Ἀλλαγή во Фракіи, черезъ которое протекаетъ
рѣка Ταυρόκανος; тутъ явился соглядатай, который поспѣшно, въ от-
рывочныхъ фразахъ ¹⁾, далъ понять, что отрядъ команъ находится
въ Вастернѣ (κατὰ Βαστέρνας). Я далъ отряду приказаніе остано-
виться и остатокъ дня употребилъ на приготовленіе къ дѣлу воин-
новъ, оказавшихся на лицо, раздавъ коней тѣмъ, кто не имѣлъ ихъ.
На слѣдующій день, 8-го октября, раннимъ утромъ, на легкѣ по-
шелъ я по дорогѣ, ведущей къ мѣсту расположенія непріятеля: не
взято было ни царской палатки, ни украшеннаго золотомъ ложа, ни
царскаго сѣдалища, ни вышитыхъ золотомъ покрываль. Мы имѣли
дѣло съ непріателемъ, быстрымъ въ нападеніи и поспѣшнымъ въ от-
ступленіи, который, при одномъ слухѣ объ опасности, дрожалъ отъ
страха. Ибо узнавъ, что царство мое слѣдуетъ почти по пятамъ
ихъ, они ударились въ поспѣшное и безпорядочное бѣгство, желая
безбѣдно избѣжать руки нашей. А мое царство, освѣдомившись объ
этомъ отъ посланныхъ впередъ соглядатаевъ, устремило все свое
вниманіе на соединеніе войска. Часть его поручена была благород-
ному зятю моему, господину Андронику Кантакузину, съ тѣмъ чтобы
онъ оберегалъ округъ Анхіальскій, самъ же я пошелъ по дорогѣ,
ведущей къ Вероѣ, желая доставить безопасность этой области.
Еще не прошелъ я четыре парасанга, какъ предсталъ другой вѣст-
никъ передъ царствомъ моимъ, блѣдный отъ страха, едва переводя-
щій духъ и выражающій на лицѣ печальную вѣсть ²⁾. Онъ говорилъ.

¹⁾ р. 80. ἀγγελιαφόρος περιτοχάνει, ὅς οὐκ ἐκ περιόδων οὐδὲ κυκλοῦμενος ταῖς λόγοις, ἀλλὰ βραχυλογῶν ἐφθέγγετο — мѣсто, имѣющее значеніе для опредѣленія времени описываемаго здѣсь похода.

²⁾ р. 81. χλωρὸς ὑπὸ δέους καὶ τὸ ἄσθημα συχνακίς ἀνακαλοῦμενος, κατὰ τοῦ προ-
σώπου φέρων τὸ τῆς ἀγγελίας κακόν.

что въ Лардеѣ находится нѣсколько десятковъ тысячъ скѣновъ. Тогда я поспѣшилъ по тому направленію, раздѣливъ на отряды находившееся при мнѣ войско: одну часть поручилъ возлюбленному племяннику моему, протостратору Мануилу Камицѣ, другую инымъ вождямъ. Прошедши около 50 стадій, я встрѣтилъ варварское войско, расположившееся на одномъ мѣстѣ и окруженное добычею. Однихъ плѣнниковъ было около 12 хиліадъ; животныхъ же было такое множество, какъ звѣздъ на небѣ, такъ что они растянулись длиннымъ хвостомъ на протяженіи 6 стадій, когда варвары обратились въ бѣгство. Когда мы сошлись лицомъ къ лицу, часть скѣновъ погнала впередъ добычу, другая вступила съ нами въ сраженіе; скиѣны на бѣгу дѣлаютъ нападеніе—такое ихъ военный обычай. Но скоро они обращены были въ бѣгство: преслѣдованіе и избіеніе ихъ простиралось на 60 стадій пространства. Наши разсѣлились въ преслѣдованіи по-два и по-три, весьма не многіе гнались за ушедшими впередъ скиѣнами; тогда варварамъ явилась неожиданная помощь—человѣкъ въ 1000 или болѣе, и они стремительно напали на нашихъ, въ безпорядкѣ гнавшихся за ними. Войско царства моего, испуганное крикомъ враговъ, обратилось въ бѣгство; варвары понеслись за нами и стали убивать отстававшихъ. Дѣло могло бы кончиться величайшимъ несчастіемъ, если бы я не приказалъ крикнуть немногимъ, слѣдовавшимъ за мной, и не напугалъ варваровъ звономъ щитовъ. Замѣтивъ царское знамя и узнавъ о моемъ присутствіи, они не выдержали нашего нападенія, обратились въ безпорядочное бѣгство, разсѣлились въ разныя стороны и сдѣлались легкою добычей нашихъ наѣздниковъ. Тогда одинъ нападалъ на многихъ, двое на цѣлый десятокъ; и если бы ночь не прикрыла нѣкоторыхъ, то едва-ли бы остался кто-нибудь, чтобы дать знать своимъ о несчастіи. Доставивъ эту побѣдой радость моимъ подданнымъ, на стоящую грамотой кратко извѣщаю васъ о случившемся, чтобы вы знали, въ какомъ положеніи находится дѣло, усердно славословили Бога и просили у Него другихъ благодѣяній“.

Это посланіе Исаака, редакція котораго принадлежитъ нашему писателю, заслуживаетъ полнаго вниманія по нѣкоторымъ подробностямъ, которыхъ напрасно стали бы мы искать и въ исторіи Никиты, и въ другихъ тогдашнихъ произведеніяхъ. Главнѣйшій интересъ возбуждаетъ оно по рѣзкой характеристикѣ отношеній болгаръ къ кочевымъ народамъ, команамъ или половцамъ русскихъ лѣтописей, по своеобразной точкѣ зрѣнія на дѣятельность Исаака Ангела,

наконецъ, по живому отношенію къ событію, такъ какъ оно составлено, по видимому, вслѣдъ за описаннымъ въ немъ дѣломъ съ болгарами и команами, еще до возвращенія императора въ столицу. Чтобы обозначить мѣсто, какое это посланіе должно занять въ ряду историческихъ извѣстій того времени о войнахъ съ болгарами, мы должны сдѣлать анализъ содержанія его. Ясно, что въ посланіи упоминается о двухъ случаяхъ столкновеній съ болгарами¹⁾, и что между обоими столкновеніями или походами былъ значительный промежутокъ времени. Для составителя посланія была возможность обобщить оба эти похода и заразъ упомянуть объ нихъ именно потому, что въ томъ и другомъ перевѣсъ былъ на сторонѣ византійцевъ. Ему нужно было нарисовать бьющую въ глаза картину, для чего и воспользовался онъ частію красками предыдущаго пораженія болгаръ. Какъ ораторское произведеніе, посланіе представляетъ слѣдующія части: сначала предлагается вступленіе, потомъ слѣдуетъ изложеніе обстоятельствъ похода, при чемъ обозначены причины его (нападеніе скифовъ по подстрекательству Петра) и картина грабежа и убійства внесеннаго кочевниками въ византійскія области; наконецъ, описано дѣло при Лардеѣ²⁾. И такъ, въ посланіи нужно различать три части: упоминаніе о предшествовавшемъ походѣ византійцевъ и о побѣдѣ ихъ надъ болгарами; новое нападеніе болгаръ на вмаерскія области въ союзѣ со скивами; новый походъ Исаака и одинъ эпизодъ изъ него—сраженіе при Лардеѣ.

Сравнивая заключающіяся въ этомъ посланіи данныя съ тѣми, которыя сообщаетъ Никита въ своей исторіи царствованія Исаака Ангела, мы находимъ между тѣми и другими, въ сущности, полное сходство. Какъ тамъ, такъ и здѣсь замѣтно свидѣтельство очевидца³⁾; въ томъ и другомъ произведеніи видны: одна редакція,

¹⁾ p. 77. Χάρις καὶ πάλιν θεῶ. . πρότερον μὲν γὰρ, καθάπερ φησάντες ἐνηχῆθητε εἰς ἀκοήν ὅτι οὗ ἀνεληχθέντων τῶν χαροποιῶν ἐκεῖνων καὶ εὐαγγελίων γραμμάτων τῆς βασιλείας μου, ἦν ἡ καὶ τῶν ποτὲ βασιλῆς παϊάνων ἐμπλεως ἦν, καὶ παρὰ στενωποῖς τε καὶ ἀγριαῖς ἐθόετο θεῶ εὐχαριστήρια...; καὶ χθες μὲν καὶ πρὸ τρίτης τοιοῦτοις ἐθαυμαστοῦσε κύριος τὰ ἡμέτερα; τὰ δὲ νῦν πάντα... ἡ μὲν βασιλεία μου ἤδη γέγονε παλιμπόρευτος, καὶ ὁ ῥωμαϊκὸς οἰκάδε στρατὸς ἐπανέζεοθε. Все это высказывается на первой и второй страницъ посланія и, несомнѣнно, касается предшествовавшаго похода въ Болгарію.

²⁾ Походъ продолжался до поздней осени, а дѣло при Лардеѣ было въ первой половинѣ октября.

³⁾ Никита дѣлаетъ въ своей исторіи замѣчаніе, p. 518. т. е, что онъ принималъ участіе въ этомъ походѣ: ἐπεὶ δὲ εἶδομέν τε καὶ εἰσάφθημεν συνεπιόμην γὰρ

тотъ же способъ выраженія, сходство въ эпитетахъ и украшеніяхъ рѣчи. Нѣкоторыя отступленія и различія объясняются неодинаковыми обстоятельствами, обуславливавшими происхождение того и другого произведенія, также различными цѣлями, которыя имѣлись въ виду у составителя. Въ посланіи выдвигается на первый планъ императоръ, его мужество и личное участіе въ дѣлѣ; все вниманіе читателя сосредоточено на одномъ подвигѣ, прославившемъ византійское оружіе. Въ исторіи же — отвагѣ царя удѣляется мало мѣста, самый эпизодъ при Лардеѣ имѣетъ характеръ случайности, теряясь въ темной картинѣ другихъ проигранныхъ сраженій, неудачныхъ предприятий, недуманныхъ мѣръ и, наконецъ, жестокихъ пораженій, которыя понесли византійцы отъ болгаръ. Въ исторіи господствуетъ неблагоприятный взглядъ на царствованіе Исаака, осмѣиваются его хвастливыя посланія въ столицу и не придается его мѣрамъ противъ болгаръ никакого значенія ¹⁾).

Обстоятельствамъ дѣла, изложеннымъ во вступительной части посланія, соответствуетъ то, что говоритъ Никита въ первыхъ главахъ царствованія Исаака о возмущеніи противъ византійскаго господства въ странѣ обитателей Балканскихъ горъ (у него обыкновенно горы Эмскія), „называемыхъ прежде мизійцами, а нынѣ влахами“, т. е. въ области болгаръ ²⁾). Петръ и Асень, главные вожди начавшагося движенія, были лично оскорблены императорскими придворными и, затѣвъ въ душѣ месть, подняли весь свой народъ къ возстанію ³⁾). Они успѣли придать своему дѣлу не только народный, но и релігіозный характеръ, распустивъ молву, что святой Дмитрій Солунскій переселился изъ Солуни въ Болгарію и общается любезному ему народу помощь противъ византійцевъ. Появились пророки и вдохновенные люди, которые поощреніемъ, угрозами и страшными заклѣтіями побуждали простой народъ встать за вѣру и свободу и страхнуть иго рабства. Петръ возложилъ на себя корону, направилъ поднявшійся народъ на византійскіе города и поселки и сталъ страшнымъ врагомъ императора Исаака, который едва успѣвалъ въ то

καὶ αὐτὸς βασιλεὶ ἀπογραμματοῦσιν; ср. въ посланіи, р. 82. Ὡς δὲ ἐθεασάμεθα καὶ ἐθαύτημεν.

¹⁾ См. Nicetas, р. 488, 565.

²⁾ Nicet. р. 482. α. τοὺς κατὰ τὸν Αἴβρον τὸ ὄρος βαρβάρους, οἱ Μισοὶ πρότερον ἀνομαζόντο, νυνὶ δὲ Βλάχοι κληθήσκονται.

³⁾ Это были основатели новой болгарской владѣтельной династіи; можетъ быть и происходили они изъ княжескаго роду.

время бороться съ опасностями, со всѣхъ сторонъ угрожавшими ему. Исаакъ не замедлилъ походомъ противъ болгаръ, нашелъ войско ихъ укрѣпившимся въ неприступныхъ горахъ и, пользуясь темнымъ и сумрачнымъ временемъ, неожиданно сдѣлалъ на нихъ счастливое нападеніе. Болгары были обращены въ бѣгство, Петръ и Асень убиты, жали за Дунай къ половцамъ, чтобы просить у нихъ помощи. Царь не воспользовался, однако, этою побѣдой: не овладѣлъ ни однимъ укрѣпленнымъ мѣстомъ и, много возложивъ надежды на притворное раскаяніе болгаръ, посѣшилъ возвратиться въ Византію ¹⁾. Что дѣйствительно и въ исторіи, и въ первой части посланія имѣется въ виду одно и то же дѣло, мы видимъ это изъ слѣдующаго: 1) и тамъ и здѣсь Петръ представляется дѣйствующимъ подъ вліяніемъ демона ²⁾; 2) побѣда надъ болгарами приписывается помощи непроницаемаго мрака, покрывшаго непріятелей, которые засѣли въ неприступномъ мѣстѣ ³⁾; 3) разбитые непріатели бѣгутъ за Дунай и вступаютъ въ соглашеніе съ половцами ⁴⁾; 4) императоръ имѣлъ неосторожность возвратиться, не оставивъ въ странѣ надежнаго гарнизона ⁵⁾; 5) всѣ, просившіе пощады, получили ее ⁶⁾.

Послѣ этого легко будетъ понять, что занимающее насъ посланіе написано было по случаю другого похода на болгаръ, который слѣдовальъ вскорѣ за первымъ. По извѣстіямъ Никиты, лишеннымъ хронологическихъ указаній, трудно уловить послѣдовательность отношеній; между первымъ походомъ на болгаръ и вторымъ, вызваннымъ вторженіемъ ихъ въ союзъ съ половцами въ области имперіи, идетъ у него длинный разговоръ о возмущеніи Алексѣя Враны, о волненіяхъ въ столицѣ, о враждѣ столичнаго населенія къ латинянамъ, и только черезъ 25 страницъ онъ снова обращается къ дѣламъ болгарскимъ. Имѣя въ виду, что во второй походъ Исаакъ нашелъ болгаръ и половцевъ не въ далекомъ разстояніи отъ Цареграда, и что половцы и вообще кочевые народы никогда не зимовали въ чужихъ областяхъ, а спѣшили поскорѣй убраться съ похищенными богатствами на без-

¹⁾ Nicet, p. 482, 485—487.

²⁾ Sathas, p. 78; Nicet. p. 486.

³⁾ Sathas, p. 77; Nicet. p. 487. 5 - 9.

⁴⁾ Sathas, p. 78; Nicet. p. 487. 14. Въ томъ и другомъ случаѣ даже сравненія одинаковы: побѣжденные болгары бросаются въ рѣку, какъ евангельское стадо свиней.

⁵⁾ Sathas и Nicet. *ibidem*.

⁶⁾ Nicet. *ibidem*; Sathas, p. 77.

опасное разстояніе ¹⁾, мы склонны думать, что промежутокъ между первымъ и вторымъ походомъ никакъ не былъ болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. А если извѣстно, что второй походъ начался въ октябрѣ и кончился поздней осенью ²⁾, то время перваго должно падать на весну 1186 года. Противъ такого близкаго сопоставленія походовъ можетъ говорить лишь то извѣстіе исторіи, будто сначала Исаакъ поручилъ веденіе войны съ болгарами севастократу Іоанну, потомъ цесарю І. Кантакузину, своему зятю, наконецъ, Алексѣю Вранѣ ³⁾, — тогда какъ въ посланіи ничего объ этомъ не говорится, а прямо разсказывается о рѣшеніи царя идти на болгаръ и половцевъ. Замѣтимъ, что въ филиппопольской темѣ постоянно должны были находиться полководцы, на обязанности которыхъ лежало — защищать границы имперіи ⁴⁾, что замыслы Алексѣя Враны противъ Исаака представляются въ исторіи *давними* ⁵⁾, между тѣмъ какъ попытка его послѣдовать примѣру Исаака могла случиться не болѣе года назадъ, когда онъ велъ дѣло противъ сицилійцевъ и разбилъ ихъ въ ноябрѣ (1185 года) при Димитрицахъ ⁶⁾, что вообще исторія первыхъ годовъ Исаака представляетъ много спутанности. Не нужно опускать изъ виду и того, что въ изложеніи обстоятельствъ втораго похода посланіе также даетъ замѣтить, что не всѣми частями войска предводительствовалъ императоръ, но одна была подъ начальствомъ зятя его Андроника Кантакузина, а другая поручена протострату Мануилу Камидѣ ⁷⁾.

Переходимъ ко второму походу противъ болгаръ. За картиною грабежа и убійства, внесеннаго болгарами и ихъ союзниками въ области имперіи, слѣдуетъ описаніе самаго похода ⁸⁾. При этомъ Никита дѣлаетъ упрекъ Исааку за то, что онъ не воспользовался первой удачей, не оставилъ гарнизоновъ по городамъ и не взялъ заложниковъ. Царь спѣшилъ съ малымъ отрядомъ поскорѣе выступить въ

¹⁾ Любопытныя сообщенія объ этомъ дѣлаетъ Wille-Hardouin, Histoire de la conquête de Constantinople, chap. 389, 474. и др.

²⁾ Первое извѣстно изъ посланія — р. 80; второе изъ исторіи — р. 520. во.

³⁾ Nicet. p. 489.

⁴⁾ Nicet. p. 570. 1—3; самъ писатель разъ былъ правителемъ этой области.

⁵⁾ Nicet. p. 491. 2. ὁ δὲ καὶ πάλαι μὲν ἐν ἠδύρῳ τῇ βασιλείᾳ...

⁶⁾ Nicet. p. 469—470.

⁷⁾ Sathas, p. 81; въ исторіи первый названъ цесаремъ — р. 489. 14.

⁸⁾ Въ исторіи р. 488—9 короче, чѣмъ въ посланіи — р. 79—80; въ послѣднее внесены черты, характеризующія набѣги кочевниковъ вообще.

поле, чтобы неожиданнымъ отпоромъ напугать непріятеля и отбросить его въ горы¹⁾. Любопытно, что Никита забылъ нѣсколько ранѣе высказанное противъ Исаака обвиненіе за то, что тотъ не самъ продолжалъ дѣло противъ болгаръ, а поручилъ его своимъ полководцамъ: здѣсь онъ опять непосредственно связываетъ первый и второй походъ²⁾. И посланіе, и исторія весьма близки въ описаніи послѣдующихъ затѣмъ событій, взаимно дополняя и объясняя себя въ частностяхъ. Такъ, во-1-хъ, замѣчаніе посланія, что царскіе родственники жаловались на поспѣшность похода, объясняется цѣлой вставкой въ исторію о недовольствѣ царемъ цесаря Конрада³⁾; во-2-хъ, упоминаются однѣ и тѣ же мѣстныя названія въ обоихъ источникахъ⁴⁾. Но, въ 3-хъ, главное доказательство того, что въ обоихъ случаяхъ имѣется въ виду одинъ и тотъ же походъ, представляютъ тѣ мѣста, гдѣ вводится описательный элементъ: „въстникъ, захваченный, едва переводящій духъ и говорящій отрывочными фразами“⁵⁾; мѣсто, гдѣ получено было извѣстіе о близости непріятеля — „едва прошли четыре парасанга по дорогѣ, ведущей къ Вероѣ“; наконецъ, описаніе пораженія болгаръ близъ Лардеи и способъ военнаго дѣла кочевыхъ народовъ — въ этихъ мѣстахъ⁶⁾ оба памятника представляютъ почти дословное сходство. Можетъ быть, въ посланіи преувеличено число непріятеля, количество отбитыхъ у него плѣнниковъ, раскрашены размѣры побоища — „на пространствѣ 60 стадій“, выставлена на первомъ мѣстѣ особа императора; но это такія ничтожныя отклоненія, которыя вполнѣ объясняются цѣлями, назначеніемъ и происхожденіемъ того и другого памятника.

Изо всѣхъ войнъ, веденныхъ при Исаакѣ съ болгарами — а онъ велся почти безпрерывно — только въ этихъ двухъ, упоминаемыхъ въ посланіи, византійцы имѣли значительный перевѣсъ. Второй походъ не кончился битвою при Лардеѣ; посланіе касается только одного, и именно счастливаго эпизода изъ него. Въ исторіи Никита не много останавливается на дѣлѣ при Лардеѣ, потому что сшибки происхо-

¹⁾ Nicet. p. 515.

²⁾ Обстоятельство, подтверждающее высказанную нами ранѣе мысль, что между первымъ и вторымъ походомъ не могло пройти болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

³⁾ Sathas, p. 80; Nicetas, p. 516—517.

⁴⁾ Ἀλλαγή, Ταυρόχανος, Βερόη, Βαστέρναι, Λαρδέα и у Никиты p. 517—520.

⁵⁾ Въ посланіи p. 80—81; Nicet. p. 518. 12.

⁶⁾ Nicet, p. 518, 519 и Sathas, p. 82—83.

дили въ разныхъ мѣстахъ, и успѣхъ перевѣшивался то на ту, то на другую сторону. Императоръ думалъ было внести войну въ середину Болгаріи, но позднее время года, холодъ и глубокіе снѣга заставили его прекратить движеніе ¹⁾. На слѣдующую весну снова предполагалось продолжать войну съ болгарамъ, для чего не распускались и войска, участвовавшія въ первомъ походѣ, а расположены были на зиму въ филиппопольской темѣ. Событія, описываемыя въ посланіи, должны относиться къ веснѣ и осени 1186 года.

III. Слово на возвращеніе императора Алексѣя Комнина изъ восточныхъ провинцій послѣ заключенія имъ мира съ султаномъ ²⁾. Въ началѣ слова ораторъ выражаетъ, какъ велика радость жителей столицы по случаю возвращенія императора изъ похода. „Не такъ пріятно солнце послѣ непогоды, не такъ весела зима послѣ зимняго холода, какъ любезно и пріятно лицецрѣніе царя, который возвращается изъ труднаго похода и, послѣ многихъ дней отсутствія, является передъ своимъ народомъ, какъ нѣкогда Христосъ передъ апостолами,—царя, который устрояетъ миръ съ народами, дѣлавшими частыя вторженія въ римскія области. И сенаторское сословіе наше ³⁾ чувствовало всю горечь разлуки съ тобой: ты еще не скрылся изъ глазъ нашихъ, а мы уже начали сожалѣть, что удаляешься на весьма продолжительный срокъ въ дальнюю сторону; немногіе дни для насъ тянулись какъ цѣлыя годы. Такъ мы любимъ царя, такъ привержены къ имени Алексѣя ⁴⁾. Мы теперь встрѣчаемъ тебя съ такою радостію, какъ еще никто не принималъ другихъ императоровъ, повергаемъ къ ногамъ твоимъ и цѣлуемъ прахъ подъ ними. Ты возвратился къ намъ, сладкій свѣтъ, милый взглядъ, спокойный видъ, всеобщее удовольствіе! ты пришелъ, устрашитель варваровъ, прогоняющій тирановъ, желанный между царями!“

„Хотя и непродолжительно было твое отсутствіе, но оно содѣлало

¹⁾ Nicet, p. 521.

²⁾ Τοῦ αὐτοῦ λόγος εἰς τὸν αὐτοκράτορα κύρ' Ἀλέξιον τὸν Κομνηνὸν ὑποστρέψαντα ἐκ τῆς ἔω μετὰ τὰς σπονδὰς, τὰς μετὰ τοῦ σουλτάνου...

³⁾ Sathas, p. 85. τοῦτο δὲ ὁ καὶ τὸ γεροσιάζων ἡμέτερον πλῆρωμα — новый фактъ къ скудной подробностями біографіи Никиты: сенаторское достоинство получилъ онъ, слѣдовательно, въ первые годы Алексѣя Комнина—Ангела III.

⁴⁾ Ibidem, οὕτω φιλαλέξιοι; такъ назывались приверженцы партіи Алексѣя, въ противоположность партіи Исаака, низверженнаго и ослѣпленнаго Алексѣемъ въ 1195 году.

много спасительных дѣлъ¹⁾. Ты еще не вступилъ въ предѣлы Персїи²⁾, но только переправился черезъ Еллиспонтъ, какъ персидскій владѣтель по молвѣ и слухамъ узналъ о твоёмъ движеніи. Онъ испугался твоего приближенія болѣе, чѣмъ звѣри страшатся рыканія льва, и отказался отъ прежнихъ высокоумѣрныхъ предначертаній: неосужданно вложилъ мечъ въ ножны и сталъ просить мира³⁾. Выставляя потомъ, что заключеніе мира безъ пролитія крови еще болѣе возвышаетъ заслугу императора, ораторъ продолжаетъ о словесномъ дарованіи его: „Если варвара миновала твоя стрѣла, то онъ не ушелъ отъ сѣтей словесныхъ. Еллины снабдили Аполлона цитрой и копьемъ; книга царствъ изображаетъ Давида мудрымъ въ словѣ и сильнымъ въ мышцахъ; въ тебѣ мы видимъ тѣ же самыя качества и еще высшія. Ибо *тотъ персъ*⁴⁾ пораженъ былъ ужасомъ и подчинился твоимъ повелѣніямъ, когда ты не сидѣлъ еще на арабскомъ коиѣ, не носилъ вооруженія и не собиралъ рати: только взглянулъ онъ на твою грамоту, подписанную красными чернилами, испугался, поблѣднѣлъ и смирился. Такъ было съ однимъ. И другой измѣнникъ, *тотъ толсто-брюхий возмутитель*⁵⁾, также потерпѣлъ справедливое возмездіе и погибъ злою смертію⁶⁾. Не такъ быстро низверженъ былъ сатана съ небесныхъ высотъ, какъ этотъ внизъ головою, кувиромъ слетѣлъ съ царскаго трона. Возсылаемъ тебѣ благодарность, божественный императоръ, что ты, подобно боговидцу Моисею, избавилъ насъ отъ служенія быкоголовому челоуѣву⁷⁾. Далѣе указывается нѣсколько незначительныхъ чертъ, характеризующихъ заговоръ и лице главнаго дѣятеля въ немъ; по этимъ чертамъ и представляется возможность сопоставить вторую часть рѣчи съ заговоромъ I. Толстаго, какъ объ этомъ сказано будетъ подробнѣе. „Да даруетъ тебѣ Господь побѣду надъ внутренними и внѣшними врагами, да соцарствуетъ тебѣ и до-стоуважаемая императрица, не даромъ носящая данное ей имя⁸⁾—

¹⁾ Sathas, p. 86. ἐπεὶ καὶ ἡ μικρὰ σοὶ ἰσχυρία αὐτῆ... βραχεῖα μετὰβασις. Замѣтимъ, что это во второй разъ дѣлается намекъ на краткосрочный походъ.

²⁾ Такъ называетъ Никита всѣ тогдашнія владѣнія турокъ-сельджуковъ; здѣсь рѣчь идетъ о владѣніяхъ султана иконійскаго въ Малой Азїи.

³⁾ Sathas, p. 87. Ἴδού γὰρ ὁ μὲν Πέρσης...

⁴⁾ Ibid. ὁ δὲ γε πανώλης ἐκείνος ἀποστάτης, ὁ φθόριμος καὶ προκοίλιος.

⁵⁾ Sathas, p. 87. Ораторъ переходитъ къ судьбѣ самозванца, около того времени составившаго заговоръ противъ Алексѣя. Можно догадываться, что рѣчь идетъ объ I. Толстомъ. Nicet, p. 697.

⁶⁾ Sathas, p. 88. τῆς τοῦ τυροκραίνου λατρείας ἡμῶς ἐξήρακτας.

⁷⁾ p. 89. ἡ φερώνυμος τῷ ὄντι βασίλισσα; имя ея Евфросенія.

женщина, превосходящая всѣхъ женъ, и тѣлесной красотой и въ особенности царственными доблестями и разумомъ“. Рѣчь заключается пожеланіемъ императору безсмертія и увѣренностію въ томъ, что удѣлъ его — на небѣ, вмѣстѣ съ избранными Божиими, гдѣ послѣ смерти онъ будетъ соцарствовать Христу.

Эта рѣчь, несложная по содержанію, скудная фактическими указаніями, восполняетъ свои внутренніе недостатки блестящей по тому времени формой. Въ самомъ дѣлѣ, коснуться всѣхъ слабыхъ сторонъ царя и при этомъ представить его храбрымъ, краснорѣчивымъ и благодарителемъ своего народа; взять ничтожное дѣло и раздуть его до громаднаго подвига; представить поразительную картину паденія заговорщика и искусно обойти его имя; много говорить и ничего не сказать — развѣ не требуется для этого спеціальнаго образованія, продолжительной практики, знанія придворныхъ обычаевъ и приличій, наконецъ, искусства владѣть словомъ? Рѣчь представляетъ въ себѣ три части: 1) вступленіе, 2) мирный договоръ съ властителемъ турокъ, 3) погибель заговорщика. Всѣ три части проникаетъ похвала, лесть и угодничество. Въ историческомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе: походъ въ Малую Азію и заговоръ противъ императора Алексѣя въ Цареградѣ. Къ какимъ же обстоятельствамъ должно приурочить эту рѣчь, и что привносить она новаго къ даннымъ, извѣстнымъ изъ другихъ источниковъ?

Имѣя въ виду, что Никита произноситъ эту рѣчь отъ лица сенаторскаго сословія, безспорно нужно допустить, что Алексѣй, упоминаемый въ ней, есть Алексѣй Ангель, братъ Исаака, принявшій прозвание Комнина и царствовавшій отъ 1195 до 1203 года. При Алексѣѣ II Никита еще не могъ быть сенаторомъ, при Алексѣѣ IV не возможны упоминаемыя въ рѣчи обстоятельства; только жена Алексѣя III носила имя Евфросиніи и имѣла значительное вліяніе на дѣла¹⁾. Что касается до восточныхъ дѣлъ при Алексѣѣ, то не трудно указать, къ какому походу относится первая часть рѣчи, потому что самъ царь, по свидѣтельству исторіи Никиты, только одинъ разъ ходилъ на востокъ, и именно противъ иконійскаго султана Кай-Хозроя²⁾. Въ исторіи Никиты есть подробный и обстоятельный разсказъ объ этой войнѣ, и мы не считаемъ здѣсь нужнымъ приводить его. Наше дѣло только указать, почему мы сопоставляемъ краткое извѣстіе рѣчи

¹⁾ Nicet, p. 601, 607, 640 и др.

²⁾ Nicet, p. 653, 658. з—з.

съ подробнымъ повѣствованіемъ исторіи. Во-1-хъ, въ рѣчи есть нѣсколько мѣстъ, намекающихъ на непродолжительность похода¹⁾; въ исторіи также царь порицается за то, что онъ скоро воротился изъ похода, не сдѣлавъ ничего въ пользу страны: „самъ царь, съ трудомъ оторвавшись отъ удовольствій Пропонтиды, какъ будто отъ лотоса и пѣнія сиренъ, отправился въ Никею и Прусу... Но, пробывъ здѣсь одинъ мѣсяць, со всею поспѣшностію возвратился въ Византію“²⁾. Во-2-хъ, какъ въ исторіи императоръ упрекается за то, что онъ не вступилъ въ сраженіе со врагомъ, такъ въ рѣчи ставится ему въ заслугу походъ безъ пролитія крови. Наконецъ, въ 3-хъ, едва-ли не намѣренное упоминаніе встрѣчаемъ въ рѣчи объ арабскомъ конѣ, потому что самая война началась изъ-за того, что Кай-Хозрой перехватилъ арабскихъ коней, которые назначались въ подарокъ императору отъ египетскаго султана³⁾. Самый трудный вопросъ — установить хронологію: тутъ мы лишены всякихъ явныхъ вспомогательныхъ средствъ. Впрочемъ, начиная повѣствованіе объ отношеніяхъ къ конійскому султану, Никита въ исторіи сдѣлалъ оговорку, что всѣ предыдущія дѣла, описанныя имъ ранѣе, случились въ первые три года царствованія Алексѣя⁴⁾; значитъ, походъ на востокъ предпринятъ былъ въ четвертомъ году этого царствованія. Съ другой стороны, заключая порицанія императору, Никита прибавляетъ, что на весну объявленъ былъ новый походъ на востокъ. Далѣе, въ рѣчи замѣчаемъ уважительный отзывъ о царицѣ Евфросиніи, что даетъ право заключить о силѣ и значеніи ея въ то время; но Евфросинія имѣла больше значенія и сильнѣйшую партію въ первую половину царствованія мужа. Въ рѣчи не находимъ ни малѣйшаго намека на болѣзненность императора, между тѣмъ какъ со второй половины правленія онъ опасно заболѣлъ ногами⁵⁾; съ 1199 года онъ занятъ былъ войнами съ болгарами, потомъ смутами въ Малой Азіи, въ слѣдствіе которыхъ Кай-Хозрой искалъ гостепріимства и помощи въ Цареградѣ⁶⁾. По всѣмъ этимъ основаніямъ, мы считаемъ нужнымъ отнести походъ въ Малую Азію на осень 1198 года.

¹⁾ Sathas, p. 85. καὶ ὅλον ἀτεχνῶς αἰῶνα καὶ τὰς εὐαρίθμους ἡμέρας συλλογιζόμενος... и на 86 стр.

²⁾ Nicet, p. 658. ε.

³⁾ Nicet, p. 653. α.

⁴⁾ Nicet, p. 653. ια.

⁵⁾ Nicet, p. 658, 662, 708. ιγ.

⁶⁾ Кай-Хозрой былъ въ Цареградѣ въ концѣ 1199 и началъ 1200 г.

Вторая половина похвального слова упоминаетъ о судьбѣ одного заговорщика, угрожавшаго опасностію императору. При Алексѣѣ III было много самозванцевъ, желавшихъ вырвать изъ его рукъ власть. Въ изложеніи обстоятельствъ царствованія Алексѣя. Никита умалчиваетъ о томъ, что около времени похода на востокъ явился самозванецъ въ Цареградѣ. Но не слѣдуетъ забывать, что въ исторіи нашъ писатель совсѣмъ и не заботился о хронологической послѣдовательности событій: для него важнѣ всего—характеристика лицъ и положеній, группировка фактовъ по ихъ внутренней связи и причинности. Если-бы изслѣдователь всегда заключалъ отъ послѣдовательной смѣны фактовъ въ исторіи Никиты къ ихъ дѣйствительной хронологической преемственности, то онъ потерялъ бы ключъ къ разъясненію одностороннихъ взглядовъ Никиты на событія и лица историческія и не нашелъ бы возможности отрѣшиться отъ пристрастныхъ сужденій публициста XII вѣка. У Никиты темныя стороны жизни старательно группируются въ одной главѣ или книгѣ, сочувственныя также представлены въ одной картинѣ. Въ III книгѣ исторіи Алексѣя III, начиная съ 4 главы, разсказывается о возмутительныхъ дѣйствіяхъ правительственныхъ лицъ, затѣмъ идетъ рядъ народныхъ движеній, возмущеній и заговоровъ¹⁾. Трудно предполагать, чтобы всѣ подобныя факты случились въ той связи и послѣдовательности, какъ передаются они въ исторіи Никиты. Краски такъ рѣзки и искусственная группировка фактовъ такъ ясна въ произведеніи Никиты, что было бы весьма ошибочно заключать къ дѣйствительной современности событій только потому, что онѣ рядомъ поставлены у Никиты.

Одно изъ доказательствъ на это представляетъ упоминаніе въ рѣчи о самозванцѣ. Возмущеніе I. Толстаго нужно относить къ 1198 году, а не къ послѣдному времени правленія Алексѣя, какъ это должно заключить изъ исторіи²⁾. Что 6 глава III книги Алексѣя и вторая половина рѣчи имѣютъ въ виду одно и то же лице, это доказывается, во-1-хъ, тѣмъ, что тамъ и здѣсь самозванецъ характеризуется однѣми и тѣми же чертами: „толстобрюхій, огромнаго роста, родственникъ царскій; онъ возложилъ на себя императорское облаченіе, ему помогаетъ народъ“; во-2-хъ, судьба заговорщика по обоимъ источникамъ одинакова: отрубленная голова его повѣшена на коль, тѣло

¹⁾ Nicet, p. 687—702.

²⁾ Nicet, p. 697.

его сдѣлалось добычей хищныхъ птиц¹⁾. Въ исторіи прибавлено нѣсколько болѣе опредѣленныхъ чертъ о лицѣ самозванца (названо его имя) и о времени событія (обозначены ночь и утро).

IV. Слово къ императору Аленсію Комнину, по случаю возвращенія его изъ западныхъ провинцій²⁾. „Богopodobный императоръ! и во многомъ другомъ ты сравнялся съ царемъ Давидомъ, представляя въ себѣ образецъ его добродѣтелей, и по новымъ тяжкимъ случайностямъ ты уподобился ему. Тамъ жестокосердый сынъ вооружился противъ отца, здѣсь одинъ изъ кровныхъ родственниковъ твоихъ: я не хочу, да и не имѣю нужды называть его по имени. Съ дерзостію мальчишки нанесши тебѣ ударъ, онъ поступилъ не позволительно, чѣмъ тотъ бунтовщикъ противъ отцовской власти³⁾. Тотъ не былъ еще совершеннолѣтнимъ и дѣйствовалъ подъ вліяніемъ лисицы — Ахитофела; этотъ, имѣя уже сѣдые волосы, призванный къ общественнымъ дѣламъ, преобразился въ неразумное дитя. Попавши въ плѣнъ и будучи заключенъ подъ стражу, онъ не выждалъ времени, пока императоръ освободилъ бы его (конечно, не цѣною выкупа и даровъ), но покупаетъ себѣ свободу цѣною насъ всѣхъ, продаетъ все римское государство, чтобы искупить свои безграничныя ошибки на войнѣ; наконецъ, рѣшившись вести противъ насъ войну, соединяется съ врагами. Ты предпринялъ походъ противъ одного измѣнника, а ихъ возстало на тебя двое, трое и еще болѣе! Одинъ изъ нихъ, подобно гомерическому коню, съ надменною гордостію оставляетъ равнины и спѣшитъ въ мѣста, орошаемая Аксіемъ и Пенеемъ...; ты же едва только далъ видъ, что имѣешь намѣреніе двинуться на него, едва только обнажилъ свой мечъ, какъ сдѣлалъ его робкимъ и безсильнымъ какъ галку. И вотъ онъ сталъ теперь какъ соръ передъ вѣтромъ, какъ пыль, поднимаемая бурей.

Второй измѣнникъ былъ въ свойствѣ съ первымъ, но происходилъ изъ другого народа⁴⁾; подобно скорпіону и жабѣ, онъ скрывался въ каменистыхъ и недоступныхъ мѣстахъ, потомъ началъ собирать добычу съ окрестныхъ селеній. Сначала онъ заботился о выгодахъ своего родственника, ратовалъ противъ его враговъ; но потомъ вар-

¹⁾ Sathas, p. 88—89; Nicet, p. 697—699.

²⁾ Τοῦ αὐτοῦ λόγος εἰς τὸν βασιλεῖα κῦρ 'Αλέξιον τὸν Κομνηνόν, ὅτε ἐπανεῖχευεν ἀπὸ τῶν μερῶν τῆς δύσεως...

³⁾ Sathas, p. 91, преступленіе Авессалома сравнено съ отцеубійствомъ.

⁴⁾ Sathas, p. 92, τὸ μὲν κῆδος τούτῳ σὺμφυτος, τὸ δὲ γένος ἀλλόφυλος.

варски презрѣлъ его съ тѣмъ, чтобы ласкательствомъ обмануть тебя. Прикрываясь душевнымъ и тѣлеснымъ родствомъ, онъ осторожно ступаетъ на стезю правды и законности, къ которой невозможенъ возвратъ, какъ скоро разъ уклонишься съ нея¹⁾. Онъ выхлопоталъ себѣ позволеніе удалиться въ одно мѣсто²⁾ и, подобно каменной статуѣ, не могъ двинуться съ него; окаменѣвъ, какъ Ниоба, онъ былъ заключенъ въ узы рабства³⁾. Далѣе, ораторъ дѣлаетъ намеги на страшный видъ этого человѣка, котораго онъ и самъ испугался бы, если бы случилось ему посмотрѣться въ воды рѣки Аксія, или встрѣтиться лицомъ къ лицу съ императоромъ. Но ничего подобнаго не случилось. „Развлекаемый и обманываемый разными стратегическими движеніями твоими и испугавшись смертной казни, опредѣленной ему, онъ отказался, наконецъ, отъ странъ и городовъ, которые отдалъ ему злѣйшій виновникъ составившагося противъ насъ союза. Прошло не много времени, и этотъ варваръ, видя, что ты обратился къ другимъ дѣламъ, подумалъ, что наступило спокойствіе и ты будешь отдыхать отъ трудовъ. Но ты скоро опять посѣдшилъ туда же, куда ходилъ прежде³⁾... Чтѣ я скажу тебѣ? обдуманнѣй-ли твой планъ похвалю, стратегическѣй-ли подвигъ, или буду прославлять возвращеніе въ городъ послѣ долгаго отсутствія, потомъ второй походъ и сраженіе, приготовившее другіе трофеи; уничтоженіе-ли варвара, или наше возвышеніе къ славѣ? Все это содѣяно тобою въ мудрости. Такъ-то, державный императоръ, ты возвратился къ намъ, совершивъ не одинъ только подвигъ, но уничтоживъ широкій замыселъ нашихъ непріятелей, какъ многоглавую гидру Ираклову. Высокъ подвигъ Веллерофонта, убившаго треглавою химеру, не менѣе почетно и твое дѣло. Одного, какъ льва, рыкающаго на насъ, ты отогналъ вдаль; другого, какъ змѣя гнѣздящагося на скалѣ и не оставляющаго слѣдовъ послѣ себя, принудилъ къ рабству; третьяго, дышавшаго грознымъ могуществомъ и сильнѣйшаго первыхъ двухъ, унижилъ и ослабилъ. Я могъ бы присоединить еще къ тремъ указаннымъ измѣнникамъ и четвертаго⁴⁾—того маленькаго, на Оерсита похожаго чело-

¹⁾ Характеристика отношеній весьма темная, выраженная неправильнымъ и напыщеннымъ языкомъ; см. Nicet, p. 622—623.

²⁾ Упоминаемое здѣсь лице получило въ управленіе филиппопольскую тему; Nicet, p. 624, 676.

³⁾ Никита восхищается даже и тѣмъ, что императоръ во время похода забавлялся охотой съ гончими собаками и ловчими птицами; Sathas, p. 94.

⁴⁾ Чтобы кто не сказалъ, будто у меня нѣтъ Платоновой четверицы; Sathas, p. 96.

вѣчка¹⁾; но предпочитаю къ тремъ бѣдствіямъ, волновавшимъ западныя области, присоединить одного злодѣя, который, подобно ящеру, цѣплялся за царскіе чертоги²⁾. Этотъ комаръ, котораго произвелъ островъ Кипръ, или эта мышъ, которую возрастили родопскія горы!... да погибнетъ онъ безславно и не будемъ произносить его имени, какъ нѣкогда Еллины дали зарокъ называть по имени того, кто сожегъ храмъ Артемиды въ Ефесѣ³⁾.

Въ этомъ словѣ весьма трудно отличить разныя части и предметы, которые имѣются въ виду у оратора. Онъ избѣгаетъ личныхъ именъ, дѣятельность измѣнниковъ характеризуетъ весьма неопредѣленными чертами, обстоятельства смѣшаны въ одну картину, въ которой выдѣляется только конечный результатъ походовъ царя. Только съ помощію извѣстій, сообщаемыхъ въ исторіи Алексѣя, есть нѣкоторая возможность найдтись въ этой цѣпи замкнутыхъ одинъ въ другомъ фактовъ и дать каждому изъ нихъ свое мѣсто. Похвальное слово составлено послѣ двухъ походовъ императора Алексѣя на западъ и заключаетъ въ себѣ намекъ на всѣ обстоятельства, какъ вызвавшія эти походы, такъ и сопутствовавшія имъ. Попытаемся опредѣлить, на какія событія намекаетъ слово, и какое значеніе имѣютъ въ дѣйствительности эти событія.

Частію мѣстныя названія, какъ: рѣки Аксіи и Пеней, Просакъ, Мизія, горы Эмскія и т. п.; частію картинныя выраженія, уподобляющія неприятеля: камню, оторванному съ вершинъ Эма, Моисею, сошедшему съ Синая, горному жителю, окаменѣвшей Ніобѣ и др. — даютъ понять, что ораторъ здѣсь разумѣетъ событія, касавшіяся войны болгарской, и что дѣйствіе происходитъ близъ Балканскихъ горъ. Слѣдовательно, къ разъясненію слова можетъ способствовать ознакомленіе съ тогдашними отношеніями Византіи къ болгарамъ. Конецъ XII вѣка вообще представляетъ весьма свѣтлую эпоху въ исторіи южныхъ славянъ. Сербы и болгаре освобождаются отъ византійскаго господства, образуютъ сильное государство съ національнымъ правительствомъ и стремятся къ церковной независимости. У сербовъ княжить въ это время Стефанъ Неманя⁴⁾ (1165—1195), у болгаръ возникаетъ двѣ

¹⁾ Вѣроятно, рѣчь идетъ о Спиридонаки; Nicet, p. 709.

²⁾ Т. е. состоялъ въ родствѣ съ царскимъ домомъ; рѣчь идетъ объ Исаакѣ, тиранѣ кипрскомъ, родственникѣ Алексѣя по царицѣ Евфросиніи; Nicet, p. 611.

³⁾ Въ заключеніи есть намекъ на болванъ царя, которая начала его мучить съ 1199 года.

⁴⁾ *Serbiae magnus županus*, его грамоты ap. Miklosich, *Monumenta Serbica*, *Viennae* 1858.

частія Асенеи. Братя Петръ и Асень начали борьбу съ правительствомъ Исаака Ангела, доставили свободу Болгаріи, и Асень объявилъ себя королемъ свободного народа. Преемникъ его Іоаннъ, или Кало-Іоаннъ, знаменитый Латинбойца (1196 — 1206), входитъ въ отношенія съ папой, прося у него какъ признанія его въ королевскомъ достоинствѣ, такъ и отдѣльнаго архіепископа для болгарской церкви¹⁾. Съ другой стороны, Іоаннъ распространяетъ свои владѣнія на счетъ Византіи, пользуется тяжелымъ для имперіи временемъ IV крестоваго похода и битвою при Адрианополѣ окончательно упрочиваетъ благосостояніе своей державы²⁾. Вотъ какія отношенія всего болѣе занимали Алексѣя III на западѣ.

Переходимъ въ частности къ тѣмъ обстоятельствамъ, которыя стоятъ въ связи съ занимающимъ насъ памятникомъ. Упоминаемый въ рѣчи походъ царя вызванъ былъ измѣной „одного родственника, убѣденнаго сѣдинами, занимавшаго государственную должность, попавшаго въ плѣнъ и не выкупленнаго царемъ, соединившагося поэтому съ врагами и поднявшаго войну противъ отечества“³⁾. Ораторъ разсмѣетъ здѣсь протостратора Мануила Каницу; это былъ двоюродный братъ императоровъ Исаака и Алексѣя⁴⁾, который своими денежными средствами и личнымъ участіемъ много способствовалъ укрѣпленію на престолѣ рода Ангеловъ. Мануилъ принадлежалъ къ самымъ почетнымъ лицамъ византійскаго дворянства и питалъ честолюбивыя амбіціи на тронѣ⁵⁾. Ораторъ слишкомъ безцеремонно относится къ несчастной судьбѣ Мануила Каницы и другихъ, упоминаемыхъ въ рѣчи, лицъ; потому считаемъ нужнымъ ближе коснуться обстоятельствъ, связанныхъ съ походами Алексѣя на болгаръ. Петръ и Асень, при Исаакѣ поднявшіе знамя возстанія противъ византійскаго господства, не думали уступить и его преемнику. Напрасно Алексѣй III, по вступленіи на престолъ, дѣлалъ имъ уступки и предлагалъ выгодныя условія мира; напрасно поручалъ самымъ довѣреннымъ близкимъ лицамъ начальство надъ войсками, дѣйствовавшими противъ болгаръ: всѣ прямыя средства оказывались безуспѣшными, отря-

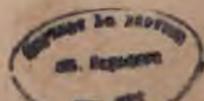
¹⁾ Asen, Bulgarorum et Graecorum rex; ibidem.

²⁾ Какое значеніе имѣлъ въ то время царь или король болгарскій, показываетъ переписка его съ папой Иннокентіемъ III; Baluz., Epistol. Innoc. III, особенно ерр. LXV—LXXVII.

³⁾ Sathas, p. 91. τὴν τῶν κατελευμένων εἰς αἶμα σου и др. черты на той же стр.

⁴⁾ Nicet., p. 503. s; 707. s.

⁵⁾ Nicet., p. 660. 20.

ды войска не возвращались съ поля битвы, предводители попадали въ плѣнъ. Тогда императоръ обратился къ тайнымъ мѣрамъ, которыя, дѣйствительно, и помогли ему. Родъ Асенеи состоялъ изъ трехъ братьевъ: Асеня, Петра и Иоанна; второй и третій братъ правилъ отдѣльными областями болгарской земли, на правахъ удѣльныхъ князей, въ зависимости отъ перваго, имѣвшаго столицей городъ Терново. Новая династія, такъ недавно возвысившаяся, еще не успѣла вполне утвердиться на престолѣ; другіе родовые старшины, несомнѣнно недовольные возвышеніемъ ея, желали произвести переворотъ въ Болгаріи. Алексѣй III привлекаетъ на свою сторону одного вельможу, именемъ Ивана (Иванко) и еще нѣсколькихъ болгарскихъ старшинъ; въ слѣдствіе чего составляется заговоръ на жизнь Асеня, и онъ погибаетъ отъ руки убійцы въ собственномъ дворцѣ¹⁾. Иванъ, убивъ короля Асеня, овладѣлъ Терновомъ и долженъ былъ вести борьбу съ Петромъ, братомъ убитаго, который сидѣлъ въ Предславѣ. Византійское правительство послало ему подкрѣпленіе, подъ начальствомъ Мануила Камицы; но отрядъ его не отважился вступить въ борьбу съ Петромъ и долженъ былъ возвратиться назадъ. Нашлись люди, которые согласились убить Петра, но и тогда византійская партія не получила перевѣса въ Болгаріи: королевская власть перешла къ третьему Асеню—Иоанну. Вельможа Иванъ, не видя, такимъ образомъ, надежды осуществить планы византійскаго правительства, долженъ былъ бѣжать изъ Болгаріи въ Цареградъ. Здѣсь оцѣнили его заслуги, помолвили съ царской внучкой Феодорой, наградили высокимъ положеніемъ и богатствомъ, соотвѣтствовавшимъ имени императорскаго зятя, даже перемѣнили его имя на царское имя Алексѣя.

Вполнѣ довѣряя вѣрности Ивана и преданности его интересамъ Византіи, царь назначилъ его главнымъ начальникомъ византійскихъ войскъ въ филиппопольской темѣ и поручилъ ему защиту имперскихъ областей противъ новаго болгарскаго короля Иоанна. Это назначеніе было весьма выгодно для Ивана, потому что оно дало ему возможность располагать большими силами, заняться укрѣпленіемъ пограничныхъ съ Болгаріей крѣпостей, и войти въ соглашеніе съ

¹⁾ Прямого указанія нѣтъ, что императоръ Алексѣй принималъ участіе въ заговорѣ на жизнь Асеня. Но слухъ, передаваемый Никитой, будто севастократоръ Исаакъ подкупилъ къ этому Ивана, потомъ присылка вспомогательнаго войска для поддержанія его, наконецъ, высокое положеніе, данное ему въ Византіи—все это вмѣстѣ говорить въ пользу высказаннаго нами мнѣнія; Nicet. p. 620—623.

отечественниками. Обезопасивъ себя въ этомъ отношеніи, онъ сложился отъ Византіи, овладѣлъ филиппопольской областью и началъ дѣлать враждебныя нападенія на имперскіе города. Противъ него послано было войско, частію котораго предводительствоваль п Мануилъ Камница. Однимъ искуснымъ движеніемъ Иванъ обманулъ того полководца и взялъ его въ плѣвъ¹⁾, послѣ чего императорское войско должно было ограничиться защитой Филиппополя, предоставивъ Ивану всѣ города, лежащіе по направленію къ Балканамъ. Узнавъ о несчастіи родственника, царь присвоилъ себѣ его богатое имущество, жену и дѣтей его заключилъ въ темницу, а дочь развелъ съ прежнимъ мужемъ и выдалъ за одного болгарина, по имени Хризъ. Хризъ былъ сначала владѣтелемъ Струмицы и принадлежалъ къ партіи императора. Вооружившись противъ своего короля, онъ не захотѣлъ быть въ зависимости и отъ императора, выдержалъ продолжительную осаду византійскихъ войскъ въ Просакѣ и примирился съ Византіей на правахъ свободного повелителя Струмицы и Просака.

Мануилъ Камница вошелъ въ сдѣлку со своимъ новымъ зятемъ и просилъ его возвратить ему свободу. Хризъ выкупилъ его въ той надеждѣ, что, можетъ быть, царь Алексѣй обдумается и выдастъ затраченные имъ на освобожденіе М. Камница два центинарія золота²⁾. Но надежда его не оправдалась: Алексѣй не обратилъ вниманія и на историчную просьбу Мануила. Тогда Хризъ и Камница напали вмѣстѣ на имперскія владѣнія близъ Просака, а потомъ пошли и далѣе: взяли Пелагонію, Приланъ, прошли въ Фессалію и возмутили Пелопонннсъ. Императоръ давалъ Хризу заманчивыя обѣщанія, предлагалъ выдать за него свою внучку Теодору³⁾ и сулилъ почетныя отличія, чѣмъ и привлекъ его на свою сторону. Тогда Мануилъ Камница, снова предоставленный собственной долѣ, потерялъ выгоды своего положенія и долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ пріобрѣтеній. Но также и Хризъ, послуживъ цѣлямъ императора, обманулся въ надеждѣ—усилиться при его помощи⁴⁾.

Вотъ обстоятельства, на которыя дѣлается намекъ въ похваль-

¹⁾ Все это весьма подробно изложено у Никиты, р. 676—680.

²⁾ Nicet. p. 707.13; около 200 ф. золота. См. Du-Cange, Nota in Historiam Cinnami, ad. p. 33.10.

³⁾ Ту, которая ранѣе просватана была за болгарскаго вельможу Ивана.

⁴⁾ Nicet., p. 709.

номъ словѣ и которыя подробнѣе разсказываются въ разныхъ частяхъ исторіи царствованія Алексѣя III. Нужно сознаться, что положеніе лицъ, въ дѣйствительности, далеко не соотвѣтствуетъ той ложной обстановкѣ, въ которой онѣ являются въ словѣ, что болгарскія дѣла далеко не заслуживаютъ лавровъ, которыми увѣнчивается царя придворный ораторъ. Если темные намеки и риторическія краски слова замѣнить лицами и фактами, которые въ дѣйствительности относятся къ исторіи войнъ съ болгарамъ, то получится возможность сдѣлать нѣкоторые неблагоприятные выводы для писателя Никиты.

Подводимъ итогъ всему сказанному. 1) Императоръ Алексѣй III Ангелъ отправилъ протостратора Мануила Камницу противъ болгарскаго вельможи Ивана, когда послѣдній измѣнилъ ему; походъ былъ неудаченъ и византійскій полководецъ попался въ плѣнъ. 2) Послѣ тщетной мольбы къ императору выкупить его изъ плѣна, Мануиль соединяется съ Хризомъ и дѣлаетъ завоеванія въ Фессалии. 3) Въ то же время продолжаютъ набѣги Ивана, переименованнаго въ Алексѣя. Итакъ, слово имѣетъ въ виду трехъ враговъ имперіи или отступниковъ. Изъ взаимнаго отношенія этихъ лицъ можно понять, что враждебныя дѣйствія ихъ противъ имперіи были почти одновременны. Краски для характеристики Хриза Никита взялъ изъ неприступнаго положенія крѣпости Просака, которою владѣлъ Хризь. Византійцы употребили много усилий, чтобы взять его, но всѣ ихъ приступы были отбиты ¹⁾. Черты, характеризующія Ивана-Алексѣя, какъ человѣка, который воспользовался полнымъ довѣріемъ императора, прикинулся искреннимъ приверженцемъ его и потомъ злоупотребилъ этимъ довѣріемъ—перемѣшавъ съ чертами, относящимися къ Хризу ²⁾. О М. Камницѣ было уже говорено. Съ этимъ согласна и общая характеристика этихъ трехъ измѣнниковъ, сдѣланная передъ заключеніемъ слова: „одного какъ льва, рыкающаго на насъ, ты отогналъ прочь (Мануиль); другого какъ змѣя, гнѣздящагося на скалѣ и не оставляющаго слѣдовъ послѣ себя, принудилъ къ подчиненію (Хризь); третьяго, дышавшаго грознымъ могуществомъ и сильнѣйшаго обоихъ первыхъ, унижилъ и ослабилъ“ (Иванъ-Алексѣй). Намекъ на Спиридонаки и Исаака кипрскаго, сдѣланный ораторомъ просто по требованіямъ риторическимъ, не нуждается въ особнхъ

¹⁾ Sathas, p. 92—93 и Nicet, p. 665—673.

²⁾ Sathas, конецъ 92 и далѣе passim; Nicet. p. 623, 676.

азъясненіяхъ. Намъ остается еще сказать, въ какому времени от-
ести обстоятельства, о которыхъ говорятъ слово. Такъ какъ опре-
ленныхъ указаній въ этомъ отношеніи мы не могли найти, то,
уводясь нѣкоторыми сближеніями, можемъ только съ приближи-
тельной точностью назвать 1201—1202 гг.

V. Силенціумъ, или публичная рѣчь ¹⁾. Во вступленіи ораторъ гово-
ритъ о различныхъ дѣйствіяхъ военной и духовной трубы: первая при-
готовляетъ вѣнцовъ къ началу сраженія; вторая обозначаетъ наступ-
леніе дня, посвященнаго Господу. „Поелику и маленькое одобрение
со стороны распорядителя агона много приноситъ пользы борцу, и
спокойное убѣжденіе бываетъ дѣйствительнѣе сильнаго звука трубъ,
и тихій, одобрительный голосъ натирателя пересиливаетъ шумъ ру-
коплесканій; то и царство мое, воздавая приличное воинамъ и ца-
рямъ и благоговѣнно почитая церковныя празднества, по временамъ
потребляетъ и то и другое средство. И прежде полученія царской
власти, и послѣ того я часто трубою подавалъ знакъ начальникамъ
и воинамъ. Какъ знаютъ многіе, даже всѣ собравшіеся здѣсь, я не
забываю сна глазамъ и сподобствія вѣкамъ моимъ; но, переходя
отъ однихъ трудовъ къ другимъ, я старался возвратить то, что
тянулъ окружающій насъ со всѣхъ сторонъ непріятель. Теперь же
время возвѣститъ воинамъ Христовымъ начало поста. Придите, дѣти,
ослушайте меня: страху Господню научу васъ“... Далѣе, на шести

¹⁾ Sathas, p. 97, Σελέντιον γραφὴν ἐπὶ τῇ ἀναγνώσθῃναι ὡς ἀπὸ τοῦ Λάσκαρη
προῦ Θεοδώρου, κρατούντος τῶν βυβαϊκῶν ἀνατολικῶν χωρῶν, ἤνιχα ἡ Κωνσταντινού-
πολις ἔαλω ὑπὸ Λατίνων... Что такое Σελέντιον? Никита разъ употребляетъ это
слово въ исторіи Мануила, гдѣ онъ смѣется надъ притязаніями этого импера-
ора на ораторскую извѣстность, p. 275, 1—2: ἀλλὰ καὶ κατηχητηρίου ὄδινε λό-
ους, οὗς φασὶ σελέντια, καὶ εἰς κοινὴν ἀνέπτυσσεν ἀκοήν. Дюканжъ, Glossarium
Itaecitatis II. p. 1370, приводя нѣсколько мѣстъ изъ другихъ писателей, даетъ
возможность опредѣлить этотъ родъ словесныхъ произведеній. Такъ называ-
лись публичныя рѣчи, произносимыя самими императорами при наступленіи по-
ста, во дворцѣ, въ присутствіи знатнѣйшихъ лицъ имперіи. Предметомъ ихъ
были не только политическія дѣла, но и церковныя вопросы; все собраніе под-
визалось съ мѣсть, когда начиналъ говорить царь. Σιλέντιον же называлась та
часть дворца, гдѣ происходили такія собранія. Любопытныя свѣдѣнія объ этомъ
находимъ у Скарлата Византія, Η Κωνσταντινούπολις I. p. 207: Ἐν τῇ μεγάλῃ
αὐτῇ τρικλίνῃ τῆς Μαγναύρας ἐγίνετο τῇ δευτέρῃ τῆς πρώτης ἐβδομάδος τῶν Νηστειῶν
σιλέντιον, καὶ ὁ αὐτοκράτωρ, ἱστάμενος ἄνω τῶν γραδηλίων τοῦ τρικλίνου τούτου,
πρωμένων μὲ ἐπέυχια, ἐδημηγόρει τὰ πρόσφορα τῇ νηστείᾳ εἰς τὸν λαόν. Ἐδῶ ἐτε-
ρῶντο οἱ τῶν αὐτοκρατορικῶν γάμων χαριετισμοί... αἱ ὑποδοχαὶ τῶν ξένων πρέσβων...
Эта часть составлена Никитой для императора Θ. Ласкариса.

страницахъ, объясняется значеніе поста и предлагаются совѣты, какому слѣдуетъ поститься ¹⁾). Мы не будемъ приводить этихъ общихъ мѣстъ, а перейдемъ прямо къ тому, гдѣ ораторъ дѣлаетъ указаніе на современныя событія. „Какъ Христосъ былъ послушенъ Отцу даже до смерти крестной, такъ и мы, повинувшись Христу, удержимся отъ пищи и страстей. И если правда возвышаетъ народъ, а грѣхи унижаютъ, то и наше отечество не отъ иныхъ причинъ подверглось униженію, уменьшенію и паденію. И царственный городъ нашъ не былъ бы сожженъ огнемъ и не выстрадалъ бы всѣ тяжкія бѣдствія, если бы не попирали бы ноги иноязычныхъ разбойниковъ, если бы правда не покинула его и каждый изъ насъ не послѣдовалъ за его лживостію. Какой Іеремія оплачетъ наши бѣдствія, или какое время покроетъ забвеніемъ все, что намъ пришлось узнать и выстрадать: плѣненіе городовъ, опустошеніе храмовъ, оскверненіе священныхъ сосудовъ, плачь мужей, вопли женщинъ, грабежъ, переселеніе и многое другое, что заставляло предпочитать смерть самой жизни? И восточныя провинціи неминуемо испытали бы еще худшую участь, чѣмъ западныя, если бы Господь не оставилъ на сѣмена царство мое. Да будутъ извѣстны всѣмъ тѣ труды, безсонныя ночи, передвиженія съ мѣста на мѣсто, злобныя навѣты, скитанья по сосѣднимъ народамъ, помощь испрошенная отъ нихъ, тяжкія усилія при еллиспонтскихъ Пигахъ—всѣ эти бѣдствія пришлось извѣдать царству моему. И это не ради собственной выгоды, ибо я не честолюбивъ, но для того, чтобы спасти восточные города, не допустить распада римской власти, прекратить набѣги и опустошенія провлятой саранчи—западнаго войска и сдержатъ его движеніе, подобное заразительной гангрѣнѣ. Въ этомъ убѣжденіи я долженъ былъ дѣйствовать неутомимо и настойчиво ²⁾): тамъ уклоняться отъ юношей, сдѣлавшихъ опаснымъ Евксинскій понтъ, здѣсь бороться съ союзникомъ западныхъ народовъ и мстить имъ, въ другомъ мѣстѣ выступать противъ иныхъ враговъ и разгонять ихъ отряды. И Богъ обратилъ взоръ на мои заботы и далъ царству моему помазаніе и власть. Владѣя въ настоящее время римскими городами по морскому берегу ³⁾, я вѣрю, что Господь поможетъ мнѣ одолѣть всѣхъ враговъ, захватившихъ рим-

¹⁾ Sathas, p. 99—104.

²⁾ Sathas, p. 105. τῆ δὲ κακείῃσιν κατὰ διάλογον ἡ βασιλεία μου περιήρατο; образъ взятъ отъ состязанія на аренѣ.

³⁾ Sathas, p. 106. ἐς δεῦρον τῶν πρὸς ἀκτῖνα ῥωμαϊκῶν ὑπεριζήνουσα πόλεων.

свѣя земли. Это сбудется, если въ постѣ, молитвѣ и послушаніи царству моему вы будете служить Богу. Провидѣніе желаетъ, чтобы поданные съ кротостію повиновались царямъ, не склонялись на сторону людей, замышляющихъ перевороты: ибо порядокъ пропниваетъ всѣ Его созданія... Если бы мы такъ управлялись, то могли бы сказать: поднимись и бросься въ море (какъ горѣ евангельской)—и жестокосердому итальянскому народу, гордому и надменному, который, подступивъ съ моря, напалъ на нашу землю и завладѣлъ ею. Тогда бы мы возвратили и утраченное отечество, высшее и единственное утѣшеніе наше, рай, городъ Господа силъ при Еллиспонтѣ, градъ Бога нашего, величіе всей земли, знаменитый у народовъ, оспариваемый всѣми¹⁾).

Переживъ грозныя событія, разразившіяся надъ имперіей въ 1204 году, Никита снова появляется на службѣ императора, перенесшаго столицу въ восточныя области имперіи. Изъ приведенной выше рѣчи, которая на современномъ намъ языкѣ могла бы быть названа манифестомъ, и въ редакціи которой видна литературная обработка Никиты, можно замѣтить, что при новой династіи онъ занялъ то же вліятельное положеніе, какое имѣлъ при Ангелахъ. Въ историческомъ отношеніи этотъ памятникъ заслуживаетъ вниманія по описанію того положенія, въ которомъ находилась новая имперія въ ряду другихъ независимыхъ владѣній, образовавшихся изъ византийской имперіи. Есть не мало фактическихъ данныхъ, сообщенныхъ современниками и очевидцами событій 1204 и слѣдующихъ годовъ; извѣстія Вильгардуна, Де-Клари, Генриха Валансьенскаго, Никиты, Акрополиты, буллы и письма папы Иннокентія III—даютъ возможность ясно представить себѣ и самыя отдаленныя побужденія, которыми вызваны были эти событія; есть сводъ и критическій обзоръ всѣхъ, относящихся къ этому времени, извѣстій въ почтенномъ трудѣ Медовикова²⁾. И при такомъ богатствѣ матеріаловъ, которыми можетъ располагать изслѣдователь, недостатокъ собственно истинныхъ хроникъ, отсутствіе свѣдѣній о провинціяхъ и городахъ, не позволяетъ окончательно разъяснить этой, напр., стороны дѣла: почему такъ легко образовались независимыя владѣнія, отчего го-

¹⁾ Въ заключеніи есть указаніе на то, что дѣло идетъ о великомъ, сорокалѣтнемъ постѣ.

²⁾ Медовиковъ, Латинскіе императоры въ Константинополь. Москва 1849.

рода стремятся къ отдѣльности и самобытности, на чемъ основывались притязанія разныхъ деспотовъ и правителей? ¹⁾).

Укажемъ обстоятельства, которыя объясняютъ происхожденіе этого источника. Одинъ изъ знатныхъ византійскихъ вельможъ, Феодоръ Ласкарисъ, женатый на дочери Алексѣя III, въ ночь передъ вступленіемъ латинянъ въ Цареградъ, былъ провозглашенъ императоромъ. Онъ отказался отъ коронованія и царской одежды, ограничился титуломъ деспота и обѣщаль принять на себя защиту имперіи. Но когда съ разсвѣтомъ, начали показываться въ городѣ отряды крестоноснаго войска, горсть приверженцевъ оставила его и самъ онъ долженъ былъ спастись бѣгствомъ ²⁾. Переправившись черезъ проливъ, онъ искалъ защиты у жителей города Никей. Хотя ему не совсѣмъ охотно открыты были ворота, тѣмъ не менѣе, именемъ жены своей, дочери бывшаго императора, онъ успѣлъ съ небольшою дружиною овладѣть прибрежными селеніями, а потомъ, съ помощію конійскаго султана, захватилъ всю Вифонію и сталъ ею управлять на правахъ деспота ³⁾. Правда, Ласкарисъ могъ сослаться въ своихъ стремленіяхъ къ господству во 1-хъ на избраніе его въ императоры византійскимъ народомъ, во 2-хъ на родство съ императорскимъ домомъ Ангеловъ. Но, съ одной стороны, были еще въ живыхъ два императора, законно коронованные и бѣжавшіе изъ Цареграда во время осады его латинянами (Алексѣй III и Алексѣй V Мурдуфль); съ другой, въ разныхъ областяхъ имперіи появились другіе псвдотитлы царской власти, которые также могли опираться на происхожденіе отъ императорскаго рода: таковъ былъ Михаилъ Ангель-Комнинъ, основатель деспотства эфирскаго ⁴⁾. Но самыми могущественными соперниками никейскаго деспота должны были оказаться внуки императора Андроника Комнина, Алексѣй и Давидъ, основавшіе въ

¹⁾ Что касается собственно греческаго полуострова, въ этомъ направленіи сдѣлалъ много Buchon, *Recherches historiques sur la principauté française de Morée*, Paris 1843—5; потомъ Hopf, *Geschichte Griechenlands*, Leipzig 1868. Относительно другихъ областей: Tafel und Thomas, *Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte...* Wien 1856 — 7; Fallmerayer, *Geschichte des Kaiserth. u. Trapezunt*.

²⁾ Nicet. p. 756.

³⁾ Историкъ Ласкариса есть собственно G. Acropolitas; объ этомъ времени подробно говорятъ также Wille-Hardouin (съ chap 453) и Nicet. p. 796.

⁴⁾ Не говоримъ уже о менѣе значительныхъ деспотахъ; филадельфійскомъ, фригійскомъ, аттадійскомъ, понтегомъ; Медовиковъ, стр. 77—81.

то время трапезунтскую имперію и привлекшіе на свою сторону многихъ знатныхъ византійцевъ ¹⁾).

Алексій V Мурузлъ скоро попался въ плѣнъ къ латинянамъ и былъ сброшенъ въ Цареградъ съ Теодосіевой башни. Алексій III вошелъ въ сношенія со врагами отечества и потерялъ всякое довѣріе византійскаго народа. Такимъ образомъ, Теодоръ Ласкарисъ могъ распространить свои притязанія и не ограничиваться болѣе титуломъ деспота. И дѣйствительно, по его приглашенію прибыли въ Никею греческіе епископы, избрали новаго патріарха въ лицѣ Михаила Авторіана, который и возложилъ на Ласкариса корону византійскихъ императоровъ ²⁾. Имперія его, ограничивавшаяся сначала виоинскимъ округомъ, сдѣлалась, однако, мѣстомъ прибіжища для всѣхъ грековъ, недовольныхъ латинскимъ господствомъ, а пребываніе въ Никеѣ вселенскаго патріарха возвысило Ласкариса въ глазахъ современниковъ на степень законнаго преемника византійскихъ императоровъ и главнаго борца за свободу и независимость всей имперіи. Такимъ образомъ, прикрыть личную выгоду и честолюбіе великими народными и религіозными задачами, вселить въ умахъ убѣжденіе, что только отъ него Византія можетъ ожидать отрады, мести за нанесенныя ей обиды, возвращенія столицы императоровъ и т. п.—сдѣлалось основнымъ мотивомъ походовъ, договоровъ и всей политики никейскаго императора. Приведенный выше памятникъ является истолкователемъ этой идеи.

Есть возможность до нѣкоторой степени обозначить обстоятельства, на которыя намекаетъ онъ, и опредѣлить время его происхожденія. Въ двухъ мѣстахъ Ласкарисъ упоминаетъ о томъ, что онъ сдѣлалъ для византійскаго народа: „да будутъ извѣстны всѣмъ тѣ труды, бессонныя ночи, передвиженія съ мѣста на мѣсто, злобные навѣты, скитанья по сосѣднимъ народамъ, помощь испрошенная отъ нихъ, тяжкія усилія при еллисонтскихъ Пигахъ“ ³⁾; и далѣе: „тамъ я долженъ былъ уклоняться отъ юношей, сдѣлавшихъ опаснымъ Евксинскій повтъ, боясь распустить даже самое знамя“ ⁴⁾; здѣсь—борьба

¹⁾ Лучшій и единственный трудъ Fallmerayer, *Geschichte des Kaiserth. von Trapezunt*.

²⁾ G. Acropolit. c. 6 p. 13, c. 53 p. 112. (ed. Bonn.)

³⁾ Sathas, p. 105. τὰς ἐν ταῖς ἑλλησποντίοις πηγαῖς τῶν ἰδρώτων πηγᾶς; ср. Nic. p. 796. 10, 846.

⁴⁾ Sathas, p. 105. οὐδὲν μὲν ἐκτρέπομένη καὶ πρὸς μόνην τῆς σημαίας αὐτῆς τὴν ἀνέρωσιν, τὰ τὸν Εὐξείνιον δεῖχνόντα κακώτερον μεράκιον. Едва-ли не указывается

съ союзникомъ западныхъ народовъ, выступать и противъ иныхъ враговъ, разгоняя ихъ отряды; Богъ даровалъ царству моему помазаніе... я владѣю теперь всѣми городами по морскому берегу“... Если проверимъ эти показанія дѣйствительными фактическими данными историковъ, тогда можно будетъ опредѣлить съ приблизительной точностію время происхожденія памятника.

Борьба Ласкариса съ латинянами началась осенью 1204 года, когда Людовикъ Блоа, назначенный герцогомъ Виеннѣ, послалъ своихъ вассаловъ для подчиненія этой земли. Ласкарисъ выступилъ противъ нихъ съ помощію иконійскаго султана, но не могъ защитить страны¹⁾. Въ ноябрѣ сюда же прибылъ братъ короля Балдуина, Генрихъ; овладѣвъ почти всѣми областями по берегамъ Пропонтиды и подчинивъ себѣ мѣстное населеніе, онъ такъ стѣснилъ Ласкариса, что за нимъ остался только городъ Пруса (Брусса)²⁾. Таково было положеніе Ласкариса къ началу 1205 года. Извѣстно, что Балдуинъ скоро за тѣмъ вызвалъ изъ Азіи Генриха и другихъ вождей для защиты имперіи противъ болгарскаго короля Іоанна и половцевъ, что и было причиною новаго усиленія Ласкариса. 14-го апрѣля 1205 года, въ битвѣ при Адрианополѣ, латиняне потеряли своего короля и погубили лучшую часть крестоноснаго войска. Слѣдствіемъ этого пораженія было также и то, что новые завоеватели Византіи утратили почти всѣ города, принадлежавшіе имъ, какъ въ западныхъ, такъ и въ восточныхъ провинціяхъ имперіи³⁾. Воспользовавшись удаленіемъ латинскихъ вождей и пораженіемъ при Адрианополѣ, Ласкарисъ снова овладѣлъ приморскими городами отъ Пропонтиды до Ефеса, только мѣстечко Пиги не сдалось ему⁴⁾.

Въ это время и Комнины, утвердившіеся въ Пафлагоніи, стараются распространить свои владѣнія частію на счетъ Ласкариса, частію латинянъ. Попытка Давида Комнина овладѣть Никомидіей не удалась, потому что неопытный полководецъ его Синадинъ былъ об-

здѣсь на случай подъ Кесаріей, гдѣ византійцы, отнявъ у латинянъ знамя и выставивъ его на холмѣ, привлекли черезъ это бѣду на свою голову; Nicet, p. 798 въ разночтеніяхъ.

¹⁾ Wille-Hardouin, chap. 310; Nicet, p. 796.

²⁾ Wille-Hardouin, chap. 319—323; Nicet, p. 797—799.

³⁾ Кромѣ столицы, за ними оставались Родосто и Силимврія въ Европѣ и небольшая крѣпость въ Азіи.

⁴⁾ Wille-Hardouin, chap. 387. De l'autre côté du Bras de S. Georges ils ne tenaient que la ville de l'Espigal; Nicet, p. 796.

мануть Ласкарисомъ ¹⁾. Давидъ обратился за помощію къ латинянамъ, и соединенное войско ихъ заставляетъ Ласкариса снять осаду съ Иракліи ²⁾,—обстоятельство, оправдывающее догадку, что подъ союзниками западныхъ народовъ разсматриваемаго памятника нужно разумѣть Алексѣя и Давида Комниновъ. Скоро за тѣмъ заключенъ былъ договоръ между Генрихомъ, выбраннымъ въ король цареградскіе, и Θ . Ласкарисомъ; за послѣднимъ утверждены его завоеванія ³⁾. Пересказанныя нами событія относятся къ 1205—1206 годамъ. Ласкарисъ спѣшилъ воспользоваться благопріятнымъ временемъ, чтобы прочнѣе укрѣпиться въ новомъ положеніи: въ мартѣ 1206 года онъ короновался императорскимъ вѣнцомъ ⁴⁾; къ тому же мѣсяцу, къ началу поста, относится происхожденіе разбираемаго памятника. Съ началомъ 1207 года положеніе дѣлъ Ласкариса вновь измѣняется: онъ начинаетъ опять войну съ латинянами, заключивъ союзъ съ Іоанномъ, болгарскимъ королемъ; на эти событія, однако, не находимъ здѣсь ни малѣйшаго намека.

VI. Слово къ Θ одору Ласкарису, императору восточныхъ римскихъ областей ⁵⁾. „Державный императоръ! ты возвращаешься къ намъ побѣдителемъ, украшеннымъ трофеями; теперь сложи съ себя вооруженіе, останови коня, успокойся отъ трудовъ, отри потъ съ лица, смой пыль, которая покрываетъ твою священную главу. Прежде записывались имена побѣдителей, и сами они удостоивались вѣнка ⁶⁾: тебѣ по справедливости приличествуетъ похвала за твои подвиги. Укажемъ же этимъ словомъ геройскія дѣла твои и принесемъ похвалу за нихъ, какъ справедливое воздаяніе. Ибо, если ты

¹⁾ Nicet., p. 828, 13. Думаемъ, что на этотъ случай дѣлается намекъ въ разбираемомъ памятникѣ, когда говорится объ юношѣ или юношахъ—*νεῖράκια*.

²⁾ Выше указано на случай съ знаменемъ, бывшій причиною неудачи Ласкариса.

³⁾ Wille-Hardouin, chap. 453.

⁴⁾ Acropol. p. 12 и 113; Nicet., p. 828, 3; тогда же Ласкарисъ началъ переписку съ папой и просилъ его посредничества въ сохраненіи мира съ латинскою имперіей. Папа Иннокентій III обѣщалъ ему защиту, — Baluz., lib. XI, ep. 47: *Nobili viro Th. Lascaro*.

⁵⁾ Τοῦ αὐτοῦ λόγος ἐκδοθεὶς ἐπὶ τῇ ἀναγνώσει εἰς τὸν Λάσκαριν κῦρ Θεόδωρον βασιλεύοντα τῶν ἑφών ῥωμαϊκῶν πόλεων, ὅτε... Въ виду общаго фразъ, образовъ и сравненій считаемъ за нужное передать это слово съ значительными сокращеніями.

⁶⁾ Sathas, p. 108. καθάπερ οἱ ἀθλοῦντες πρότερον τὴν ἐγγραφήν καὶ τὸν στέφανον.

всего выше цѣнишь побѣду и преимущественно заботишься о трофеяхъ, то и похвальныя слова никогда не перестанутъ отзываться на блистательные подвиги и придавать имъ всесвѣтную извѣстность. Ты принялъ власть не по преемству рода, но получилъ ее отъ Бога въ награду за доблесть и труды, въ воздаяніе за раны. Правда, что родственная связь съ царскимъ домомъ ¹⁾, знатность предковъ и знаменитость рода, мало чѣмъ уступающая владѣтельному дому Ангеловъ, тебя уже призывала къ царству и возвышала надо всѣми; когда же рушился строй общественной жизни и сбродная западная толпа овладѣла столицей, а наши евпатриды разсѣлялись въ разные стороны, одни оставаясь въ отечествѣ и не имѣя силъ помочь ему, другіе подчинившись завоевателямъ и безчестно продавши имъ свою свободу; когда общественное бѣдствіе ясно указывало, что царская власть перестала быть удѣломъ наслѣдственныхъ правъ, а сдѣлалась наградою за мужество и труды—тогда одинъ ты между всѣми держался противоположнаго мнѣнія. Лишившись всего, кромѣ доблести и жизни ²⁾, ты не желаешь, подобно другимъ, ограничиться стремленіемъ лишь къ собственному благополучію, но, не смыкая глазъ, мучишься заботами о настоящихъ и грядущихъ бѣдствіяхъ отечества. Ты путешествуешь по разнымъ восточнымъ городамъ, входишь въ переговоры съ жителями ³⁾; указываешь, какія страшныя бѣдствія грозятъ имъ, если они не послушаются, не медля, твоихъ совѣтовъ: однимъ угрожаешь, на другихъ налагаешь наказаніе. То присутствуешь въ народномъ собраніи, то приглашаешь къ себѣ вліятельныхъ людей, бесѣдуешь и дѣлишь съ ними трапезу, показывая общительность характера и многосторонній умъ; такъ разбудилъ ты угасшую бодрость духа римлянъ. Часто переносилъ ты порицанія, неоднократно устраняя отъ себя ударъ, наносилъ его противнику; побуждая вражду, пріобрѣтала дружбу. Ты искалъ не своихъ выгодъ, но добивался власти, спасительной для всѣхъ городовъ; и это не съ тѣмъ, чтобы облечься въ порфиру и надѣть красныя сандалии, но чтобы прогнать смертоносное варварское войско и помочь отягощенному бѣдствіями отечеству. Какое мучительное напряженіе ты перенесъ, сражаясь съ копьеносцами при городѣ Пигахъ? Устройъ этимъ дѣломъ нашу безопас-

¹⁾ Θ. Ласкарисъ женатъ былъ на дочери Алексѣя III и, дѣйствительно, принималъ весьма видное участіе во всѣхъ дѣлахъ.

²⁾ Тутъ пропускъ въ текстѣ — Sathas, p. 110.

³⁾ Acropolit., p. 12—13.

ность, ты явился передъ нами сіяющей радостью, точно солнце, когда оно взойдетъ, выкупавшись въ водахъ океана. Своими мѣткими выстрѣлами и ударами копы ты возстановилъ наше гибнувшее дѣло и нанесъ неприятелю смертельное пораженіе. Твоя конница оказала намъ неоцѣненную заслугу, храбрость твоя и мѣткость не имѣла себѣ соперниковъ; какъ на крыльяхъ носился ты и скорѣе мысли перемѣщался съ одного мѣста на другое. Явившись къ туркамъ, чтобы войти въ переговоры съ султаномъ ¹⁾, ты и здѣсь оказался выше разносимой о тебѣ народной молвы. Ибо, наслышавшись о тебѣ прежде, какъ о зятѣ царя и человѣкѣ высокородномъ и узнавъ тогда по собственному опыту превосходяща военныя дарованія, глубокой умъ и презрѣніе къ опасностямъ, они удостоили тебя самой высокой дружбы, дали вспомогательный отрядъ и съ радостію отпустили ²⁾. Въ слѣдствіе чего воспрянули надеждою римляне и начали смѣлѣе смотрѣть на будущее: ты побуждалъ ихъ не медлить и не отступать, но бодрствовать и сражаться. Тогда всѣ города соглашаются на одной мысли и избираютъ тебя своимъ предводителемъ, а потомъ царемъ-самодержцемъ. Когда восходитъ солнце, тогда разсѣиваются густыя облака, мракъ смѣняется свѣтомъ, улыбается вся вселенная, освѣщенная солнечными лучами, и угасаютъ звѣзды: тоже и съ тобою мы видимъ, наше солнце, императоръ! Лишь только ты вступилъ на царскую колесницу и облекся въ императорскія одежды, какъ побѣжали тираны и мятежники, потухли, подобно блестящимъ огонькамъ, скрылись какъ звѣри, только ночью выходящіе на добычу“ ³⁾.

Сопоставляя Ласкариса съ другими царями, ораторъ указываетъ на слѣдующія преимущества его. „Ты не подражаешь тѣмъ, которые приказываютъ воинамъ надѣвать латы, брать копье и готовить коня на войну, а сами сидятъ въ палаткѣ, слушаютъ пѣніе подъ звуки лиры и выжидаютъ вѣстника, который объявитъ имъ: мы побѣдили, или неприятели; нѣтъ, ты самъ первый садилъ на коня, прежде другихъ надѣваешь латы и меташь тяжелое копье. Ты не любишь копить деньги и не скупъ на награды, но щедро раздаешь и исполняешь обѣщанія. Мудрыми военными распоряженіями ты остановилъ латинское копьеносное войско, правильнѣе говоря, со

¹⁾ Sathas, p. 111. δόξαν δέ σοι καὶ Πέρσαις ἐπιστῆναι καὶ τῶ σφῶν ἀρχιστρατῆ πρὸς λόγους εἰθεῖν, ὡς ἐπὶ τὸ εὖ καὶ ὀρθὸς τὰ Ῥωμαίων τοιοῦτοισι πράγματα.

²⁾ Acorol. p. 12. 19—20.

³⁾ Художественная картина рисуется еще и далѣе; Sathas, p. 114.

стыдомъ прогнавъ его изъ земли нашей. То самое войско, которое хвѣлилось, что возьметъ на копье всю землю нашу, умоляло о мирѣ и дало клятву въ вѣрности. А на тѣхъ юношахъ, которые бороздили въ разныхъ направленияхъ Понтъ и потомъ высадились, желая пробраться горами къ Никомиди, ты показавъ самымъ дѣломъ, что они жалки и неразумны, и несутъ оружіе на собственную погибель¹⁾. Ибо, принявъ сначала направленіе по проѣзжей дорогѣ, ведущей прямо на непріятелей, неожиданно повернулъ ты на другую, лѣвостую и непроходимую, по крутымъ скаламъ. Выравнивая утесы и пролагая войскамъ путь, въ однихъ мѣстахъ самъ ты шелъ впереди отряда, блистая оружіемъ и указывая дорогу, въ другихъ пользовался искусственнымъ свѣтомъ, обращая ночь въ день и мракъ въ свѣтъ. Вышедши на ровное мѣсто и неожиданно явившись передъ непріятелями, ты запуталъ ихъ какъ въ сѣтъ, юношу-предводителя едва не захватилъ въ плѣнъ, войско же его частію избилъ, частію обратилъ въ бѣгство, частію помиловалъ²⁾.

„Еще не совсѣмъ ты сложилъ съ себя вооруженіе, какъ нужно было идти противъ турокъ, которые нанали на нашу крѣпость³⁾. Явившись туда, дымомъ сраженія ты душишь турокъ какъ пчелъ, а для прежнихъ жителей мѣстечка становишься желаннымъ спасителемъ. За этимъ жаркимъ дѣломъ устремляешься на новаго Ахитофела и разрушаешь его замыслы. Это былъ человекъ одного съ нами происхожденія, хотя по убѣжденіямъ чуждый и врагъ своего отечества. Безумный, онъ думалъ завладѣть странами и городами римскими при помощи зятя своего, турецкаго султана; получивъ эту помощь, онъ началъ опустошать, какъ непріятель, не подчиняв-

¹⁾ Читатель, вѣроятно, замѣтилъ, что въ этомъ словѣ дѣло идетъ о тѣхъ же самыхъ событіяхъ, что и въ рѣчи императора Θ . Ласкариса (№ 5); поэтому мы освобождаемъ себя отъ новыхъ сносокъ и указаній, которыя можно найти въ разборѣ предыдущаго памятника. Въ указанномъ мѣстѣ имѣется въ виду попытка Алексѣя и Давида Комниновъ овладѣть Никимидіей.

²⁾ Здѣсь вводится новый эпизодъ изъ борьбы Ласкариса на востокѣ; къ объясненію его могутъ служить извѣстія Никиты—р. 826 и 842, и частію Аврополиты—р. 14. Иконійскій султанъ, женатый на дочери Маврозома, вельможи византійскаго, действительно, помогали ему утвердиться во Фригіи и въ области по теченію рѣки Меандра. Тогда же нѣкто Θ едоръ, по прозванію Мороеодоръ, занялъ Филадельфію. Ласкарисъ вошелъ въ сдѣлку съ султаномъ иконійскимъ и уступилъ его тестю часть занятыхъ имъ городовъ. Въ рѣчи находимъ весьма подробное описаніе этого эпизода, который въ другихъ источникахъ излагается въ нѣсколькихъ словахъ.

пшяся ему селеня. Но получивъ объ этомъ извѣстie, ты выступилъ противъ этого наглаго измѣнника и легко прогналъ его. Изъ враговъ же, бывшихъ съ нимъ, однихъ погрузилъ въ непробудный сонъ, другихъ заставилъ спастись бѣгствомъ, а иныхъ, болѣе именитыхъ и богатыхъ, заключилъ въ оковы ¹⁾. Послѣ двухъ этихъ набѣговъ и пораженя, турки не рѣшались уже завязывать новой войны: облеченный у нихъ верховною властiю вступаетъ въ переговоры и просить твоей дружбы. Тогда-то, еще въ первый разъ, римляне, въ качествѣ побѣдителей, заключаютъ союзъ съ турками. До сихъ поръ не таковы были наши взаимныя отношеня: турки смѣло нападали на наши земли, города и области или подчиняли себѣ, или предавали грабежу и, привыкнувъ къ постояннымъ побѣдамъ, усвоили себѣ презрительную надменность; пользуясь бѣдствiями римлянъ, за деньги давали имъ миръ и заключали дружественные союзы не тогда, когда просили объ этомъ римляне, но когда имъ это угодно было. А нынѣ все это измѣнилось и, при помощи Божией, получило счастливый для насъ оборотъ ⁴⁾.

Послѣ длиннаго риторическаго обращеня къ заслугамъ царя ²⁾, ораторъ снова переходитъ къ исторической части. „Нѣкоторыя понтийскія области склонялись на сторону одного юноши, изнѣженнаго, блистающаго женской бѣлизной тѣла ³⁾. Тогда самыя рѣки рукоплескали тебѣ, останавливая свое теченiе и открывая свободный путь. Ты ввелъ въ рѣчныя волны свою конницу и вывелъ на противоположный берегъ конное и пѣшее войско. А непрятели, при одномъ этомъ видѣ, обратились въ беспорядочное бѣгство и, передавая одинъ другому о твоей переправѣ, казались смущенными, едва переводившими духъ и изображавшими на лицѣ полный ужасъ. Жестоковѣйные и необузданные, они взошли на отвѣсныя и недосыгаемыя горы и, занявъ со всѣхъ сторонъ запертые проходы и еще укрѣпивъ ихъ деревьями и искусственными преградами, продолжали упорно сопротивляться ⁴⁾. Скоро бы ты приблизился къ своей цѣли и овладѣлъ бы

¹⁾ Nicet, p. 828. 20—23—дословное сходство.

²⁾ Sathas, p. 118—119.

³⁾ Sathas, p. 119. Опять обращенiе къ Алексѣю и Давиду Комнинамъ; слѣдуетъ любопытная игра именемъ «Давидъ».

⁴⁾ Послѣ пораженя при Никоидiи, Давидъ Комнинъ удалился въ Иравлiю понтийскую и завязалъ сношеня съ латинянами; эти сдѣлали неожиданное нападенiе на Никоидiю и заставили Ласкариса воротиться изъ похода противъ Давида. Nicet, p. 848.

понтійскою Иракліей, въ которой заперся противникъ, если бы въ затрудненія не отвлекли тебя и не впутали въ еще опаснѣйшую войну. Этотъ юноша, изверженіе бушующаго Понта, думалъ, что войдетъ въ переговоры съ латинянами, то поставитъ тебя въ затрудненія, а самъ поправитъ свои дѣла. Но предположенія его оправдались: латиняне, зная, что ты занятъ дѣлами въ прибрежныхъ областяхъ, пользуются твоимъ отсутствіемъ и нападаютъ на Никомидію съ суши и съ моря. Ты не испугался новыхъ опасностей, оставилъ юношу какъ добычу, которая никогда не уйдетъ отъ тебя, и пошелъ на его союзниковъ. Чтò же эти благородные воины, вѣданные наѣздки, гордые и надменные? Еще не успѣлъ ты вѣдать о нападеніи, какъ они, пораженные страхомъ, бѣгутъ назадъ; что же всего удивительнѣе—оставили многихъ людей и всю военную добычу и снаряды и съ большою поспѣшностію истребрали спасенія въ Цареградѣ. И вотъ, благочестивѣйшій государь, въ тебѣ испытавъ маленькое огорченіе при извѣстіи о появленіи латинянъ; нынѣ же возсіяла величайшая радость послѣ изгнанія враговъ. Теперь ты опять можешь идти на того, противъ котораго снарядился предпринять походъ, и прогнать его изъ понтійскихъ областей; у него нѣтъ оружія, военная сила его подчинилась твоему могуществу“¹⁾.

„Пошли, Богъ, тебѣ побѣду не только надъ сухопутными силами, но и надъ морскими силами враговъ, чтобы одинъ за другимъ погибли иноземные непріатели, которые и на долгихъ корабляхъ плывають, и съ суши угрожають намъ. Помози, Богъ, тебѣ оказать помощь и столицѣ нашей, все еще нуждающейся въ помощникѣ, и отъпящей тяжкія бѣдствія отъ насильниковъ. Къ тебѣ одному, императрица, обращаетъ она взоры и простираетъ руки съ этими словами Давида: Утѣшеніе мое! искупи меня отъ враговъ, будь для меня Исусомъ, освободителемъ, явись огнемъ, пожигающимъ тѣхъ, кто сожгли и раскопали меня; пусть твоими стрѣлами искупають пятна мои слезы; возьми оружіе и щитъ и заступись за меня; трудъ не останется безъ вознагражденія. Я съ радостію возложу

¹⁾ Nicet, pp. 844. 10—11; Sathas, p. 128. Извѣстно, что Давидъ Комнинъ послѣ этого искалъ помощи у латинянъ; въ случаѣ замиренія ихъ съ Ласкарисомъ, просилъ включить въ договоръ и такую статью, которая бы обезпечила его завоеванія. Вскорѣ затѣмъ, полководецъ Ласкариса, Андроникъ Гидъ, на новое пораженіе Давиду и его союзникамъ. Nicet, г. 845.

тебя царскій вѣнецъ и осчастливлю всѣми почестями, какія когда-либо раздавались людямъ. Ахъ, съ какой бы радостію я взглянула на тебя, котораго такъ давно желаю видѣть... Такъ, царь, взываетъ къ тебѣ городъ и всѣ римляне!“ Происхожденіе слова можно отнести къ концу 1206 или началу 1207 года.

VII. Слово къ императору **Θ. Ласкарису**¹⁾. „Нынѣшній день—для насъ свѣтлый день, нынѣшнее солнце—настоящее солнце: нынѣ всѣ мы ясно увидѣли свѣтъ свободы. Ты возвращаешься, труженикъ-императоръ, изъ турецкаго похода²⁾, какъ солнце лучезарное, разогнавъ враждебное облако, которое, надвигаясь, угрожало намъ гибелью. Не съ однимъ народомъ велъ ты борьбу, но съ многочисленными племенами: какъ вихрь закрутилъ ты персидское войско, смѣшалъ ряды иконійскихъ турокъ, обратилъ въ бѣгство арабовъ, завоевалъ жителей Месопотаміи, и все это въ одинъ походъ, личною храбростію. Только привелъ ты на рѣку Меандръ свою конницу, какъ разогналъ густые ряды варваровъ: началось перебиваніе переднихъ отрядовъ, перехватываніе коней, разграбленіе лагеря, расхищеніе имущества; остальная часть непріятельскаго войска разсѣялась со страху³⁾ Что за прекрасная у тебя конница, что за превосходный даръ направлять ея движенія! Ты далеко превзошелъ всѣхъ царей и полководцевъ, побѣдивъ народы, доселѣ непобѣдимые и разсѣявъ фаланги, всегда гордившіяся трофеями. Сколько было персидской конницы, какъ молнія сверкавшей вооруженіемъ и со скоростію вѣтра переносившейся съ мѣста на мѣсто; сколько кромѣ того луконосцевъ, копьеносцевъ, людей вооруженныхъ дубинами, наконецъ, прикрывавшихъ голое тѣло только звѣринными шкурами; какое множество вьючныхъ верблюдовъ и различныхъ военныхъ снарядовъ? Можно было подумать, глядя на

¹⁾ Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὸν βασιλέα κτρ Θεόδωρον τὸν Λάσκαριν, ὅτε ἐφώνευσεν τὸν σουλτάνον Ἰκονίου...

²⁾ Астор. р. 15—17. Императоръ Алексѣй III, нашедши возможность освободиться изъ сѣмьки, прибылъ въ Азію и уговорилъ султана иконійскаго помочь ему въ борьбѣ съ затемъ—Ласкарисомъ. Никейскій императоръ сразился съ турками на рѣкѣ Меандрѣ, вступилъ въ единоборство съ султаномъ и убилъ его—Астор. р. 19. Въ словѣ не находимъ только намека на участіе императора Алексѣя въ этомъ дѣлѣ; къ молчанію могло, впрочемъ, побудить оратора и чувство приличія: не могъ же онъ хвалить Ласкариса за то, что этотъ взялъ въ плѣнъ своего тестя.

³⁾ Однако, въ этомъ дѣлѣ Ласкарисъ потерялъ 800 человекъ, и только неосторожность султана склонила побѣду на его сторону.

это безчисленное войско, что то идутъ не сыны Агаря, а всѣ обитатели Азій, по какому-то непонятному побужденію, переселяются въ Европу ¹⁾. Теперь же всѣ они развѣяны, какъ негодная трава на гумнѣ. И древніе герои сражались и побѣждали опасныхъ враговъ; но ты имѣлъ дѣло со многими, всѣхъ обратилъ въ бѣгство и поразилъ на смерть того нарушителя договоровъ и безмѣрнаго хвастуна... ²⁾ Ты остановился, неожиданно лишился щита, опять взялъ оружіе, пошелъ противъ султана, былъ на конѣ и лѣшимъ, поразилъ коня по ногамъ и убилъ самого всадника ³⁾. Умертвивъ его, ты взялъ въ плѣнъ приближенныхъ къ нему вельможъ, отдѣлилъ отъ трупа и голову, мечтавшую пройти наши страны и города и обогреть ихъ кровію; обратилъ ее въ предметъ общей насмѣшки, положивъ въ мѣшковъ изъ конской кожи, а она страшно ворочала глазами и оскверняла землю капавшей съ нея кровію. Блистательны и прежніе твои подвиги, императоръ, которые совершилъ ты на морѣ и на сушѣ, но каждый послѣдующій выше предыдущаго. А этотъ нынѣшній трофей славнѣе всѣхъ другихъ, даже не только тобою совершенныхъ но и древними царями и полководцами. Таково дѣйствіе знаменія креста, которымъ и самъ ты оградился и которое приказалъ взять за условный знакъ своимъ войскамъ ⁴⁾. Оно положить подъ рукою твоею всю вселенную, покорить подъ ногами твоими всякаго врага и супостата на востокъ и на западъ. Ибо наступили, если можно сказать въ пророческомъ смыслѣ, дни воздаянія, пришло время возмездія "...

„Императоръ! если возможно, живи во вѣки и да будетъ безсмертна твоя держава; если же смертная природа не допускаетъ этого, переходи изъ сѣдины въ сѣдну до крайней и счастливой старости, совершая побѣду за побѣдой...; устрашай и побѣждай не только восточныхъ варваровъ, но и сбродный и разноязычный родъ, вторгнув-

¹⁾ Источники показываютъ у султана 20,000 войска.

²⁾ Асгор. р. 19.

³⁾ Выпускаемъ далѣе всю риторическую часть—р. 132—135.

⁴⁾ Sathas, 135. ταῦτα τοῦ σταυροῦ τὸ σημεῖον, ἐν ᾧ καὶ αὐτὸς ἐφράχθη, καὶ ὄν τοῖς αἰεὶ ὀπλίταις ὀπέθου αἰρεῖν εἰς σύστασιν. Асгор. р. 18: ὁ βασιλεὺς Θεόδωρος... ἐπὶ τῷ δεσπότῃ θαρρήσας Χριστῷ, οὗ τὴν κλήσιν ὡς σύστασιν τῆ ἁφραγίδα οἱ εὐσεβεῖς ἐπιφέρομεν. Ср. также Асгор. р. 22. 5—10. Изъ снесенія этихъ мѣстъ видно, что у византійскихъ и нивейскаго императоровъ было въ обычаѣ выходить въ походъ съ крестомъ; въ исторіи Никиты также есть указанія на это.

пійся къ намъ съ запада. Будь ожидаемымъ избавителемъ Царегрива....; этого желаетъ и предстоящее собраніе, которое проситъ для себя у Бога безболѣзненной, бодрой, непобѣдимой и долговременной жизни“¹⁾).

Этимъ кончаются изданныя Саею слова и рѣчи Никиты. Какъ раторъ и какъ историкъ, по основнымъ воззрѣніямъ, Никита остается вѣренъ себѣ: сожалѣетъ объ утратѣ независимости большей части имперіи, порицаетъ деспотовъ и тирановъ, преслѣдующихъ лишь свои личныя цѣли и не думающихъ объ общественномъ благѣ, твердо вѣруетъ въ то, что латинянамъ не удержаться въ Цареградѣ. Никита жилъ при дворѣ Ласкариса до 1216 года.

¹⁾ Событіе, описываемое здѣсь, случилось около 1210 года; имя иковійскаго хлтана было Gayath-Eddin.